СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

59

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ.

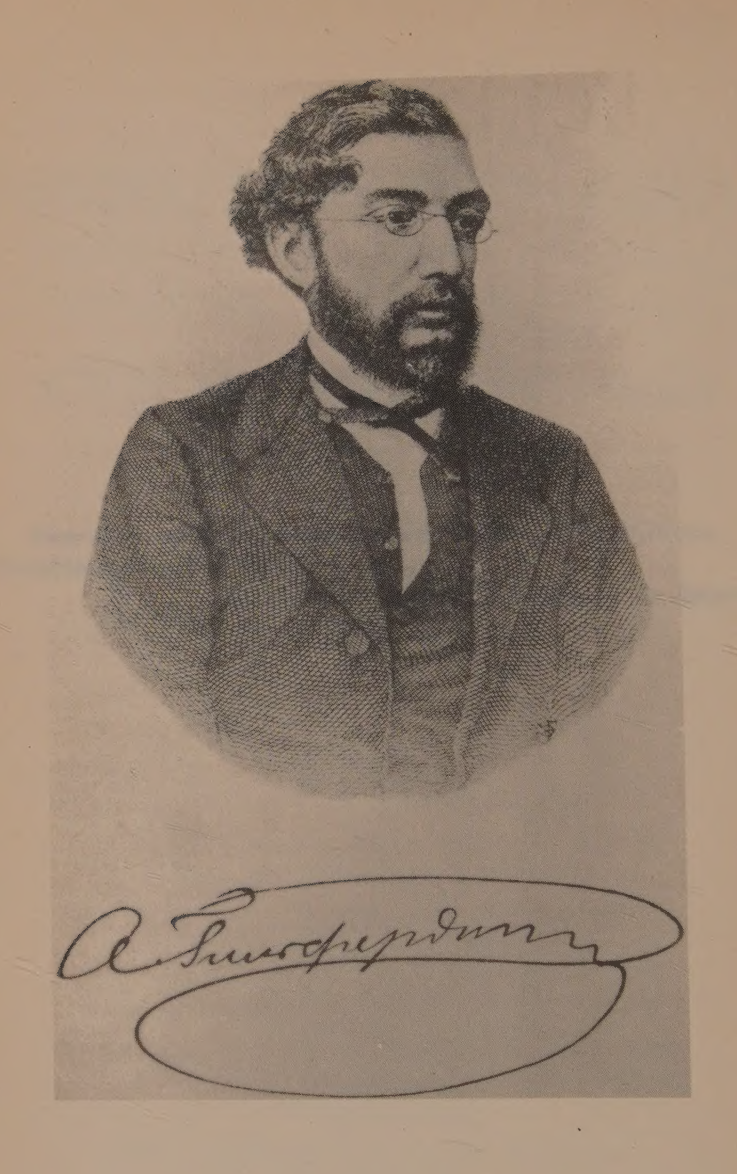
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1894 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden



СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIX.

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ,

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ А. Ѳ. ГИЛЬФЕРДИНГА).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1894.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1894 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Онежскія Былины», собранныя А. Θ. Гильфердингомъ, самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведеній народнаго творчества, по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности. Первое изданіе этого сборника, вышедшее въ 1873 г., давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности, по сношенію съ вдовою покойнаго А. Θ. Гильфердинга, приняло на себя новое изданіе «Онежскихъ Былинъ». Перепечатывая первое изданіе, находящійся въ прибавленіи къ нему «Дневникъ путешествія А. Θ. Гильфердинга по Олонецкой губерніи въ 1871 году» (будетъ помѣщенъ въ концѣ изданія) и статью его: «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» (здѣсь, какъ и въ первомъ изданіи Былинъ угольными скобками отмѣчены дополненія, сдѣланныя авторомъ послѣ напечатанія статьи его въ «Вѣстникѣ Европы»), новое изданіе присовокупляетъ: 1) біографическій очеркъ, составленный академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ; 2) былины, записанныя собирателемъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи въ томъ же 1871 году и напечатанныя въ «Русской Старинѣ»; 3) словарь словъ областныхъ и малоупотребительныхъ въ общемъ-русскомъ языкѣ; 4) указатели, которые имѣютъ цѣлью дать полныя, такъ сказать, статистическія данныя

къ вопросамъ, касающимся былеваго эпоса; составныя части этого указателя предполагаются слѣдующія: a) указатель именъ собственныхъ, встрѣчающихся въ сборникѣ, съ перечнемъ фактовъ, касающихся этихъ именъ; b) указатель предметовъ и фактовъ, касающихся бытовой стороны эпоса; c) указатель былинныхъ эпитетовъ. Словарь и указатели составляются А. А. Ѳоминымъ, окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Сверхъ того, въ новое изданіе введенъ счетъ стиховъ въ каждой былинѣ; портреты и ноты, сопровождающіе первое изданіе, повторяются и во второмъ; сверхъ того прилагается портретъ Гильфердинга. Все изданіе разсчитано на три тома. Смотрѣніе за изданіемъ поручено Отдѣленіемъ академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ

Александръ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ и общественныхъ и литературныхъ. Его непродолжительная жизнь (онъ скончался на 42 году) посвящена была дѣятельности въ одномъ направленіи, согрѣта однимъ желаніемъ: будить сознаніе и въ родной землѣ и во всемъ славянствѣ. Оттого его зналъ весь славянскій міръ, и въ Россіи онъ встрѣчалъ болѣе сочувствія, чѣмъ противодѣйствія. Его характеръ ровный, изящный, его умъ ясный, чуждый крайностей, доставили ему особенное положеніе. Лучшимъ доказательствомъ такого его значенія служитъ общее сочувствіе къ нему, выразившееся единодушно въ литературѣ людьми всѣхъ партій по случаю его кончины, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ то время, когда онъ собиралъ остатки народнаго творчества въ Олонецкомъ краѣ и изучалъ бытъ мѣстнаго населенія. Была бы очень интересна подробная его біографія, но для нея нужна обширная подготовительная работа, въ особенности потому, что его служебная дѣятельность тѣсно связана съ его воззрѣніями и общимъ направленіемъ его жизни, для изученія которой необходимо и ознакомленіе съ архивами, и невозможность опредѣлить, что̀ именно лично принадлежитъ ему. Въ особенности это относится къ его участію въ преобразованіяхъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ онъ явился дѣятельнымъ сотрудни-

комъ Н. А. Милютина. Въ настоящее время ограничимся краткимъ очеркомъ его жизни и трудовъ, основываясь и на сообщеніяхъ, появившихся въ печати, и на личныхъ воспоминаніяхъ.

Александръ Θеодоровичъ родился 2-го іюля 1831 г. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ отца своего Θеодора Ивановича, служившаго директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго. Θеодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный (онъ учился въ Московскомъ университетѣ), чрезвычайно добродушный и хорошій русскій патріотъ, не смотря на то, что былъ католическаго исповѣданія; онъ даже сына своего окрестилъ по православному обряду. Овдовѣвъ, Θеодоръ Ивановичъ посвятилъ всѣ свои досуги воспитанію сына, съ которымъ у него до конца жизни сохранились трогательныя дружескія отношенія. Воспитаніе молодому человѣку дано было самое тщательное: онъ основательно изучилъ древніе и новые иностранные языки и познакомился, что̀ тогда было рѣдкостью, съ славянскими нарѣчіями. Въ числѣ его учителей былъ извѣстный славистъ Паплонскій. Сохранилось непререкаемое свидѣтельство о тогдашнемъ развитіи Гильфердинга и о тѣхъ интересахъ, которые и тогда уже занимали его: въ бумагахъ его нашлась тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Здѣсь разсказывается разселеніе славянскихъ племенъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меѳодія, паденіе государствъ Болгарскаго и Моравскаго, основаніе Польскаго. Словомъ, въ этой юношеской работѣ мы встрѣчаемся съ тѣми самыми задачами, которыя занимали всю его жизнь и, что̀ всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ ряду русскихъ писателей: умѣнье отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событія въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно.

Въ 1848 г. Гильфердингъ поступилъ въ Московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Универ-

ситетъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ. Реформа — закрытіе каѳедры философіи, стѣсненіе преподаванія по нѣкоторымъ предметамъ, ограниченіе числа студентовъ — послѣдовала только въ 1849 г.; но и эта реформа существенно измѣнила немного, особенно на факультетѣ, выбранномъ Гильфердингомъ. Самою важною перемѣной была передача философіи профессору богословія; комплектъ студентовъ вошелъ въ силу только съ слѣдующаго года. Но не по этой причинѣ университетъ не имѣлъ такого глубокаго вліянія на Гильфердинга, какое имѣлъ на многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ московское интеллигентное общество рѣзко дѣлилось на два лагеря: съ одной стороны стояли западники, съ Бѣлинскимъ, только что тогда умершимъ, и Грановскимъ во главѣ, третьимъ вождемъ былъ только что эмигрировавшій Герценъ; съ другой стороны стояли славянофилы. Большинство профессоровъ Московскаго университета той поры были западниками; даже тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами (Буслаевъ, Соловьевъ), все-таки отдѣляли себя отъ нихъ; то же слѣдуетъ сказать и о Кавелинѣ, только что оставившемъ тогда университетъ и вліяніе котораго еще сильно чувствовалось. Близки къ славянофиламъ были только Шевыревъ и отчасти Бодянскій, впрочемъ по независимости своего характера державшій себя какъ-то особнякомъ. Гильфердингъ, по тому направленію, которое получилъ дома, не могъ стать западникомъ, а по связямъ своего отца получилъ доступъ въ славянофильскій кружокъ. Кружокъ этотъ былъ собраніемъ независимыхъ, высокообразованныхъ и ярко талантливыхъ людей: въ ихъ собраніяхъ слышались остроумныя и глубокомысленныя слова Хомякова, горячая, нравственно-чистая рѣчь К. С. Аксакова, изящная, звучащая непоколебимымъ убѣжденіемъ рѣчь Ю. Ѳ. Самарина; слышалась полная вѣры рѣчь И. В. Кирѣевскаго; говорилъ тамъ и П. В. Кирѣевскій, знатокъ народнаго творчества, проникнутый сознаніемъ народнаго духа, мало оцѣненный потому, что мало по себѣ оставилъ, но за то завѣщавшій потомству огромное богатство собраннаго имъ мате-

ріала. Попавъ въ этотъ кружокъ, молодой человѣкъ, особенно еще подготовленный къ воспріятію его взглядовъ первоначальнымъ воспитаніемъ, долженъ былъ подчиниться его вліянію. Такъ и было съ Гильфердингомъ. Изъ его университетскихъ учителей имѣлъ на него вліяніе только Григоровичъ, полгода замѣнявшій Бодянскаго. Въ «Русской Старинѣ» по смерти того и другого напечатано было письмо Гильфердинга къ Григоровичу, свидѣтельствующее, что непродолжительное преподаваніе его было плодотворно для молодого слависта. Подъ вліяніемъ филологическихъ взглядовъ Хомякова, которые онъ высказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», Гильфердингъ принялся за изученіе санскритскаго языка; учителемъ его былъ К. А. Коссовичъ, а ревностнымъ товарищемъ въ занятіяхъ С. П. Микуцкій, умершій недавно преподавателемъ Варшавскаго университета, обладавшій громадною памятью словъ и формъ, любившій рискованныя сближенія, но къ сожалѣнію, не одаренный умственнымъ творчествомъ ни въ какой степени; впрочемъ не того отъ него и требовалось, а свѣдѣнія его служили значительнымъ пособіемъ. Кончивъ курсъ въ 1852 г., Гильфердингъ въ 1853 г. помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ» свое сочиненіе: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», и въ томъ же году защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра славянскихъ нарѣчій: «Объ отношеніяхъ языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Филологическія работы Гильфердинга не оставили глубокаго слѣда въ наукѣ, но свидѣтельствовали о замѣчательномъ талантѣ молодого ученаго. Впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи: можно упомянуть объ его «Общеславянской Азбукѣ», трудѣ очень остроумномъ, но не имѣвшемъ практическаго успѣха. Отъ филологіи онъ обратился къ исторіи, какъ предмету болѣе ему сродному, и труды историческіе и публицистическіе положили основу его извѣстности и до сихъ поръ составляютъ украшеніе нашей литературы.

Въ 1854 г. появилось начало двухъ историческихъ сочи-

ній Гильфердинга: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — «Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» (продолженіе было въ «Русской Бесѣдѣ»), въ «Москвитянинѣ» — «Исторія Балтійскихъ Славянъ» (продолженіе въ «Архивѣ» Калачева за 1861 г.; въ «Сочиненіяхъ, т. IV, помѣщено еще дальнѣйшее продолженіе, до смерти императора Генриха III, найденное въ бумагахъ покойнаго). Сочиненія эти, мало извѣстныя тогда у насъ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія Сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторической литературѣ они были положительною новостью: исторіей Славянъ занимались по большей части люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика, но по своему изложенію онѣ мало были доступны читателю и къ тому же обнимали только языческій періодъ. Такимъ образомъ, книги Гильфердинга были положительною новостью для тѣхъ, кто прочелъ ихъ; но прочли очень немногіе, ибо то было время преобладанія западничества. Извѣстно, что позднѣе (въ 1858) въ «Атенеѣ» австрійскій жандармъ провозглашался цивилизаторомъ между Западными Славянами. Въ сочиненіяхъ этихъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость; впрочемъ въ новомъ изданіи «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ», въ I т. «Сочиненій», вышедшемъ еще при жизни автора, она частью сглажена: уничтожена форма писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія. Но это — мелочь, которая блѣднѣетъ при высокихъ ихъ достоинствахъ. Это не только исторія событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами сплачивается изъ различныхъ стихій царство Болгарское и рядомъ съ нимъ образуется Сербское. Болгарское принимаетъ христіанство. Здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди. Слѣдуетъ блистательный вѣкъ царя Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его царства: оно сложилось механически, внѣшне. Авторъ осуждаетъ

такое насильственное, внѣшнее соединеніе и видитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину паденія царства Симеона. Также ярко характеризуется попытка Самуила, причины ея неудачи, изображаются преступленія его рода, — и картина выходитъ замѣчательно полная и округленная, безъ всякаго желанія блистать внѣшнею красотою разсказа и бить на эфектъ; отсутствіе эфекта при замѣчательной стройности изложенія болѣе всего поражаетъ непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое. Можетъ быть, осужденія его будутъ иногда и правильны: объ этомъ пусть судятъ спеціалисты; но такую картину въ состояніи нарисовать немногіе даже и изъ спеціалистовъ. «Исторія Балтійскихъ Славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницею, что здѣсь въ значительной доли повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) оттѣснено на задній планъ изложеніемъ особенностей быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголкѣ славянщины, гдѣ пашли себѣ мѣсто всѣ формы политическаго устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ Славянъ (княжеская власть у однихъ племенъ, аристократія у другихъ, демократія у третьихъ), гдѣ встрѣчаются и попытки федеративнаго устройства, которыя, какъ основательно доказалъ Гильфердингъ, никогда не имѣли успѣха у Славянъ.

На службу Гильфердингъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и по заключеніи Парижскаго мира въ 1856 г. назначенъ былъ консуломъ въ Боснію. Время для дипломатіи русской было тяжелое: значеніе наше на Востокѣ понизилось вслѣдствіе неудачъ только что завершенной войны; постоянные наши соперники на Босфорѣ торжествовали побѣду и ревниво слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ; дома мало думали о вѣковыхъ задачахъ русской политики; все вниманіе было устремлено на приготовленіе внутреннихъ реформъ; восточной вопросъ казался препятствіемъ къ правильному развитію и помѣхою нашаго сближенія съ Европой.

Никогда, можетъ быть, западничество наше не заявляло себя такъ торжественно, и такъ не принижалось все національное. Общество наше было западническимъ и въ 20-хъ годахъ, но тогда роль Россіи представлялась господствующею въ Европѣ: «вождь вождей, царей диктаторъ» открылъ намъ дорогу въ Парижъ. Все ликовало, и если сознавались недостатки во внутреннемъ устройствѣ, недостатки иногда и мнимые, за то крѣпко вѣрили во внѣшнюю силу Россіи. Эта вѣра еще возросла въ слѣдующее царствованіе — и вдругъ неудача все поколебала и все подверглось сомнѣнію. Такъ внутренніе вопросы не только затмили внѣшніе, но даже явилось сомнѣніе въ правильной постановкѣ этихъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ это-то время началась дипломатическая дѣятельность Гильфердинга. На Востокѣ консулъ не то, что̀ на Западѣ; тамъ онъ долженъ поддерживать мѣстное православное населеніе, слѣдственно, имѣетъ дѣло не только съ русскими подданными. Молодой консулъ съ честію занималъ этотъ постъ, находя къ счастію для себя поддержку въ умномъ и понимавшемъ дѣло директорѣ азіатскаго департамента: тогда этотъ постъ занималъ Е. П. Ковалевскій. Сараевскій консулъ былъ не только дипломатъ, онъ былъ и ученый. Побуждаемый интересомъ знанія, онъ объѣхалъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и собралъ свои наблюденія въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (С.-Пб. 1859). Книга эта (переиздана въ т. III «Сочиненій») представляетъ живые очерки мѣстностей, историческія воспоминанія, археологическія описанія храмовъ, литературныя замѣтки о рукописяхъ. Въ самой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней читатель знакомится и съ прошедшимъ и съ настоящимъ состояніемъ описанныхъ областей. Высокій интересъ предмета и необыкновенно даровитое изложеніе обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся русскою литературой, безъ различія партій. Во время своего консульства Гильфердингъ написалъ по-французски обзоръ движенія у западныхъ славянъ и напечаталъ безъ имени въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Les Slaves

Occidentaux» въ 1858 году. Въ томъ же году Александръ Ѳедоровичъ женился на В. Ф. Ридель, съ которою былъ знакомъ еще въ Москвѣ, и скоро возвратился въ Россію.

Въ 1860 г. образовалась редакція «Энциклопедическаго Словаря». Мнѣ предложили отдѣлъ русской и славянской исторіи. По славянской мои свѣдѣнія были слабы, и я обратился за помощью къ А. Ѳ. Гильфердингу (отдѣлъ польскій принялъ на себя Ю. С. Рехневскій). Это было поводомъ къ знакомству съ Гильфердингомъ. Хотя мы и были современниками въ университетѣ, но не встрѣчались, ибо были и на разныхъ курсахъ и на разныхъ факультетахъ. Мало по малу это дѣловое знакомство перешло въ тѣсную дружескую связь; изящная природа Гильфердинга, его необыкновенная талантливость, его житейскій тактъ неотразимо влекли къ себѣ. Онъ не любилъ говорить для разговора, и съ людьми мало знакомыми онъ былъ вѣжливъ, но неразговорчивъ; инымъ онъ являлся въ дружескомъ кругѣ и тамъ, гдѣ слово его было нужно, гдѣ приходилось защищать любимыя убѣжденія. Для меня сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходился немимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ (съ нимъ, къ сожалѣнію, я былъ поверхностно знакомъ), что въ моей статьѣ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» я смотрю на русскую народность слишкомъ объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу), я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, своеобычное, что̀ измѣнило въ значительной степени и мой взглядъ на русскую исторію. Разговоры и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра.

Здѣсь нахожу умѣстнымъ сказать кое-что объ общемъ направленіи воззрѣній Гильфердинга, сказавшемся какъ въ его ученыхъ трудахъ, такъ и въ его служебной и общественной дѣятельности. Слѣдующія замѣчанія были уже высказаны мною въ статьѣ «А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ» (см. мой сборникъ: «Біографіи и характеристики». С.-Пб. 1882). Идеей, опредѣлившею всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими предѣлами Русскаго государства, ни даже этнографическими предѣлами русскаго племени: оно простиралось на весь славянскій міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, не смотря на разнообразіе народовъ, его составляющихъ. Единство это являлось Гильфердингу коренньмъ единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ» читаемъ въ одной изъ записныхъ его книжекъ — «составляютъ не какія бы то ни были нравственныя качества, а **понятія**, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и пр.); неизмѣняемость этихъ понятій. Эти понятія — плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе, опровергая мнѣнія одного нѣмца, основывашаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства родства своего съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ такой, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, или и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совершенно иначе». Проникнутый этими мыслями, онъ не оберегаетъ древнихъ Славянъ отъ обвиненій, напримѣръ, въ пиратствѣ и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другого — всѣ пороки; за то за понятіями онъ слѣдитъ внимательно и ихъ-то старается выста-

вить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учреждений общественныхъ и семейнаго быта у Славянъ Балтійскихъ подъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго Нѣмцами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи Чехіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ этой мысли служитъ характеристика главнѣйшихъ народовъ арійскихъ въ «Древнѣйшей исторіи Славянъ», гдѣ три пары народовъ, чередовавшихся въ числѣ народовъ арійскихъ, Индусы и Персы, Греки и Римляне, Германцы и Славяне, раздѣлены на двѣ группы: въ одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его блестящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ другой — общинность съ неизбѣжно соединенною съ нею способностью къ политической организаціи. Эта характеристика, возбудившая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ значительныхъ смягченій, ограниченій, но тѣмъ не менѣе она не только блистательно остроумна, но и въ высшей степени важна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно добиваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долженъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ времени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія отношенія, а все-таки остается что-то такое, что̀ составляетъ сущность народной жизни, и это что-то есть понятіе, выражающееся такъ или иначе среди всѣхъ измѣненій судебъ народовъ. Ясно, что, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ довольствоваться частными историческими изслѣдованіями, медленно подготовляющими матеріалы для будущаго зданія и долго съ сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ ли онъ для предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоваться изложеніемъ того, что̀ уже принято въ наукѣ, имѣющей въ виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, указывать имъ, что̀ сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью исторіи вообще, а слѣдовательно, и своихъ собственныхъ историческихъ трудовъ — не только изображать прошлое, т. е. указывать, на сколько народы прославили себя въ своей исторіи, но

и будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограничиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣкоторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, многія изъ которыхъ казались ему просто ученою прихотью; а слѣдовательно, занятіе ими въ его глазахъ было бы только отвлеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ мало полемическаго элемента, что̀ имъ придаетъ особую занимательность. Что̀ бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, идетъ по нимъ; до того ли ему, чтобы доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

Въ 1861 г., оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Гильфердингъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и началъ свою дѣятельность по отдѣленію государственной экономіи, которымъ въ то время управлялъ извѣстный и опытный финансистъ, нынѣ покойный А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ этой, повидимому, чужой ему сферѣ Гильфердингъ скоро показалъ всю силу своихъ способностей. Приводимъ по этому случаю свидѣтельство М. И. Семевскаго[1]), бывшаго сослуживца Александра Ѳеодоровича: «Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ Гильфердингъ, почти вошла въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что̀ другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что̀ у другихъ выходило полно безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарки и всегда въ изложеніи краткомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ». Такимъ образомъ, и здѣсь умъ его, живой и ясный, служилъ горячо имъ любимой родной землѣ.

1) «Русская Старина» 1872 г., № 10.

Но скоро открылось ему другое, болѣе свойственное ему поприще: въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе. Правительству пришлось и отписываться на дипломатическія ноты, и усмирять возстаніе, и преобразововать устройство Царства Польскаго. Эта послѣдняя задача поручена была Н. А. Милютину. Въ числѣ другихъ своихъ сотрудниковъ Милютинъ обратился и къ Гильфердингу, который съ тѣхъ поръ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, участвуя въ то же время въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія. Дѣятельность Гильфердинга въ эти годы была обширна: онъ являлся редакторомъ офиціальныхъ бумагъ, помѣщалъ статья въ газетахъ, въ которыхъ разъяснялся польскій вопросъ для русской публики, издалъ по-англійски брошюру (анонимно): «Polish Question». Общій свой взглядъ на лучшій способъ разрѣшенія польскаго вопроса высказалъ онъ въ 1863 г. въ слѣдующихъ словахъ одной изъ своихъ статей: «Наша обязанность тамъ — и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи — доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ не разрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, а упразднить его могутъ только соціальныя средства». Таково же было мнѣніе и тогдашнихъ руководителей реформъ въ Царствѣ: послѣ устройства сельскаго населенія распространеніемъ на него Положенія 19-го февраля 1861 г. послѣдовалъ рядъ узаконеній объ устройствѣ учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, отъ которыхъ устранено вліяніе ксендзовъ и шляхты, до среднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ (полное обрусеніе преподованія относится къ послѣдующему времени). Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ Вар-

шавскаго университета. Въ начертаніи этихъ уставовъ Гильфердингъ имѣлъ самое большое значеніе, хотя и не ему пришлось осуществить ихъ. Онъ также принималъ участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства и наконецъ въ работахъ по устройству судебной части.

Въ послѣдніе годы Гильфердингъ особенно занятъ былъ мыслью о трудѣ, который долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всѣ ого предварительныя ученыя работы. Трудъ этотъ—«Исторія Славянъ» былъ имъ лишь только начатъ: первыя главы его появились въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: «Древнѣйшая исторія Славянъ»; въ бумагахъ покойнаго сохранились наброски еще двухъ главъ: о Славянахъ Паннонскихъ и о Скиѳахъ. Они должны были войти въ пятую часть его «Сочиненій», печатаніе которой остановилось по случаю банкротства издателя Д. Е. Кожанчикова. Труду этому покойный отдавалъ большую часть своихъ досуговъ: читалъ древнихъ писателей, отыскивалъ въ нихъ какія-либо свѣдѣнія о народахъ, въ которыхъ можно было бы признать Славянъ. Онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями и искалъ ихъ и въ твореніяхъ отцовъ церкви, и у историковъ, и у географовъ, и у писателей о земледѣліи и т. д. Множество выписокъ было имъ сдѣлано. Сколько разъ заставалъ я его у конторки надъ громадными книгами, которыя онъ внимательно изучалъ. Съ какою любовью говорилъ онъ объ этомъ трудѣ, и ему не суждено было осуществиться!..

Послѣ славянскаго съѣзда 1867 года, создалось въ Петорбургѣ отдѣленіе Московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Сначала предсѣдатели смѣнялись, но скоро явился постоянный, и имъ былъ Гильфердингъ. Многіе еще помнятъ, съ какимъ тактомъ онъ предсѣдательствовалъ, какъ онъ умѣлъ руководить преніями, какъ онъ вдохновлялъ своими рѣчами, какъ онъ умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность, какъ по его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины, которыми, съ одной стороны будился въ обществѣ интересъ къ

славянству, а съ другой — находились средства для благотворительной цѣли комитета. Его усиліями созданъ въ Прагѣ православный храмъ; но Александру Ѳедоровичу не суждено было дожить до его освященія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Гильфердингъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія Географическаго общества. Къ этой обязанности онъ относился также чрезвычайно внимательно: устраивалъ интересныя засѣданія, печаталъ важные этнографическіе труды и наконецъ самъ совершилъ капитальный этнографическій трудъ. Лѣтомъ онъ иногда уѣзжалъ далеко изъ Петербурга (разъ онъ совершилъ поѣздку къ Балканскимъ Славянамъ, откуда вывезъ собраніе рукописей, купленныхъ впослѣдствіи Хлудовымъ). Въ апрѣлѣ 1871 г. онъ задумалъ поѣздку въ Олонецкую губернію. Поводомъ къ поѣздкѣ было то обстоятельство, что скровища былиннаго эпоса, открытыя П. Н. Рыбниковымъ, возбуждали сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Гильфердингъ рѣшился лично повѣрить открытіе Рыбникова и посѣтилъ этотъ отдаленный край, гдѣ часто приходилось ему проѣзжать верхомъ по лѣсамъ и болотамъ. Трудъ его награжденъ былъ сторицею: онъ вывезъ оттуда «Онежскія былины» (изданныя уже по его кончинѣ). Гильфердингъ самъ знакомился съ пѣвцами[1]), заставляя ихъ пѣть речитативомъ, что̀ давало ему возможность записывать ихъ былины слово въ слово и даже отмѣчать удлинненіе слоговъ. Это послѣднее обстоятельство открыло ему тайну русскаго народнаго стиха. Такимъ образомъ «Онежскія былины» дали прочную основу для историковъ литературы, историковъ языка и т. д. Здѣсь въ первый разъ изслѣдователи встрѣтились съ матеріаломъ, вполнѣ годнымъ къ употребленію. Всѣ сомнѣнія замолкли сами собою. Свое путешествіе Гильфердингъ описалъ въ статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» («Вѣстникъ Европы» 1872, № 3) перепеча-

1) Въ «Русской Старинѣ» 1872, № 12, напечатанъ неоцѣнимый по своему простодушію разсказъ одного изъ этихъ пѣвцовъ, Касьянова, о знакомствѣ съ Гильфердингомъ.

танной въ первомъ изданіи былинъ и повторенной въ настоящемъ, въ которой рукою мастера изображены и край, и бытъ народа и охарактеризованы пріемы пѣвцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали зимою 1871—72 г. въ Петербургъ, пѣли у Гильфердинга; а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ Славянскомъ комитетѣ, и въ Географическомъ обществѣ. По ходатайству Гильфердинга, черезъ Августѣйшаго предсѣдателя общества Рябинину пожалована была медаль. Лѣтомъ 1872 г. Гильфердингъ снова поѣхалъ въ Олонецкую губернію. Доѣхавъ на пароходѣ до Вознесенской пристани, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ отъ почувствовалъ себя дурно, но лѣчиться не хотѣлъ и поѣхалъ въ Каргополь, откуда далѣе ѣхать не могъ: здѣсь посѣтилъ его докторъ и не могъ уже ничего сдѣлать: у больного былъ брюшной тифъ. 20-го іюня онъ скончался. Въ Каргополѣ онъ проболѣлъ всего пять дней[1]). При вѣсти о кончинѣ Гильфердинга отслужены были въ разныхъ мѣстахъ по немъ панихиды. Въ Карлсбадѣ протоіерей Кустодіевъ произнесъ хорошую рѣчь, гдѣ сказалъ между прочимъ: «Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ». 4-го іюля тѣло Гильфердинга было привезено въ Петербургъ, встрѣчено на пристани друзьями и почитателями и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь тогдашній ректоръ семинаріи, впослѣдствіи епископъ Нижегородскій, нынѣ уже почившій Хрисанѳъ, со свойственнымъ ему глубокомысліемъ и краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, изъ которой выпишемъ слѣдующія, проникнутыя мыслію и глубокимъ чувствомъ строки: «Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы

1) Письмо изъ Каргополя («Русская Старина» 1872, № 10).

знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идеи. «Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Передъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющія скоро и здѣсь исчезнуть... Конецъ, достойный жизни»! [1])

14-го февраля 1873 г. петербургскій отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго комитета собрался подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова. Это торжественное засѣданіе съ присутствіемъ публики посвящено было памяти Гильфердинга. Тогда Т. И. Филипповъ прочелъ рѣчь о московскихъ годахъ жизни Гильфердинга, О. Ө. Миллеръ—объ его заслугахъ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, В. И. Ламанскій—объ его трудахъ по славянству, а нижеподписавшійся—объ его историческихъ трудахъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

---

1) Обѣ рѣчи напечатаны въ названномъ уже № «Русской Старины».

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

И

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Павелъ Николаевичъ поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не безполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуй на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предвари-

тельно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуя переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эгу длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отрадно видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отрадно видѣть его *самого по себѣ;* тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле — ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерею времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости. Пріученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ са-

мыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадаетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамиліарности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія, чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озёра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телега. Телега не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что̀ нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на волока́хъ, то есть оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ со-

общеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивъ», то есть полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», то есть стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что̀ особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахиваютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахиваются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго

лѣсу не трогаютъ по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственица, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-молъ охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ внутренніе распорядки въ прежнія времена — не знаю; но со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружного начальства, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это — въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то и дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безысходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село, и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣйно снимаютъ шапки и крестятся. — «Что это такое за развалина?» — «Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужь двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится». — «А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?» — «Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники, и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ, вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе тружениковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ, и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа, а не то, что жиды, которые Христа проклинаютъ; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняютъ, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить!». Признаюсь, я не нашелъ отвѣта. Нашелъ ли бы что̀ отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей!

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что̀ меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно — къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно — въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины — *свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что̀ могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже

въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напримѣръ, сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, то есть между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признаютъ это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею»; это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телегою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что̀ могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное не возможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хо-

зяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
А й рубите-тко руки бѣлыи,
А й со лба-то копайте очи ясныи,
А й тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что̀ въ ней разсказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслію въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напримѣръ, Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ По-

тыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «въ старину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго невѣрія; и тотъ, и другой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ, и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напримѣръ, Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ въ началѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими «сказителями». Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былину про пре-

вращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрыню да сви́ньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣды́мъ туромъ:
Рожки у̀ тура да въ золоти,
Ножки у̀ тура да въ се́ребри,
Шерсть на туру̀ да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ, руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его[1]), я былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерею времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольничьими убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему

1) См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь на столько, на сколько они причастны религіозной области, и на сколько они поддерживаются обычаемъ, возымѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ староверами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа, кажется, не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ, и что они мнѣ ничего не сообщатъ, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно безполезно»,—отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился;—«деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (то есть перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч.—«Ну, я такъ и зналъ»,—говорилъ мой хозяинъ;—«нѣтъ онъ не пріѣдетъ».—«А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?»—«Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя».

Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служитъ», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинъ и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихіевѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему, легко устранялось недовѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на пріѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихіевъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины

до полнаго физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человѣкъ [1]) извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человѣкъ [2]), отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человѣкъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинъ я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ рапсодій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70-ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь разсказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь

1) Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (то есть Иванъ Сивцевъ), Бутылка (то есть Абрамъ Евтихіевъ), Сорокинъ, Ѳедотовъ (то есть Дутиковъ), Іевлевъ, Потахинъ (то есть Потапъ Антоновъ), Щеголёнокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (то есть Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (то есть Иванъ Фепоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (то есть Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужь такъ плохо помнила и такъ путала, что я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

2) Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизустъ жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только пятерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ, и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старины». Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человѣка божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинъ и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинъ по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его

сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинъ и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинъ не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинъ, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видитъ, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинъ, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинъ, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ. Читатель видитъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинъ для Романова практическое значеніе; но, повторю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семенъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но впрочемъ, и между слѣпыми ска-

зителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинъ извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимоѳеева въ Толвуи, Абрама Евтихіева и Петра Калинина на Пудожской Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова По́ромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому, былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который сумѣетъ спѣть разныя «исторіи»; но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомнили, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготов-

леніемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (то есть земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что̀ прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напримѣръ, звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабьи старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «У большинства сказителей»—говоритъ онъ,—«врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполнѣ справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно прибрежья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками, и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, ко-

торыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица — женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива, — прибрежья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины, насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышите одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которые живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, которые живутъ въ одномъ домѣ, и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; вы встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ, и жена охотники пѣть былины и поютъ разныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, специальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинъ, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно

позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская разсказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что̀ же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣе замѣчателенъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкапа Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала «Іовы и Мары» отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ «Іовы и Мары».

Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную былину [1]). Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому

---

1) Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка, и печатный текстъ Щербины:

«Іово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ тàкъ и заболѣешь,
А увидишь, такъ вылѣчитъ разомъ.
Въ пору ужъ было Іовѣ жениться,
Дѣвушкѣ Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
«Душа моя Мара,
«Любишь ли меня, мое сердце,
«Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
«Дороже очей ты мнѣ своихъ,
«Какъ мать сына у сердца ношу я».
Выслушалъ эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Донесъ онъ Овановой майки.
Говоритъ-де Овану эта майка:
«Юные Ово, перо дорогое!

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Іово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станетъ —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Въ пору Іовѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Іово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара—слова для Мары не сыщешь!—
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Миловидна, что̀ горная вила,
А гибка-то, что́ ель молодая.
Годъ на Мару гляди — все и мало
Мало бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотритъ — такъ вылѣчитъ разомъ ..
Но сироткой была наша Мара,
Іовъ жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:

складу, протягивая хореическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человѣкъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинъ, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозёркинъ, пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало бы-

---

«Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
«Даютъ за тебя лучше и краше,
«Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
«Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
«Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
«Не видала муравки на поли,
«Не видала мужчины ни разу,
«И къ тому же богатаго рода,
«И не простого — господскаго рода
«Богатство во время тебѣ пригодится...»
и такъ далѣе.

«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
«Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Іово, ты глазъ мнѣ дороже,
«Завсегда ты на мысляхъ у Мары!
«Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ...»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Іована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое!
«Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
«Есть невѣста и лучше, и краше:
«То — Фатима, Атлагича злато.
«Фата съ дѣтства взлелѣяна въ клѣткѣ,
«И не знаетъ, что́ солнце, что̀ мѣсяцъ;
«Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
«Не видала муравки на полѣ,
«Не видала ни разу мужчины, —
«А къ тому жъ и богатаго рода,
«И въ подмогу богатствомъ сгодится..
и такъ далѣе.

лины про три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ), что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинъ, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ; они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ померeть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ

я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кенозера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Прионежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе, такъ-сказать, серьезныя, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу̀ и т. дал. Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что̀ не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотенку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства

и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пóтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удальцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василій Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи передъ русскими, и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ запинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую разчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ,

дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую. Такъ, напримѣръ, онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говоритъ-то ёнъ имъ таково слово:
— А й ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былинъ не пѣвалъ, а зналъ про Илью разсказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія

къ тексту былинъ. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «Ахъ, это все равно»—отвѣчалъ Сорокинъ—«я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно»! Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными [1]).

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что́ разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ:

1) Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера» (т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но деревня Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ города Пудожа; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріимствомъ сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивъ», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ, какъ Сумозеро, не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Ценежахъ у Пудожа.

«такъ поется», а про что разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или «такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполнѣ довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ напримѣръ, сохраненіе образа «гнѣдаго тура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько

же, сколько намъ съ нимъ, читатель, какая-нибудь банана. Знаетъ ли онъ, что̀ это такое ковыль-трава? Онъ не имѣетъ о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для него совершенно чуждое: ибо поля, какія онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьемъ или пнями клочки пашни либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется кое-гдѣ чистое гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человѣкъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто бы онъ жилъ на Украинѣ!

Но само собою разумѣется, что, кромѣ завѣщаннаго преданіемъ, сѣверно-русская былина носитъ въ себѣ и мѣстныя, и личныя стихіи. Когда сказитель поетъ, что добрый конь богатырскій

Мхи болота перескакивалъ,
Мелкія озера промежъ ногъ пущалъ,

то онъ рисуетъ картину, которая составилась на мѣстѣ. Такихъ чертъ можно найти не мало. Нельзя не замѣтить той особливой обстоятельности, съ которою въ былинахъ нашихъ изображается сѣдланіе коня и снаряженье корабля: эти картины, конечно, не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя привнесены на Сѣверѣ въ составъ нашихъ былинъ; но если именно сѣдланье коня и снаряженье корабля излагается въ нихъ пространнѣе и съ большею, такъ-сказать, любовью, чѣмъ другія дѣйствія, — то это могло произойти оттого, что изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ богатырямъ, именно сѣдланье коня и снаряженье корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлать себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что вліянію мѣстной жизни слѣдуетъ приписать и то, что, въ Онежскомъ краѣ сохранился, рядомъ съ богатыремъ-мужчиною, образъ бо-

гатыря-женщины или *поляницы*. Это представленіе до такой степени стало чуждо намъ, что, при изданіи въ Москвѣ перваго тома сборника Рыбникова, тамъ даже ученые не поняли, что̀ такое поляница, какъ показываетъ примѣчаніе издателей къ этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что̀ рыскаетъ по полю ради подвиговъ» [1]). Между тѣмъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Повѣнецкомъ и Пудожскомъ побережьѣ каждый крестьянинъ вамъ скажетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины, и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. [«Поляница — это значитъ женщина-*богатырица*», говорилъ водлозеръ Сухановъ]. Что̀ такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозёркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ. «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (то есть въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины; это *поляницы* значитъ по нашему, по-деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что̀ отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть гресть и править лодкою, въ осеннюю непо-

---

1) Такое же неправильное толкованіе и въ Словарѣ Даля: *поленица* — удальцы, ватага шалуновъ, наѣздники, разбойники; *поленица удалая* — шайка, вольница.

году тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что̀ такое поляница, скажутъ, либо что это — то же самое, что̀ богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что̀ такое, не знаемъ». [Впрочемъ, и тамъ лучшіе пѣвцы (напримѣръ Рябининъ) употребляютъ названіе «поляница»,—хотя кажется безсознательно, по старой памяти, — собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ] [1]).

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это — Иванъ Сивцевъ, по прозванію По̀ромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика По̀ромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно рознятся въ подробностяхъ изложенія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

1) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ, повидимому, смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужескаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею—его дочерью (№ 77)].

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста, и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ-сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тожественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, то есть

пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики, по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодія. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, на столько цѣнными для науки, что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что́ иначе казалось бы не заслуживающимъ никакого вниманія. Такъ, напримѣръ, читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варіанта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ уда-

лить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпашпортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это — молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на каналъ, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпашпортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражавшихъ народъ. Этотъ варіантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (то-есть, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ, и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *Прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *Заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности, прилегающія къ Онегу, а вторая — края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ,

намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионежской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинъ, *Сѣверо-восточная* группа—относительною ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Горацій приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: «dic age *longum*, Calliope, *melos*». Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми-8-ми-и 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняютъ былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижи, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижъ* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, то-есть, погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, то есть погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья.

Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница, — манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Масельгѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «Какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!» Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ»—говорилъ онъ,—«понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ двадцать, оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе».

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ безпрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпическаго стиха, подобно гомерическимъ частицамъ ἄςα, αὖ, вὲ, δὴ и прочія.

Въ Кижахъ такими частицами, кромѣ общеупотребительныхъ *да, а, и, ли,* служатъ обыкновенно: *какъ, вѣдь* и *де;* у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ,* ни *вѣдь,* ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынь* или *нунь, же, было* и *есть* или *е:* это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерянъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинъ. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Фепоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему, Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *Сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же, — тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кено-

зерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинъ, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что̀ и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и такъ далѣе, и сверхъ того, Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе, особенно — пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ Сѣверо-восточной группѣ, — на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинъ (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предположить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское парѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его

пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *ѣ* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ѣ* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч*, рѣдки и непостоянны,— обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать, Такъ, напримѣръ, очень рѣдко скажутъ: *бѣлый свитъ, молодечь*, обыкновенно же выходитъ не то *билый свитъ, молодечь*, не то *бѣлый свѣтъ, молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемѣну въ нарѣчіи: *ц* произносится чисто, *ѣ* уже весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *г* въ *в* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово, сево, нево* и тому подобныхъ.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчіи: ослабѣваетъ *оканье*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ѣ* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ перемѣною въ нарѣчіи совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболѣе знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблю-

деній на счетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихіевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Пòтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ»[1]) и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ пріучить своего спутника рапсода *пѣть* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который

---

1) По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

при передачи сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слiянiя двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же прiемъ употреблялъ я впослѣдствiи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякiй разъ обозначаемы) мои старанiя были тщетны. Такъ черезъчуръ ветхiй и почти глухой старикъ Кузьма Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладится къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состоянiи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическiй пересказъ, въ которомъ стихосложенiе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общiе выводы. Сказителей въ этомъ отношенiи можно распредѣлить на три группы:

1) сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;

2) сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и

3) сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложенiе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствiе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническiй стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанiю самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическiя; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ непра-

вильности въ стопосложеніи, все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, то-есть, то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи, и во внутреннемъ складѣ былинъ.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ «Ставрѣ», въ «Пòтыкѣ» какъ-то заунывнѣе, а въ «Вольгѣ и Микулушкѣ» выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ «Ставрѣ» у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ «Пòтыкѣ»—чистый хорей, въ «Вольгѣ и Микулѣ»—анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ,* есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ.* Растяжимость при правильномъ топическомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и суживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинъ, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда передаютъ былину сло-

вами безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибо̀льшая часть стиховъ 4-хъ-и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсью 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былины про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ-и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти-и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (то-есть, безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ[1]):

---

1) Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только провѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса.— Вотъ соотвѣтствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времяни,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой, дороднiй добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кiевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано̀-то силушки чернымъ-черно,
А й чернымъ-черно какъ черна во̀рона,
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добро̀мъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черный воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.

Отворяютъ ему ворота въ Черни́говъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«А й же вы, мужики Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кiевъ градъ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— А й же, удаленькiй дороднiй добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскiй!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кiевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравѣла;
— Сѣрый звѣрь туда не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по соловьему,
— Вскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ.—

Енъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
Выходили мужички да тутъ черниговски
И отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«А й же мужички да вы Черниговски,
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему Черниговски:
— Ты удаленькой, дороднiй добрый молодецъ,
— А й ты славныя богатырь святорусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла.
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
— На добромъ кони никто да не проѣзживалъ.
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыи,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Соловей розбойникъ во сыромъ дубу,
— Сиди Соловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
— А то свищетъ Соловей да по соловьему,
— Енъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному.
— Й отъ него ли-то отъ посвисту соловьяго,
— Й отъ него-ли то отъ покрыку звѣринаго
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы лежатъ.—

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былину въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значитъ, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство

нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ какъ хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорея употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихіева:

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чистò полё
«На тую горỳ да сорочинскую,
«Не топчи-ко млàдыихъ змiёнышёвъ,
«Ты не выручай-ко пòлоновъ да руськiихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки;
«Но Пучай рѣка очи̂нь свирипая,
«Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня свòей матушки не слушался,
Какъ онъ *ѣдетъ* далече во чистò полё,
А нà тую на гору сорочинскую,
Потопталъ онъ младыйхъ змiенышевъ,
А й повыручалъ онъ полоновъ да руськiихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
Онъ приправилъ своего добрà коня.
Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
Онъ слѣзалъ Добрыня со добрà коня,
Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ *зàбрелъ за струечку* за первую,
Да онъ *зàбрелъ за струечку* за среднюю
И самъ говорилъ да таково слово:
«Мнѣ *Добрынюшки* матушка говаривала,
«Мнѣ *Микитичу* маменька й наказывала,
«Что не ѣзди-ко далече во чистò полё
«На тую горỳ на сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змiенышовъ,

«А не *выручай* пóлоновъ да руськіихъ
«*И не куплись Добрыня во Пучай рѣки*,
«Но Пучай рѣка очйнь свирипая,
«А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ;
«А Пучай рѣка она кротнà-смирна
«Она будто лужа-та дождевая».
Не успѣлъ Добрыня словца молвити,—
Вѣтра нѣтъ — да тучу нàднесло
Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ да свищетъ молнія.
А какъ лéтитъ зміищо Горынчищо
О тыèхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужáхнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
— Ты теперича Дòбрыня во моихъ рукахъ;
— Захочу тебя Добрыню тéперь пóтоплю,
— Захочу тебя Добрыню тéперь съѣмъ-сождру,
— Захочу тебя Добрыню въ хоботà возьму,
— Въ хобота возьму Добрыню, въ норỳ снесу.—
Припáдаетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
Онъ нырнѐтъ на бéрежокъ на тáмошной
Онъ нырнѐтъ на бережокъ на здѣшныйй, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хореическихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорея [1]) Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею,

1) Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихіевъ, съ «пословесной» передачи былины:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ зміенышей,
«Выручать-то полоновъ русскіихъ.
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
«Пучай-рѣка есть свирипая:

хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ

«Середня струйка какъ огонь сичетъ».
Добрынюшка матушки не слушался.
. . . .
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,
Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю.
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
«Мнѣ Никитичу матушка наказывала, —
«Что не ѣзди далече во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змиенышей.
«Не выручай полоновъ русскіихъ,
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«Средня струйка какъ огонь сичетъ.
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
«Она будто лужа дожжевая».
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу нанесло.
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ,
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся, —
Летитъ Змиище-Горынчище
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Тепереча Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу — Добрыню теперь потоплю,
— Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобата возьму и на Русь возьму,
— Захочу — Добрыню съѣмъ сожру. —
Добрынюшка плаватьараздъ онъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны— тѣхъ, какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *игривымъ*, какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ,— что̀ было бы черезъ-чуръ утомительно для слуха,— а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Владымiръ князь стольно-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бо̀яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
А сидятъ-то молодцы на честно̀мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владымiръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красныи дѣвушки заму̀жъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не же́неной.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротѝвъ меня,
«Очшуки у ней бы ясныхъ соболей,
«Бровушки у нёй бы черныхъ соболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,

«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ коротати
«А'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися».
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да пріутихнули
За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Василіѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильнихъ русьскінхъ могучихъ на богáтырей
А й на славныхъ поляницъ на удалыихъ

Здѣсь:

Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хореическимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ, и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ — или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бо̀льшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Згóворитъ младъ Соловѣй сынъ Гудиміровичъ:
«Сходенку выкидывай серéбряную,

«Другу выкидывай подзолоченую,
«Третью выкидай исповолжаную.
«Берите подарки умильніи,
«Купцы вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны во бѣлыи руки,
Матушку камочку узорчатую,
И самъ беретъ гуселка яровчатыи,
И самъ идетъ по сходенки золоченыи,
Матушка идетъ по серебряныи,
Вся его дружина по исповолжаныи;
Приходятъ оны ко Владиміру на дворъ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведетъ по ученому,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стороны.
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узорчатую
Молодой княгини Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлыи руки,
А взимаетъ княгиня дивуется:
Да не дорога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскіи.
Сталъ его Владиміръ выспрашивати
Сталъ его Владиміръ вывѣдывати:
— Ты скажись, молодецъ, съ коей земли,
— Какъ молодца именемъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анапестическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась, вѣроятно, и былина о дѣтствѣ Ильи

Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былину, Щеголёнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и переставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѐть матерѐть,
Похотѣлось Вольги̇-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во си́нихъ моря̀хъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ о́болоки,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля̀хъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубо́кія моря̀,
Улетали всѣ птички за о́болоки̇,
Убѣгали-то всѣ звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѐть матерѐть
И сбиралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцатыихъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чистомъ поли съѣзжа́лоси̇
Три сильніихъ могучіихъ бога́тыря̀
По имени первой Колыванъ бога́тырь,
Другой Муромля̀нъ бога́тырь,
Третій Самсонъ бога́тырь.
Про между собою рѣчи говори́ли̇,
Которыя изъ насъ будетъ бо́льшій бра̀тъ?
Говоритъ Самсо̀нъ бога́тырь:
«Кабы былъ столо̀бъ въ земли̇,

«Кабы было кольцо въ столбу
«Я бы землю всю во кругъ повернулъ».
Говоритъ Муромлянъ богатырь;
«Я бы також де повернулъ».
Говоритъ Колыванъ богатырь:
«Я также могъ повернуть».
Господь Всевышнія творецъ
За ихнее похваленіе
Далъ имъ привидѣніе:
Куда у ихъ было нарчено въ путь ѣхать,
Лежитъ на дороги сумка,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ.
Выскакиватъ со своего со добраго коня
Самсонъ богатырь,
Хватаетъ таковую сумку,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Муромлянъ богатырь
Со своего со добраго коня,
Хватаетъ таковую сумку,
По колѣнамъ въ землю усѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Выходитъ Колыванъ богатырь
Со своего со добраго коня,
Хватаетъ таковую сумку
По грудямъ въ землю сѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
«Сильніи могучіи богатыри!
Отстаньте прочь отъ таковыя сумки,
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ.
Впредки не похваляйтесь
Всёю землёю владѣти,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздите по Руси,
Дѣлайте защиту,
Сохраняйте Русею отъ непріятеля,
А хвастать по пустому вного не знайте».

Алексѣй Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кіевскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ сказать, безыменныя (напримѣръ, про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и такъ далѣе). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархати,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Тавролъевичъ,
Ёнъ де суды разсу́живалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Томкою [1])
И Ерёму Новы́мъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе.
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу,

---

1) Т. е. Тотьмою.

Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улицы по курици,
Съ мужика по пяти́ рублей,
У кого-де пяти рублей нѣтъ
У того онъ жену̀ беретъ,
У кого какъ жены̀-то нѣтъ
И того самого̀ беретъ.
Какъ у Щелкана не вы̀робишься,
Со двора вонъ не вы̀рядишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо [1]) ты, царь Возвягъ,
Царь Возвягъ сынъ Тавроьевичъ,
И ты су̀ды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ,
Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
И селами и помѣстьями,
Городамъ съ пригородками,
И Хому дарилъ Токмою
И Ерёму Новы́мъ-городомъ;
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимаго зятюшка,
Ме́ня Тверію городомъ,
Ме́ня Тверію славною,
Ме́ня Тверію богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ».
Говоритъ ему царь Возвягъ:
«Ты любимое зятюшко
Щелка̀нъ сынъ Дудентьевичъ!
Заколи́-ко чада милаго,
Своего сына любимаго,

---

1) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

Ты Гордѣя Щелкановича,
Нацѣди-ко ты чашу̀ руды
Токо чашу серéбряную,
Выпей ту чашу̀ руды,
Стоючѝсь передъ Звягой-царёмъ,
Передъ Звягой Тавровьевичемъ!»
Токо взявши Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Своего сына̀ любимаго,
И Гордѣя Щелкановича,
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
Токо чашу серéбряную
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Тавровьевичемъ.
Подарилъ его царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двумя братцами рóдными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя рóдна сестра̀
Токо Марья Дудентьевна!»
— «Ты прощай же мой рóдной братъ,
Ужо по̀ роду ро̀дной-братъ,
По прозванью окаянной братъ!
И кабы̀ ти уѣхати
И назадъ не пріѣхати
Кáбы ти самому на ножѝ остыть
И на сабли на вострые!»
И уѣхалъ Щелканушко
Еще са́мъ голово̀й вершилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хореическимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственно былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII вѣка облекалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми аттрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и, такъ сказать, освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было Московскаго царства
Середи̂ было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во ко́локолъ,
Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша̂ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ро́вно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорила наша̂ надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы князья-бояра
«Пособите государю дума думать,

«Дума думать государю, не продумать,
«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачаласе,
А й красное лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А й красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А й малая птица пѣвица.
Садилась въ зелену̀ садочку.
А на тое на дерево калино,
Ай начала пѣти жупѣ́ти,
Всякими она-те ясака́ми.
А й услыхали русьскія птичи,
Собиралися стады̀ оны стадами,
Прилетали къ зелену садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ одну сторону̀ до головами,
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати!
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утай ее:
«Кто у васъ за моремъ бо́льшій,
«Кто за Дунаечкимъ ме́ньшій?» и т. д.

Иванъ Фепоновъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или казацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ числѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лирическимъ

пѣснямъ; это — единственныя былины, которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ сбирались казаки | — на крӯтъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски | — запорожскіи,
Запорожски казаки | — и все были яицкіи,
Ахъ атаманъ былъ у дон | — скихъ у ка́заковъ.
Ой изъ тихаго Дону Ермакъ | — былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Оста | — фей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки | — на легки стружки,
Ай на легки стружки | — сѣли на мелки па́возки
Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было го|роди во Ва́стракани̇
Проявился тамъ дѣти|нушка незна́емъ человѣ̇къ,
Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣ́домой откӯль.
Баско щепетно по Ва|стракани погӯливаѐтъ,
Ужъ онъ штапамъ офице|рушкамъ не кла́няется̇,
Востраканскому губерна|тору чело̇мъ ему не бьѐтъ.
А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ та́ченый,
Черна шляпа на кудряхъ | и перща́тки на рукахъ,
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одно̇мъ плечи таска̇лъ
И какъ персидской кушачекъ | во бѣлы̇хъ рукахъ держа̇лъ.
Какъ увидѣлъ молодца, губерна́торъ скрыча̇лъ:
Вы сходите приведи|те удала́го молодца̇.
Еще сталъ то губерна|торъ е́го спрашивати́:
«А ты скажись, скажись ко дѣти|нушка незна́емъ человѣ̇къ
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль каза́чей сы̇нъ,
«Аль ты съ нашего крѣпкато го|рода изъ Ва́стракани̇?»
Какъ проговоритъ дѣти|нушка незна́емъ человѣ̇къ;
«Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не каза́чей сы̇нъ,
«Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Ва́стракани̇
«Я со Камы то со рѣки | Сеньки Ра́зина сы̇нъ.
«Посулился мой-то ба|тюшка завтра въ го́сти къ вамъ бы̇ть,
«Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка корми̇ть его пои̇ть,
«Вы кормить его поить | и честно жа́ловати̇».

Или наконецъ:

Ой ростужится расплачется | нашъ Прусской — нашъ Прусской, — нашъ Прусской король,
А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
«Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
«А ты кому-то моя укрѣ пушка — доставала — достава — ласе?
«Доставаласе да достава|ласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
А какъ другому же генера|лушку Краснощо — Краснощо — кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсенъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дактилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ «природное языка нашего свойство», то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно, знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и

то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» риомамъ, то есть дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха—этого, конечно, онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собираніе. Надѣюсь, что меня не обвинятъ въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ, что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Фепоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
А й молодой Добрыня во чистомъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
А Самсонъ да Илья у синя моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался, или что Фепоновъ ошибся, я заставилъ его потому разъ пять повторить эти самые стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрилъ меня при этомъ, что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя

Святополка страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣетъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе, какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку Великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судитъ о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, свяывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжій. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ пѣть былины, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуетъ то, что кромѣ былинъ, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ сказокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика нищаго гдѣ-то около Толвуи или

Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ея лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV №№ 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лукинымъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ пословеснаго пересказа стиховъ.

1.

СВЯТОГОРЪ[1]).

На тыхъ горахъ высокiихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богáтырь чюдныи,
Что ль во весь же мiръ онъ дивныи,
Во весь же мiръ былъ дивныи.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь[2]) богáтыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богáтырю
На тыи было горы на высокiи.
Прiѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ

---

1) По словамъ пѣвца, это есть окончанiе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

2) Нунь, нуньчу, нунечу — вмѣсто нынь, ныньче.

А на тыи было горушки высокiи
Къ тому же Святогору да богáтырю,
Прiѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А й поклонъ ведетъ да понизёхонько:
«Здравствуешь богáтырище порныи[1])
«Порныи богáтырь ты да дивныи!»
— Ты откуда, добрый молодецъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города нунь Муромля
«А села да Карачаева,
«Я старыи казакъ да Илья Муромецъ.
«Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богáтыря:
«Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
«Къ намъ богáтырямъ да онъ не явится».
Отвѣчаетъ богáтырь было порныи:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
— Не носитъ меня мать сыра земля,
— Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
— Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокiимъ
— Да по щéлейкамъ[2]) по толстыимъ.
— А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щéлейкамъ,
— А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ.
Ѣздили оны было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ оны да по Святымъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное,
Находили площаницу[3]) да огромную.
Говоритъ богáтырь Ильи Муромцу:

1) Т. е. крѣпкiй.
2) Щелья — скала.
3) Площаница — гробъ.

— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ка въ площаницу да въ огромную:
— Поглядимъ-ка площаницы мы огромною,
— Что она тебѣ поладится-ль? —
Спускается казакъ да Илья Муромецъ,
Опускался тутъ казакъ да изъ добра коня
А ложился было въ гробъ въ э̂тотъ въ огромныи, —
А этотъ гробъ-то Ильи Муромцу да долгъ есть.
Опускается бога́тырь Святогорскіи
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную, —
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ:
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты повыздынь съ площаницы да огромныи. —
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да бога́тырю, —
Да не могъ поднять онъ Святогора̂ тутъ бога́тыря
А съ того гроба̂ глубокаго.
Говоритъ же тутъ бога́тырь Святогорскіи:
— Ты сломай-ко эти щелья да высокіи
— А повыздынь-ко съ гроба́ меня глубокаго. —
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокіи, —
Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще великіи,
Черезъ тую площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дру́гой разъ, —
Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ бога́тырь Святогорскіи:
— Видно тутъ же есть бога́тырь да кончается!
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,

— А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
— Къ древному да батюшку,
— Къ древному да темному,
— Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
— Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица. —
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту гору на Палавóнскую
А къ тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту на гору Палавóнскую
Къ древному да къ темному:
«Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
«Древныи ты темныи!
«Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
«Отъ твоего сынà любимаго
«Отъ того же Святогора я богáтыря:
«Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
«Какъ легъ же въ площаницу онъ въ огромную
«Да во тотъ было во гробъ во каменной,
«Я оттуль не могъ его повыздынуть».
Разсердился тутъ старикъ да было темныи,
Темныи старикъ да было древніи:
— Знать убилъ же Святогора ты богáтыря,
— Пріѣжаешь нунь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
— Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну. —
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богáтырскую
Да помáхне во богатыря,
А й богáтырь тутъ увéрнется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богáтырю
Да и сыну да любезному.

Пріѣзжаетъ ту́тъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да бога́тырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ 24 іюля.

2.

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА [1]).

Во славномъ во Нови́ градѝ
Находится купецъ да бога́тый,
Былъ работникъ Сато́къ новгоро́дскій.
Отправлялись купци новгородскій
Торговать за си́не морѐ
. . . . [2])
Торговали за синимъ за славнымъ морюшкòмъ.
Отправляются они во славный во Новгорòдъ,
Выѣзжали они сре́ди морѧ̀.
Становились корабли но́вгородскій,
Стояли на мори тро́и суткѝ,
Не куда оны не подаваютсѧ̀.
Говорятъ купци новгородскій:
«Требуе изъ насъ Водяно́и цàрь
«Каку ни съ на́съ онъ пошлинỳ».
Отвѣцае вода́ имъ матушкà:
— Проситъ человѣка Водяно́и цàрь. —
Выбирали купци но́вгородскій

---

1) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя удареніями въ концѣ стиха, при чемъ удареніе на послѣднемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

2) Калининъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы поѣхали.

Изъ артели человѣка въ синё морѐ.
Пожелалъ съ артели Сато́къ работничо̀къ,
Рядилъ много злата серебра̀
И мелкихъ съ и́хъ же жемчуго̀въ:
Буде буду я на святую Ру̑сь,
Должны отдать купци новгородскій.
Отпускали Сатка работничка̀
Во славно во синё морѐ
На двухъ дощечкахъ дубо́выйхъ.
Отправлялся Сато́къ работничо̀къ
За большое у нихъ было зо́лото.
Спустился Сато́къ работничо̀къ
Во славно во синё морѐ.
Приходитъ къ си́лы къ отпадшій,
Къ тому къ царю́ къ невѣрному̑,
Къ тому приходитъ къ двору́ къ царевому̑.
На трехъ столбахъ у двора́ цареваго̀
Положено по голови́ человѣческо̀й.
Говоритъ Сато́къ работничо̀къ:
«Ляже видно моя́ головушка̀
«У того царя́ невѣрнаго̀,
«У той же силы отпа́дшію̀».
Приходитъ Сато́къ работничо̀къ,
Приходитъ же о́нъ въ царскій до̀мъ
И на то онъ суди́лищо̀:
Остужается ца́рь невѣрный
Со своей молодо́й жено̀й,
И спрашиватъ Сатка́ работничка̀:
— Что Сато́къ работничо̀къ?» —
«Отъ тѣхъ купцовъ новгоро́дскійхъ
«Посланъ Сато́къ работничо̀къ.
«Объ чёмъ ты, царь невѣрный,
«Требуешь человѣка ты́ съ Руси̇?»
— И зову я къ себѣ на суди́лищо̀, —

— Спорилъ со своей молодо́й жено̀й:
— Что на Россіи у насъ нуньчу дѣется̀:
— Дороже булатъ-желѣзо краснаго́ видь золота?
Отвѣчаетъ Сато́къ работничо̀къ:
«У насъ на Россіи нунь діется̀, —
«Подороже булатъ-желѣзо краснаго́ видь золота̀».
Скочилъ же ца́рь невѣрный,
Тяпне въ руки са́блю вострую̀,
Отсѣкъ царици буйну голову̀ [1]).
Отвѣчаетъ Сатку́ работничку̀:
— Ай Сато́къ работничо̀къ!
— Не угодно ли служить царю невѣрному̀? —
«Отъ васъ, ца̀рь, не отнимаюся̀,
«Только хотѣлось бы на бѣлый свѣтъ».
— Женись-ко Сато́къ работничо̀къ,
— Награжу тебя Сато́къ имѣніёмъ. —
Не отнимался Сато́къ работничо̀къ
Отъ того царя невѣрнаго.
Приводитъ ёнъ ему три дѣвушкѝ:
Двѣ дѣвушки бѣленькѝхъ,
Третья дѣвушка черная̀,
Черна дѣвчонька чиганочка̀.
Ступае ди́вчонька на́ ногу̀
Тому Сатку работничку̀, —
Догадался Сато́къ работничо̀къ,
Отвѣчаетъ царю невѣрному̀:
«Возьму я дѣвушку че́рную̀».
Отвелъ же невѣрный ца́рь
Ему дѣвушку че́рную̀.
Ложился Сатокъ работничо̀къ
И спать онъ съ дѣвушкой че́рною̀.

---

1) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водянаго, увѣряла, будто на Руси золото дороже желѣза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человѣка съ Руси.

Говоритъ ему дѣвушка чѐрная,
Черна дивчонька чиганочка:
— Не вались, Сатόкъ работничѐкъ,
— Близехонько ко мни къ дѣвушкѝ,
— Накинь свои ру́чки Сатковыѝ,
— Накинь конецъ пѐрстиковъ. —
Накинулъ Сатόкъ работничѐкъ,
Накинулъ онъ конецъ перстичковъ, —
И тутъ Сатόкъ работничѐкъ
Объявился въ тую ночь въ Нови́ градѝ
И лежитъ покрай матушки Вόлхова̀,
Одни ручки въ воды́ его̀.
Прiѣзжаютъ купци новгородскiй
Изъ-за славнаго синя́ моря̀:
Получилъ съ ихъ злато и се́ребро̀,
Получилъ съ ихъ и мелкiи жемчугѝ.
Вознесся Сатокъ работничѐкъ
Вознесся е славою̀,
Прописалъ себя въ купци́ богатыѝ.
Кажется Сатку́ богатому̀,
Не во снѣ ему́ кажется̀,
На яву ему́ видится̀:
— Вяжи-тко ты шелкόвъ невòдъ,
— Лови-тко ты въ матушки Волховѝ
— Что попадетъ тебѣ въ неводкѝ:
— Сострой амбары́ велúкiй,
— Въ амбарь́ вали безпощадно гря̀зь. —
Попадае мусоръ и чѐврой [1]) ту̀тъ,
Попадае листья и дубья колόдинкѝ.
Валилъ въ амбары́ велúкiй
И всяку неподόльну гря̀зь.
Вси новгородчана смѣялисѝ

---

1) Чеврой — рѣчной песокъ.

Надъ тымъ Саткомъ работничкòмъ:
— Вознесся Сатокъ работничòкъ,
— Прописалъ себя въ купéчествò
— И залогу вели́кагò,
— А нунь ловитъ мусоръ и чеврой тỳтъ
— И всяку неподóльну грязь,
— И валитъ въ амбары́ вели́кій! —
На яву у Сатка причуди́лосй,
Все золото и серебро въ амбарѣ объяви́лосй.
Произвелъ Саткó купецъ богáтый
И все на денежный счетъ же вдрỳгъ, —
И не узналъ свою казну безсмѣ́тную.
Повыхвасталъ Саткó богатый,
Повыхвасталъ съ купцами новгорóдскимà:
«Ай же вы купци новгорóдскій,
«Ай же вы купци издревле здѝ!
«Я повыкуплю у васъ запасы всѣ хлѣ́бный,
«Повыкуплю товары вси крáсный
«И на свое былò имѣ́ніè
«И на свою злату казнỳ!»
И вси купци новгорóдскій
Вси купци заду́малѝсь:
— Неужто не можетъ поставить на Сатка купца богáтаго
— Хлѣбовъ запасныихъ и товаровъ намъ красныихъ,
— Чтобы не выкупить Саткỳ купцỳ богатомỳ
— Нашего иму́ществá? —
Не смѣли бить о вели́къ залòгъ,
Не смѣли на оди́нъ же рàзъ,
А били съ Саткомъ они нá три рàзъ, —
Били купци о своихъ главàхъ,
И Сатокъ купецъ богатый
Билъ о своей буйной гóловы́.
Сталъ купить запасы онъ хлѣ́бный
И товары вси красный,

Очистилъ вси лавки у купцовъ новгородскiйхъ.
Нечего купить Сатку богатому
У тыхъ купцовъ новгородскiйхъ,
Повыкупилъ съ лабазовъ запасы всѣ хлѣбный,
Съ лавокъ товары вси красный.
Наставляли купци было въ другой разъ
Про того Сатка купца богатагò,
Сталъ купить Сатокъ въ другой разъ
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары все красный,
Повыкупилъ на свое большое имѣнiе
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары всѣ красный,
Не осталось запасовъ тутъ хлѣбныйхъ,
Не осталось товаровъ тутъ красныйхъ.
Сами купци новгородскiй
Сами купци призадумались,
Сами купци прiужахнулись:
— Набъ[1]) намъ поставить буйны головы,
— Не заправимъ запасовъ мы хлѣбныйхъ,
— Не заправимъ товаровъ мы красныйхъ,
— Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
Писали купцамъ греческимъ,
Писали купцамъ заморскiймъ:
Пособили бы наставить запасы же хлѣбный,
Пособили бы наставить товары все красный.
Наставили купци заморскiй,
Заморскiи купци что ли греческй,
Наставили запасы тутъ хлѣбный,
Наставили товары тутъ красный
Въ помочь купцамъ новгородскiймъ
Сталъ купить Сатокъ купецъ богатый

1) Набъ — надобно.

Въ томъ своёмъ въ Нови́ градѝ,
Повыкупилъ Сатокъ онъ же тре́тью часть:
Не хватае у Сатка больше золота
Купить тутъ запасовъ да хлѣбныѝхъ,
Да товаровъ да красныѝхъ.
За свое за бахвальство за ложноѐ,
За свое пустое за хвастаньѐ
Отсѣчь набъ Сатку буйна го́ловà,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатыѝ
Оть тыхъ купцёвъ новгородскіихъ,
Сбѣжалъ изъ думы изъ крѣпкіѝ
Къ тому Вольги́ Всеславьевỳ:
«Молодой Вольга́ Всеславьевѝчъ,
«Сберегѝ меня Сатка купца богатагò
«Отъ тою смерти напра́снoю̀
«За своё за ложноё хвастаньѐ!»
Одѣвался Вольга́ Всеславьевѝчъ
И въ латы богатырскіѝ,
Беретъ орудію богатырскую̀,
Ставился Вольга́ Всеславьевѝчъ,
Ставился на матушку на Во́лховò,
Ставился на ши́рокъ мостъ,
Казнилъ онъ народъ безщадно безпошлинно,
Рылъ[1]) народъ во матушку во Во́лховò
И всихъ купцёвъ новгородскіѝхъ;
Бѣжали купци́ новгородскіѝ,
Тыѝ мужики новгородчанà
Къ тому было отцу его крестному
Къ тому Вольги Всеславьева:
— Упроси-тко ты Вольгу́ Всеславьева.
— За того Сатка купца богатаго

---

1) Рыть — сбрасывать.

— Казнитъ народъ безданно безпошлинно. —
Одѣвается отецъ его крестный,
Кладывае колокóлъ себя нá главу̀
Кладывае колокóлъ же мѣдный,
Мѣдныи колокóлъ еще сорокъ пудъ.
Идетъ къ крестовому дитятку̀
Къ тому Вольги Всеславьеву̀:
«Ай крестовое мое ты дитяткò,
«Ай Вольгà Всеславьевѝчъ!
«Не казни жъ народъ безданно безпошлинно
«За того купца ты невѣрнаго,
«Не за вѣрнаго купца богатаго,
«За богатаго Сатка новгородскаго!»
Упирается отца онъ крестнаго,
А ударилъ отца онъ крестнаго
Своимъ копьемъ бурзамецкіимъ
Во его буйную голову,
Въ тотъ колокóлъ было мѣдный,
И молодой Вольгá Всеславьевѝчъ.
И лопнулъ колокóлъ было мѣдный
На главы у того отца крестоваго.
Убилъ отца онъ крестоваго.
Тутъ самъ Вольгá ужахну̀лся вдру̀гъ,
Убирался онъ съ мату̀шки съ Волхова,
Приходитъ къ родители къ матери,
Самъ Вольга и хвастаетъ:
— Ай родитель моя матушка!
— Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
— Убилъ своего отца было крестнаго. —
Говоритъ родитель ему матушка
Тому Вольги Всеславьеву:
«Молодой Вольга Всеславьевичъ!
«Не потерпитъ тебя небесной царь,
«Что убилъ отца ты крестнаго,

«За ту напрасну смерть».
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Справляется къ дружины хороброю,
Набралъ дружины хороброю
Набралъ сорокъ стрѣльцёвъ молодыхъ молодцёвъ,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Отправляется съ дружиной хороброю,
Отправляется Вольга́ Всеславьеви̇чъ,
Отправлялся въ дальню сторону̇.
Пріѣзжае Вольга́ Всеславьеви̇чъ,
Пріѣзжае къ Викулы Селягину̇.
Паше Викула Селягинъ сынъ
Въ томъ въ чисто́мъ полѝ,
Борозды гоняе предолгій,
Сошка его поскрипливàтъ,
Солова́ кобылка его поступливàтъ,
Камешки вонъ вывертывàтъ,
Де́репъ Викула внизъ повертыватъ.
Пріѣзжаетъ Вольга́ Всеславьеви̇чъ
Къ Викулы Селягину:
— Богъ помочь, ратарь великій,
— Во чистомъ поли попа́хивàть!
— Какъ тя зовутъ, ратарь вели́кій,
— По имени нарекаютъ по отечеству̇? —
Отвѣчаетъ тутъ ратарь великій,
Называется Викулушкой,
По изотчинѣ звеличается Селягинъ сынъ.
— Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
— А нашолъ тебя въ чистомъ полѝ
И спрашиватъ Викула Селягинъ сынъ:
«Откуда удалой добрый молодецъ?»
— Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣстъ,
— По прозваньицу Вольга́ Всеславьеви̇чъ. —
«И вы есть Вольга Всеславьеви̇чъ?

«Куда вы отправились?»
— Отправился къ Викулы Селягину̀,
— Искать Викулы Селягина̀,
— Что поренъ Викула Селягинъ сынъ. —
И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
«Вели́ка сила у Викулы Селягина̀,
«Какъ ратаремъ живу во чисто́мъ полѝ».
— Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
— Поѣдемъ съ нами въ Курчевецъ,
— Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ. —
Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Я недавно былъ братцы во Курчевцѝ,
«Привезъ два мѣха соли пребо́льшiйхъ,
«Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пу̀дъ».
Зоветъ его Вольга́ Всеславьевичъ
Съ собою ѣхать въ Курчевецъ,
Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
Выпрягалъ кобылку онъ со́лову̀,
Клалъ сошку на поженку̀,
Липнулъ[1]) сошку далёко въ край.
Садился на кобылку на со́лову̀,
Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
Пошла Викулина кобылка тутъ со́лова̀,
Пошла во цѣлый шахъ, —
Молодой Вольга́ Всеславьевичъ
Со своей дружиной хороброю
Одва гонятся во всю же рысь.
Испрого́воритъ Вольга Всеславьевичъ
— Ай Викула Селягинъ сынъ!
— Эта бы кобыла конемъ была̀,
— Сто́ила бы кобыла пятьсотъ рублёвъ. —

1) Т. е. кинулъ.

Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Не возьму за кобылу цѣлой тысящѝ».
Поѣхали въ путь дороженку,
Не доѣхали до города Орѣхова,
Попадае имъ камень огромный,
На камешки подпись велика̀я:
Скакать черезъ этотъ же камешо̀къ
Тому же богатырю̀
Тому Вольги́ Всеславьеву̀,
Дружинушки его въ поперёгъ каменя̀,
Ему Вольгѝ вдоль камешка̀, —
Не скочитъ Вольга́ Всеславьевѝчъ,
Тутъ будетъ Вольги ско́ра смерть.
Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперёгъ сёго каменя̀;
Направляется Вольга́ Всеславьевѝчъ
Скочить сёго вдоль каменя̀.
Скочилъ Вольга́ Всеславьевѝчъ
Черезъ всю длину сёго каменя̀,
Задѣвае конь подковамы
За длинныи за камешо̀къ.
Застрадалъ Вольга́ Всеславьевѝчъ,
Не доѣхалъ Вольга́ до Орѣховца,
Скончался на той пути дороженкѣ
И тотъ же Вольга́ Всеславьевѝчъ.
Доставала дружина хоробрая
Доставала Вольгу́ Всеславьева̀
Въ свое же мѣсто великое[1]).
Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

3.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
Изъ того ли нунь села да Карачаева,
А Илья да сынъ Ивановичъ
Проситъ у родителя прощеньица,
Онъ прощенья проситъ съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову,
Отъ Чернигова-то ѣхать нунь ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Далъ отецъ прощенье съ бласловленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову.
Онъ садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ же въ руки онъ да ту́гой лукъ,
А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
А отъ города отъ Муромля
А до города Чернигова.
Перевелъ станы̀ большѝ разбойнички,
Онъ очистилъ тутъ дороженки.
Подъѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ,
Гди стоитъ тутъ войско бусурманьское
А й подъ городомъ Черниговымъ, —
Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
Что ли князю да черниговску.
Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
Онъ прибилъ же тое войско всё буса́рское *(такъ)*,
Всихъ татаръ да всихъ поганыихъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
Збавилъ князя да черниговска
Отъ татаръ было поганыихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
Князь черниговскій зраду́ется:

«Ты откуда, добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нарекаютъ по отечеству?»
— Я есть города отъ Муромля
— Да села есть Карачаевска,
— Да Илья же сынъ Ивановичъ. —
Принялъ его князь черниговскій
Во великое себѣ-ка-ва гостéбищо,
Онъ дарилъ ему да чéстныи подарочки,
Подарилъ тутъ е орудію да богаты́рскую,
Подарилъ копьё да ему вострое,
Да пожертвовалъ ёнъ саблю ему вострую.
Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
А прямой дорожкой не окольною,
А гди Сóловей да сынъ Рахматовичъ
А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго.
Бьетъ онъ свистомъ соловьинымъ,
Покрыкомъ своимъ звѣринымъ.
Тутъ есть стáны да разбойнички
Да артели тутъ великіи
На прямой дорожки не окольныи.
Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова до Кіева,
Перевелъ же стáны вси разбойнички,
Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
Подъѣзжае подъ гнѣздо да Соловьиное
Того Сóловья Рахматова.
Засвисталъ же Сóловей Рахматовичъ,
Засвисталъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному;
У Ильи сынà Иванова
Добрый конь его да подтыкается.

Спа́датъ со рѣзвы́ихъ ногъ,
Падатъ онъ же на колѣночка.
Говоритъ Илья Ивановичъ:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
— Что же ты да ноньче подтыкаешься!
— Что ль ты не бывалъ да во темно́мъ лѣсу,
— Не слыхалъ ты соловьинаго да по́свисту,
— Не слыхалъ ли ты звѣринаго да по́крыку?
— Ты ставай-ко на рѣзвы́ ноги,
— Ты вези-ко подъ гнѣздо да Соловьиное
— Подъ того же было Со́ловья Рахматова! —
Подъѣзжае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ того же Со́ловья Рахматова
Подъ гнѣздо да соловьиноё.
Какъ подъѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ гнѣздо да Соловьиное,
Онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ тутъ стрѣлочку калёную,
Стрѣлилъ стрѣлочку во Со́ловья
Во того да во Рахматова
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрѣлочка
А во Со́ловья Рахматова
И свалила тая стрѣлочка
Оттуль Со́ловья Рахматова
А Рахматова разбойничка, —
Повалился будто сѣнная-та ку́чищо.
А до смерти не убило ли,
Только Со́ловья разило ли.
А Илья да сынъ Ивановичъ
Бралъ же Со́ловья Рахматова,
Бралъ Илья да за желты́ кудри,
Вязалъ Со́ловья Рахматова

Онъ ко лѣвою ко стремены.
Тутъ садился на добра коня,
По́везъ Со́ловья Рахматова
А й ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиныи,
Гдѣ живетъ же тамъ жена е Соловьиная
Со своима тамъ же дѣткамы.
А глядятъ же его дѣтушки
Того Со́ловья Рахматова
Во косевчато окошечко,
Говорятъ же тыи дѣтушки:
«Ахъ ты матушка, ты матушка!
«Батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ».
Была дочь да одноглазая,
А глядитъ она въ окошечко,
А сама она да испрого́воритъ:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумны наши дѣтушки!
— А не батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ-тотъ ѣде, везе батюшка. —
Говоритъ же Соловьина молода жена:
«Вы бѣжите-тко на ши́рокъ дворъ,
Тамъ здымайте подворотенку
Подворотенку да вы серебряну,
А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
Во своихъ было воротахъ ли.
Увидалъ же тутъ да Со́ловей Рахматовичъ
Подворотенку здымаючи:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумныи вы дѣтушки!
— Вы зачимъ же нунь здымаете
— Подворотенку серебряну?
— Что ли у́бьете вы подворотенкой,

— Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
— Вы зовите-тко въ гостёбищо,
— Вы дарите-тко подарочки,
— Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка. —
Звали во великое гостёбищо
Да Илью сына̀ Иванова,
Выносили ёму честныи подарочки.
Не бралъ честныихъ подарочковъ,
Не оставилъ имъ же Со́ловья Рахматова,
Везъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Тутъ же онъ пріѣхалъ да на ши́рокъ дворъ
Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенаго
У того кольца да золоченаго,
Зашолъ же во полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по уче́ному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой въ особину:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною!»
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты откудова, удалый доброй молодецъ,
— А ко́ей земли ко́ей орды,
— Какъ тя имене́мъ зовутъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города отъ Муромля
«А села да Карачаева,
«А Илья да сынъ Ивановичъ».
— А отъ города отъ Муромля

— Отъ села да Карачаева
— Вы куда-ка нуньчу ѣхали? —
Отвѣчае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А прямой дорожкой неокольною».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ:
— Тутъ великіи артели да разбойниковъ
— На прямой дорожки неокольною. —
«Вси разбойнички убитыи,
«Вси дороженьки очищены».
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Подъ Черниговомъ да стóитъ войско бусурманское,
— Всё поганыи татарова,
— А стои́тъ татаръ да много тысящей,
— Запертъ да Черниговъ градъ,
— Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
Говоритъ же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«А убито тое войско бусурманское,
«Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,
«Что ль избавленъ еще князь черниговской
«А отъ тыхъ поганыихъ татаровей».
— Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
«Ѣхали да отъ Чернигова
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А й прямой дорожкой неокольною,
«Гди живетъ тутъ Сóловей Рахматовичъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?
— Тутъ великіи артели е разбойниковъ. —
«А разбойнички убитыи,
«Что ли стáночки посóжганы».
— Тутъ же Сóловей Рахматовичъ

— Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
— Не стрѣльбой пальбой онъ бьетъ да человѣческой,
— Бьетъ же по́свистомъ да соловьиныимъ,
— Бьетъ же по́крыкомъ звѣриныимъ. —
«Со́ловей Рахматовичъ
«На твоемъ да широко́мъ двори
«У моей было у лѣвои у стремены,
«Онъ приве́зенъ нунь во Кіевъ градъ».
Князь да со княгиною
А скорешенько бѣжали да на ши́рокъ дворъ
Посмотрѣть да было Со́ловья Рахматова.
Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
Къ тому Со́ловью Рахматову
А й къ Рахматову разбойнику:
— Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
— Засвищи по соловьиному,
— Закрычи-тко по звѣриному! —
Отвѣчае имъ же Со́ловей:
«Не у васъ я хлѣба кушаю,
«А не васъ я хо́чу слушати».
А й выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
— За́ставь Со́ловья да за́свистать,
— Засвистать по соловьиному,
— Закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья Ивановичъ:
«Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
«Засвищи-ко ты полу́-свистомъ,
«Закрычи-ко нунь полу́-крыкомъ!»
Со́ловей Рахматовичъ
А Рахматовичъ разбойничекъ,
Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
Закрычалъ-то онъ во весь тутъ крыкъ.

Князь да со княгиною
Пали оны, о́мерли.
Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
Какъ подскочитъ онъ ко Со́ловью,
Къ Со́ловью Рахматову
А къ Рахматову разбойнику,
Какъ отде́рнетъ да отъ стремены,
Какъ ударитъ о кирпиченъ мостъ, —
Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицамы,
На четыре части голова тутъ лопнула;
А ростря́съ князя̀ съ княгиною
Что ли солнышка Владиміра
А и князя стольнё-кіевска.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ;
— Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
— Нареку тебѣ я имя да по новому:
— Быдь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— А живи-тко ты у насъ во Кіеви,
— А отнынѣ ты живи вѣкъ по́ вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганыи,
Чтоль Идолищо великое,
Набралъ силы онъ татарскіи,
Набралъ силы много тысящей,
Онъ поѣхалъ нунь татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,

А великое да страшное,
А й ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставитъ силушку вкругъ Кіева,
Ставитъ силушку на много вёрстъ,
Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарина да онъ было поганаго,
Что ль Идолища да онъ было великаго.
Не случилоси да у Владиміра
Дома русьскіихъ могучіихъ бога́тырей:
Уѣхали богатыри въ чисто́ поле,
Во чисто́ поле уѣхали поляковать:
А й ни стараго каза́ка Ильи Муромца,
А й ни мо́лода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было По́тыка Иванова.
Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
Хоть бы смѣлыи Алешка — не удалыи.
А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
А проти́въ было поганаго татарина
А проти́въ того Идолища великаго.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарину да кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было палаты бѣлокаменны.
Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаетъ.
Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле

А подъ тую было силу подъ татарскую.
Попадаетъ ему старецъ перегримищо,
Перегримищо да тутъ могучіи Иванищо;
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ты Иванищо да е могучіи!
«Не очистишь что же нуньчу града Кіева,
«Ты не у́бьешь нунь поганыихъ татаровей?»
Говорилъ ему Иванищо могучее:
— Тамъ татаринъ е вели́кіи,
— А великіи Идолищо да страшныи,
— Онъ по́ кулю да хлѣба къ выти ѣстъ,
— По ведру вина да онъ на разъ-то пьетъ,
— Такъ не смію я итти туды къ татарину. —
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Иванищо могучее!
«Дай-ко мнѣ-ка платьицевъ нунь старческихъ
«Да лаптёвъ же мнѣ-ка нуньчу старческихъ,
«Своей шляпы нунь же мнѣ-ка-ва да старческой,
«Да й клюки же мнѣ-ка́ сорока пудовъ, —
«Не узналъ бы нунь татаринъ да поганыи,
«Что меня же нунь каза́ка Ильи Муромца,
«А Ильи сына̀ Иванова».
— А не далъ бы я ти платьицевъ да старческихъ,
— А не смію не́ дать платьицевъ тутъ старческихъ:
— Съ чести ти не дать, такъ во́зьмешь не́ съ чести,
— Не съ чести возьме́шь, ужь мнѣ-ка бокъ набьешь!
Отдавае ему платьица-ты старчески,
Лапти тутъ давае онъ же старчески,
Шляпу онъ давае тутъ же старческу,
А клюху-ту онъ давае сорока пудовъ.
Принимаетъ тутъ же платья богатырскіи
А садился на коня да богатырскаго,

Онъ поѣхалъ Ильей Муромцомъ.
А идетъ тутъ Илья Муромецъ,
Что идетъ же къ солнышку Владиміру,
Что идетъ Иванищо могучее
Въ платьяхъ тутъ же старческихъ,
Онъ идетъ мимò палаты бѣлокаменны
Мимо ты косевчаты окошечка,
Гди сидитъ было Идолищо поганое,
Гди татаринъ да невѣрныи.
А взглянулъ было татаринъ во окошечко,
Самъ татаринъ испрогóворитъ,
Говоритъ же тутъ татаринъ да поганыи:
— А по платьицамъ да иде старчищо,
— По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —
Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А въ тыи въ полаты бѣлокаменны
И во тыхъ было во платьяхъ да во старческихъ
Того старца перегримища,
Перегримища да тутъ Иванища.
Говоритъ же тутъ Идолищо поганое:
— Ай же старчищо да перегримищо!
— А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ? —
Отвѣчае ему старецъ перегримищо:
«Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть».
— А по многу ли вашъ ѣстъ да Илья Муромецъ?
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Не по многу ѣстъ казакъ да Илья Муромецъ:
«По три калачика крупивчатыхъ».
— Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьетъ? —
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Онъ одинъ же пьетъ да нунь стаканецъ ли».
Отвѣчаетъ тутъ Идолищо поганое:
— Это что же есть да нуньчу за богáтырь ли!

— Какъ нашіи татарскіи богáтыри
— По кулю да хлѣба къ выти кушаютъ,
— На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли. —
Отвѣчаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Какъ у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго
«Какъ бывала тутъ коровища обжорища,
«По кýбочѣ[1]) соломы да на рáзъ ѣла,
«По лохани да питья е да на рáзъ пила,
«Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»
Тутъ Идолищу поганому не кажется, —
Какъ ухватитъ онъ ножищо да кинжалищо
Да какъ мáхне онъ въ казáка Илью Муромца
Во того было Илью Иванова.
А казакъ тотъ былъ на ножки еще пóвертокъ,
А на печку Илья Муромецъ выскакивалъ,
Нá лету онъ ножичокъ подхватывалъ,
А назадъ да къ нему носомъ поворачивалъ,
Какъ подскочитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Со своей было клюхою сорочинскою,
Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову, —
Отлетѣла голова да будто пугвица.
А какъ выскочитъ онъ да на широкъ дворъ,
Взялъ же онъ клюхой было помахивать
А поганыихъ татаровей охаживать,
А прибилъ же всихъ поганыихъ татаровей,
А очистилъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
Збавилъ онъ же солнышка Владиміра
Изъ того же было полону великаго.
Тутъ же Ильѣ Муромцу да-е славý поютъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Кубоча — тукачъ или снопъ соломы.

5.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ[1]).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
Никитичу-то родненька наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитивичъ!
«Ты походишь нунь гулять да е во Кіевъ градъ,
«Подь ты нунь гуляй да по всимъ уличкамъ,
«И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
«Только не́ ходи ко сукиной Маринушки,
«Къ той Маринушки Кайдаловной,
«А Кайдальевной да королевичной,
«Въ тую ли во частую во уличку,
«Да во тотъ ли нунь во мелкій переулочекъ.
«Сука блядь Маринка та Кайдальевна
«А Кайдальевна да королевична,
«Королевична да и волшебница,
«Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди.
«За́йдешь ты, Добрынюшка Никитиничъ,
«Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
«Тамъ тебѣ Добрынѣ живу не́ бывать!»
Отправляется Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ ходить гулять по городу по Кіеву,
Да по тымъ же нунь по частыимъ по уличкамъ,
Тутъ по мелкіимъ Добрыня переулочкамъ,
Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
А не шолъ же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.

---

1) Калининъ пѣлъ подъ-рядъ всю былину о Добрынѣ Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говорилъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдѣльную былину.

Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
А сидитъ же голубъ со голубушкой
А во той же нупь Маришки во Кайдальевны
Въ ей же онъ сидитъ голу́бъ во улички,
Сидятъ что ли голубъ со голубкою
Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки кале́ныи,
Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голуба́ съ голубушкой.
Не попала тая стрѣлочка каленая
А й во го́луба да со голубкою,
А летѣла тая стрѣлочка прямо во высо́къ теремъ,
Во то было окошечко косевчато
Къ сукѣ ко Маринушки Кайдальевной,
А й Кайдальевной да королевичной.
Тутъ скорешенько Добрыня шолъ да широки́мъ дворомъ,
Поскорѣе тутъ Добрыня по крылечику,
Вѣжливѣе же Добрыня по новы́мъ сѣнямъ,
А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
Говоритъ ему Маришка да Кайдальевна
А й Кайдальевна да каролевична:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитпничъ!
«Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь».
Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна!
— Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
Обернулся тутъ Добрыня съ новой горници,
И выходитъ тутъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ.
Тутъ скочила же Маринушка Кайдаловна,
Брала тутъ ножищо да кинжалищо,

А стругаетъ тутъ слѣдочки да Добрынины,
Рыла[1]) тутъ во печку во муравлену
И сама же тутъ къ слѣдочкамъ приговариватъ:
«Горите вы слѣдочки да Добрынины
«Въ то́й было во печки во муравленой,
«Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдальевной,
А й къ Кайдальевной да королевичной:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
— Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Микитичемъ. —
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Что же надо мной да надсмѣхаешься?
«Да́вень тебя звала въ полюбовнички, —
«Ты въ меня топерь[2]) Добрыня не влюблялся ли;
«Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
Воротила тутъ она было бога́тыря
Тымъ было туро̀мъ да златорогiимъ,
А спустила тутъ бога́тыря въ чисто́ поле:
А пошолъ же тутъ бога́тырь по чисту́ полю,
А пошолъ же онъ туро́мъ да златорогiимъ.
Увидае онъ тутъ стадо да гусиноё
Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
А желанной онъ своей да было тётушки,
Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
Не оставилъ онъ гусеныша на си́мена.
Тутъ приходя пастухи было гусиныи
А приходя пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты мо́лода Авдотья да Ивановна!

---

1) Т. е. бросала.
2) Т. е. въ то время.

«А приходитъ къ намъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
«Не оставилъ намъ гусеныша на си́мена».
Приходилъ же къ стаду къ лебединому,
Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
Не оставилъ онъ лебёдушки на си́мена.
Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
А приходятъ пастухи да лебединыи,
Тыи жъ пастухи да жалобу́ творятъ:
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
«Не оставилъ онъ лебёдушки на си́мена».
Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьеё,
Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единою,
Не оставилъ онъ овечки имъ на си́мена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи было овечьіи:
«Молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единоё,
«Не оставилъ онъ овечки намъ на си́мена».
Шолъ же туръ да златорогіи
А во то было во стадо во скотинное,
Ко тому было ко ско́ту ко рогатому,
Притопталъ же всихъ коровъ да до единою,
Не оставилъ имъ коровушки на си́мена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи же къ ей коровьіи,
Тыи пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ ко стаду ко скотинному
«Приходилъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,

«Не оставилъ намъ коровушки на си́мена».
Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
— А не быть же нунь туру̀ да златорогому,
— Быть же нунь любимому племяннику,
— Мо́лоду Добрынюшки Никитичу.
— Онъ обвернутъ у Маришки у Кайдальевной
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— А повернутъ онъ туромъ да златорогіимъ. —
Находилъ же стадо онъ кониное
Тотъ же туръ да златорогіи,
Разгонялъ же всихъ коней да по чисту́ полю,
Не оставилъ имъ лошадушки на си́мена.
А й приходятъ пастухи да къ ей конины,
Сами пастухи да жалобу̀ творятъ:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
«Приходилъ же къ намъ туръ туръ да златорогіи,
«Разгонялъ же всихъ коней да по чисту полю,
«Не оставилъ намъ лошадушки на си́мена».
Молода Авдотья да Ивановна
Повернулась тутъ она было сорокою,
А летѣла къ сукѣ ко Маринушкѣ Кайдальевной,
А садилась на окошечко косевчато.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Стала тутъ сорока выговаривать:
— Ахъ ты сука нунь Маринушка Кайдальевна,
— Ай Кайдальевна да королевична!
— А зачѣмъ же по́вернула ты Добрынюшку,
— А Добрынюшку да ты Никитича,
— Тымъ же нунь туро̀мъ да златорогіимъ,
— А спустила тутъ Добрыню во чисто́ поле?
— Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
— Отъ того же нунь тура̀ да златорогаго:
— Не отворотишь ты Добрынюшки Никитича
— Отъ того же отъ тура да златорогаго, —

— Òверну тебя, Маринушка, сорокою,
— Я спущу тебя, Маришка, во чисто полё:
— Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою! —
Обвернулась тутъ Маришка да сорокою,
А летѣла тутъ сорока во чистó поле,
А садиласи къ туру да на златы рога.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Взя́ла тутъ сорока выговаривать:
«Ай же туръ да златорогіи,
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
«А принять со мной съ Маришкой по злату вѣнцу:
«Отврачу я отъ турá тя златорогаго».
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Отврати-тко отъ турà да златорогаго,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу —
Отвернула отъ турà да златорогаго
Мóлода Добрынюшку Никитича.
Приходили тутъ ко городу ко Кіеву
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
А проводитъ онъ свою да было свадебку,
Отправляется во ложни да во теплыи
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Самъ же онъ служаночкамъ наказыватъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Попрошу у васъ же чару зеленá вина,
— Вы попрежде мни подайте саблю вострую. —
Шолъ же онъ во ложни да во теплыи;
Обвернула тутъ его да горносталушкомъ,
Взя́ла горносталина попуживать,

Взя́ла горносталина покышкивать,
Приломалъ же горносталь да свои нёкти прочь.
Обвернула тутъ она его соколикомъ,
Взя́ла тутъ соколика попуживать,
Взя́ла тутъ соколика покышкиватъ,
Примахалъ соко́лъ да свои крыльица.
Тутъ смолился онъ Маринушки Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной:
— Не могу летать я нунечку соколикомъ,
— Примахалъ свои я нуньчу крыльица,
— Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
Молода Маришка да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична,
Отвернула тутъ Добрыню добрымъ мо́лодцемъ;
А скрычалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи,
— Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
Поскорешенько тутъ подавали саблю вострую.
Нѐ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
Сма́хнѐ онъ Добрыня саблей вострою
И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
А за ей было поступки неумильнiи.
По утру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
Идутъ же было князи тутъ да бояра:
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Со своей да съ любимо́й семьей
«Съ той было Маринушкой Кайдальевной,
«А й Кайдальевной да королевичной!»
— А й же нунь вы князи еще бо́яра,
— Вси же вы Владимiровы дво́ряна!
— Я вечоръ же братци былъ жена́тъ нѐ хо̀лостъ,
— А нынечу я сталъ братци холо́стъ нѐ жѐнатъ!
— Я отсѣкъ же нунь Маринѣ буйну голову

— За ейны̀ было поступки неумильніи. —
«Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что отсѣкъ же ты Маринки буйну голову
«За ейны̀ поступки неумильніи!
«Много тутъ казнила да народу она русьскаго,
«Много тутъ князей она князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди!»

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
«Не топчи-тко тамъ ты малыихъ зміенышовъ,
«Не выручай же по́лону тамъ русьскаго,
«Не куплись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
«Тая рѣка свирипая,
«Свирипая рѣка сама сердитая:
«Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
«Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
«Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
«Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки
Честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
То́пталъ онъ тутъ малыихъ змѣенышковъ,
Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
— Матушка Добрынюшки говаривала,
— Родная Никитичу нака́зывала:

—«Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
—«Не топчи-тко тамъ ты малыихъ змѣенышовъ,
—«Не куплись Добрыня во Пучай-рѣки,
—«Тая рѣка свирипая,
—«Свирипая рѣка да е сердитая:
—«Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
—«Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
—«Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
—«Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
—Эта матушка Пучай-рѣка
—Какъ ложипушка дождёвая.—
Не поспѣлъ тутъ же́ Добрыня словця мо́лвити,—
Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
Изъ-за другою же струйки искра сыплется,
Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Захочу я нынь Добрынюшку цѣло́ сожру,
«Захочу Добрыню въ хобота возьму,
«Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты змѣя было проклятая!
—Ты поспѣла бы Добрынюшку да за́хватить,
—Въ ты пору Добрынюшкой похвастати,
—А нуньчу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
Ны́рнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
Вынырнулъ Добрынюшка на дру́гоемъ,
Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
Самъ же тутъ Добрыня пріужа́хнется,
Самъ Добрыня испрого́воритъ:

— Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножищо да кинжалищо,
Хоче онъ змѣю было порóспластать.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Быдь-ка ты Добрынюшка да большій братъ,
«Я теби да сёстра меньшая.
«Сдѣлаемъ мы же заповѣдъ великую:
«Тебѣ-ка-ва не ѣздить нынь на гору сорочинскую,
«Не топтать же здѣ-ка маленькихъ зміёнышковъ,
«Не вырýчать пóлону да русьскаго;
«А я теби сестра да буду меньшая, —
«Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
«А не брать же больше пóлону да русьскаго,
«Не носить же мнѣ народу христіаньскаго».
Отслабилъ онъ колѣнъ да богатырскіихъ.
Змѣя была да тутъ лукавая,
Сподъ колѣнъ да тутъ змѣя свернуласи,
Улетѣла тутъ змѣя да во кувыль-траву.
И мóлодый Добрыня сынъ Никитиничъ
Пошолъ же онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
Къ честной вдовы Офимьѣ Олександровной.
И самъ Добрыня порасхвастался:
— Какъ нѣту у Добрыни кóня добраго,
— Какъ нѣту у Добрыни кóпья востраго,
— Не на комъ поѣхать нынь Добрынѣ во чисто поле! —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:

«Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
«Почестный пиръ идетъ у насъ на весели,
«А мнѣ-ка-ва Владиміру не весело.
«Одна у мня любимая племянничка,
«И мо́лода Забава дочь Потятична;
«Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
«Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
«Ходила нунь Забава дочь Потятична
«Она съ мамкамы да съ нянькамы
«Въ зеленомъ саду гулятиться.
«Подпада́ла тутъ змѣя было проклятая
«Ко той матушки да ко сырой земли,
«Ухватила тутъ Забаву дочь Потятичну
«Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
«Во свои было во хобота змѣиныи,
«Унесла она въ пещерушку змѣиную».
Сидятъ же тутъ два русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
Во дру́гіихъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Вы русьскіи могучіи богатыри,
«Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
«Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятичну
«Изъ той было пещеры изъ змѣиною?»
Испроговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ было на семъ свѣти,
— Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:
— Добрынюшка змѣи́ было крестовый братъ.
— Отдастъ же тутъ змѣя проклятая
— Мо́лоду Добрынюшки Никитичу
— Безъ бою́ безъ драки кроволитія
— Тую же нунь Забаву дочь Потятичну. —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:

«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
«Да изъ той было пещерушки змѣиною.
«Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
«Прикажу теби Добрыня голову́ рубить».
Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ же очи ясныи
А во тотъ ли во кирпиченъ мостъ;
Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ.
Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Отдаетъ ему великое почтеніё
Ему нунь за весело пированіё.
И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
И къ честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
Сама же тутъ Добрынѣ испроговоритъ:
«Что же ты рожоноё не весело,
«Буйну голову рожоноё повѣсило?
«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Али ѣствы-ты были не пó уму?
«Али питьица-ты были не по разуму?
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
«Али пьяница ли тамъ тебя пріóбозвалъ?
«Али чарою тебя да тамъ пріóбнесли?»
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
А честной вдовы Офимьи Олександровной:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Ѣствы-ты же были мнѣ-ка пó уму
— А и питьица-ты были мнѣ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріóбнесли
— А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же
— А и пьяница меня да не пріóбозвалъ;
— А накинулъ на насъ службу да великую

— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
— А достать было Забаву дочь Потятичну
— А изъ той было пещеры изъ змѣиною;
— А нунь нѣту у Добрыни ко́ня добраго
— А нунь нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не съ чѣмъ мни поѣхати на гору сорочинскую
— Къ той было змѣи нынь ко проклятою. —
Говорила тутъ родитель е́му матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«А рожоное моё ты нынь же дитятко,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Богу ты молись да спать ложись,
«Буде утро мудро мудренѣе буде вечера,
«День у насъ же буде тамъ прибыточёнъ.
«Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
«Ты бери коня съ конюшенки стоялыя,
«Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
«А стоитъ бурко́ пятнадцать лѣтъ,
«По колѣнъ въ наземъ же ноги призаро́щены,
«Дверь по поясу въ наземъ заро́щена».
Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А ко той ли ко конюшенькѣ стоялыя;
Повыдернулъ же дверь онъ вонъ и́зъ назму,
Конь же ноги и́зъ назму да вонъ выдё́ргиватъ,
А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Беретъ Добрынюшка добра́ коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводитъ изъ конюшенки стоялыи,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма.
Ложился тутъ Добрыня на ве́ликъ одёръ.
Ставае онъ по утрушку ранехонько,
Умывается онъ да и бѣлехонько,
Снаряжается да хорошохонько,

А сѣдлае своего да онъ добра́ коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
И садился тутъ Добрыня на добра коня.
Провожаетъ тутъ родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна;
На поѣздѣ ему плёточку нунь подала,
Подала тутъ плётку шамахинскую
А семи шелковъ да было разныихъ,
А Добрынюшкѣ она было наказыватъ:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Вотъ теби да плетка шамахинская:
«Съѣдешь ты на гору сорочинскую,
«Станешь то́птать маленькихъ змѣенышовъ,
«Выручать тутъ полону да русьскаго,
«Да не станетъ твой же бурушко поскакивать
«А змѣенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать, —
«Ты хлыщи бурка да нунь проме́жъ уши,
«Ты проме́жъ уши̍ хлыщи да ты проме́жъ ноги,
«Ты проме́жъ ноги̍ да про́межъ задніи,
«Самъ бурку да приговаривай:
«Бурушка ты нунь поскакивай,
«А змѣенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»
Тутъ простиласи да воротиласи.
Видли тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ не воротами,
Черезъ ту стѣну̍ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Онъ на тую гору сорочинскую;
Сталъ топтать да маленькихъ змѣенышовъ,
Выручать да полону нунь русьскаго.
Подточили тутъ змѣёныши бурку да щоточки,

А не сталъ же его бурушко поскакивать.
На кони же тутъ Добрыня прiужа́хнется:
Нупечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнилъ онъ наказъ да было матушкинъ,
Сунулъ онъ же руку во глубокъ карманъ,
Выдернулъ же плётку шамахинскую
А семи шелковъ да шамахинскiихъ,
Сталъ хлыстать бурка да онъ проме́жъ уши,
Проме́жъ уши̇ да онъ проме́жъ ноги,
А проме́жъ ноги̇ да про́межъ заднiи,
Самъ бурку да приговариватъ:
— Ахъ ты бурушко, да нунь поскакивай,
— А змiенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай! —
Сталъ же ёго бурушко поскакивать
А змiенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,
Притопталъ же всихъ онъ маленькихъ змiенышковъ,
Выручалъ онъ полону да русьскаго.
И выходитъ тутъ змѣя было проклятая
Да изъ той было пещеры изъ змѣиною
И сама же тутъ Добрыни испрого́воритъ:
«Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты порушилъ свою заповѣдь великую,
«Ты прiѣхалъ нунь на гору сорочинскую
«А топтать же мо́ихъ маленькихъ змiенышовъ».
Говоритъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты змiя проклятая!
— Я ли нунь порушилъ свою заповѣдь,
— Али ты змѣя проклятая порушила?
— Ты зачимъ летѣла черезъ Кiевъ градъ,
— Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
— Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
— Безъ бою̇ безъ драки кроволитiя. —
Не отдавала о́на безъ бою̇ безъ драки кроволитiя,
Заводила о́на бой драку̇ великую

Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіё.
Бился тутъ Добрыня со змѣёй трой сутки
А не може онъ побить змѣи проклятою.
Наконець хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати, —
Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бился со змѣёй ты да тро́и сутки,
«А побейся-ко съ змѣёй да еще три́ часу».
Тутъ побился онъ Добрыня еще три́ часу,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.
Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
А не при́жре матушка да тутъ сыра земля
Этой крови да змѣиною.
А стоитъ же тутъ Добрыня во кровѝ трой сутки,
На кони сидитъ Добрыня — пріужа́хнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати.
Зъ-за небесей Добрынѣ снова гласъ гласитъ:
«Ай ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкіимъ
«Да во ту же матушку сыру землю,
«Самъ къ земли да приговаривай».
Сталъ же бить да во сыру землю,
Самъ къ земли да приговаривать:
— Розступись-ко ты же, матушка сыра земля,
— На четыре на вси стороны,
— Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
Розступилась было матушка сыра земля
На всихъ на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
Опускается Добрынюшка съ добра коня
И пошолъ же по пещерамъ по змѣиныимъ,
Изъ тыи же изъ пещеры изъ змѣиною
Сталъ же выводить да полону онъ русьскаго,

Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
Много королей да королевичевъ,
Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
Много нунь дѣвицъ да и князевичныхъ
А изъ той было пещеры изъ змѣиною,
А не може онъ найти Забавы дочь Потятичной.
Много онъ прошолъ пещеръ змѣиныихъ
И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
Въ той послѣднею пещеры во змѣиною.
А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
А изъ той было пещерушки змѣиною,
Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
И дѣви́цамъ королевичнымъ
И дѣви́цамъ онъ да нунь князевичнымъ:
— Кто откуль вы да уне́сены,
— Всякъ ступайте въ свою сторону
— А сбирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
— И не троне васъ змѣя болѣ́ проклятая.
— А убита е змѣя да та проклятая
— А пропущена да кровь она змѣиная
— Отъ востока кровь да внизъ до запада,
— Не унесетъ нунь бо̀лѣ полону да руськаго
— И народу христіаньскаго.
— А убита е змѣя да у Добрынюшки
— И приконьчена да жизнь нуньчу змѣиная. —
А садился тутъ Добрыня на добра́ коня,
Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
А садилъ же онъ Забаву на право́ стегно
А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту́ полю.
Испрого́воритъ Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за вы́слугу

«Назвала тебя бы я нунь батюшкомъ,
«И назвать тебя Добрыня нуньчу нé можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нунь братцемъ да родимыимъ,
«А назвать тебя Добрыня нуньчу нé можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нынь другомъ да любимыимъ,
«Въ насъ же вы Добрынюшка не влю́битесь!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Молодой Забавы дочь Потятичной:
— Ахъ ты мо́лода Забава дочь Потятична!
— Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
— Я есть роду христіаньскаго:
— Насъ нельзя назвать же другомъ да любимыимъ —
А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да и́скопыть,
Ископыть да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитиничъ
Той же ископытью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
— Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
— Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
— Везъ же я Забаву да во честности,
— Да отъ насъ прими Олешенька во честности,
— Не стыди-тко ей да личка бѣлаго,
— Ты присты́дишь ей да личко бѣлое,
— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
— Я те завтра тутъ Олешка голову́ срублю!
— А свези-ко ты къ Владиміру во честности,
— Къ солнышку ко князю стольнё-кіевску. —
Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
Самъ поѣхалъ ископытью лошадиною.

Наѣзжае онъ бога́тыря въ чисто́мъ поли,
А сидитъ богатырь на добро́мъ кони,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Е же не бога́тырь на добро́мъ кони,
— Есть же поляница знать удалая
— А кака́ ни тутъ дѣвица либо женщина! —
И поѣхалъ тутъ Добрыня на бога́тыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница, не своро́хнется,
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, пріужа́хнется,
Отъѣзжае прочь Добрыня отъ бога́тыря
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
— Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
— Видно сила у Добрыни не по прежному! —
А стоитъ же во чистомъ поли да сы́рой дубъ
Да въ обнёмъ же онъ стоитъ да человѣческій.
Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сы́рой дубъ
А попробывать да силы богатырскіи.
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сы́рой дубъ,
Онъ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
На своёмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
А на ту же поляницу на удалую,
Че́сне поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, не своро́хнется
И назадъ же поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня, самъ ужа́хнется:
— Смѣлость у Добрынюшки по прежному,
— Видно сила у Добрыни не по старому!

— Со змѣёю же Добрыня нынь повыбился! —
Отъѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалыи,
А стоитъ тутъ во чистомъ поли да сы́рой дубъ,
Онъ стоитъ да въ два обнёма человѣческихъ.
Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня, пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Розгорѣлся тутъ Добрыня на добри́ кони,
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Да ударитъ поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе,
И назадъ же поляница оглянуласе,
Говоритъ же поляница да удалая:
«Думала же, русскіи комарики покусываютъ,
«Ажно русскіи бога́тыри пощалкиваютъ!»
Ухватила тутъ Добрыню за желты́ кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ да по чисту полю;
Испровѣщится же ейный добрый конь:
— Ай же поляница ты уда́лая,
— Молода́ Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти да двухъ бога́тырей:
— Силою бога́тырь супротивъ тебя,
— Смѣлостью бога́тырь да вдвоёмъ тебя. —
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тутъ бога́тыря съ мѣшка да вонъ же съ кожаньца,
Сама къ бога́тырю да испрого́воритъ:

«Старыи богáтырь да матёрыи —
«Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
«Ежели богáтырь да молóдыи,
«Ежели богáтырь намъ прилюбится,
«Назову я сéбѣ другомъ да любимыимъ;
«Ежели богатырь не прилюбится,
«На долонь кладу, другой прижму
«И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
«Здравствуй душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!»
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты поляница да удалая!
— Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?
— Я тобя да нунь не знаю ли. —
«А бывала я во городи во Кіеви,
«Я видала тя Добрынюшку Никитича,
«А тебѣ же меня нуньчу негдѣ знать.
«Я того же короля дочь ляховицкаго,
«Молода Настасья дочь Никулична,
«А поѣхала въ чистó поле поляковать
«А искать же я собѣ-ка супротивничка.
«Вóзьмешь ли Добрыня во замужество,
«Я спущу тебя Добрынюшка во живности,
«Сдѣлай со мной заповѣдь великую.
«А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія,
«На долонь кладу, другой сверхý прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу —
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь поѣхали ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владиміру.

Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
А стрѣтаетъ тутъ родитель е́го матушка
А честна̀ вдова Офимья Олександровна,
И сама же у Добрынюшки да спра́шиватъ:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Олександровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крестъ-то клалъ да по писа́ному,
Бьетъ челомъ Добрыня покланяется
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинушкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я привезъ же нынь себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату вѣнцу. —
Сдѣлали объ ихъ же публикацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ коро́тати.

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ ро́дненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго споро́дила!
— Спороди́ла бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,
— А спустила бы во черное-то море во турецкое:
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
— Я отнынѣ бы Добрыня вѣкъ да по́ вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нунь Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей матерей,
— Не пускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ! —
Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя споро́дити
«А таланомъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нунь бога́тыря,
«Красотою было въ Осипа прекраснаго,
«Славою было въ Вольгу̑ Всеславьева,
«А й богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А й богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою щапливою
«Во того было Чурилушку Пленко́вича,
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Тыи ста́тьи есть да дру́гихъ Богъ не далъ,
«Дру́гихъ Богъ теби не далъ да не пожаловалъ».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ,
А сѣдлаетъ тутъ Добрынюшка добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
Да на потнички онъ кла́де войлочки

А на войлочки черкальское сѣдельшко,
А подтягиватъ двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
А у той ли у правыи у стре́мены
Провожала е́го тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стре́мены
Провожала-то его да любима́ семья,
Молода́ Настасья да Микулична.
А тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стремены
И́де молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждать тя нуньчу со чиста́ поля
«А когда тя сожидаться въ сво́ю сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!
— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
— Стала у Никитича вывѣдывать,
— Я ти стану нунь высказывать:
— Жди-тко ты Добрынюшку по три́ годы,
— Я по три годы не буду, жди по дру́го три;
— А какъ про́йде тому времени да шесть годовъ,
— Я не буду тутъ Добрыня изъ чиста поля,
— Хоть вдовой живи да хоть заму́жъ поди,
— Пòди за́ князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Только не́ ходи за брата за названаго,

— За того было Олешеньку Поповича. —
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по дру́го три.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
А честна̀ вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ го́лоскомъ поваживать:
«А лежитъ въ чистомъ поли Добрынюшка убитыи!»
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди за́ князя хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она не за́ князя не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
«Справила я заповѣдь-то мужнюю,

«Справлю свою заповѣдь-то женьскую».
Стала ждать Добрынюшку по дру́го шесть.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ числа́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Олешка да во дру́гой разъ,
А привозитъ было вѣсточку въ дру́гой разъ,
Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она не за́ князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла заму́жъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Что ли свадебка у нихъ была по третій день
А севодня-то итти да ко Божьёй церквы.
Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
А къ сырой земли да приклоняется:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
— Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
— Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
— Надъ собой ли вѣдаешь, аль на́до мной,
— Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ? —

Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А твоя-та любимá семья за мýжъ пошла
«А за смѣлаго Олешку за Поповича,
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Какъ приправилъ кóня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широкí раздолья промежъ ногъ пущалъ,
А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
А пріѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Черезъ ту стѣнý наѣхалъ городовую,
Черезъ тую башню наугольную,
А къ тому было подворьицу вдовиному,
А къ честнòй вдовы Офимьи Олександровной,
Со чистà поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
А не спрашивалъ у двéрей онъ придверничковъ,
У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
Всихъ же прочь взашéй да и отталкиватъ,
А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
Вси придвернички да приворотнички
Вслѣдъ идутъ да жалобý творятъ:
«А честнà вдова Офимья Олександровна!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чистà поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
«Ко подворьицу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
«Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Всихъ же насъ тутъ взáшей прочь отталкивалъ!»
А честна вдова Офимья Александровна

Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ женскіимъ тутъ го́лоскомъ поваживать:
«А прошло-то времени двѣнадцать лѣтъ,
«Закатилось у меня да красно солнышко,
«Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А уѣхалъ тутъ Добрыня да́лече дале́че во чисто́ поле,
«А лежитъ же тутъ Добрыня во чисто́мъ поли,
«А плеча его да испрострѣляны,
«Голова его да испроломана,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ!
«А какъ нунечку было теперечку
«Закатается да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!»
Испрогово́ритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ,
— А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я-то нунь поѣхалъ да ко Кіеву,
— А не слу́читъ ли ти Богъ же быть во Кіеви,
— А велѣлъ спросить про мо́лоду Настасью про Микуличну,
— Про Добрынину да любому́ семью. —
Испрогово́ритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А какъ нунечу Добрынина да любима́ семья
«А какъ нунечу Настасья да заму́жъ пошла
«За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
«Свадебка у ихъ было по третій день,
«А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу»
Го́воритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
— Слу́читъ Богъ же быть теби во Кіеви
— У того было подворьица вдовинаго,
— А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскіи
— Въ новой горенки да тутъ на стопочки,

— А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
— Взять дубинку сорока пудовъ,
— А на свадебки меня бы не обидѣли,
— Да велѣлъ же взять гусёлышка яровчаты,
— Да во томъ же во глубокоемъ во погреби. —
А честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ скорёшенько бѣжала въ нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскіи,
Отмыкала óна пóгреба глубокіи,
Подавала тутъ гусёлышка яровчаты,
Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
А пошолъ же скоморошиной на свадебку.
А приходитъ скоморошиной на свадебку
А й къ тому двору да княженецкому,
А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ да приворотничковъ,
Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобý творятъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чистá поля онъ давень ѣхалъ да скоры́мъ гоньцёмъ
«Ко тому было подворью ко вдовиному,
«Тамъ не спрашивалъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ;
«Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
«Нунь идетъ да скоморошиной,
«А не спрашиватъ у двéрей да придверничковъ,
«У воротъ насъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь насъ всихъ отталкиватъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удáла скоморошина!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьицу,

«А къ тому подворьицу вдовиному,
«Тамъ не спрашивашь ты у дверей придверничковъ
«У воротъ не спрашивашь да приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивалъ?
«Нунь идешь на княженецкій дворъ
«И не спрашивашь ты у дверей придверничковъ,
«У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивашь?»
Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
Говоритъ же тутъ удáла скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
Отвѣчае князь Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ваше мѣсто скоморовское
«Что ль на печки да на зáпечки».
Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрёзговалъ
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ гусельшка яровчаты
А на той было на печки на муравленой,
А играетъ-то Добрынюшка во Кіеви
А на вы́игрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всихъ до малаго
А повыигралъ поíменно.
Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры да призаслухались,
Вси же за столомъ да испрогóворятъ:
«А не быть же нунь удалой скоморошины,
«Быть же нунь дороднію добру молодцу,
«Свято-русьскому могучему богáтырю!»
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина,
«А дородній добрый молодецъ!
«Опускайся-ко изъ печки да изъ зáпечка,

«Дамъ теби три мѣста три любимыихъ:
«Одно мѣсто нунь возли́ меня,
«Друго мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто куда самъ захошь».
Говоритъ же тутъ удала скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской!
— Дай-ко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
— Супротивъ было княгинушки молóдыи,
— Молодóй Настасьи да Никуличной. —
Говоритъ ему Владимiръ стольнё-кiевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
«Дано ти три мѣста три любимыихъ, —
«Куды знаешь ты туды садись,
«Что ты здумаешь такъ тó дѣлай,
«Что захочешь такъ ты тó твори!»
— А позволь-ко мнѣ, Владимiръ стольнё-кiевской,
— Налитъ чару зеленá вина. —
Наливае было чару зелена вина,
А опуститъ въ чару свой злачéнъ перстень,
А подноситъ онъ Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки молóдыи:
— Ахъ ты мóлода Настасья дочь Никулична!
— Ужъ ты хошь добра, такъ нуньчу пьешь до дна,
— А не хошь добра, такъ ты не пьешь до дна.
Мóлода Настасья дочь Никулична
Взя́ла она чару единóй рукой,
Выпила ту чару едины́мъ духомъ,
Тутъ увидла въ чары свой злаченъ перстень,
Да которыимъ съ Добрыней обручаласи,
Сама же óна князю поклониласи:
«Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской!
«А не тотъ мой мужъ, который нунь возли́ меня,
«Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
«Тутъ прiѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,

«Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца матушку,
«Отыскалъ Добрыня молоду жену».
Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за ду́бовыхъ,
Пала тутъ Добрыни во рѣзвы́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А во той вины прости меня во глупости,
«Что не по твойму́ наказу я нунь сдѣлала,
«А пошла за му́жъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
«А во той вины прости меня во глупости!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я тутъ разуму да женскому:
— У ней волосъ дологъ у́мъ кӧрӧтӧкъ,
— А я дивую нунь же солнышку Владиміру
— Со своей было княгиною:
— Онъ же солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Онъ же былъ да сватомъ ли,
— А княгинушка да свахою,
— Отъ живаго мужа жонушку за му́жъ берутъ, просватаютъ! —
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
Со своей было княгиною.
Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
Зъ-за тыихъ столовъ да бѣлоду́бовыхъ,
Палъ же тутъ Добрынѣ во рѣзвы́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что я по́сидѣлъ возли́ твоей княгинушки моло́дыи,
«Мо́лодой Настасьи дочь Никуличной!»
— Ай же братецъ ты названыи,
— Ай Олешенька Левонтьевичъ!
— А во той-то ви́ны братецъ тебя Богъ проститъ,
— А во дру́гой вины братецъ тебя не́ прощу:
— А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чиста́ поля,

— Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
— Что лежитъ побитъ Добрыня во чистомъ поли,
— А плеча его да испрострѣляны,
— Голова его да испроломана,
— Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ?
— Ты слезилъ же нунь родитель мою матушку
— А честну̀ вдову Офимью Олександровну.
— Тяжелешенько тутъ о̀на по мнѣ плакала
— А слезила тутъ она да очи ясныи,
— А скорбила тутъ она да личко бѣлоё,
— Тяжелешенько она̀ да по мнѣ плакала! —
Какъ ухватитъ онъ Алёшку за желты кудри,
Взялъ же онъ Алешеньку охаживать,
А не слышно было въ бухканьи да охканья!
Хоть и всякой-то на свѣти женится,
Да не всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
Только тутъ Алешка да съ женой сыпалъ.
Синему морю да на ти́шину,
Всѣмъ добрыимъ же людямъ на послу́шаньё.

Записано тамъ же, 22 и 23 іюля.

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV № 12).

А й у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было́ по третій день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почестный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честно́мъ да наѣдалиси,

Вси же на пиру и поросхвастались.
Испроговоритъ солнышко Владимiръ стольнё-кiевской:
«Нечѣмъ солнышку Владимiру похвастати.
«Не повыправлёны дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Сидятъ же тутъ три русьскiихъ могучiихъ богатыря:
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испроговоритъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Ай же вы три русьскiихъ могучiихъ богáтыря!
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитé-тко въ Каменну́ Орду,
«Въ Каменну́ю-то Орду въ большу землю,
«Повыправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитé-тко вы да нé въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повыправьтé-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Третьiи могучiи богáтырь да Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣзди́-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повыправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богáтыри они да призадумались.
И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во кирпиченъ мостъ.

Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы бога́тыри задумались?
— А держи́те-тко бога́тыри отвѣтъ же нынь. —
Испрого́воритъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду,
«Тамъ повыправлю да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повыправлю да дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владиміру да испроговоритъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
— Я повыправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Первый русьскіи могучій бо́гатырь,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да и бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кла́де войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,

Тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли доброй конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чисто̀мъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну̀ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Другій русьскіи могучій бо́гатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чисто̀мъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну̀ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
А третіи же русьскіи могучій бо́гатырь,
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,

Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣдельшко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чи́стомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чисто́мъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣ́ну поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Тутъ крестами да бога́тыри побратались,
Назвались да братьями крестовыми.
Испрого́воритъ казакъ да Илья Муромецъ:
— Кто попрежде насъ тутъ е повыправитъ,
— Къ дру́гому на стрѣту братцы по́спѣвать. —
Тутъ простилиси да оны братьица
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю,
Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду
Онъ повыправлять да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися[1]),

1) Т. е. взбунтовались.

А не стали о́тдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
По своему онъ съ мужичками распоряжается,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися[1]),
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Съѣхалъ онъ же не въ большу землю,
Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
По своему онъ съ мужичками распоря́дился,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Съѣхалъ въ землю во Подольскую,
Сталъ же выправлять да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

---

1) Попрятались.

Мужички же вси да скашевалися,
А не стали отдавать да даней — выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Распорядился тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Распорядился онъ по богатырскому.
Мужички же перепалися,
Отъ его да растулялися,
Стали отдавать да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Онъ повыправилъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ было ходить гулятъ по заводямъ,
Стрѣлять же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ.
Ходилъ гулялъ по заводямъ,
Стрѣлялъ же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ,
Находилъ же онъ да бѣлую лебёдушку:
Плаваетъ лебёдушка на заводи.
Онъ натягивалъ же было тýгой лукъ,
Накладыватъ онъ стрѣлочку каленую,
Хочетъ стрѣ́лить бѣлую лебёдушку,
Лебёдушка ему да испрогóворитъ:
«Ай Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не стрѣляй-ко ты же бѣлою лебёдушки.
«Я есть же нонь не бѣлая лебёдушка,
«Есть же я да красна дѣвушка,
«Марья лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична да я подóлянка.
«Не убей-ко ты меня же нунь подолянки,
«Ты возьми меня нунь во замужество,
«Ты свези-тко нунь меня во Кіевъ градъ,

«Проведи-тко мѐня въ вѣрушку крещопую,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцю,
«Станемъ мы же вѣкъ съ тобой корóтати».
Задавался тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Бралъ же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,
Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
Получаетъ тутъ же дани — выходы
Со того же короля да со Подольскаго,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
Ко тому было ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
А ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Привозитъ онъ да дани — выходы
Изъ той было изъ зѐмли изъ Подольскіи,
Отъ того же кóроля да отъ Подольскаго.
Отдавае онъ Владиміру да князю стольнё-кіевску,
Князь же тутъ да зрадовáлся ли.
Получае онъ съ Михайлы Пóтыка Иванова,
Получае онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольнё-кіевской,
Что повыправилъ ты дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
Изъ той ли зѐмли изъ Подольскія.
Марью лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,

Онъ привёлъ же было въ вѣрушку крещоную,
Сдѣлалъ съ ею заповѣдь великую:
Кто изъ насъ да нунь попе́реди,
Кто пойдетъ да во сыру́ землю,
Дру́гому итти да на три мѣсяца,
Итти же во сыру землю.
Испрого́воритъ Владимiръ стольнё-кiевской:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Что ты дѣлаешь да заповѣдь великую,
— Заповѣдь да неподольную,
— Да на долго тутъ итти да во сыру землю? —
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ Михайло испрого́воритъ:
«Видно надо сдѣлать мнѣ-ка заповѣдь великую
«Съ Марьей лебедь бѣлою,
«Что она-то мнѣ-ка прилюбиласи».
А при́нялъ-то же съ ей да по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ею вѣкъ коро́тати.
Въ тую пору да во то́ время
Наѣзжае было царь Бухарь заморскiи,
Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
Правитъ онъ да дани — выходы
Что ли съ солнышка Владимiра,
Что ль со князя стольнё-кiевска:
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской!
— Ты пожалуй-ко нунь дани — выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Солнышко Владимiръ стольнё-кiевской
Призывае онъ Михайлу По́тыка Иванова:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прiѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскiи,
«Правитъ онъ же съ насъ да дани — выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,

«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрого́воритъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской
— Ты садись-ко нунь Владимiръ на ременьчатъ стулъ,
— Пиши-тко было ерлычкѝ да скорописчаты:
— Отправлены да дани — выходы
— За Михайлой По́тыкомъ Ивановымъ
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
— Я поѣду нынечу безъ даней — выходовъ. —
Онъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ къ царю Буха̀рю да заморскому,
Повозитъ ёрлычки да скорописчаты
Къ тому же онъ къ царю ко Бухарю́ да ко заморскому,
Что отправлены да дани — выходы
За Михайлой По́тыкомъ Ивановымъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Прiѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,
Подаваетъ ёрлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскiи
Тыи ёрлычки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатыватъ,
Поскорѣе того да онъ прочитыватъ,
Самъ же царь Бухарь да тутъ зраду̀ется:
«Ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у̀ васъ выходы осталиси?»
— У насъ оси да въ телѣжкахъ приломилиси,
— Да телѣжки у насъ поломалиси.
— Тамъ починщички да въ поли прiосталиси,
— А телѣжекъ во чисто̀мъ поли починивать».
Испрого́воритъ царь Бухарь заморскiи:
«Ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

«Чимъ же нынь у васъ да на Россіи забавляются?»
— У насъ же на Россіи забавляются, —
— Нынь играютъ да во шашечки дубовыи,
— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —
Доставали тутъ дощечку да кленовую,
Что же ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую̀ тутъ на дощечку на кленовую;
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Ставилъ же онъ своего добра коня,
Ставилъ же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ же дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ онъ своего добрá коня,
Проигралъ же онъ свою да буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю онъ царю заморскому.
Тутъ царь Бухарь было заморскіи,
Тутъ же царь да онъ зраду́ется.
Ставили дощечку да во дру́гой разъ,
Ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,

Королевичну подолянку;
Въ дру́гихъ ставилъ онъ родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ тутъ Михайлина добра́ коня,
Ставилъ тутъ его да буйну голову,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли да дощечку да во дру́гой разъ.
Сыграли было дощечку въ дру́гой разъ,
Повыигралъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Своего повыигралъ добра́ коня,
Повыигралъ свою да буйну голову
И повыигралъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Ставили дощечку они въ третій разъ.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставилъ своего добра коня,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго.
Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,
Играли тутъ дощечку да во третій разъ.
Тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,
Повыигралъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго

Со царя Буха́ря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскіи,
Ставили дощечку во четвертый разъ.
Ставилъ онъ все царство все Бухарское заморское,
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго,
Ставилъ онъ да дани — выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Бухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ Бухарско да заморское.
Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскіи,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ Бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тутъ играть да о́ны въ шашечки.....
На пяту́-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пихается,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Мо́лодой ты По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собой же ты незгодушки не вѣдаёшь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же ныньчу было по́мерла».
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,

Ухватитъ онъ дощечку да кленовую
Съ тыма шашкамы съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободвереньемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со ли́пиной.
Перепался было царь Бухарь заморскіи,
Смолился онъ Михайлы По́тыку Иванову:
— Михайла Потыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нунь во живности,
— Получай же нунь ты царство все Бухарское заморское! —
А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъ испрого́воритъ:
«Ай вы братьица мои было крестовыи!
«Получайте-тко нунь съ царя со Буха́ря со заморскаго
«Вы царство нунь Бухарско все заморское,
«Оставьте-тко царя да посидѣльщичкомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нунь угладиться *(такъ).*
«Я поѣду нунь ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владиміру».
Тутъ уѣхалъ да Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
А русьскіи могучіи бога́тыри
Получали тутъ съ царя да дани — выходы,
Получали тутъ же царство да Бухарско все заморское,
Оставили царя да посидѣльщичкомъ.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владиміру.
Князь же тутъ его да было спрашиватъ:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты оттуль да нонь повыѣхалъ? —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Повыиграны у насъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,

«Съ того царя Бухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграно царство все Бухарско все заморское
«И съ того царя съ Бухаря да съ заморскаго,
«Все царьство все имянство все Бухарьское.
«Остались получать же тамъ богáтыри,
«Мои братьица крестовыи,
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ
«И мóлодый Добрыня сынъ Никитиничъ».
— Да чимъ же нонь тебя мнѣ наскори пожертвовать?
— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тобѣ-ка-ва по нáдобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ нонь не надо съ пригородками,
«Что ли селъ не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыихъ на кáбакахъ,
«Дай-ко мни поволечку великую
«Пить же мнѣ вино да нонь безденежно,
«Гдѣ кружкою да полукружкою,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ».
Солнышко Владимiръ стольнё-кiевской
Далъ ему поволечку великую
На тыхъ же на царéвыихъ на кáбакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Испрогóворитъ Владимiръ стольнё-кiевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нуньчу заповѣ́дь великую. —
Испрогóворитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владимiръ стольнё-кiевской!

«И тоё-то да нуньчу сдѣлано,
«Надо нунь итти да во сыру́ землю,
«Во сыру землю итти да на три мѣсяца».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
Чтобы мошно мнѣ-ка сто́я стоять,
Стоя стоять да си́дя сидѣть,
При времечки да чтобы ле́жа лечь.
Бралъ же онъ запасъ туды великіи:
Бралъ свѣчи́ туды и ладоны,
Беретъ хлѣба на три мѣсяца,
Воды бе́ретъ на три мѣсяца.
Ходилъ же онъ было ко кузницамъ,
Велѣлъ ковать же клещи да желѣзныи,
Бралъ же прутья онъ да троіи,
Первы пру́тья оловяныи,
Второ́іи было прутья онъ желѣзныи,
Третьи прутья онъ беретъ да туды мѣдныи.
Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
Отправляется онъ да на три мѣсяца.
Прожилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Прожилъ въ матушкѣ сырой земли первы́ сутки,
Начинаетъ жить же онъ тутъ сутки дру́гіи,
Приплыватъ къ ему змѣище да проклятое,
О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
Пролизала ему гробъ было желѣзныи.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
Тыма̀ было клещамы да желѣзныма.
Сѣкъ же онъ ю прутьями да оловяными,
Други́ми сѣкъ же прутьями желѣзными,
Третьима̀ онъ сѣкъ ю прутьями да мѣдными.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
— Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

— Не убей меня змѣи было проклятою,
— Дамъ тебѣ я заповидь великую
— Оживить-то нунь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну было подолянку,
— Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ой же ты змѣя было проклятая,
«Ты змѣя было лукавая,
«Дай-ко ты змѣёныша въ великъ залогъ!»
Дала тутъ змѣя лукавая,
Дала тутъ змѣёныша въ великъ залогъ.
Рубилъ же онъ змѣёныша на мелкіи на часточки.
Отправляется змѣя было проклятая,
Доставаетъ тутъ она было живу воду.
Складывалъ же онъ змѣёныша во мѣсто ли,
Мочилъ же то́го малаго змѣёныша:
Засвивался было маленькій змѣёнышокъ.
Брызга̀лъ же Марью лебедь бѣлую,
Брызга̀лъ онъ ю во три́ же разъ:
Первый разъ она продрогнула,
Дру́гой разъ она зашевелиласи,
Тре́тій разъ она да проглаголила:
— Фу фу фу, я долго нунь попро́спала! —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабъ не я, такъ ты отнынь до вѣкъ бы про́спала».
Скричалъ же тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Теремки да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же во́ гради да пріужа́хнулись,
Вси сами же тутъ въ городѣ спрого́ворятъ:
— И нашему уродищу въ сырой земли не по́жилось.
— Отправлялся онъ въ сыру землю да на три мѣсяца,

— Наступаютъ нунь на насъ трои́ сутки,
— Изъ сырой земли уродищо дается. —
И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ гулять да по царевыимъ по ка́бакамъ,
Пить вино да онъ безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Марья лебедь бѣлая,
Королевична было подолянка,
Посылала она вѣдомъ королю да Политовскому,
Что наѣхалъ бы король да Политовскіи,
Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
А й подолянку да королевичну,
Въ тую землю во Литовскую.
Пріѣзжаетъ тутъ король да Политовскіи,
Пріѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаётъ,
Что увезъ же да король да Политовскіи
Его же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Прискакала было вѣсточка нерадостна
Михайлы По́тыку Иванову:
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаёшь,

«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Уѣхала съ королемъ да Политовскіимъ
«Во матушку да въ земляну Литву».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Одѣвае онъ же платьица-ты женскіи,
Накручается же онъ да было женщиной
И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погоною
За тымъ же королемъ да Политовскіимъ.
Не узналъ бы да король да Политовскіи,
Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонушки.
Подъѣзжаетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Вслѣдъ же онъ было погоною
За тымъ же королемъ да Политовскіимъ.
Увидала Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка,
Сама ему да испрогóворитъ:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Ѣде нунь за нами вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ за нами женщина, —
— Хоть и женщиной да тýда-ка сокрýченось,
— Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
— И давай же мнѣ напитковъ еще сонныихъ.
— Онъ же до вина да есте спадсливый.
— Поднесу ему я чару зелена вина, —
— Гди выпье, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ. —
Подъѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
Тяжелешенько да óна плаче ли:
«Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Увезъ меня король да Политовскіи,

«Что ли силою увезъ меня изъ Кіева».
Подноситъ ёму чару зелена вина:
«Выпей още чару зелена вина».
Гди выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Подскочила тутъ къ коню да къ богатырскому,
Принимаетъ на плечо да на волшебное,
Спустила тутъ его было черезъ плечо,
Сама же тутъ Михайлы приговариватъ:
«Гди былъ мо̀лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Стань-ко нынь горючій бѣлой камешокъ.
«Будь-ко ты Михайло нынь во камени».
Отправляется съ королемъ да Политовскіимъ
Въ ту было да въ земляну Литву,
И уѣхала да въ земляну Литву
Къ тому же королю да Политовскому.
Жила съ ко́ролемъ да Политовскіимъ,
Жи́ла о̀на много тамъ же времени.
Стосковалось было братьямъ же крестовыимъ:
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу,
Мо́лодому Добрынюшку Никитичу.
Крутилиси было они каликамы,
Обували они лапти было липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи,
Пошли оны да ту́да-ка каликамы
Отъ солнышка Владиміра отъ князя стольнё-кіевска
Къ тому же королю да къ Политовскому
Искать же тутъ Михайла По́тыка Иванова,
Своего же было братца да крестоваго.
Въ день они идутъ было по солнышку,
А въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ тутъ изъ другою изъ ро́зстани,
Выходитъ тутъ калика было старая,
И старая калика да сѣдатая.

Хотя сѣдатая калика да й плѣшатая.
— Здравствуйте, калики перехожіе! —
«Ты здравствуешь калика было старая
«Старая калика ты матёрая,
«Ты матёрая калика да сѣдатая,
«Ты сѣдатая калика да плѣшатая».
— Куда же вы калики нунь направились? —
Испрого́ворятъ тутъ русьскіи могучіи бога́тыри:
«Ай же ты калика было старая!
«Хоть нынь у насъ накрученось каликамы,
«Е мы не калики перехожіи,
«Е мы русьскіи могучіи бога́тыри:
«Старыи казакъ да Ильё Муромецъ,
«Мо́лодый Добрынюшка Никитиничъ.
«Пошли искать Михайлы По́тыка Иванова,
«Своего же братца мы крестоваго,
«Святорусьскаго бога́тыря».
Испрого́ворятъ же русскіи могучіи бога́тыри·
«Ты откудова калика есть же старая?»
— Я дальняя калика есть же старая,
— И дальняя калика я не здѣшняя,
— Пошолъ искать Михайлы По́тыка Иванова.—
Приходили тутъ калики перехожіи
А къ тому же королю да Политовскому,
Ставились калики сре́ди города,
Супротивъ того двора да королевскаго.
Тутъ скрыцали да калики перехожіи, —
Теремки у нихъ да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,
Вси же во́ гради да пріужа́хнулись:
Что же нунь да чюдо е случилоси,
Какѝ же намъ калики появилиси?
Испрого́воритъ король да Политовскіи:
«Эго е три чюда объявилоси».

Говорила Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка:
— Тутъ не чюдо къ намъ же нуньчу объявилоси,
— Два богáтыря да къ намъ же нунь явилоси:
— Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мóлодой Добрынюшка Никитиничъ.
— А третьяя калика незнакомая,
— Незнакомая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая,
— Тая е калика да незнаема.
— Зови-тко ты король да во гостёбищо
— Этыихъ каликъ да перехожiихъ.
— Не пойдутъ оны къ намъ да въ гостёбищо,
— Розорятъ оны же нашу земляну Литву
— Два русьскiи могучiи богáтыря. —
Выходилъ же тутъ король да Политовскiи,
Скорешенько же выходилъ на ши́рокъ дворъ
Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
Лебедь бѣлою да онъ подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она къ братьецамъ крестовыимъ
Своего же она мужа да названаго,
Звала тутъ себѣ-ка-ва въ гостёбищо,
Тяжелешенько по нёмъ да о̀на плакала.
Спрашивали русьскiи могучiи богáтыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Что ли мо̀лодой Добрынюшка Никитиничъ:
«Не видала ли Михайла Потыка̀ да ты Иванова?»
— Не видала я Михайла Пóтыка Иванова.
— Тяжелешенько по нёмъ да я же плачу есть,
— Вспомню я его да въ кажный день. —
И зовётъ она себѣ-ка-ва въ гостёбищо
Къ тому же королю да Поли́товскому.

Тутъ приходитъ же король да Политовскіи
И зовётъ же онъ бога́тырей къ соби́ въ гости.
Приходятъ тутъ калики перехожіи
Къ тому же ко̀ролю да къ Политовскому,
Гостили у того же короля да Политовскаго.
Дарили имъ же честныи тутъ да́рева,
Дарили имъ же злато что ли серебро,
И мелкіи имъ тутъ же жемчуги,
И ка́менья дарили драгоцѣнныи.
Откланялись тутъ же калики перехожіи,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тутъ калики не провѣдали
Про руськаго могучаго бога́тыря,
Про Михайлу По́тыка Иванова.
Отправились же въ путь они дороженьку,
Въ день они идутъ было по солнышку,
Въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому горючему ко каменю.
Испрого́воритъ калика было старая,
Еще старая калика да мате́рая:
«Вамъ же нунь, калики перехожіи,
«Вамъ же нунь пойти же надо въ сторону,
«Мнѣ-ка-ва пойти надо̀ же въ дру́гую.
«Будемъ на прощенье животовъ дѣлить».
Испрого́ворятъ тутъ руськіи могучіи бога́тыри:
— Ай же ты калика нуньчу старая,
— Ты старая калика да матерая,
— Матерая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая!
— Ты дѣли-тко нуньчу да́рева. —
Дѣлила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И дѣлила тутъ великіи подарочки,
И дѣлитъ она да на четыре да на часточки.

Испрого́ворятъ тутъ русьскiи могучiи бога́тыри:
«Что же ты, калика было старая,
«Старая калика ты матерая,
«Что дѣли́шь ты нынь подарочки,
«На четыре ты дѣлишь на часточки?
«Трое насъ же нунечу находится,
«А кому же эта часть нунь оставается?»
Говоритъ же имъ калика было старая:
— Ай же вы калики перехожiи!
— Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
— Кто изъ насъ же здыне этотъ камешокъ чере́зъ плечо,
— А тому же часть четвертая достанется. —
Думаютъ же русьскiи могучiи бога́тыри
Своимъ же тутъ умомъ да богатырскiимъ:
Неужто̀ не здынемъ мы да каменя?
Часть эта̀ да намъ же нынь достанется.
Испроговоритъ калика имъ же старая,
Старая калика да матерая:
— Ай вы русьскiи могучiи бога́тыри!
— А здымайте-тко горючiй бѣлый камешокъ. —
Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
Здымать же нынь горючiй бѣлый камешокъ,
Здымать же этотъ камень да чере́зъ плечо.
Выздынулъ Добрынюшка до пояса, —
По колѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
Не могъ же онъ здыну̀ть да было камешка
Черезъ то́е нунь плечо да богатырское.
Принимался тутъ же старыи казакъ да Ильё Муромецъ.
Онъ здымае этотъ бѣлыи горючiй камешокъ,
Онъ здымае себѣ камешокъ на груди ли,
А по стегнамъ Илья Муромецъ да въ землю сѣлъ.
Приходитъ тутъ калика эта старая,
Эта старая калика да сѣдатая,
Сѣдатая калика да плѣшатая,

Налагаетъ еще руки на бѣлыи горючій камешокъ
И здымае камешокъ черéзъ плечо,
Спуститъ этотъ камешокъ черéзъ плечо,
Спуститъ камень о сыру землю,
Сама же къ каменю да приговариватъ:
— Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,
— Иди-ко ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
— Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —
Кололся этотъ камешокъ нунь на двое,
Выходитъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Увидае онъ же братьецовъ крестовыихъ.
«Здравствуйте вы братьеца крестовыи!»
— Здравствуй ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Отъ чего попалъ въ горючій бѣлый камешокъ? —
«Отъ своей же я нунь Марьи лебедь бѣлыи,
«Лебедь бѣлыи да я подолянки,
«А й подолянки да королевичной.
«Подносила о̀на зелья мнѣ-ка соннаго,
«Подносила о̀на зелены́мъ виномъ, —
«А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,
«И самъ себе я нонечу не вѣдаю».
Говоритъ же тутъ калика ему старая,
Старая калика да матерая:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Будешь ты у города у Кіева
— А у ласковаго князя у Владиміра,
— Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныихъ,
— Одну церковь нуньче дѣлай ты Спасителю,
— Дру́гу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,
— Въ той же нунь Миколы да святителю.
— Упросила матушка да пресвятая Богородица
— А сходить меня для васъ да на сыру землю,
— Избавить нунь отъ смерти отъ напрасною,
— Отъ напрасною отъ смерти отъ волшебною. —

Простиласи калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика въ свою сторону.
Испрого́ворятъ тутъ руськіи могучіи бога́тыри:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,
«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
«Ко ласковому князю ко Владиміру».
Говорилъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же мо̀и братьица крестовыи!
— Мнѣ-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
— А къ тому же королю ко Политовскому.
— Угналъ онъ да моего добра́ коня,
— И увезъ же Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну онъ да подолянку. —
Испрого́ворятъ тутъ братьица крестовыи:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла По́тыкъ да Ивановичъ!
«Не жена теби она, да есть волшебница,
«Сконаетъ твою голову да богатырскую,
«Ты получишь отъ ей смерть напрасную».
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ братьицовъ крестовыихъ не слушаётъ,
Приказалъ же брать имъ этыи подарочки
И отправляться имъ ко городу ко Кіеву.
Самъ пошолъ же къ королю да Политовскому,
Политовскому да земли-Польскому *(такъ)*,
Въ тую онъ пошолъ во земляну Литву.
Приходитъ онъ каликой перехожеей,
Ставился же онъ тутъ среди города,
Противу тутъ двора да королевскаго,
Крычалъ же онъ да во всю голову.

Теремы́ же тутъ да пошатилиси,
Что околенки у нихъ вси повалилиси,
Вси уродища оны да прі́ужа́хнулись,
Сами же оны тутъ испрого́ворятъ:
— Недавно чюда здѣ-ка были объявилиси,
— А нунь опять да чюдо появилоси. —
Испрого́воритъ тутъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
«А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ».
Скорешенько наливае чару зелья соннаго,
Выбѣгаетъ тутъ скоренько да на ши́рокъ дворъ,
Стрѣтаетъ тутъ Михайла По́тыка
Съ чарой зелена вина.
Выпилъ онъ же чару зелена вина, —
Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,
Гди выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.
Тащила тутъ во сѣни во челя́динны.
Увидала тутъ Настасья королевична,
Что тащатъ си *(такъ)* бога́тыря во сѣни во челядинны,
По немъ она да сжалова́лася.
Приходила тутъ во сѣни во челядинны
Эта Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Прибивала тутъ бога́тыря да на́ стѣну,
Била ему въ руки въ ноги еще гво́здища
Не хватило тутъ гвозда да у́ ней пятаго,
Пятаго гвозда ему середняго,
Середняго гвозда ему сердечнаго.
Побѣгала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
Побѣгала за гвоздомъ она да пятымъ.
Молода Настасья королевична
Вытаскивала гво́здья вонъ да со́ стѣны,

Прибила тутъ на мѣсто да татарина,
Прибила тутъ татарина да мертваго,
Мертваго татарина да мерзлаго.
Уводила тутъ Настасья королевична
Того было богáтыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
Прибѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична она подолянка,
Не смотрѣла тутъ она да нá стѣну,
Забила тутъ татарина мѣсто богáтыря.
Отправляется къ кóролю да Политовскому,
Сама же тутъ ему да еще хвастаетъ:
— Перевела я ныньчу своего да ненавистничка,
— Михайла Пóтыка синá Иванова. —
Прожилъ у Настасьи онъ потай да трои суточки,
Проситъ онъ коня да богатырскаго,
Да у той было Настасьи королевичной:
«Ахъ ты мóлода Настасья королевична!
«Проси-тко у родителя у батюшка,
«Нѣтъ ли нунь коня да богатырскаго
«Съѣздить въ чисто поле да поляковать».
Молода Настасья королевична
Тутъ приходитъ къ королю да Политовскому,
Къ своему она къ родителю да батюшку:
— Ахъ ты старыи король да Политовскіи,
— Ай же ты родитель мой да батюшко!
— Дай-ко мни коня да богатырскаго
— Съѣздить въ чисто поле да поляковать,
— Простудить лицо свое да женское. —
Испроговóритъ король же Политовскіи:
«Поди-ко на конюшни на стоялыи,
«Выбирай-ко ты коня да нынь по разуму».
Приходила на конюшни на стоялыи,
Выбирала тутъ коня да богатырскаго

Михайлы По́тыка Иванова.
Пригоняетъ тутъ коня да богатырскаго
А Михайлы По́тыка Иванова
Къ своему крыльцю да королевскому.
Одѣвается бога́тырь да по женскому,
Уѣзжае онъ бога́тырь было женщиной,
Уѣзжаетъ тутъ бога́тырь во чи́сто́ поле,
Изъ чиста поля наѣхалъ онъ бога́тыремъ,
Ставился же онъ тутъ середи двора,
У того же короля да Политовскаго,
Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка.
Скоре́шенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
Наливаетъ она чару зелены́мъ виномъ
И подноситъ ему зелье было сонное.
Мо́лода Настасья королевична
По поясу броси́лася въ окошечко:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
— Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
— Будетъ ти отсѣчь она твоя да буйна го́лова,
— А твоей же тутъ да саблей вострою. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Не пи̂лъ же чары зелена вина;
Сма́хне онъ да саблей вострою, —
Отнесъ же ейну буйну голову
За ейны́ поступки неумильнiи.
Розсердѣлся тутъ бога́тырь святорусьскiи:
«Отнесу же королю я буйну голову,
«Розорю же я тутъ землю всю Литовскую!»
Упросила тутъ Настасья королевична:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

— Не руби-тко ты родителю да буйной головы
— За его было поступки неумильнiи,
— Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
Укротилъ же свое сердце богатырское;
Бралъ одну Настасью королевичну
Отъ того же короля да Политовскаго,
Бралъ мо́лоду Настасью онъ во честности.
Увезъ къ городу было ко Кiеву,
А къ ла́сковому князю ко Владимiру,
И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крещоную.
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ней да вѣкъ коро́тати.
Сталъ же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныихъ,
Перву церковь онъ соборную
Строилъ онъ Спасителю,
Дру́гу церковь онъ же строилъ да соборную
Матушки да пресвятою Богородици
И Миколы онъ было святителю.
Тутъ Михайлы По́тыку сыну́ Иванову славу́ поютъ,
Синему морю на ти́шину,
Всимъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 iюля.

7.

СТАВЕРЪ.

А у солнышка да у Владимiра
Пированьицо было на третiй день.
А вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честноемъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да порасхвастались.
И́ный хвалитъ города да съ пригородками,

И́ный хвалитъ тутъ же села со приселками,
И́ный хвастаетъ тутъ золотой казной,
Золотой казной да тутъ безсмѣтною,
И́ный хвалится да добрымà тутъ кóмоньмы,
Разумный хвастаетъ да родной матушкóй,
Безумный хвалится да молодой женой.
Сидитъ мóлодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ,
Да ничѣмъ Ставёръ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Самъ солнышко да испрогóворитъ:
«Ахъ ты мóлодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не кýшаешь,
«Моей бѣлоей лебёдушки не рушаешь,
«Самъ же нунь Ставёръ да е не хвастаешь.
«У васъ нѣту городовъ да съ пригородками,
«Видно нѣтъ у васъ да селъ и со приселками,
«Нѣту золотой казны по надобью,
«Нѣту добрыхъ кóмоней по надобью,
«А не хóроша Ставрова рóдна матушка,
«Да не пóхвальна Ставрова молода жена?»
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— У насъ есть тутъ города да съ пригородками,
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Есть у насъ и сёла со приселками,
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Золота казна у молодца не держится[1]),
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Добры комони у молодца не ѣздятся,
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть и хороша моя да рóдна матушка,

1) Т. е. не издерживается, не переводится.

— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть бы пóхвальна моя да молода жена,
— То мнѣ молодцу не пóхвальба:
— Она всѣхъ князей бояръ повыманитъ [1]),
— Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ. —
А вси князи тутъ бояра призадумались.
«А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
«Ай похвасталъ онъ своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ да нунь она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ!
«Засади́мте-тко Ставра да въ пóгреба,
«А во тыи было пóгреба глубокіи.
«Пусть-ко нынь Ставрова молода жена
«Всихъ князей бояръ да насъ повыманитъ,
«Солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Былъ же у Ставрà да было своѝ чёлóвѣкъ,
А садился на Ставрова на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю Ляховитскую,
Къ той же Василисты ко Никуличной [2]),
Да къ Ставровой молодой жены.
Пріѣзжае къ Василисты ко Никуличной,
Къ той же ко Ставровой молодой жены.
Говоритъ же Василисты да Никуличной:
— Ай же Василиста дочь Никулична,
— Ай же ты Ставрова молода жена!
— А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— А тобой да молодой женой,
— Василистой да Никуличной,
— Что же всихъ князей бояръ да ты повыманишь,
— Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —

---

1) Т. е. обманетъ.

2) По объясненію Калинина, эта Василиса была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрыниной.

Говоритъ тутъ Василиста дочь Никулична:
«Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
«Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
«Могу ли нѣтъ догадкамы да женскима».
А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ *(такъ)*,
Подрубила волосà да по мужичьему,
Набрала дружинушки хороброю,
Сорóкъ молодцѐвъ, молодыхъ борцёвъ,
Сорóкъ молодцѐвъ, молодыхъ стрѣльцёвъ,
А сама она поѣхала посланникомъ.
А ко солнышку Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Оставляетъ тутъ дружину во чистóмъ поли,
А сама тутъ пріѣзжаетъ да посланникомъ.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Ты откудовá, удалый добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нунь зовутъ по имечки,
«Нарекаютъ по изотчины?»
— Я изъ зéмли Ляховинскіи,
— Того кóроля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ нунь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ свáтовстви
— На твоей было любимыи на дочери. —
«Я пойду къ дочéри нунь подумаю».
Приходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
А своей дочéри еще спрашиватъ:
— Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
— Пріѣзжае короля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— На теби любимыи на дочери да свататься. —
Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

«Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки[1]) мякóньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты[2]) были́, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добрá бёрёжетъ».
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ послу да ляховитскому,
Къ мóлоду Василью да Никуличу.
— Молодой Василій да Никуличь ли!
— Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку? —
«Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
«А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
Приказалъ Владиміръ стопить баенку,
А приходитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Къ мóлоду Василью да Никуличу:
— А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
А докà Владиміръ въ домѣ гладился[3]),
Той порой посолъ въ байнѣ́ отпарился,
Стрѣту-ту идетъ, да ему чéсть воздаетъ:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«Да на тепло-парною вашей на баенки».
Владиміръ тутъ ему да отвѣчаетъ ли:
— Что же скоро въ баенкѣ отпарились? —
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Ваше дѣло е хозяйское,
«Наше дѣло е посольное,
«Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,

---

1) Груди.
2) Мѣста подъ кольцами.
3) Т. е. ладился, собирался.

«Въ теплопарною тамъ париться.
«Я пріѣхалъ вамъ о добромъ дѣлѣ да объ сва́тоствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду еще къ доче́ри тамъ подумаю. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ приходитъ тутъ, доче́ри самъ же спрашиватъ:
— Ай ты дочь моя возлюбленна!
— Того ко́роля сынъ Ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— Онъ пріѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
— На тебѣ было любимыи на дочери. —
Отвѣчае дочь ему любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мяко́ньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Тутъ приходитъ да къ Василію ко Никуличу;
— Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
— Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
— Тамъ ты хлѣба соли да откушаешь,
— А отдо̀хнешь послѣ теплопарной баенки. —
А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Тамъ же онъ да хлѣба кушаётъ.
А выходитъ онъ изъ-за́ столовъ
И Владиміру да че́сть воздаетъ.
А отводитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
А во тыи нунь да ложни да во тёплыи.
Молодой Василій да Никуличъ ли,

Гдѣ головой-то быть, да тутъ же жопой легъ.
Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва́товствѣ
«На твоей любимыя на дочери».
Отвѣчаетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду еще къ доче́ри, тамъ подумаю. —
Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,
А широкѝ плеча да богатырскіи.
И приходитъ онъ къ доче́ри, самъ же спрашиватъ:
«Ай ты дочь моя возлюбленна!
«Того ко́роля сынъ Ляховитскаго,
«Мо́лодой Василій да Никуличъ ли,
«А пріѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о сва́товствѣ
«На тебѣ было любимыи на дочери».
Отвѣчае дочь ему любимая:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
— Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
— Пельки мяко́ньки все по женьскому,
— Ричь поговоры все по женьскому,
— Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
— Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ. —
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ Василью ко Никуличу:
«Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
«Не угодно ли съ дворянами потѣшиться,
«Пострѣлять въ колечко золоченое?»
Отвѣчаетъ тутъ Василій да Никуличъ ли:

— Оставлены стрѣльци да во чистомъ поли.
— Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
— А стрѣлять въ колечко золочёное. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ поставилъ молода́ стрѣльця.
Первой разъ стрѣли́лъ, да онъ не до́стрѣлилъ,
А другой же разъ стрѣли́лъ, пере́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣли́лъ, да туды не́ попалъ.
Молодой Василій да Никуличъ ли
А натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ онъ стрѣлочку кале́ную,
А стрѣляетъ тутъ въ колечко золочёное,
Попадаетъ тутъ въ колечко золочёное,
Коле стрѣлочку да на́ двое,
Мѣрою однаки да вѣсо́мъ равны.
Самъ Василій испрого́воритъ:
«Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сва́товствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду къ дочери, тамъ подумаю. —
Приходитъ онъ къ доче́ри, самъ же спрашиватъ.
Говоритъ ему да дочь любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу на́ умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину:
«Пельки мяконьки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ, добра́ бережетъ».
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
А приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу,

Къ мо́лодому Василію да Никуличу:
«Молодой Василій да Никуличъ ли!
«Неугодно ль съ моима̀ дворянами потѣшиться,
«А й потѣшиться да поборотиться?»
— Да оставлены борьци да во чисто́мъ поли,
— Самому же нуньчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
Онъ выходитъ да на ши́рокъ дворъ,
Сталъ съ дворянами онъ тѣшиться,
Сталъ онъ тѣшиться да онъ боротиться.
Одного захватитъ въ руку, дру́гаго да въ дру́гую,
Третьяго онъ сма́хнетъ во серёдочку.
По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
А которыихъ положитъ, больше ты не выстанутъ.
А выходитъ тутъ Владиміръ да на ши́рокъ дворъ:
«Ахъ ты мо́лодой Василій да Никуличъ ли!
«Укроти-тко свое сердце богатырское».
Испрого́воритъ мо́лодый Василій да Никуличъ ли:
— Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о сватовствѣ
— На твоей любимыи на дочери,
— А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ во́зьму не́ съ чести,
— Не́ съ чести возьму́, да те́би бокъ набью. —
Не пошолъ же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
Сталъ свою тутъ дочь просватывать,
За того было Василья за Никулича,
За ту̀ю было Ставрову молоду́ жену.
А свадебка у нихъ была по третій день,
А Василій да Никуличъ закручинился,
Онъ повѣсилъ свою̀ да буйну голову,
Утопилъ же очи ясны о кирпиченъ мостъ.
Испрого́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Что же ты Василій закручинился?»
— Что же мнѣ-ка стало нунь не весело:

— Батюшка ли дома у насъ пóмеръ ли,
— Али матушка у насъ да дома пóмерла,
— Аль надъ дружиной во чистòмъ поли не ладно есть.
— Нѣтъ ли у́ васъ мла́дыхъ гусельщичковъ,
— Поиграть да во гуселышка яровчаты,
— Звеселить мое сердечико? —
Доставали что ли младыхъ загусельщичковъ.
Все играютъ да не весело,
Не могли же звеселить Василья да Никулича.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Нѣтъ ли у тя мла́дыхъ затюремщичковъ,
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Стали тутъ играть въ гуселышка яровчаты,
Все играютъ да не весело.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
— Нѣтъ ли здѣсь Ставрà Годинова,
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Тутъ выводятъ Ста́вра съ пóгребовъ глубокіихъ,
Заигралъ въ гуселышка яровчаты,
Звеселился тутъ Василій да Никуличъ ли.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты меня Ставёръ да нунь же знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Я тебя топеричку не знаю ли».
— А помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
— А моя была чернильница серебряна,
— А твое было перо да подзолочено,
— Ты тутъ помакивалъ всегды, всегды,
— А я помакивалъ тогды сегды? —
«Я съ тобою въ грамотѣ не у́чивался».

— А не помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— А мы съ тобою сваечкой поигрывáли,
— А мое было колечко золоченое,
— Твоя-то бы́ла сваечка серебряна,
— Ты тутъ попадывалъ всегды, всегды,
— А я попадывалъ тогды сегды? —
«Я-то съ тóбой сваечкой не игрывалъ».
Говоритъ же тутъ Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты спусти-ко со мной Стáвра съѣздить во чистó поле,
— Посмотрѣть дружинушки хороброю. —
Говорятъ тутъ князи бóяра:
«Какъ спустить Ставрà, такъ не видать Ставра,
«Не спустить Ставрà, такъ розгнѣви́ть посла».
А не смѣли тутъ посла порóзгнѣвить,
Отпустили Стáвра съѣздить во чисто поле.
Пріѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
Ко своей было дружинушки хороброей.
Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотняны,
Одѣвае платья было женьскіи,
Сокручается Василій было женщиной.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
«Нунечу Ставрова молода жена!»
Спрашиватъ да Василиста дочь Никулична
У того Ставрà Годинова:
— Молодой же ты Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты за что же засаженъ да былъ во пóгреба? —
«Я похвасталъ нунь тобой да молодой женой,
«Что ты всихъ князей бояръ теперь повыманишь,
«Что ли солнышка Владиміра съ ума сведешь.
«А поѣдемъ, Василиста дочь Никулична,

«Мы поѣдемъ въ свою сторону».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Намъ не честь хвала да молодецкая,
— Что ли вóровски уѣхать намъ со Кіева.
— А поѣдемъ-ко мы свадебки доигрывать.
— Вси князи да боя́ра нунь повы́манены,
— Солнышко Владиміръ да съ ума сведенъ. —
Накрутилась тутъ она да е посланникомъ,
Пріѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владиміра тутъ спрашиватъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А за что же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
— А во пóгреба глубокіи? —
«А за то же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
«А во пóгреба глубокіи:
«Онъ похвасталъ нунь своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньче на́ умѣ,
— Что у тя Владиміръ е на разумѣ,
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину,
— А за тую за Ставрову молоду́ жену,
— А за тую Василисту за Никуличну? —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ же очи ясны во кирпиченъ мостъ.
Вси же князи тутъ бояра призадумались,
Вси же князи тутъ бояра испрогóворятъ:
«Она всихъ князей бояръ да насъ повы́манила,
«Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
«Благодарствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!

«Зналъ похвастать молодой женой!
«Ты торгуй-ко нунь Ставёръ да здѣ во Кіевѣ,
«Ты отнынѣ же торгуй, да вѣкъ же пó вѣку,
«Здѣ во Кіевѣ безпошлинно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

8.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ[1]).

А справляется Чурилка, убирается,
Обувае сапожки зеленъ сафьянъ,
Кругъ носочка яичко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летѣлъ,
Туды воробей летѣлъ, самъ крыломъ не задѣлъ.
Одѣвае онъ платьица цвѣтныи,
Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
А й ушисту, пушисту, завѣсисту,
И спереди не видно личка бѣлаго,
И сзади не видно кудеръ жолтыихъ.
Справляется Чурилка, убирается,
Убирае Чурилка добра кона,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
На потнички кладе войлочки,
А на войлочки кладётъ да онъ сѣделышко.
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла же добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистòмъ поли не выронилъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поѣдучи.

---

1) Размѣръ дактилическій.

Уѣхалъ Чурила во чисто полё,
Прiѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
Подъ ей же окошко косевчато,
Къ той ли Катерины Микуличной.
Увидала Катеринушка Микулична,
По поясу броси́лась въ окошечко,
Говорила Чурилушки Пле́нкову:
«Молодой Чурила сынъ Пле́нковичъ!
«Поѣзжай-ко Чурила въ гостёбищо.
«Нѣту Безмѣра Васильевича,
«Ушолъ у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
«Ушолъ же Безмѣръ ко заутренки
«И буде стоять тамъ обѣденку».
Подъѣзжае Чурила сынъ Пле́нковичъ
Къ той же Катеринѣ Микуличной,
Заѣзжае Чурила на ши́рокъ дворъ.
Выбѣгала Катерина Микулична,
Стрѣтала Чурилушку Пле́нкова,
Брала за ручки за бѣлыи,
За тыи перстнѝ за злаченыи,
Цѣловала въ уста его въ сахарнiи.
Брала Чурилина добра́ коня,
Вела на конюшни стоялыи
И сыпала пшену бѣлоярову.
Отошла отъ коня, поклониласи:
«Ѣшь-ко конь лошадь добрая!
«Не для тебя я, конь, кланяюсь,
«Для твоя *(такъ)* любимаго хозяина,
«Для того Чурилушки Плёнковича».
Взяла тутъ Чурилушку Плёнковича,
Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Садила его было на стульчики,
Подносила дощечку дубовую.
Стали играть оны въ шашечки;

Сама же Чурилы испрогóворитъ:
«Чорта-то да не зá игра
«А во тыи во шашки во шахманки!
«Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
«На тую кроватку тисовую,
«На тую перинку пуховую,
«Тамъ же Чурила позабавимся».
Увидала дѣвчоночка чорная,
Хоть бы чорна дѣвчонка челя́динка,
Тую же Катерину Микуличну
Съ тымъ же Чурилушкой Плéнковичемъ
На той же кроватки тисовыи,
На той же перинки пуховыи.
Выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ
Изъ тои кроватки съ тисовою,
Съ тои же периночки пуховыи,
Говорилъ же дѣвчóночку чорному:
— Ужъ ты чорна дѣвчонка чиганочка!
— Вотъ ти полтина на бѣлилишка,
— И дру́га полтина на румянишка,
— А третью полтину куды хóшь клади.
— Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублёвъ,
— Ушиста, пушиста, завѣсиста,
— И спереди не видно личка чорнаго,
— И сзади не видно пучка вшиваго. —
Говорила Катерина Микулична.
«Ай же Чурилушка Плёнковичъ!
«Эты полтинушки мни отдай,
«Этую шапоньку самъ держи».
Обвернула дѣвчоночка чéрная
Изъ той же полаты бѣлокаменной,
Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
— Ахъ ты мóлодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ

— Ты стоишь же зди́, Богу молишься,
— У тебя же е тамъ нунь гость въ гостяхъ,
— У твоей же Катерины Микуличной
— Е же Чурилушка Пленковичъ:
— Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
— Что ли мужъ съ женой забавляются. —
Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Скорешенько пошолъ со Божья́ храму
Къ той же полаты бѣлокаменной.
Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
Выбѣгала Катеринушка Микулична,
Ростpепала волоса свои женьскіи,
Стрѣтала Безмѣра Васильевича:
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Одва безъ тебя я не у́мерла,
«Заболѣло сердечко ретливое».
Говорилъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Той же дѣвчонки челядинной:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— А нунечу, дѣвчонка, показывай. —
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Поди-ко на конюшню стоялую,
«Во твоей же конюшни стоялыи
«Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
«И зобле пшену бѣлоярову».
Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Онъ на тую конюшню стоялую,
Увидѣлъ Чурилина добра́ коня,
Отсѣкъ же Чурилину добру́ коню,
Отсѣкъ же ему буйну голову.
Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ же дѣвчонку испрого́ворилъ:
— Завела же ты, дѣвчонка, доказывать,
— Нунечу, дѣвчонка, показывай. —

Говорила дѣвчоночка чёрная,
Черна дѣвчонка челядинка:
«Бери-тко ларци́ ковáнныи,
«А здымай ларци выше головы».
Тяпнулъ ларци ковáнныи,
Ломалъ же ларци окованныи,
Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
Отсѣкъ же Чурилы буйну голову
За его же поступки неумильніи.
Говорила Катерина Микулична:
— Гди палá головка конииая,
— Тутъ палá головка Чурилина,
— Тутъ пади головка Катеринина! —
Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
Отсѣкъ же Катерины буйну голову
А за ей да поступки неумильніи.
Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
«Гди палá головка конииая,
«Тутъ палá головка Чурилина,
«Тутъ палá головка Катеринина,
«Тутъ пади головка дѣвки чёрною!
«Черна дѣвчонка челядинка,
«Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
«Не доказывала бы она мужнихъ женъ».
Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.
Самъ же Безмѣръ пріужахнется:
Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано тамъ же, 22 іюля.

9.

ДЮКЪ.

А во той Индѣюшки богатыи,
Да во той было Корелы во проклятыи,
А былъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А севодня день да былъ суботніи.
Онъ ходилъ гулялъ да по всимъ за̀водямъ,
Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей;
Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
А севодня день братцы суботніи,
Завтра намъ итти да ко Божьёй церквы.
Онъ ставае тутъ по утрышку ранешенько,
Отправляется онъ до къ Божьёй церквы.
Онъ стоялъ же тамъ великодённую заутреню,
Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной,
Онъ отъ той великодённыи заутрени:
«Ты родитель моя матушка,
«Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощенье съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру
«Посмотрить же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
«Скажутъ: Кіевъ градъ въ чести́ въ добри».
Матушка ему да испрого́воритъ,
А честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна:
— Ай рожоно мо́е дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й окольною дорожкой туды дальнею
— А гоньци гоняютъ по три мѣсяца,
— Съ коня на́ конь, съ лошади тутъ на̀ лошадь.
— Пройдс времени въ дороги да три мѣсяца.

— А прямой дорожкой не окольною
— Е три за́ставы великіихъ:
— Перва за́става великая
— Что ли горушки толкучіи.
— Какъ ростóлнутся да горы вмѣсто стóлнутся,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Дру́га за́става великая
— Что ли птичушки клевучіи.
— А росправя птици крыльица,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Третья застава великая:
— А лежитъ змѣя проклятая,
— О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
— А росправитъ змѣя хоботы,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать. —
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
А родители тутъ матушки,
А честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной:
«Ты родитель моя матушка,
«Честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощеньицо съ бласловленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А й ко ласковому князю ко Владиміру:
«Дашь прощеньицо съ благословленьицомъ — поѣду ли.
«Хоть не дашь прощеньица съ благословленьицемъ,
«Все равно поѣду я».
Дала тутъ прощенье съ бласловеньицомъ
Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма,

Онъ сѣдлаетъ тутъ добрá коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички да клáде войлочки
А на войлочки черкальское сѣдéлышко.
Онъ подтягиватъ двѣнадцать тýгихъ подпруговъ
А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мóлодца въ чистòмъ полѝ не выронилъ.
Провожаетъ-то его да рóдна матушка,
Та было Мамельфа Тимофеевна,
А сама ему наказыватъ:
— А рожоно мóе дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
— Не быдь-ко ты рожоное захвастливо,
— Такъ не будешь ты рожоное захвачено. —
Распростиласи да воротиласи.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Съ горы нá гору да съ холмы нá холму
Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
Широки раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой зáставы прискакивалъ,
А ростолнутся-то горы, вмѣсто столнутся.
Тыи горушки ростолнулись,
Не поспѣли вмѣсто столнуться,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы нá гору да съ холмы нà холму
Къ другой зáставы прискакивалъ.
Не поспѣли птици крыльицовъ росправити.
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.

Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широкѝ раздолья промежъ ногъ пущалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити,
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму
Рѣки взялъ озера перескакивать,
Широкѝ раздолья промежь ногъ пущать,
Онъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Пріѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Привязалъ же онъ добра́ коня
У того столба да у точе́наго,
У того кольца да золоче́наго,
А й заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по уче́ному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре стороны,
Князю со княгиною въ особину.
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною Апраксіей!»
Говорилъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И какъ тебя зовутъ нуньчу по имени,
— Нарекаютъ по отечеству? —
«Я изъ той же нунь Индѣи да богатою,
«А изъ той было Корелы я проклятою,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ».
— А давно ли ты бояринъ да повыѣхалъ? —
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Дома я стоялъ же тамъ заутренку,

«А сюды поспѣлъ же я нунь ко обѣденкѣ
«А вотъ было во Кіевъ градъ».
А справляется тутъ солнышко къ обѣденкѣ
Съ тымъ же молодымъ бояриномъ,
Съ Дюкомъ нунь Степановымъ.
А пошли оны по уличкамъ,
Пали дождички великіи,
Сдѣлали тутъ улички да грязныи.
Шолъ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Измаралъ же онъ сапожки да зеле́нъ сафьянъ.
Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
На сапожки тутъ бояринъ да поглядыватъ:
— А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— Ай же въ Кіеви да не по нашему,
— Посланы мосты да все кирпичныи,
— Сыпаны пески да рудожолтыи,
— Пали дождики великіи,
— Измочили тутъ пески да рудожолтыи,
— Измаралъ-то я сапожки да зеле́нъ сафьянъ.
— А у насъ было въ Индѣи во богатыи,
— А у насъ было въ Корелы во проклятыи,
— Все же стланы мостики дубовыи,
— Поверху было да сукна одинцовыи. —
А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Пле́нковичъ,
Говорилъ же тутъ Чурила сынъ же Пле́нковичъ:
«Ай же ты мужикъ да деревенщина,
«А пустыимъ ты мужикъ да нуньчу хвастаешь!
«Ты убилъ купця либо боярина,
«Снялъ же тутъ сапожки да зеле́нъ сафьянъ,
«Самъ же ты сапожковъ знать не державалъ,
«Все же на сапожки ты поглядывашь.
«А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
«Ѣздить-то же намъ да е по три́ годы,
«А по три́ годы-то намъ же ѣздить по́ три дни,

«Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи,
«Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Билъ же тутъ съ Чурилой о великъ залогъ,
Ѣздить имъ же нунь по три́ годы,
А по три́ годы то намъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ насъ лучше повыступитъ,
Дру́гому изъ насъ да голова рубить.
А по Чурилушки по Плёнкови
А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
А по томъ было по Дюкѣ по Степановѣ
Да ручался одинъ отче да черниговской,
А крестовой его батюшко:
Ѣздить-то имъ да по три́ годы,
А по три́ годы-то имъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ нихъ лучше повыступитъ,
Дру́гому изъ нихъ да голова рубить.
Тутъ выходятъ отъ великодённыи обѣденки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Про́шолъ къ солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску,
Тутъ пришолъ да хлѣба кушати
А во тыи гридни во столовыи.
Тутъ садилиси за столики дубовыи,
Приносили тутъ колачики крупивчаты
Что ли Дюку да Степанову.
Сталъ же онъ колачиковъ тутъ кушати,
Мякишокъ-тотъ ѣстъ да корочку подъ столъ мечетъ:
— А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— А все въ Кіеви да не по нашему.
— Этыи колачики крупивчаты
— Пахнутъ-то на глинушку дожжовую,
— А на то же на помялушко сосновое.
— У моей было родители у матушки

— Есть же печки тамъ муравлены,
— Тамъ помялушка шелковыи,
— А не пахнутъ тамъ колачики на глину на дожжовую
— А колачикъ съѣшь, другова хочется,
— Дру́гой съѣшь, третѐй съ ума не йдетъ. —
Вонъ исходитъ зъ-за столовъ да за дубовыихъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному:
— Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
— За твои было колачики крупивчаты. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ справляться во Индѣюшку,
А во ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Не спустили тутъ боярина
Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Тутъ садился да бояринъ на ременчатъ стулъ,
Пише ёрлуки да скорописчаты,
Кладыва́е онъ же въ сумки перемётныи,
Отпускае онъ добра̀ коня
Съ тыма сумкамы да перемётныма
Ко своей было къ родители ко матушки,
Ко честно̀й было Мамельфы Тимофеевной.
— Ай родитель моя матушка,
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Посылай ко ты мнѣ-ка-ва нынь платьицовъ
— А на три́ годы пошли да ты же на три дни,
— Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи;
— Ты пошли-ко злата се́ребра,
— Ты пошли-ко мнѣ на три́ годы,
— Ты на три́ годы пошли да на три дни,
— А не спустя меня съѣздить во Индѣюшку,
— А во ту было въ Индѣю во богатую,

— А во ту было въ Корелу во проклятую.
— Я ударилъ нуньчу здѣ-ка о великъ залогъ,
— Я похвасталъ знать Индѣей да богатою,
— Да похвасталъ я Корелой да проклятою:
— У насъ было во Индѣи во богатыи, —
— А стоятъ у насъ полаты бѣлокаменны,
— Что ли столбики у насъ да тамъ точеныи,
— Крышки тамъ у насъ да золоченыи,
— А за то же я захваченъ Дюкъ Степановичъ. —
Отправляетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Отправляетъ тутъ добра́ коня
Ко родители ко матушки
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной.
Сталъ же его бурушко поскакивать,
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широкѝ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ,
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Ко Индѣюшки прискакивалъ,
Середи двора да ставился,
За́ржалъ лошадинымъ тутъ я́сакомъ.
Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
Увидала тутъ боярина добра коня:
«Видно тутъ рожоное убитоё!»
Выбѣгала тутъ на ши́рокъ дворъ,

Увидала бна сумки перемётныя,
Брала бна сумки перемётныя,
Выносила сумки перемётныя,
Роспечатыватъ тутъ ёрлуки да скорописчаты,
Сама же тутъ да испрогбворитъ:
«Видно тутъ рожоное захвастливо,
«Тамъ мое рожоное захвачено».
Собирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныихъ,
Отправляе ёму платьицовъ на три́ годы,
А на три́ годы да на три дни,
Въ каждый день да трижды днёмъ
Ему платьица-ты смѣнныи.
Отпускае еще злата ёму се́ребра,
А на три́ годы да на три дни,
Чтобъ хватило да боярину
Дюку да Степанову.
Пише ёрлычки да скорописчаты
Мблоду боярину а Дюку да Степанову:
Да не хватитъ буде злата се́ребра,
А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
Рыла она сумки перемётныи,
Отправляла тутъ его добра́ коня
Къ мблоду боярину а къ Дюку да Степанову
Тутъ было во Кіевъ градъ.
А й пошолъ же его бурушко поскакивать
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой заставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться,
Тую за́ставу проскакивалъ,
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли птици крыльицовъ росправити,
Тую за́ставу про́скакивалъ,

Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,
Тую заставу проскакивалъ,
Тутъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Онъ приноситъ было сумки перемётныи,
Молоду боярину а Дюку да Степанову,
А привозитъ ёму цвѣтныи да платьица,
Онъ на три́ годы привозитъ на три дни.
Вси Кіевомъ платьицовъ ужахнулись,
Стали выбирать оны обцѣнщичковъ
А во ту было Индѣю во богатую:
Мо́лода Добрынюшку Никитича,
Въ дру́гихъ тутъ Михайлу По́тыка Иванова,
А въ третьіихъ Олешеньку Поповича.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
— А во ту было Индѣю во богатую
— Нашихъ животовъ обцѣнивать.
— Наши жи́воты сиротскіи,
— Его глазушка поповскіи,
— Его глазушка оза́рятся,
— А не вытти ввѣкъ съ Индѣюшки.
— Вы пошлите-тко каза́ка Илью Муромца,
— Мо́лода Добрынюшку Никитича,
— Въ третьіихъ Михайлу По́тыка Иванова,
— А трехъ русьскіихъ могучіихъ богатырей,
— А не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнивать:
— Не какіе наши жи́воты, сиротскіи. —
А отправились бога́тыри,
А отправились въ Индѣю во богатую
А во ту было въ Корелу во проклятую,
Дюковы́ихъ жи́вотовъ обцѣнивать.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,

Сталъ же со Чурилушкой поѣзживать.
Въ кажный день Чурилушки да конюшки-ты смѣнныи
Наставляютъ ёму Кіевомъ.
А молодо̀й бояринъ Дюкъ Степановичъ
На росы бурка̀ да перека́тыватъ,
Шерсть же на бурки да перемѣнится,
Въ кажный день-то шерсть да на емъ смѣнная.
Одѣвае въ кажный день-то платьица онъ смѣнныи,
Да не то бояринъ и по трижды въ день.
Стали ѣздить со Чурилой было Плёнковымъ
А гулять да во чисто́мъ поли.
А пошли туды да руськіи могучіи бога́тыри
А во ту было Индѣю во богатую
Его жи́вотовъ обцѣнивать,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Коротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелушку проклятую.
Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.
Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
Думали Индѣя перепаласи,
Ажно ихъ Индѣя не спугаласи,
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти,
А й полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,
Столбики у нихъ были точеныи,
Крышки-ты у нихъ да золоченыи.
Выходятъ тутъ оны да сре́ди города
А къ той было Мамельфы Тимофеевной

Къ ей же нунь полатамъ бѣлокаменнымъ.
Тутъ идутъ же отъ обѣдни жены старо-ма́теры.
«Ужъ вы здравствуйте артель да жоны старо-ма́теры!»
Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-ма́теры:
— Вы откуда добры молодцы? —
Отвѣчаютъ имъ удалы добры молодцы,
Святорусьскіи бога́тыри:
«Есть мы города нунь Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«А й обцѣнщички же Дюковыимъ жи́вотамъ.
«Мы пришли обцѣнивать да Дюковыихъ жи́вотовъ.
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
— Нѣту этта Дюковыи матушки,
— Этта Дюковы коровници. —
А приходитъ тутъ артель да ихъ же дру́гая:
«Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-ма́теры:
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы да портомойници».
А идётъ же тутъ артель да было третьяя:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы постельници».
А идётъ же тутъ артель четвертая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы колачници».
А идётъ же тутъ артель да пятая:
— Здравствуйте вы, жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,

«Этта Дюковы да горничны».
А идётъ же тутъ артель да шо́стая,
Тутъ идетъ жена́ да старо-ма́тера,
Вся она идетъ да было въ золоти:
— Здравствуйте вы жоны старо-ма́теры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
Говорятъ тутъ, жоны старо-ма́теры:
«Есть же этта Дюковая матушка».
Тутъ выходитъ Дюковая матушка,
А честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна:
— А вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
— Вы ко́ей земли, ко́ей орды,
— Какъ васъ именёмъ зовутъ,
— Какъ васъ нарекаютъ по отечеству? —
«Есть же мы тутъ города-е Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«Посланы у Дюка у Степанова
«Своихъ жи́вотовъ общѣнивать.
«Я есть старыи казакъ да Илья́ Муромецъ,
«Другой мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Въ третьіихъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«А й удалы добры молодцы,
«Святорусьскіи бога́тыри».
— Ужъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Ужъ ты молодый Добрынюшка Никитиничъ,
— А Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А подите къ намъ да хлѣба соли нуньчу кушати,
— Бѣлою лебёдушки порушати.
— Не какіе наши жи́воты, сиротскіи,
— Наши жи́воты бобыльскіи,
— А не долго про́йде животы̀ общѣнивать. —
Отправлялися бога́тыри
А й во ты было полаты бѣлокаменны,
Къ той было Мамельфы Тимофеевной,

Тутъ же хлѣба кушати.
Тутъ приходятъ да во гридни во столовыи,
Крестъ кладутъ да по писáному
И поклонъ ведутъ да по учéному,
Бьютъ челомъ да покланяются
На всѣ на четыре стороны,
Ей Мамельфы да въ особину.
Тутъ садились они хлѣба было кушати,
Ей же бѣлою лебёдушки порушати.
А колачикъ съѣли, дрýгаго тутъ хочется,
А по третьеёмъ душа горитъ.
Наѣдалиси они да было дó сыти,
Напивалиси оны да было дó пьяна.
Стали тутъ богáтыри отдохъ держать,
Спали тутъ богáтыри трои́ сутки.
А по той же по Индѣи по богатоей,
А по той же по Корелы по проклятоей
Потекла рѣка да было съ зóлотомъ.
Прохватились тутъ же русьскіи могучіи богáтыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
Узнавать было Индѣюшки богатыи,
Узнавать было Корелушки проклятыи,
Что общѣнивать Индѣя-та богатая,
А какіе есть тутъ Дюковыи жи́воты.
А во той было Индѣи во богатыи,
А во той было Корелушки проклятыи
Стланы тамъ же мостики дубовыи,
На верёхъ-то у нихъ сукна одинцовыи.
Проходили тутъ богáтыри
А по той было Индѣи по богатыи,
А узнали тутъ же Дюковыи жи́воты,

Увидали тутъ рѣку да золоченую,
И самы себи оны да испрого́ворятъ:
«Какъ намъ этта Дюковыи жи́воты общѣнивать,
«Тутъ же вѣкъ свой намъ скоро́тати».
Стали тутъ же общѣнивать да жи́вотовъ,
Да общѣнивали сбрую лошадиную.
Прошло времечки безъ мала да три го́ды есть,
И самы себи богатыри спрого́ворятъ:
«Ай же мы да братьица крестовыи!
«А не нужно намъ всихъ животовъ общѣнивать,
«А какъ вси намъ жи́воты общѣнивать
«Такъ намъ вѣкъ же ту́да-ка скоро́тати».
Отправляются три руськіихъ могучіихъ богатыря
А изъ той же изъ Индѣи изъ богатыи,
Да изъ той же изъ Корелы воnъ съ проклятыи
А ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
А приходя къ городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Говорили что ли солнышку Владиміру,
Что ли князю стольнё-кіевску:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ пріо́бщѣнить.
«Общѣнять же тамъ намъ Дюковыи жи́воты,
«Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скоро́тати».
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ѣздилъ со Чурилушкой по три́ годы,
А по три годы, да по три дни.
А приходитъ имъ было послѣднiй день,
Кто у нихъ получше да повыступитъ,
Дру́гому изъ ихъ да голова рубить.
Сегодня день братцы у насъ суботніи,
Завтра у насъ день да воскресеньицо,

А итти-то имъ да ко Божьёй церквы.
Да который-то изъ нихъ лучшѐ повыступитъ,
Дрýгому изъ ихъ да голова рубить.
Тутъ приходятъ да оны да ко заутренки,
А Чурилушко тотъ Пленковичъ
Ставится на крылосо на правое,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ставится на крылосо на лѣвое.
Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
Сталъ же свою славушку показывать,
Сталъ же онъ тутъ плеточкой поваживать,
Онъ отъ пуговки да сталъ было до пуговки,
А й отъ петелки до петелки;
Тутъ отъ пуговки до пуговки
А й пошли враны̀, стали прогуркивать,
А й отъ петелки до петелки
Поплыла змѣя, стала просвистывать.
Кіевомъ было Черниговомъ
Вси оны да пріужахнулись,
Вси оны да тутъ же призадумались
А самы ему да риспрогóворятъ:
— Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Некудá боярину да Дюку да Степанову,
— Некудá да лучше нынь повыступить. —
Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ онъ очи ясны во кирпиченъ мостъ,
Самъ бояринъ призадумался.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ онъ плеточкой поваживать,
А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
А й отъ пуговки было до пуговки
Пошли птицушки пѣвучіи,

А й отъ петелки до потелки
Пошли звѣрюшки крыкучіи,
Вдругъ запѣли тыи птицушки пѣвучіи,
Закрычали вдругъ же звѣри вси крыкучіи.
Вси во церквы пали, о́бмерли.
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ай уйми-тко ты же пти́ценекъ пѣвучіихъ,
«Да уйми-тко всихъ же звѣрюшковъ крыкучіихъ,
«Ты оставь-ко намъ людей да хоть на си́мена».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Не у васъ я хлѣба соли нуньчу кушаю,
— Я не васъ то хо́чу нуньчу слушати. —
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же отче ты черниговской!
«Ты молись-ко да крестовому нунь дитятки,
«Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
«Унялъ чтобы птиценекъ пѣвучіихъ,
«Чтобы унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ».
Говорилъ же ёму отче да черниговской,
А крестовый его батюшка:
— Ахъ ты мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты уйми-тко нуньчу птиценекъ пѣвучіихъ,
— А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крыкучіихъ. —
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я у васъ же хлѣба соли нуньчу кушаю,
«Да я васъ же хо́чу слушати».
Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучіихъ,
Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Кто у насъ получше да повыступилъ?»
Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
Утопилъ да очи ясны во кирпиченъ мостъ,

Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
Испроговоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Это молодцамъ да намъ съ тобой не по́хвальба,
— А поѣдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣки,
— Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
— Кто изъ насъ тутъ лучше да повыступитъ? —
Не хотѣлось бы Чурилушки ѣхать къ матушки Пучай-рѣки,
Его по́хвальба да напередъ зашла.
Поѣзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
Что ли съ молодымъ бояриномъ
Да со Дюкомъ со Степановымъ
Къ тою матушки Пучай-рѣки.
Пріѣзжаютъ тутъ же къ матушки Пучай-рѣки
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
Говоритъ ему бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты мо́лодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
«Твоя по́хвальба-та напередъ зашла,
«Скочи-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
«На своемъ-то на добро́мъ конѣ».
Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
Розсердилъ же тутъ онъ своего добра́ коня,
Скочитъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
Осередъ рѣки Чурилушка въ воду́ пошолъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ приправитъ своего тутъ бурушка
Черезъ матушку Пучай-рѣку.
Съ бережка бояринъ да выскакиватъ,
Къ дру́гому бояринъ да прискакиватъ,
Поскорешенько назадъ коня да поворачиватъ,
Осередъ рѣки бояринъ да припадыватъ,
За́ волосы онъ Чурилушку захватыватъ,
Да съ воды съ конёмъ выздымливатъ,

Къ солнышку къ Владиміру притаскиватъ.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кто у насъ получше да повыступилъ? —
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не сруби-тко ты Чурилки буйной головы
«За его теперь поступки неумильніи,
«За его было да ложное-то хвáстанье».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кабы лучше насъ Чурилушка повыступилъ,
— Мнѣ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
— А пустъ-ко ты, Чурилушка ты Пленковичъ,
— А не срублена твоя да буйна гóлова
— За твои поступки неумильніи,
— За твое за ложное за хвáстанье.
— Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
— Кіевскима да черниговскима,
— А й черниговскима бабамы умоленный.
— Ты не ѣзди-тко нунь съ намы со бурлаками,
— А ты ѣзди-тко нунь въ Кіеви,
— Въ Кіеви въ Чернигови межъ бабамы,
— А вѣкъ же тамъ ты ѣзди пó вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКІЙ.

Былъ же славный князь да Карамы́шевскòй,
Жилъ онъ покрай матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Ѣздилъ онъ по матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Прибиралъ же себи мѣсто да любимоё,

А прибралъ себи мѣсто да любимоё
Покрай матушки было Вятлы рѣки;
Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
Признали тутъ же князи было бóяра
Его мѣсто да любимоё,
Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
И тотъ же князь да Карамышевской
Заводилъ же онъ тутъ да почестный пиръ,
На князей пиръ да онъ на бóяръ пиръ
И на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же тéмныи,
Илья да кумъ же темныи розбойничёкъ,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И съ Гришкой нынь съ Олешкой со Баскаковымъ,
На то же на велико пированiё
А на тотъ же на почестный пиръ.
Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
Вси же ѣли, вси же пили тутъ да кушали,
Его бѣлую лебёдушку тутъ рушали.
А сидитъ Илья да кумъ же тéмныи,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ.
Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
И самъ же князь да испрогóворитъ:
«Ай же ты Илья да кумъ же тéмныи,
«А кумъ же темныи розбойничекъ!
«Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушаешь?
«Ѣствы-ты мои теби не пó уму,
«Али питьица мои ти не по разуму?
«Али чарою тебя да нунь прíобнесли,
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,

«Али пьяница тебя да нунь пріобозвалъ?»
— Ѣствы-ты твои да были пó уму,
— Питьица твои былѝ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріóбнесли,
— Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
— И пьяница меня да не пріóбозвалъ. —
Ходитъ было князь да Карамышевской
И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
Говорилъ же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать розбойничко,
«На кой день же ты головушки не ýбьешь ли,
«На тòтъ же день не мошь ты живъ же быть».
Тутъ мутно éго око помутилоси,
Розбойническое сердце розгорѣлоси
И съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Повыглянулъ на князя онъ же съ пóдлобья.
Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
— Ай же князь да Карамышевской!
— Ты роздрáжилъ нунь Илью да кýма тéмнаго,
— Кýма тéмнаго розбойничка.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
— А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
— А съ пóдлобья на васъ да онъ повы́глянулъ. —
Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
«Зналъ же я розбойничка роздрáжити,
«Знаю я розбойничка утѣшити»
Шолъ же во глубокіи во пóгреба,
На мисý онъ клалъ да красна золота,
А на дрýгу кладывáе чистаго тутъ сéребра,
А на третьюю каменьевъ драгоцѣнныихъ.
Тутъ подноситъ онъ Илью̀ да кýму тéмному,
Кýму тéмному, розбойнику,
Эти честныи да дáрева.

Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Эти честныи подарочки,
Самъ ему да кланялся:
— Благодарствуешь да князь же Карамышевской
— За твои великiи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да ку́ма те́мнаго,
— Ку́ма те́мнаго розбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь те́мныи,
— Темныи ты ноченьки осеннiи. —
Князь же Карамышенской зраду́ется:
«Я зналъ же нунь розбойника роздра́жити,
Я умѣлъ же нунь розбойника утѣшити»
Съ той же со великою со радости,
Что утѣшилъ онъ да нунечку розбойника,
А того же нунь Илью да кума те́мнаго,
Тутъ до́пьяна же князь да напивается,
И до́сыти же князь да наѣдается,
И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
Своимъ тутъ мѣстомъ да любимыимъ:
«Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлы́ рѣки,
«Прибиралъ же себи мѣсто я любимоё,
«Далъ же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублёвъ,
«Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
«Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго».
Вси ту́тъ на пиру да наѣдалися,
Вси же на честномъ да напивалися,
Вси со пи́ру по домамъ да розбиралися.
Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да те́мныи,
А Илья же кумъ да темныи розбойничекъ,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дожидается онъ ноченьки тутъ темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осеннiи,

И дождался тутъ онъ ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи.
Говорилъ же онъ дружинушки хороброю:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«А поѣдемте-тко къ князю Карамышинску,
«Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое».
Собиралиси тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Съ тымъ же нунь Ильéй да кýмомъ тéмныимъ,
Кумомъ темныимъ розбойникомъ.
Садились они въ лодочку коломенку,
Поѣзжали тутъ по матушки Вятлы́ рѣки,
Подъѣзжали тутъ подъ мѣсто подъ любимоё.
Прогряну́ла было лодочка коломенка
Да проскры́пали веселышка яровчаты
А подъ то бы́ло село да подъ любимое,
Подъ того ли было князя Карамышенска.
Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
— Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
— А подъ нашеё село любимое
— Прогряну́ла было лодочка коломенка
— А проскрыпнули веселышка яровчаты,
— Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да темныи,
— Кумъ же темныи, розбойничёкъ. —
Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тéмнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвы́хъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тéмнаго,
«Кума темнаго розбойника!»
Подъ окномъ же тутъ Илья все да повыслухалъ,
Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскаковымъ:
— Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!

— Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
— И выставьте-тко двери вонъ со липиньёмъ.—
Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
Ударили тутъ въ двери да со липиньёмъ
И выставили двери съ ободвереньей.
Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы берите-тко копье да бурзамецкое,
«Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
«А во той было во ложни да во тёплыи».
Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что сколоть же нунь намъ князя Карамышенска
— А во той было во теплыи во ложеньки.
— Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
— Его бѣлую лебедушку тутъ рушали,
— Мы приняли да честныи подарочки,
— Не можемъ мы сколоть нунь князя Карамышенска.—
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
Какъ тяпне онъ копье да бурзамецкое,
И скололь же тутъ онъ князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тёплыи.
Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы сколите-тко княгину нунь за люлечкой».
Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:

— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи
— Да сколоть же намъ княгину да за люлечкой!
— Она му́жа тутъ да не учи́ла ли[1])
— Что роздра́жить Илью ку́ма те́мнаго. —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
И скололь же онъ княгину да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
«Рвите-тко младенчика да на двое».
Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
Отвѣчали тутъ Ильи да ку́му те́мному:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что его нунь душенка безвинная,
— Не училъ же онъ да отца матери! —
Мутное тутъ око помутилоси,
Хоть розбойницко же сердце розгорѣлоси,
Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
На ногу ступилъ, за дру́гую да дернулъ ли,
На двое младенчика порозорвалъ.
Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
Со́жгалъ тутъ же мѣсто да любимоё,
И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно е́го око тутъ же мутится,
Розбойническое сердце роздѣляется:
Ѣхать мнѣ ко городу ко Кіеву

1) Ли не имѣетъ здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
А й ко солнышку къ Владиміру,
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставляе во чистóмъ поли,
А съ другою пріѣзжае въ Кіевъ градъ.
Проситъ у Владиміра да войска безпощаднаго,
Онъ большаго проситъ кроволитія[1]).
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
Во великое себѣ-ка во гостёбищо.
Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же тéмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Что ли къ солнышку къ Владиміру,
Что ль ко князю стольнё-кіевску,
А во ты ли въ гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Ставилъ онъ же столики дубовыи
И угащивалъ великіимъ гостебищемъ,
А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
А садилъ во мѣсто да во бóльшее.
Да разнощикъ былъ Василій да Ивановичъ,
Что ль любимыи его племя́нничокъ,
Племянничокъ да й крестничокъ,

1) По объясненію пѣвца, это значитъ, что онъ объявляетъ Владиміру войну.

Того князя Карамышевска его-то ро́дной сынъ.
Розносилъ онъ чару зелена вина
На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
Перву чару нёсъ онъ, не́ донесъ,
А другую нёсъ же, пе́ренесъ,
А третьей чары Ильи не́ подалъ,
А и не́ подалъ розбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А розбойничко тутъ сердце загорѣлоси,
Съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Съ по́длобья да онъ повы́глянулъ
На того было Василья на Иванова.
Самъ же тутъ Илья да испрого́воритъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«И какой у тя поставленъ да розносчичокъ,
«Перву чару нёсъ да къ намъ же не́ донесъ,
«А другу чару нёсъ да насъ онъ пе́ренесъ,
«И третьею-то чары намъ же не́ подалъ?
«А заводитъ онъ же бой драку́ великую,
«А большое онъ же съ вами кроволитіе».
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты любимыи племянничокъ,
— Ай Василей да Ивановичъ,
— Ты крестовое мое да было дитятко!
— А зачѣмъ же ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Кума темнаго розбойника?
— За твои по́ступки неумильніи
— Прикажу ти голову́ рубить! —
Тяжеле́шенько тутъ онъ да пороспдакался:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
«Ты родитель мой же дѣдушка,
«Да крестовый мой же батюшко!
«Ты не носятъ да меня же ножки рѣзвыи,
«Да не здынутся мои же ручки бѣлыи

«Подать чары зелена вина.
«А й убилъ же онъ родителя нунь батюшка,
«Что ли князя Карамышенска,
«Твоего ли зятя да любимаго,
«А во той было во ложни да во тéплыи,
«А мою было родитель тутъ же матушку
«А твою было сестрицу да родимую,
«А скололъ же онъ за люлечкой,
«Моего же было братца да родимаго
«А и вьюноша тутъ малаго,
«А онъ выдернулъ изъ люлечки,
«На ногу ступилъ, за дру́гую тутъ дернулъ ли,
«И на двоё его порозорвалъ!
«И видѣлъ бы Илью да я на ножики,
«А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
«А тому Ильѣ да куму тéмному,
«Куму темному, розбойнику!»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты крестово мое дитятко,
— Ай Василей да Ивановичъ!
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
— Ты убей-ко нунь Илью да кума тéмнаго,
— Кума темнаго, розбойника. —
Мутно éго око помутилоси,
Богатырско сердце загорѣлоси,
Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовыимъ,
Какъ ухватитъ онъ Илью да за желты кудри,
Здынетъ тутъ Илью да выше гóловы,
Топнулъ онъ Илью да о кирпиченъ мостъ,
Повернулись тутъ глаза да вонъ косицами.
Какъ ухватитъ онъ его да тутъ же за ноги,
Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
Выскочилъ Василей да на ши́рокъ дворъ,

Добирается до оси до телѣжныи,
До телѣжныи до оси до желѣзныи,
А тая́-то ёму мѣра по плечу пришла.
Взялъ же по той силушки помахивать,
Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
Малыи да розбѣжалиси,
Старыи тутъ ростулялиси,
Вся та силушка назадъ ушла,
Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владиміру.
— Благодарствуй ты любимыи племянничокъ,
— Ты племянничокъ да крестничокъ,
— Да Василей ты Ивановичъ!
— Отлилъ ты ему да кровь родительску
— Да тому было розбойничку,
— Да тому Ильи да ку́му те́мному. —

Записано тамъ же, 22 іюля.

11.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ[1]).

Проѣзжалъ борецъ было невѣрныи,
Много городовъ прошолъ,

---

1) Рагнозеромъ называются небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ этой деревнѣ нѣкогда жилъ знаменитый борецъ. Когда Калининъ пропѣлъ эту былину, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ), отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василіемъ, но какъ по отечеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно, что Рахтѣ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

Много онъ борцо́въ по̀вӑлилъ,
Иныихъ онъ до сме́рти убилъ.
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
Самъ же князю похваляется:
«Ай же князь ты московскіи!
«Дай мнѣ нуньчу поединщичка.
«Ты не да́дешь намъ да поединщичка,
«Я вашею Москву да всю огнёмъ прижгу».
Много находилоси младыхъ борьцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
А й борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки
А стоятъ же мужики да балахонники,
А й самы̀ оны да испрого́ворятъ:
— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи,
— Этого борьца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиватъ:
«Вы откуда мужички да балахонники,
«А какой же у́ васъ Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчали мужики да балахонники:
— Нашъ бы Рахта рагнозерскіи
— Этого борьца да онъ бы въ кучку склалъ. —
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
А держали ихъ-то въ крѣпости,
Отправляли тутъ скора́ гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой рагнозерскіимъ.
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскіи
Въ ту деревню Рагнозерскую.
Не случилось было Рахты дома ли,
При тоѐмъ гонци да при московскоемъ,
Находился Рахта въ лисяхъ е.
Спрашиватъ гонецъ было московскіи:

«Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскіи.
— Ты откудова удалый добрый молодецъ?
«Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
«Тотъ гонецъ да было скорыи
«А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ.
«Требуе тутъ было князь московскіи
«Съ тымъ борьцемъ да поборотися,
«А съ невѣрныимъ поратиться».
Отвѣчаетъ ёму женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскіи!
— Какъ изъ лѣсу при́де Рахта рагнозерскіи,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго ёго да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно[1]) ты его да нуньчу спрашивай. —
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскіи.
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати,
А поѣлъ же тутъ нунь Рахта рагнозерскіи.
Ты ставае да гонецъ было московскіи
А й ему же тутъ нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскіи?
«Требуетъ тя князь нуньчу̀ московскіи
«Съ тымъ борьцёмъ да поборотиться,
«Что ль съ невѣрныимъ да попытатися».
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскіи,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.

---

1) Тогда.

— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да мовсковскаго? —
«Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли».
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же тутъ онъ князя, да московскаго,
А кормили тутъ его да было досыти,
А поили тутъ его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае тутъ да князь было московскіи:
— Здѣсь-ко Рахта что ль въ Москвы да объявляется,
— Именéмъ своимъ да Рахта называется. —
Говоритъ гонецъ было московскіи
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніё
«А къ невѣрному на показаніё».
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніё.
Говоритъ тутъ Рахта рагнозерскіи:
— Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борьцомъ да не умѣю ли,
— Да привычкка нунь у насъ да была женская. —
Какъ ухватитъ онъ борьца за плечи ли
Да топнетъ тутъ борьца да о кирпиченъ мостъ,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскіи!
«Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.

— Дай-ко мнѣ-ка бласловеньицо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволеньица. —
Далъ ему да князь было московскіи,
Далъ ему да князь тутъ дозволеньицо,
Чтобъ не ловили безъ его благословленьица.

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

12.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да Политовскаго
Пированьицо было на третій день.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на честнóемъ наѣдалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаютъ.
Ходитъ старыи да ихъ же дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскіи,
Политовскіи король да земли Польскіи.
«Что же вы два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не кушали,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не пó уму,
«Али питьица-ты вамъ да не по разуму,

«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали тутъ любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тутъ дядюшки,
Старому же королю да Политовскому:
— Политовскіи король да земли Польскіи!
— Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
— Крѣпкую мы думу заединую,
— Ѣхать намъ во матушку во каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду. —
Говоритъ же имъ тутъ старый нунь дядюшка,
Тотъ же нунь король да Политовскіи,
Политовскіи король да земли Польскіи:
«Ай вы два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка!
«Вы не ѣдьте-тко да въ каменну́ Москву,
«Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
«Я колько́ ни нунь туды-ка-ва да ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ.
«Силушку свою да порастратарю *(такъ)*,
«Самъ же я король да на уходъ уйду.
«Ай совѣтуетъ вамъ старыи нунь дядюшка,
«Политовскіи король да земли Польскіи:
«Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
«А во ту Корелушку проклятую,
«Розорите тамъ Индѣюшку богатую,
«Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки матераго,
А того же короля да Политовскаго.

А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую.
Подъѣзжали тутъ оны да подъ Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Розорили тутъ Индѣю всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головнёй прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тутъ татара опочивъ держать,
И самы себѣ да испрого́ворятъ:
— Ай же этыимъ намъ разомъ да поладилось,
— А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту орду! —
Пріѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву,
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту орду.
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Каменну́ Москву да Золоту орду,
Первое они тутъ сёло Ярославское,
Дру́гое тутъ сёло Переславское,
Третьее-то сёло Косы-Улицы[1]).
Стали тутъ татара опочивъ держать,
Стали тутъ татара хлѣба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романовичъ
А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку[2]):
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Первое-то сёло Ярославское,
Дру́гое-то сёло Переславское,

1) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

2) Т. е. бѣду.

Третье розорили сёло Косы-Улицы.
Сталъ онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
Самъ себи Микита испрогóворитъ:
«Ахъ ты молодость ты молодецкая!
«Улетѣла моя молодость въ чистó поле,
«Во чистó поле да яснымъ соколомъ,
«Прилетѣла ко мнѣ старость со чистá поля,
«Со чистá поля да чернымъ ворономъ,
«А садилась за плеча да богатырскіи!»
Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
Своей силушки[1]) Микитушка наказывать:
«Ай ты, силушка моя было безсмѣтная,
«А безсмѣтная ты силушка, безсмертная!
«Улечу же нуньчу я въ чистó поле,
«Во чистó поле да чернымъ ворономъ».
Обернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ Микита во чистó поле.
Вся же сила у татаръ да спать порóзлегла.
Обернулся тутъ Микитушка сѣры́мъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
Вси замочики въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачики у нихъ да вси повыломалъ.
Обернулся онъ да горносталышкомъ
А приходитъ во полаты бѣлокаменны
Ко своей было любимоей племянничкѣ,
Къ той было Авдотьѣ ко Ивановной.
А сидитъ его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна.
— Бай люли дѣтищо да великоё!
— Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,

---

1) *Сила* здѣсь въ смыслѣ войска.

— Старыи Микитушка Романовичъ,
— Моего бы нуньчу мужа не потре́били
— А меня бы нунь младой не обезчестили! —
Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
Самъ младенчикъ испрого́воритъ:
«А родитель моя матушка,
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Нашъ-то старыи тутъ дядюшка,
«Что Микитушка Романовичъ,
«А въ избушкѣ онъ у насъ нунь горносталушкомъ».
Тымъ же двумъ нунь малыимъ двумъ Витвичкамъ,
Тымъ же двумъ поганыимъ татаровамъ
Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
А скочили тутъ татара на рѣзвы́ ноги,
Тяпнули тутъ шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же былъ тотъ по́вертокъ,
Да въ рукавъ-то горносталь да вонъ выскакивалъ,
Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
Обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же онъ да во чисто́ поле
А заграялъ онъ же чернымъ ворономъ,
Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлать.
Дру́гой разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Силушка тутъ да поѣхала.
Третій разъ заграялъ чернымъ ворономъ,
Вся Микитина тутъ силушка при е́мъ стала.
Тыхъ два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
Тутъ броси́лиси они да за оружьица,
Тутъ въ оружьицахъ замочики повы́щерблены.
А броси́лиси они было за сабелки,
Сабелки у нихъ да вси повы́туплены.
А броси́лиси они да за тесачики,

Вси тесачики у нихъ да нунь повы́ломаны.
А броси́лиси они да за добры́хъ коней,
Конюшки у нихъ да вси задавлены.
Некуда уйти было поганыимъ татаровамъ.
Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
А того было Микитушки Романова.
Старыи Микитушка Романовичь
Онъ забралъ же ихъ поганыихъ татаровей,
А забралъ же онъ великій плѣнъ,
Поплѣнилъ же силу всю татарскую,
Захватилъ же двухъ поганыихъ татариновъ.
Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
Дру́гому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
А садилъ же брату кошелемъ[1]) его:
Одинъ поди тащи его за плечамы,
Другой поди дорогу да показывай.
«Вы подьте-тко нунь къ старому да дядюшкѣ,
«Къ тому же королю да Политовскому,
«А подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте:
«Розорили мы нуньчу каменну́ Москву,
«Каменну́ю-ту Москву да Золоту орду,
«Первое-то село Ярославское,
«Другое-то сёло Переславское,
«Третье сёло Косы-Улицы, —
«Подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте!».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 23 іюля.

---

1) Т. е. на спину, какъ носятъ кошель.

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде *(такъ)* возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,
А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ
А на всихъ гостей да званыхъ браныихъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
«Я повывелъ нунь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го̆су́дӑрь,

Самъ же испроговоритъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменно́й Москвы.
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-тыноситъ одноцвѣтныи
— А сапожки-ты на ножкахъ одноличныи. —
Мутно е́го око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царе́вичъ гŏсўдӑрь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да на́ очи,
«Я теперичку измѣнщику да голову́ срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ гŏсўдӑрь,
Самъ Иванушко да испрогово́ритъ:
— Я же глупымъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу не́ бывать,
— А й на братца ска́зать — братца жаль,
— А и жаль братца̀ не та́къ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой,
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Ѳёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да по́розсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала. —
Мутно е́го око помутилоси,

Его царско сердце розгорѣлоси.
«Ай же палачи вы немило́сливы!
«Вы возьмите-тко нунь Ѳёдора Иванова
«За тый за рученьки за бѣлыи,
«За тый перстнѝ да за злаченыи,
«Вы сведите Ѳёдора да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На туѝю на плаху да на липову,
«А срубите Ѳёдору да буйну голову
«За его поступки неумильніи».
Сидятъ тутъ палачи да немило́сливы,
Большей тулится за средняго,
Средній тулится за меньшаго,
А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленькій Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Ѳёдору я не́ спущу. —
Бралъ тутъ Ѳёдора Иванова
За тый за рученьки за бѣлыи,
За тый перстнѝ да за злаченыи,
Велъ же Ѳёдора въ чисто́ поле
На тоѐ болотцо да на житное,
На туѝю на плаху да на липову.
А и Марѳа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бе́зъ костыца[1])
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ рублей,
А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,

1) Костычъ — родъ сарафана.

Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Не спрашиватъ тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкиватъ.
А й придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Марѳа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да вза́шей прочь отталкиватъ».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
— Нашихъ вза́шей прочь отталкивашь? —
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась.
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюси,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великiи не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ на́до мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели его да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую̀ на плаху да на липову,

«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильніи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,
Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
Городомъ-то ѣде голосо́мъ крычитъ,
Голосо́мъ крычитъ да самъ шляпо́й машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной го́ловы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову,
— Не тотъ же ку́сокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же сто́канъ выпьешь самъ закле́кнешься! —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова.
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты го́ловы,
— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной го́ловы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немило́сливу,
Къ малому Малютѣ да Шкурлатову.
Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову,
Какъ сма́хне онъ да саблей вострою,

Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
За него поступки неумильніи,
Что зачимъ везе на казень царскій родъ
А срубить-то ему буйну голову.
Онъ бралъ Ѳёдора было Иванова
За тый за рученьки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста его сахáрніи,
Посадилъ его да на добрá коня,
На свое садилъ было да на правó стегно,
Пóвезъ Ѳёдора Иванова
А на ту было на горочку на Вшивую
А къ тому было къ подворьицу Микитину.
Севодни братцы день суботніи,
Завтра день да воскресеньицо,
Имъ итти-то ко Божьёй церкви.
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья опалёныи,
Кóней подпрягаютъ воронёныихъ.
А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ поѣхалъ ко заутрени.
А ставае тутъ Микитушка Романовичъ
А й по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья красныи,
Кóней подпрягаютъ все же рыжіихъ
Кареты подпрягаютъ золоченыи.
Пріѣзжае онъ да тутъ же ко заутренки.
Испрогóворитъ Микитушка Романовичъ:
— Здравствуй ты, прегрозныи сударь царь Иванъ Васильевичъ,

— Со своей да любимо́й семьей
— А со Мареой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ! —
Говоритъ же тутъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,
«Ай ты шуринъ да любимыи!
«Ты незгодушки не вѣдаешь,
«Надо мной великою незгодушки:
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Что ли Ѳёдора Иванова,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Старыи Микитушка Романовичъ
Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимо́й семьей
— А со Мареой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!
«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,
«Самъ ты къ рѣчамъ да не примешься?
«Твоего то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— Здравствуй ты, прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимо́й семьей

— А со Мареой то Романовной,
— Да со Өёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Мутно его око помутилоси,
Царско его сердце розгорѣлоси.
Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый песъ Микитушка Романовичъ!
«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?
«Выдемъ отъ великодённыи заутрени,
«Прикажу теби Микита голову срубить».
Тяжелешенько тутъ царь да поросплакался:
«По ворахъ да по разбойничкахъ
«Е заступчички да заборонщички.
«По моемъ рожоноёмъ по дитятки
«Не было нунь да заступушки,
«Ни заступушки ни заборонушки!»
Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ было Микитушка во другой разъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— А прости-тко того грѣшнаго. —
«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,
«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не отрублена да Өёдору да буйна голова,
— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову
— За него поступки неумильніи,
— Да зачимъ же ідс казнить царскіи родъ:

— Царскій родъ на казени не ка́знится. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Микитушка Романовичъ,
«Ай да шуринъ да любимыи!
«Что теби Микитушка пожаловать?
«Города ли теби дать да съ пригородками,
«Али села дать да со приселками,
«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али добрыхъ ко́моней тобѣ-ка-ва по надобью?»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,
— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,
— Мнѣ-ка силушки по надобью,
— Золотой казны по надобью,
— Добрыхъ ко́моней по надобью:
— Золота казна у мо́лодца не держится [1]),
— Добра ко́мони у мо́лодца не ѣздятся.
— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.
— Хоть коня угони, хоть жену ўвёдй,
— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
— Да въ Микитину да отчину́ уйди,
— Того добраго же мо́лодца да Богъ простилъ. —
А й прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Далъ Микитину да отчину.

Записано тамъ же, 24 іюля.

---

1) Т. е. не издерживается.

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ[1]).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,
Захотѣлъ воръ собака женитися,
Не у князей боя́ръ въ каменно́й Москвы,
У того ко́роля въ земляной Литвы.
Взялъ Гришка Маришку королевичну,
Заводилъ законъ по своему:
Князи боя́ра къ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкою въ байну шолъ.
Князи боя́ра отъ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкой изъ ба́йни идётъ.
У Іоанна Великаго,
У Софіи премудрыи
Приказалъ звонить въ на́бо́льшій колоколъ,
Въ самый огромныи:
«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость,
«Дальній гость ѣде люби́мый тесть,
«Еще тотъ же король Политовскіи,
«Политовскіи король земли По́льскіи,
«Ко мнѣ-ка во гостёбищо».
Михайла князь Скопинъ моско́вскіи
Видитъ измѣнщика,
Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
Писалъ ёрлуки скорописчаты[2])
Ко тому королю Политовскому,
Политовскому королю ли Польскому:
— Политовскіи король земли Польскіи,

---

1) Размѣръ дактилическій.

2) Калининъ объяснилъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ поляковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменна́ Москва. —
Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю Политовскому.
Политовскіи король земли Польскіи
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальняго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нунь три́ годы,
«Простою я тридцать лѣтъ».
Заглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила кругóмъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
«Подѣлаю крыльица дьявольски,
«Улечу нунь я дьяволомъ».
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

II.

АКСИНЬЯ ѲОМИНА.

Аксинья Кузминишна Ѳомина, близкая сосѣдка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду,

большая мастерица пѣть былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она нерѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частицамъ, вмѣсто того превращаетъ букву *з* въ гласный звукъ *и* и произноситъ его какъ *ы*. Былины свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинъ, она пѣла еще про отъѣздъ Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно съ Калининымъ, отъ котораго заимствовала эту былину, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Тогда зарождался Вольга́ богаты́рь.
Отъ его отъ славы богатырскою
Орги-ты [1]) вси да пріумолкнули,
Птица улетѣла вся подъ о́болоку̀,
Рыба ушла да въ глубоки́ стана̀,
Звѣри ушли да во темны́ лѣса̀,
Царь Санталъ да въ Вольгу́ [2]) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевной.
Сталъ Вольга̀ да лѣтъ десятки-то,
А й задался онъ Вольга да во мудрости,
А й во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подъ о́болоку̀,
Рыбою ходить да въ глубо́ки стана̀,
Звѣрями ходить да во темны́ лѣса̀.
Овернулся Вольга̀ да малой птичиной,

---

1) Что̀ значитъ «орги», пѣвица не умѣла объяснить, увѣряя только, что такъ поется.

2) Ѳомина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что̀ это значитъ: «въ Вольгу сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

Улетѣлъ-то Вольга̀ да онъ подъ о́болоку̀,
А й птицу всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ставьте-тко па́сточки [1]) дубовыи,
«Силышка вы ладьте-тко шелковыи,
«Птица не улетѣла бъ подъ о́болоку̀.»
Овернулся Вольга̀ да свѣжей рыбиной,
А й пошолъ-то Вольга̀ да въ глубоки́ стана̀
Рыбу-то всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко не́вода шелко́выи,
«Проволо́ки вы кладите да золочоныи,
«Рыба не ушла бъ въ глубоки́ стѣна̀.»
Овернулся Вольга да лютыи́мъ звѣрёмъ,
А й ушолъ-то Вольга̀ да во темны́ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки винтовыи,
«Закатите-тко пулечки калёныи,
«Звѣри не ушли бъ да во темны́ лѣса.»
Поѣзжае Вольга̀ въ Вольгу̀-горо̀дъ.
Видла царица нехоро́шій со̀нъ:
Бьется соко́лъ да съ черны́мъ вороно̀мъ,
Пе́ребилъ соко́лъ да черна́ ворона̀:
Ясный тотъ соколъ — Вольга́ богатырь,
Черный тотъ воронъ — то самъ Санталъ.

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 24 іюля.

---

1) Западни для ловли птицъ.

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ [1]).

У стольняго у князя у Владиміра
Заводился у него да почестный пиръ.
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвастались.
Единый тотъ хвастатъ золотой казной,
Единый тотъ хвастатъ цвѣтнымъ платьицомъ,
Единый тотъ хвастатъ добры́мъ конемъ;
Умный тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
А й безумный тотъ хвастатъ молодой женой.
А й сидитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А й сидитъ да ничимъ онъ не хвастаётъ.
Стольнёй князь да Владиміры *(такъ)*
Згово́ритъ да таково слово:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Что же ты сидишь ничимъ не хвастаёшь?»
— Платья у меня да есть на во́злюдьё *(такъ)*
— Золотой казны у мни да есть по надобью,
— Добрыхъ ко́ней да на выѣздъ есть,
— Отца матушки да живого нѣтъ.
— Есть у мня да молода жена,
— Офимья у меня да Олександровна:
— Оманула у меня да девять царей,
— Десять руськіихъ могучіихъ богатырёвъ,
— А й оманетъ тебя стольнё-князя Владиміра. —
А й посадилъ ёго въ крѣпь во тёмную,
Самъ посылалъ скоры́хъ гонцёвъ
А й къ его-то молодой жены,
А й ко той Офимьѣ Олександровной:

---

1) Здѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, поставленъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годиновичу.

— Ай же молода жена Офимья Олександровна!
— Наказывалъ да теби Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— Обмануть тебѣ стольнё-князя Владиміра. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Какъ мой мужъ да напивается,
«Такъ онъ пущай да прохмѣляется».
Сама повыпустила скорыхъ пословъ,
Садилась-то на стулья на дубовыи,
Подрубила-то волосы по му́жскому,
Сокрутиласи да въ платьица во му́жскіи,
Обсѣдлала она да вѣдь добра̀ коня,
Брала она стрѣлочку каленую,
Палицу да во сорокъ пудъ,
Пріѣзжала ко стольнёму ко князю ко Владиміру,
Сваталаси на его на родной дочери,
На Катерины она да Микуловной *(такъ)*.
«Ай ты чьей земли да чьей орды?
«Ты чьего отца да чьей матушки?»
— Я есть по́солъ скорый земли Руськіи. —
Зго́воритъ Катерина Владимірна:
«Ай же ты да родный татенька!
«Глупымъ разумомъ вольни́чаёшь,
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну а за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пе́леньки[1]) мяконьки какъ по женскому,
«Гдѣ жуко́вины лежали тутъ и мѣста знать».
— Молчи-тко ты дочи́, мы попытаемъ-тко,
— Можетъ ли натянуть да ту́гой лукъ,
— А й выстрѣлять да съ калено́й стрѣлы.
— Пошлемъ съ Чурилушкой Щипленковымъ
— А й на далечо чисто́ поле. —

1) Т. е. груди.

А й Чурилушка да Щипленковичъ
А й не могъ да натянуть онъ ту́гой лукъ,
А й выстрѣлить да съ каленóй стрѣлы.
Пóслы[1]) скорыи да зéмли Руськіи
А натянула она да вѣдь тугой лукъ.
И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
Говоритъ Катерина Владимірна:
«Ай же ты родной мой татенька!
«Глупыимъ ты разумомъ вольни́чаёшь,
«Выдаваешь ты дѣ́вчину за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пéлечки мяконьки какъ по женскому,
«Гди жуковины лежали, тутъ и мѣста знать».
— Молчи ты дочи́, да попытаемъ-ко,
— Положимъ во спальню во теплую,
— На перинá положимъ на пуховую.
— Если она да буде женщина,
— Буде яма на постели-то.
— Если она мужчина-то,
— Буде яма на зголовьици. —
Проспала да темну ноченьку
Ногами да на зголовьицо
А й плечами она да на постелю-то.
А й тутъ повѣрилъ стольніи князь Владимірꙑ,
А й просватывалъ свою рóдну дочь.
Водили ихъ во церкву во Божію,
Витыма перстнями обручили-то,
Злáтыма вѣнцами обложили-то.
Заводили они да почостный пиръ.
А й сидитъ-то послы скорыи,
Послы скорыи земли Руськіи,
Повѣшена сидитъ да буйна гóлова.

---

1) Т. е. посолъ.

А й зго́воритъ стольный князь да Владимiры:
«Ай же послы скорыи земли Руськiи,
«Зять моло́дыи да послы скорыи!
«Ай зачѣмъ же ты вѣсишь буйну голову?»
Зго́ворилъ да таково слово:
— Стольный князь да Владимiры!
— Есть у тебя да во темно́й крѣпи
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
— Нельзя ли его да повыпустить,
— Со мною-то на почостный пиръ?
— Мы въ одномъ поли съ нимъ поѣзживали
— Съ одной стрѣлочки мы выстрѣливали,
— Въ одно колечечко попадывали. —
Стольнiй князь да Владимiры
Онъ повыпустилъ да Илью Муромца,
А й на зятнинъ его да на почостный пиръ
Зго́воритъ послы скорыи земли Руськiи
Послы скорыи да зять моло́дыи:
«Ужь ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
«Ужь я чья жена?»
Зго́воритъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Эй же ты стольный князь да Владимiры!
— Оманула тя да моя жена,
— Выдалъ ты дѣвчину а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 iюля.

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три́ году Добрынюшка стольничалъ,
Три году Добрынюшка чашничалъ,
Три году Добрыня у воротъ простоялъ,

На десятый годъ еще гулять ушолъ.
Наказывала Добрыни рóдна матушка:
«Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,
«Ты по городу гуляй по Кіеву,
«Только не ходи во улички Маринкины,
«Въ переулки не ходи да во Игнатьевски.
«Тамъ е дѣвушка да зельчица,
«Зельчица дѣвушка кореньщица.
«Извела-то она девя́ть молодцёвъ,
«Девять руськіихъ могучіихъ богáтырёвъ,
«Тебя же изведетъ да во десятыихъ».
Забылъ-то наказанье родной матушки,
Зашолъ-то онъ во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидятъ голубы да со голубушкамы,
Носочки съ носочками цѣлуются,
Они правыма крылами обнимаютси.
Тутъ Добрыни въ запрету́ пришло,
Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
Направливалъ Добрыня калену́ стрѣлу,
Убилъ у Маринушку милá дружка,
А Ивана убилъ царевича,
По прозваньицу убилъ Туга-змѣ́евича.
Бросилась Маринушка по плечь во окно:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Холостъ ты ходишь не женáтъ ноньку,
— Я красна дѣвица на выдáваньѣ:
— Возь-ко меня да за себя́ замужъ. —
Не съ ума Добрыня слово спрóговорилъ:
«Ай же ты дѣвушка зельщица,
«Зельщица ты кореньщица!
«Извела ты девя́ть молодцёвъ,
«Девять руськіихъ могучіихъ богáтырёвъ,
«Меня же изведешь да во десятыихъ».

Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
Она брала-то ножички булатніи,
Она-то рѣзала Добрынины слѣдочики,
Приговоры приговаривала крѣпкіи:
— Такъ бы рѣзало у Добрыни ретливо сердцо́ по мни. —
Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
Повернула Добрыню сѣры́мъ волкомъ,
Отпустила Добрыню ко си́ню морю.
Добрынина матушка
Ена день ждала, да другой ждала,
Недѣлю ждала, да другу́ ждала,
Ена годъ еще ждала, другой ждала,
Не слыхать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила къ Маринкѣ подъ окошечко:
«Эй же ты дѣвушка зельчица!
«Отверни у мни Добрынюшку по старому,
«По старому Добрынюшку по прежному.
«Не отве́рнешь ты Добрынюшки по старому, —
«Я тя поверну собакою,
«Собакой поверну тя подоконною.
«Еще тебя потѣшу я сорокою.
«Сорокою тебя да я коловою»[1]).
Отвернула Добрынюшку по старому.
Онъ бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
Розвязалъ ю на скамеечку дубовую,
Розстрѣлялъ ёнъ Марину по чисту́ полю.

Записано тамъ же, 22 іюля.

---

1) Сорока называется коловою, потому что сидитъ по кольямъ на заборахъ (объясненіе пѣвицы).

18.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлоей березки кудревастоёй
Выходила турица златорогая
Со своима турамы со дѣтушкамы.
Розошлась турица, роспростиласи:
«Вы прости-тко туры да малы дѣтушки».
Случилось турамъ мимо Кіевъ градъ итти,
Мимо тую стѣну да городовую.
А й сподъ той стѣны сподъ городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
Въ рукахъ носитъ святу книгу евангельё,
А не только [1]) читае, вдвоемъ оná плачётъ
Не дѣвица ходитъ душа красная,
Плаче стѣнá да городовая,
Ёна свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.

Сподъ восточною да сподъ сторонушки
А й наѣде Батыга Батыговичъ
Со своимъ со сыномъ со Батыгушкою,
А й со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
А й со тымъ со дьячкомъ со выдумщичкомъ.
У Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А й у сына-то силы сорокъ тысячей,
У дьячкá-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
А й у зятя-то силы сорокъ тысячей.
Обступае Батыга околъ Кіевá кругомъ,
А й Кіевъ градъ да не мáлъ не великъ,
Соколу же летѣть да на меженный день,
А и маленькой птиченкѣ не прóлетѣть.
А й во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

1) Т. е. столько.

«А й не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А й некому съ Батыгой супротивиться.
«Косогоры *(такъ)* богатырь во Святы́хъ во гора̀хъ,
«А й Самсонъ да Илья у синя́ у моря̀,
«А й мо́лодой Добрыня во чисто́мъ во поли̇̀,
«А й мо́лодой Олеша въ богомо́льной стороны̀».
По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
А й приходитъ Василій ко Баты́ги на лицо̀,
Убилъ лучшіихъ головушекъ хоро́шенькіихъ:
Убилъ сына Батыгу Баты́говича̀,
Убилъ зятя Тороканчика Кора́бликова̀,
А й убилъ дьячка онъ выдумщичка.
А й посылае Батыга скоры́хъ гонцёвъ,
А й скорыхъ гонцёвъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А й во Кіевъ славенъ градъ да винова́таго иска̀ть.
А й во Кіеви Владиміръ пороздумался:
«А й не знаю я да винова́таго найти̇̀».
Приходили солдаты корау́льныи:
— Бласлови-тко Владиміръ слово спро́говори̇̀ть.
— А й знаёмъ мы да винова́таго найти̇̀:
— По голямъ-то гуляль двѣнадцать лѣтъ
— По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ. —
Находили Василія въ кабаки́ на печи̇̀,
Приводили Василія ко царю́ на лицѐ.
«Опохмѣль меня Владиміръ чарой хмѣльною».
Наливае онъ чару зелена́ вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А и третью рюму̀ да сла́дкаго меду̀.
А й сливали питьё во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей на единый духъ.

Розгорѣлось у Василья ретливо́ сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая:
«А и нунѣ пойду да ко Баты́ги на лицо̀.
«Опохмѣль меня Батыга чарой хмѣльною,
«А й пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ взять».
А й на ты рѣчи Батыга пріокинулся.
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюму̀ да сла́дкаго меду̀.
А й сливали питьё во едино́ судно,
А й мѣрой питья полъ-пята́ ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята́ пуда.
Принимается Василей едино́й рукой,
Выпивае Василей во единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая.
А и сталъ онъ по силушкѣ поѣ́зживатѝ,
А и сталъ-то онъ силушки пору́бливатѝ.
А и были у Батыги кони добрыи,
Кони добрыи да изнаря́женыѝ.
Поѣзжае Батыга, заклинается:
«Не дай Господи ни мни да ни дѣ́тямъ ни моѝмъ,
«А й ни дѣтямъ ни моимъ ни внучатамъ,
«А не внучатамъ ни пра́внучата̀мъ!
«Видно есте во Кіеви бога́тыри».

Церковно́ пѣтьё въ каменно́й Москвы,
Колокольный звонъ во Нови́-городѝ,
Щелье каменье въ сѣверно́й сторонѝ,
Мхи да болота въ помо́рской сторонѝ.

Записано тамъ же, 23 іюля.

19.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владиміра
Заводился у него да почостный пиръ.
Было на пиру да двѣ вдовы:
Одна Маринка Часова́ вдова,
Друга Авдотья Блудова́ вдова.
Наливае Авдотья Блудова вдова,
Наливала она чару зелена вина,
Не только вина что сладкаго́ меду,
Подносила Маринки Часовой вдовы,
За чарою она вѣдь да посваталась
На Чайноей дѣвицы на Часовичной.
Ена вылила чару во ясны́ очи,
Измочила шубу черныхъ соболей.
Ушла-то Авдотья Блудова́ вдова,
Идетъ она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она да запечаливши.
Стрѣчаетъ ю молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Что же ты идешь да закручинивши?
«Мѣстомъ ли тебя да пріобнизили,
«Пьяница ли городова тебя вы́ругала,
«Аль чарою ли тебя да прiо́бнесли?»
— Чарою меня да не пріобнесли,
— Пьяница городовая не выругала,
— Мѣстомъ меня да не обнизили.
— Наливала я вѣдь чару зелена вина,
— А й не только вина что сладкаго́ меду,
— Подносила Марины Часовой вдовы,
— А й за чарою я да посваталась
— А й на Чайноёй дѣвицѣ на Часовичной.
— Ена вылила чару во ясны́ очи,

— Измочила у мня шубу черныхъ соболей. —
«Ай же ро́дна ты да моя матушка!
«Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
«Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
«Я не захочу, — за служку за панютушку».
Справлялся онъ да скорешенько,
Убирался онъ да хорошошенько.
Видли добра молодца сядучи,
А й не видли добра молодца поѣдучи.
А й повыѣхалъ да на чисто́ полё,
Ѣхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
Вси-ты терема да пошаталися,
Вереи же всѣ да розвалялися,
Терема унесъ да во чисто полё.
Чайная дѣвица Часовична
А й бросаласи да что ль поплечь въ окно.
— Ай же молодой Котёнко ты Блудовъ сынъ!
— Отца-то у тя звали видь Блудищомъ,
— А й тебя же будутъ звать да уродищомъ!
— Что же ѣздишь по городу, уродуёшь? —
Епъ зго́воритъ да таково слово:
«Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
«У тебя-то есть да девя́ть братцёвъ,
«У твоей-то матушки девя́ть сынковъ:
«Пусть-ко выѣдутъ на чисто́ поле
«Съ молодымъ Котёнкомъ перевидѣться».
Насыпае Марина Часова вдова,
Насыпала опа мису злата серебра,
Дру́гу насыпае скачна жемчугу,
Жертвуе стольнёму князю Владиміру,
Своему братцю родимому:
— Стольній князь да Владимір*ы*!
— Упроси-тко молода Котёнка Блудовъ сынъ (*такъ*),

— Чтобы взялъ бы Чайную дѣвицу́ Часовичну за себя замужъ,
— Не за служку бы онъ за панютушку. —
Зго́воритъ стольній князь да Владиміры:
«Ай же сестрица родимая!
«Какъ же ты да напивалаcи,
«Такъ же нунь да прохмѣляйся-тко».
Зго́воритъ молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Кто же отъ бѣды да откупается,
«Стольній князь да накупается?»
Прирубилъ онъ, пригубилъ да до еди́ной головы́
У Маринушки да Часовой вдовы,
А й сплѣнилъ-то онъ девя́ть сыновъ,
Покорилъ-то стольняго князя Владиміра,
Взялъ Чайну дѣвицу Часовичну
Замужъ за служку за панютушку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

20.

ДЮКЪ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжае онъ на далече чисто́ полё,
Хоче по́стрѣлить да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не збей моей туши о сыру́ землю,
«А й не рушай моихъ перьевъ по чисту́ полю,
«Не пролей-ко крови по сыру́ дубу!
«Слава тая по Ру́си носится:
«Старца убить не спасе́ньё добыть,
«Во́рона убить не коры́сть получить.

«А й поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
«Есте во Кіеви богáтыри,
«Е кому да тамъ поправиться,
«Е кому съ тобой да супротивиться».
Богатырское сердецко розгорѣлоси,
Ворона убить не захотѣлоси.
А й пріѣзжае онъ да домой-то видь
Со далеча со чиста поля:
— Ай же родна моя да вѣдь матушка,
— Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
— Дай прощеньице мнѣ съ бласловленьицомъ,
— Я поѣду-то да во Кіевъ градъ. —
«Ай же чадо ты да мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Уродилось мое дитятко захвастливо,
«Росхватаешься животишками сиротскима».
— А й какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
— А й не дашь-то, я все поѣду ли. —
«Поѣзжаешь ты чадо мое милоё,
«Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й надéжь на себя платья́ не цвѣтныи,
«А й сапожки на ноги да не зелéнъ сафьянъ,
«А й возьми коника да мала шахманка».
Платьица надѣлъ на сéбе цвѣтныи,
А сапожки обулъ да зеленъ сафьянъ,
Бралъ коника да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поѣдучи.
А й бѣжалъ конёкъ да малый шахманокъ,
Горы онъ долы промежъ ногъ пущалъ,
Маленьки озерка перепрыгивалъ,
А и быстрыи рѣчки хвостóмъ застилалъ.
Во ихной во Индѣи въ богатоей,
Во ихной во Корелы во проклятоей,

Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили отъ заутрены отъ раннёю,
А й пріѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
Зазвонили ко обѣдни ко столовою,
А и приходитъ во черковь присвященную,
Богу онъ да низко молится,
На вси стороны да онъ вѣдь клонится,
Крёстъ онъ кладётъ да по писáному,
А й поклонъ онъ ведётъ да по учéному,
Съ ножки на ножку поступливатъ,
Съ плéча онъ на плéче поглядыватъ,
Онъ цвѣтны́имъ платьицемъ подрачиватъ,
Стольняго онъ князя подрáживатъ.
Зговоритъ стольній князь да Владиміръ-тотъ:
— Какая-то наѣхала холопина боярская,
— Убилъ князя либо боярина,
— Нѣтъ дакъ сильняго могучаго богáтыря,
— А й съ того онъ содралъ платья цвѣтныи,
— А й сапожковъ зеленъ сафьянъ не державалъ,
— Цвѣтныихъ-то платьицовъ не нашивалъ. —
Отхóдя-то отъ обѣдни отъ столовою,
Згóворитъ стольній князь да Владиміры:
— Люди есть да вы вѣдь зашлыи,
— Хлѣба кушать я ми́лости прошу̀. —
Згóворитъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«А й въ чужомъ-то мѣсти да къ обѣду радъ».
А й самъ згóворитъ да таково слово:
«Ай сказали что во Кіеви хорошó да хорошо̀!
«Здѣ-ка мостики да все вѣдь каменны
«А дороженьки да здѣсь вѣдь гли́нянны,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки мараются.
«Какъ у насъ-то во Индѣи во богатоей,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Во дерéвенькѣ у насъ да въ Галичи,

«Мостики у пасъ-то все калиновы,
«Сукна-то у насъ да одинцовыи,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки идя чистятся,
«Во черну́ю грязь да не мараются».
Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменны,
А й сидитъ ёнъ за столомъ да за дубовыимъ,
Мякишокъ онъ ѣстъ, корочки подъ столъ роётъ,
Самъ въ окошечко сидитъ да поглядыватъ:
«Ай сказали что въ Кіеви хоро́шо да хорошо̀!
«Здѣ-ка печки все да вѣдь глиняны,
«А й помялушка-то все да вѣдь сосновыи,
«А й пахнутъ пирожки да на помялышка.
«Какъ у моей-то у родной у матушки
«У Нанерпы да Тимофеевны
«А й печки у нёй да всѣ хрустальныи,
«Помялушка у ней да семи шелковъ, —
«Пирожокъ-тотъ ѣшь — другой въ ру́ки берёшь,
«По третьеёмъ да душа горитъ.
«Здѣ-ка домики да все каменныи,
«Крышечки да все желѣзныи.
«У насъ какъ во Индѣи во богатоёй,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Въ нашей во дере́веньки во Галичи,
«Домики у насъ да сто́я мѣдныи,
«Крыши у насъ да все серебряны,
«Шо́ломы, потоки[1]) золочоные,
«Шарики самоцвѣтныи камешки,
«Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ».
— Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й можешь ли да намъ сказать:
— Колько писаревъ могутъ имѣнье о́писать? —
«Ай же стольнёй князь да Владиміры!

---

1) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

«Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
«Шести писарямъ да во двѣнадцать годъ».
Отправляе стольнѣй князь да Владиміры
Трехъ писарей да трехъ моло́дыихъ,
Ужъ какъ ма́стеровъ да онъ ученыихъ,
А й посадилъ его въ крѣпь да во те́мную.
А й приходятъ писари-то моло́дыи,
Ма́стеры приходятъ что ль ученыи
А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
Во дере́веньку его да вѣдь во Га́личу,
Къ родной его да вѣдь къ матушки
А й къ Нанерпы оны къ Тимофеевной:
— Здравствуёшь Нанерпа Тимофеевна,
— Молода боярина Дюка Степанова матушка!
— Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ Владиміра
— Описывать ваше что ль имѣньицо. —
Она зго́воритъ да таково слово:
«Уродилось моё дитятко захвастливо,
«Росхвастался животишками сиротскима».
Отворила она погребъ глубокіи,
Показала она сбрую лошадиную.
А й сидѣли три писаря моло́дыихъ,
А й писали-то ма́стера ученыи,
Шесть годовъ описали шостую частиночку
Этой сбруи лошадиноёй.
Самы зго́ворятъ да таково слово:
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
— Ай же родна его матушка,
— Нанерпа ты да Тимофеевна!
— Мы не будемъ описывать имѣньица,
— Только отвори-тко погребы глубокіи. —
Отворила она погребы глубокіи.
А й висятъ-то во погребѣ три бочечки,

А й бочечки висятъ да серебряны
На цѣпочечкахъ да золочоныихъ
А й въ одно мѣсто да пощáлкиваю̀тъ,
Будто бѣлыи лебёдушки разговáриваю̀тъ.
Они згóворятъ да таково слово:
— Ты прощай-ко Нанерпа Тимофеевна!
— Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
— Къ стольнёму князю ко Владиміру. —
Идутъ-то мастеры молóдыи,
Писари идутъ да вѣдь ученыи.
Згóворитъ стольней князь Владиміры:
— Срубимъ мы вѣдь буйну голову
— Молоду боярину Дюку Степановичу.
— Описали три писаря молóдыихъ
— А имѣнье его во шесть годовъ. —
А й приходя ко стольнему ко князю ко Владиміру.
— Стольней князь да Владиміръ-то,
— А й тебѣ рубить да буйна голова,
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
А й повыпустили молода боярина Дюка Степановича
А й съ темнóй крѣпи.
Онъ повыѣхалъ на чистó поле
А й побилъ молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любóвичёвъ,
А й покорилъ онъ стольняго князя Владиміра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ

и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено няньчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, потому что она, шамкая, выговариваетъ слишкомъ невнятно. Она часто путаетъ и сбивается на прозаическій ладъ сказки. Здѣсь помѣщается одна ея «старинка», какъ образчикъ былины, получившей названіе колыбельной пѣсни. Въ такомъ же родѣ она пѣла отрывки былинъ про Илью Муромца и Дюка Степановича.

21.

СТАВЕРЪ.

Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Задернулъ онъ почéстный пиръ
На всихъ князей, на бо́яра,
На всихъ могучіихъ бога́тырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Соѣзжалися на почестный пиръ
Вси князи и вси бо́яра,
Вси могучіи бога́тыри,
Вси поляницы удалыи.
Отъ города Черни́-города
Пріѣзжае молодый Ставёръ сынъ Гординовичъ.
По ступенькамъ ставится тихошенько,
По сѣнечкамъ и́де легошенько,
Крестъ кладе по писа́ному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь,
«Со своей любимой племянничкой,
«Со Анной со Владиміровной!»
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:

— Поди-тко дородній добрый молодецъ!
— Ты коéй земли, коéй орды,
— Коего отца, коéй матери,
— Какъ тебя именéмъ зовутъ,
— Какъ величаютъ по отечеству? —
«Я изъ города Черни́-города
«Мóлодой Ставёръ сынъ Гординовичъ».
Садился за дубовый столъ.
Они пили, веселилиси,
Вси стали пьяны-веселы,
Вси на пиру поросхвастались.
Сильный хвастаетъ своей силою,
Богатый хвастаетъ богачествомъ,
Иный хвастатъ добрыи́мъ конемъ,
А разумный хвастатъ отцомъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой.
Молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ
Сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, дородній добрый молодецъ,
— Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
— Ничимъ же ты молодецъ не хвастаешь? —
Говоритъ молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
«Силою я вышелъ не сильныи,
«А богачествомъ не богатыи,
«А добрá коня не случилоси.
«Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой женой,
«Молодой женой Настасьей Микуличной:
«Есть у меня молода жена,
«Вашъ Кіевъ градъ купи́тъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ».

Тыи рѣчи ему не слюбилися,
Онъ зговоритъ своимъ слугамъ вѣрныимъ:
— Вы возьмите Ставра̀, сведите Ставра̀,
— Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
— За его за рѣчи неумильніи,
— За̀прите рѣшеточки желѣзніи,
— Кладите на̀кладки булатніи. —
Взяли слуги вѣрныи,
Повели Ставра во глубокъ погребъ.
Былъ у него грозёнъ посёлъ,
Служка Микулка Селя̀гиновичъ.
Садился онъ на добра́ коня,
Былъ во городи во Кіеви,
Объявился въ городи въ Черни́-городи,
Приходитъ къ молодой женѣ,
Къ молодой Настасьѣ Микуличной:
«Здравствуй молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
«Засаженъ Ставёръ во глубокъ погребъ
«За свои за рѣчи неумильніи:
«Ухвасталъ тобой молодой женой,
«Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
«Самого царя съ ума выведешь».
А скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
Садилась на ременьчатъ стулъ,
Подбривала волоса свои женскіи по мужичьему,
Надѣвала она платьица мужичьіи,
Сѣдлала она добра́ коня.
Какъ видли Настасьюшку сядучи,
А не видли Настасьюшки поѣдучи.
Была въ городи Черни́-городи,

Объявиласи во городи во Кіеви.
По ступенцамъ идетъ тихошенько,
По си́нечкамъ и́де полегошенько,
Крестъ кладе по писа́ному,
Поклонъ веде по ученому
На вси на три на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуешь Владиміръ стольнё-кіевской,
— Со своей Анной со Владиміровной! —
«Поди-тко ты пожалуй добрый молодецъ!
«Ты ко́ей земли, ко́ей орды,
«Коего отца, ко́ей матери,
«Какъ тебя имене́мъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
— Я отъ города отъ Черни́-города,
— А зовутъ Василій Микулиничъ.
— У тебя есть племянница любимая
— А по имени Анна Владиміровна,
— Хочу взять за себя, ты хоти-тко да́ть за меня,
— Честнымъ пиркомъ да за свадебку. —
Говоритъ Анна Владиміровна:
«Не отдавай ты дѣ́вчину за женщину,
«Обумъ[1]) буде съ тоски пропасть».
— А я могу посла отвѣ́дати:
— Истоплю я парну баенку,
— Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
Истопили парну баенку,
Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
А молодой посолъ иде изъ баенки.
Говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же грозёнъ посёлъ скорò попарился?»
— Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

---

1) Т. е. обоимъ.

— Ваше дѣло е хозяйское,
— Наше дѣло е дорожное. —
Говоритъ Анна Володиміровна:
«Не отдавай ты дѣ́вчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть».
— А я могу посла отвѣдати:
— Постелимъ ему постельку пуховую. —
Онъ полъ-ночи спалъ головой на зголовьицѣ,
А полъ-ночи спалъ ногами на зголовьицѣ.
Не могъ посла отвѣдати,
Хочетъ выдать Анну Володиміровну.
Анна Володиміровна тутъ змолиласи:
«Не отдавай ты дѣ́вчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть.
«На лавочки сидитъ, ногами вмѣстѣ жметъ,
«Съ проволо́кою глаза поваживаетъ».
— А я могу посла отвѣдати:
— Дамъ ему стрѣлочку каленую,
— Пускай росколетъ во чисто́мъ поли,
— Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровны,
— А тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку. —

Раскололъ Василій Микулиничъ; потомъ онъ потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спрашиваетъ: кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ: Есть у тебя въ погребу Ставеръ Гординовичъ; дай мнѣ его въ поединщики». Тутъ они въ чистомъ полѣ съѣхались и разъѣхались; разъ съѣхались, — никой никого не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памяту́ешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадывалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; съѣхались въ другой разъ, опять никой никого не ранили. Она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятуешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой въ колечко попадывалъ?

Въ третій разъ съѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста сахарніи,
Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнё-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

IV.

КОРСАКОВЪ.

Ѳедоръ Александровичъ Корсаковъ, крестьянинъ дер. Костиной, Песчанской волости (сосѣдней съ Пудожгорскою, но принадлежащей къ Пудожскому уѣзду), парень 26 лѣтъ, выучившись портняжному мастерству, ходилъ работать по деревнямъ и въ это время научился пѣть былины. Потомъ, бросилъ это занятіе, ходилъ бурлачить на каналъ, работалъ въ каменьщикахъ въ Гатчинѣ; истративъ заработанныя деньги въ Петербургѣ, поступилъ въ услуженье къ одному купцу; наконецъ возвратился домой и, женившись, сѣлъ на крестьянство. Корсаковъ необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и похабныя пѣсни; большой охотникъ погулять, онъ служитъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины отошли у него на второй планъ; онъ забылъ бо́льшую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время.

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Тѣни изъ-подъ тѣни изъ-подъ той стѣны высокія,
Изъ-подъ той ли сподъ березки сподъ кудрявыя
Протекала тутъ рѣченка быстрая.
Изъ-подъ той ли изъ-подъ сѣверной сторонушки
Ѣхалъ тутъ черезъ эту быстру рѣченку,
Ѣхалъ Батыга Батыговичъ,
Ѣхалъ-то онъ да во Кіевъ градъ
А й ко ласковому князю ко Владиміру
И со своёй ли рать-силою великою,
Обставилъ тутъ силы-то кругъ Кіева,
А на всѣ же на сторонушки а на шесть верстъ,
Хочетъ забрать нашъ Кіевъ градъ.
Выходили тутъ тура̀ со турятами,
А й со глупыма со малыма ребятами.
Они видѣли надъ Кіевомъ незгодушку,
Они видѣли надъ Кіевомъ великую,
Они видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудны́мъ-чудно̀,
Они видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивны́мъ-дивно̀.
Выходилъ-то нунь нашъ Владиміръ князь
Со своими подарками золоченыма.
Онъ встрѣчалъ-то Батыгу Батыговица.
Проситъ Батыгу Батыговича
А въ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковъ крупивчатыхъ порушати.
Идётъ-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Вдругъ посылалъ онъ повѣсточку
Къ старому каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
Къ Ильи Муромцу да во чисто́ полё,
Поспѣвалъ бы онъ да на боищо.

Услыхалъ нашъ казакъ Илья Муромецъ,
Сталъ-то успѣвать по своимъ успѣхамъ богатырскіимъ,
Сталъ-то успѣвать со чистà поля да во Кіевъ градъ
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ во дворовую,
Одѣваетъ нунь одежу соби стариковскую,
Кладываéтъ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретъ въ руки клюху нунь горбатую,
А идетъ онъ нунь въ полату бѣлокаменну,
Къ тому ли-то къ Одолищу поганому.
А сидитъ-то Одолищо поганое
За почестныимъ столомъ да у князя у Владиміра.
Очень нашъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолищо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«Видалъ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
Отвѣчалъ-то калика перехожая:
— А й такой же нашъ богáтырь Илья Муромецъ,
— Онъ такой же есть какъ и самый я. —
Говоритъ тутъ Одолищо поганоё:
«А по многу ли вашъ казакъ Илья Муромецъ къ выти хлѣба кушаётъ?»
— Малую часть нашій кушаетъ,
— По три-то фунтика колачиковъ крупивчатыхъ,
— А й по маленькой-то чашечкѣ воды-то пьетъ. —
Отвѣчаетъ Одолищо поганоё:
«По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю».
Говоритъ тутъ калика перехожая
А й тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна нуни батюшка,
— Была же лошадь халстная (*такъ*),

— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
Онъ смахнулъ-то со стола да ножомъ собѣ длинныимъ,
Этотъ-то ножъ да стоёмъ же сталъ.
Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому,
Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
Старыи казакъ Илья Муромецъ
Выходилъ-то онъ во дворовую,
Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
Въ другу-ту руку копье длинное.
Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую.
Сталъ-то по силушки поскакивать,
Онъ прибилъ нунь всю силу-то великую.
Пріѣзжаетъ-то ко князю ко Владиміру.
Сдѣлали весельицо почестный пиръ,
Стали тутъ жить оны по прежному.
Ничего-то князь нунь не опасается,
Никого ли-то нунь не сумляется.
Отправлялся нашъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли-то ко ко́ролю Литомскому
Посмотрить его дочери любимоей,
Той ли-то Марьи Митріе́вичной.
А женить ему нужно братца нунь крестоваго,
А й братца того ли названаго,
А того ли то Иванушка могучаго.
Пріѣзжали тутъ ко ко́ролю Литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
Взяли то ю и въ замужество

За того ли-то Иванушка могучаго,
Сдѣлали оны да почестный пиръ,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говоритъ-то нашъ князь стольнё-кіевской:
«Вы вѣрныи мои да служители!
«Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
«А живите-тко вы да по старому,
«Живите-тко по старому по прежному».

Записано въ дер. Римъ на
Пудожской Горѣ, 23 іюля.

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владиміра,
Былъ у нихъ да есть почестный пиръ.
На пиру да былъ слуга вѣрныи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Во другихъ-то мóлодый Дюкъ Степановичъ,
А Чурилушка же Плёнковичъ,
А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ Владиміра,
И приходилъ-то къ государыни къ своей да родной маменьки
И воспроговорилъ же ей да таково слово:
«Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
«А Ефимья ты же Олександровна!
«И ты когда меня спорóдила,
«Завернула бы въ камочки во крушатыя,

«Ты кидала бы меня да во сине море!
«Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу́ свѣту,
«Не рутѝлъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ слезъ».
— Ай же ты мое да чадо милоё,
— А дитя мое любимоё,
— Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ужъ я рада бы тебя спо́родить,
— А я силою въ бога́тыря да въ Илью Муромца,
— Я богачествомъ во Дюка во Степанова,
— А я удалью въ Чурилушку е Плёнкова,
— А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича. —
Какъ во пору же е во то́ время
Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Микитиничъ,
Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
А онъ добра̀ коня да богатырскаго,
А сѣдлалъ ему сѣделушко черкальское,
А стремена кладетъ да золоченыя,
Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
Одѣвае собѣ латы богатырскія,
Онъ беретъ соби копье-то въ руки длинное,
Онъ-ка палицу да стопудовую.
Онъ садился на своего добра́ коня
И хочетъ выѣхать онъ съ широка́ двора,
А съ широка двора да онъ въ чисто́ полё.
И наказывае на поѣздѣ таково слово
Государыни своей да родной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной,
И во дру́гихъ онъ наказывалъ своей да молодой женѣ,
Молодой-то е Настасіи Микуличной:
«Я ѣду въ чисто́ поле,
«Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,
«Проживи же ты нуньчу шесть годовъ,
«А потомъ-то хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Если я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста́ поля,

«А поди хоть за бога́тыря, хоть за крестьянина,
«Не ходи-ка ты за братца за крестоваго,
«За Алешеньку ты Поповича,
«А й за бабьяго ты надсмѣшника».
Ужъ какъ видѣли богатыря-то сядучи,
Не видѣли богатыря поѣдучи.
Онъ какъ выѣхалъ Добрыня съ широка́ двора,
Онъ какъ ѣхалъ не воротами широкима,
Онъ скочилъ да черезъ стѣну городовую,
Сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
Широки раздолья между ногъ пустилъ,
Онъ какъ рѣки нунь озера перескакивалъ.
Отъ него поѣздки богатырскія,
Отъ него поступки лошадиныя
Времечко идетъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки е шесть годовъ,
Не видать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
Сталъ Олешенька же королевскій сынъ похаживать,
Въ дру́гихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской.
Они стали-то да е подсватывать
А й Добрынину его да молоду жену,
А й Настасьюшку да е Микуличну,
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Алешеньку Поповича.
И положила она заповѣдь на дру́го шесть годовъ:
Если не буде нунь Добрыня сынъ Микитиничъ,
Какъ не буде онъ да со чиста́ поля,
А й потомъ я за тебя заму́жъ пойду.
Отъ него ли-то поѣздки богатырскія,
Отъ него ли-то поступки лошадиныя
Времень *(такъ)* и́детъ да какъ вода течетъ,
А день за день какъ и дождь дожжитъ.
А прошло-то тому времечки двѣнадцать годъ,

Не видать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
И приходилъ Олеша королевскій сынъ,
Въ другихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской,
Приходили на́ ей теперь свататься.
Тутъ Добрынина да молода жена,
И молода-то е Настасья да Микулична,
Еще ту́да-ка она да е замужъ пошла
За того ли-то за братца за крестоваго,
За Олешеньку она да за Поповича.
Какъ повелся-то у нихъ почестный пиръ да свадебка,
Повелась-то свадебка двѣнадцать дёнъ,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наѣдалися.
Очень строго е приказано
Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на свадебки
А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву.
Они крѣпости всѣ да повы́ладили,
А столбы-то вси оны е повы́ставили,
А для всякою опасности,
Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы въ ту пору да въ то время
Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ:
Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
И послѣдній день да е двѣнадцатой.
Какъ во ту пору во то время
Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
Онъ пріѣхалъ осерёдъ двора широкаго,
Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходилъ онъ къ государыни къ своей родной маменькѣ.

Ужъ онъ крёстъ-отъ да кладетъ тамъ по писáному,
Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведетъ да по учéному,
А й на вси да на четыре на сторонушки,
Онъ какъ матушки своёй да е въ особину.
Воспрогóворитъ же самъ да таково слово
А своей да рóдной маменькѣ
Онъ Офимьѣ Олександровной:
«Ужъ ты здравствуй государыни Добрынюшкина матушка!
«Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
«Мы съ твоимъ-то чадомъ милыимъ,
«А съ дѣтёмъ твоимъ да е любимыимъ,
«А й съ Добрынюшкой Микитицомъ
«Вмѣстѣ были во чистóмъ поли.
«Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольнею,
«Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣзжею.
«Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А ко своему-то братцу ко названому,
«А къ тому ли-то Олешенькѣ Поповичу».
— Ай же ты молодая скоморошина,
— Ты кабацкая кака ни е подпóрина!
— Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
— Закатилоси мое да красно солнышко двѣнадцать годъ,
— Закатается теперь да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— А й Добрынина да молода жена,
— Молода-то е Настасья да Микулична,
— А й тутъ она замужъ ушла
— А й за братца за названаго крестоваго,
— За Олешеньку да е Поповича.
— А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да свадебка,
— А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
«Привезти-то онъ гусёлышка яровчаты,

«А которыи находятся въ него во ложняхъ тамъ во теплыихъ
«На кроваточки кисовыя
«А на стопочки да на точёныя,
«И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на свадебку,
«Звеселить свое сердечко богатырскоё».
Только стала нонь смекатися,
По рѣчамъ его да догадатися,
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е примѣточку:
— Не моё ли ты да чадо милоё,
— Не моё ли ты дитя было любимоё,
— А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
— Извини-ко ты да нунь пожалуста,
— Что обругала я тебя да обезчестила,
— А удаленькаго хра́браго же воина. —
Цѣловала тутъ его въ бѣлы́ уста,
Нарекала своимъ сыномъ милыимъ
А дѣтёмъ она его любимыимъ.
Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ свои-то тамъ гусельышки яровчаты,
Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
А ко ласковому князю ко Владиміру
Да къ названому ко братцу ко крестовому,
А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
Пріѣзжалъ-то онъ ко каменно́й стѣны,
Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
Какъ у ласковаго князя у Владиміра
А приставлены-то всѣ да заключевники
А всѣ главныи свои да дворнички
А ко той ли къ высокой да каменно́й стѣны
А къ воротамъ да ко широкіимъ.
Очень строго имъ наказано:
А й у князя у Владиміра

Не пущать-то на почестный пиръ на свадебку
Никакого-то безъ званія,
Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Владиміра.
Высыпаетъ имъ онъ злата ноньку сéребра,
А всимъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
Очень крѣпко имъ да здоложается,
На почестный пиръ дается:
«Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
Не пущаютъ нунь Добрынюшки Микитича,
Не берутъ съ него ни злата нунь ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущаютъ на почестный пиръ на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
И молодой жены къ Настасьи да къ Микуличной:
«Вы подите-ко пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
«Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ».
Отошли отъ воротъ вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорѣлоси его сердечико ретливое,
Онъ столбы-то всѣ повышаталъ
И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
Онъ зашолъ-то на почестный пиръ на свадебку
И высталъ тамъ на печеньку муравую,
И сталъ онъ струночки потягивать,
Сталъ гусельшка подлаживать.
Заигралъ какъ онъ въ гусельшка яровчаты,
На почестноемъ пиру да на свадебкѣ,
На пиру-то вси да призамолкнули.

Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Владиміра,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?
— Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
— Опущайся-ко со печки со муравыя,
— Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на золотъ стулъ
— А въ особину, гдѣ мѣсто е понравится. —
Наливаетъ ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносилъ-то тутъ Добрыни е Микитицу:
— Ай же ты да молодой игрокъ!
— Ужъ ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
А й другую чару-то подноситъ братецъ да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ.
Еще третью чару наливае молода жена,
Молода Настасéя-та Микулична:
«Пей-ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
«Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
«А Добрыня сынъ Микитиничъ».
И взялъ пóложилъ Добрынюшка Микитиничъ
А свой перстень-то злаченыя,
А которымъ съ ней да поручалися,
Онъ во чару зелена вина,
Подносилъ возвратно молодой жены:
— Ай же ты княгиня молодá! пей отъ меня чару зелена вина.
— Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
— А не пьешь до дна, не видашь добра. —
Выпивала Настасéя тутъ Микулична,
Выпивала она чару зелена вина,
Увидала тамъ свой перстень-то злачоныя,
А которымъ же съ Добрыней поручаласи.
Воспрогóворитъ она за почестнымъ пиромъ за свадебкой,
Воспрогóворитъ она да таково слово:

«По Русіи пословица та водится:
«А мужъ въ лѣсъ по дрова, жена замýжъ пошла.
«Ай ты Добрынюшка Микитиничъ,
«Ты возьми-ко нуньку плёточку шелковую,
«Ужъ ты бей меня-то жонушку по нáгузку!»
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово
За почестныимъ пиромъ онъ да за свадебкой:
— Не дивую я теби да молода жена,
— А Настасья ты Микулична!
— Я дивую-то названому же братцу е крестовому,
— А тому ли Олешеньки Поповичу:
— Отъ жива мужа жену беретъ;
— А въ другихъ-то я дивую ласковому князю е Владиміру:
— Отъ жива мужа да жону сватаётъ. —
Розгорѣлося его да сердце богатырскоё,
Возсерчалъ-то онъ на братца на крестоваго,
На Олешеньку Поповича.
Ухватилъ его за желтьí кудри,
Выводилъ да за почестнаго пира за свадебки,
Выводилъ его на гридню на столовую,
Ужъ какъ сталъ-то онъ по гридни да поваживать,
А въ одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
А въ другой рукѣ держúтъ гусельышка яровчаты,
И сталъ за желты кудри поваживать,
А гусельышками тутъ Олешеньку охаживать.
Воспрогóворитъ Олеша таково слово:
«По Русіи-то пословица та водится:
«Ужъ какъ всякій, братцы, женится,
«А не всякому женидьба задавается.
«Не дай Господи на сёмъ свѣти
«Какъ Олешеньки Поповичу!»
А какъ взялъ то онъ свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,

Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.
Еще ту́да-ка Олешеньки славы́ поютъ,
А тому ли-то пиру да вѣкъ пó вѣку,
А вѣкъ по вѣку отнынѣ дó вѣку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была поляница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ пріумиласи,
Съ молодымъ сговориласи
Ѣхать въ царство русійское,
Государство московскоё.
До Москвы-то не доѣдучи
И до горы до Ясавулова,
Вси шатры-то тутъ роздернули,
Ербучки-то вси повыстлали *(такъ)*,
Посылали скоропослѐшнаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевицу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы полаты онъ розглаживалъ
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ёнъ питья-ты да принаставливалъ.
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Поляница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у тя Богъ на стѣны,
«Есть ли у тя хлѣбъ на столи,

«Есть ли борци на дворци,
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ-то поборотися,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогóворитъ нунь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Еще есть-то у мня Богъ на стѣны,
— Еще есть у мня же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у мня борци на дворци,
— Ай удалы добры молодци,
— Съ Кострюкомъ-то попытатися,
— Съ молодымъ поотвѣдати
— А й плеча да богатырскаго,
— А личя его да молодецкаго.
— А й два братца есть крестовеньки,
— Они родиной же съ Вологды:
— Одного-то зовутъ Ѳедькою,
— А другаго есть Михалкою,
— И не бьются есть не борются,
— Одной кашки есть напорются,
— Какъ живутъ у мня въ прислужникахъ. —
Нунь въ ту пору да во то время
Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
Онъ своимъ да богатырскіимъ,
Онъ по всей землѣ, по всей орды,
Онъ по всей да подселенною:
«Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
«Если ты не дашь да супротивника,
«Я все царство нунь пройду да головнéю прокачу!»
А несетъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,

Онъ несетъ же ему нунь подарочокъ,
Ему злата было се́ребра.
Онъ же проситъ нунь въ свои полаты бѣлокаменны
Хлѣбца соли есть покушати
И колачиковъ порушати.
Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
А й одно кричитъ: «давай же супротивника».
Какъ во ту пору, во то время
Какъ скамья случилоси двуногая
Близко сильнаго бога́тыря.
Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
Онъ скамью да есть двуногую.
Онъ-ка билъ да всѣхъ бога́тырей
Безъ разбору государскіихъ.
Какъ убилъ же тридцать есть бога́тырей,
Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ плѣненныихъ.
Еще вси они лежатъ какъ мы́ши пища,
Еще моля Кострюку да Темнюку,
Сильнему бога́тырю:
— Еще дай бы теби Господи
— А й на дворъ итти да скокою,
— А й со двора да окоракою! —
Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
По мосткамъ-то бѣжалъ да деревянныимъ,
А мости́нья-то вси да зыблются,
А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ
Онъ ко братцамъ ко крестовыимъ,
Онъ съ нима́ да поборотися,
Съ молодыма попытатися.
Ужъ какъ Ѳетеньку-то ра́зъ топну́лъ,
А й онъ Ѳетеньку друго́й топну́лъ,
И стоитъ нашъ-то Ѳетенька не ша́тнется,

На головушкѣ волосушка не стря́хнутся.
Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
Самъ съ собою похваляется:
«Что жъ ты братъ да поддаваешься?»
Тутъ припадывали они пони́же собя,
А подхватывали Кострюка да крѣпко на́ руки,
Его на руки свои да богатырскія,
И выкидывали повыше креста да Леванидова.
До зени́-то не допа́дучи,
А летма̀ въ верёхъ да скоро ле́тячи,
На немъ кожа вся же перелопала,
А отъ рукъ ихъ богатырскіихъ,
А отъ двухъ же братцевъ есть крестовыихъ.
А рука нога ломиласи,
Глаза вонъ да воротилися.
Еще смотритъ поляница та же крымская,
Богатырша нунь сама есте удалая,
На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
А на двухъ на братцевъ на крестовыихъ,
Ушибили Кострюка да сильна бога́тыря.
Ухватила копье свое длинное,
Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
Она ѣде заклинается:
— А не дай мнѣ-ка́-ва болѣ Господи,
— Болѣ ввѣкъ въ Москвы да не́ бывать,
— И московскіихъ борцевъ да въ гла́за не́ видать!—
А Кострюку да Темнюку да сильнему да воину
Еще ту́да-ка ему да все славы́ поютъ,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку.
А живётъ-то нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живётъ-то онъ да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,

А живётъ-то онъ безъ всякои опасности,
А вѣкъ по́ вѣку отнынѣ до́ вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 іюля.

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Масельгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старообрядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на масельгскомъ перевалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но разсказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, только одну, про грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ разсказывалъ, что въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянинъ Адріанъ Кипринъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перенялъ.

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурнатовичъ,
Тутъ кура̀ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ, —
Сказывалъ онъ улицы казненыи,

А вси ты улицы не казненыи,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался тутъ почестенъ пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвастались.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изо́ Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменно́й Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ за того стола бѣлоду́бова,
Изъ-за тыя скамейки кленовыя
Испрого́воритъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣстъ да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на́ очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему на̀ друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на братца родимаго,
На́ того на Ѳёдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ,
— Сказывалъ онъ улицы казненыи,
— Вси ты улицы не казненыи,
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Тутъ его царско сердце возгорѣлося:

«Ай же вы палачи немилóсливы!
«Возьмите-тко вы Ѳёдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрогóворитъ Малюта Скурнáтовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Ѳёдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи.
Справилась тутъ Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу,
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочиковъ.
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилоси,
«Незваная та гостья пѣшá пришла?»
— Ѳёдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Тутъ Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машетъ и голосóмъ крычитъ:
«Ай же палачи немилóсливы!
«Съѣдитé вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кабакъ,
«Прибирайте мóлодца лицё въ лицё,
«Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
«Отсѣките ему буйную голову».
Тутъ палачи немилóсливы
Прибрали молодца лицё въ лицё,

Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
Отсѣкли ему буйную голову.
Тутъ Микита Романовичъ
Надѣваетъ платье что ни лучшее.
Пріѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
Испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
«Али ты надо мною насмѣхаешься,
«Аль не знаешь моей незгодушки великоей?
«Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какȃ твоя незгодушка великая? —
«Ѳёдора царевича жива нѣту,
«Твоего любимаго племянничка».
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ѳёдоръ царевичъ въ зеленóмъ саду гуляетъ
— И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
— А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —
Тутъ испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Никита Романовичъ:
«Города ль возьмешь съ пригородками,
«Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
— И не надъ мнѣ-ка золотой казны.
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

VI.

КОТОВА.

Марѳа Трофимовна Котóва, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Масельгѣ. Научилась кое-какимъ былинамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же складомъ и побасенку про пѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ во городѣ во Кіеви,
У честноей вдовы Офимьи Олександровны,
А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
А спрогóворитъ своей матушкѣ,
Молодой честнóй вдовы Офимьи Олександровны
А й да таковы слова:
«Ужъ ты матушка моя, честнá вдова Офимья Олександровна!
«Ты на что меня безсчастнаго спорóдила,
«Ты на что меня да безталаннаго отрóдила?
«Ты бы силушкой спородила
«Что во стараго казáка Илью Муромца;
«Ты бы могутушкой спородила
«Во Самсона во богáтыря;
«Ты бы смѣлостью спородила
«Во Олешенку Поповича,
«Красотой меня спородила
«Да во Осипа во прекраснаго».
Какъ спрогóворитъ да его матушка,
Молода честна вдова Офимья Олександровна
Таковы слова:
— Ужъ ты дитятко мое Добрынюшка Микитичъ!

— Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
— Я спородúла бы тебя
— Силушкой да во стараго казáка Илью Муромца,
— Я могутушкой бы спорóдила
— Во Самсона во богáтыря,
— И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
— Красотою бы спородила
— Во Осипа бы во прекраснаго. —
Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ своей матушкѣ:
«Ужъ ты матушка моя,
«Молода честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеньицё,
«Прощеньицё да благословленьицё
«Есть повыѣхать мнѣ-ка дáлеко,
«Дáлече, далéче во чистó поле,
«Мнѣ попробовать есть свой силушки,
«Силушки есть теперенку богатырскоей.
«И дашь ты прощеньице поѣду,
«Не дашь благословеньица поѣду».
Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.
— Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
— Ты куды поѣзжáешь,
— На кого меня молодую, несчастную,
— Ныньче оставляешь?—
Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитичъ таковы слова:
«Ай же ты Настасья Викулична!
«Жди-тко ты меня трú году.
«Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
«Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
«Какъ минуется девять лѣтъ,
«Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
«Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«За купца поди, за боярина поди,

«За хрестьянина поди, за мѣща́нина поди,
«За Олешенку Поповича только не́ поди.
«Вѣдь Олешенька Поповичъ мнѣ крестовой братъ».
Видли Добрынюшку сядучи,
А не видли Добрынюшки поѣдучи.
Первый скокъ нашли за стѣной городовою,
Другой скокъ нашли черезъ три вёрсты,
Третьёго скоку что найти не́ могли.
Ждала Настасья Викулична,
Дожидала Добрынюшку ровно три́ году.
Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Ждала она ровно девять лѣтъ.
Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Стали-то кіевски бабы подговаривать,
Подговаривать стали, ума́нывать
Молоду Настасью Викуличну
А за этого да Олешенку Поповича,
За Олешенку да за Поповича.
Въ тую порушку да въ тое времячко
А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
И ставалъ-то Добрынюшка Микитичъ есть,
А онъ есть поутру ранёшенько,
Умывается Добрынюшка бѣлёшенько,
Утирался въ тонко бѣло полотно.
Выходитъ-то Добрынюшка Микитичъ е
На ши́року на уличку,
Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
А одна сторона помиліе всихъ.
Садился Добрынюшка Микитичъ на добра́ коня,
А й отправился Добрынюшка да въ тую сторону.
Попадаё Добрынюшкѣ Микитичу
Есть калика перехожая.

Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Я иду-то со города со Кіева. —
Что ль еще того помиліе Добрынюшкѣ Микитичу? —
Сталъ онъ спрашивать калику перехожую:
«Ай же ты калика перехожая!
«Что добро дѣется во городѣ во Кіевѣ?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Все добро дѣется во городѣ во Кіевѣ.
— Есть-то мóлодая Настасья Викулична а за мýжъ пошла,
— А за мýжъ пошла а за Олешенку,
— За Олешенку пошла за Поповича. —
Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ужъ ты дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
«Платьицо черноё да дай каличьеё,
«А й каличьеё да клю́ху желѣзную».
— Я не далъ бы тебѣ платьевъ каличьіихъ,
— Платьевъ каличьихъ, клюхѝ желѣзноей,
— Ты возьмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
Солѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добрá коня,
Надѣваетъ на себя платья каличьіи,
Беретъ въ руки клюху желѣзную.
И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы на гору,
Онъ клюшенкой да подпирается,
Съ гóры на гору да перескакиваётъ.
Приходитъ ко городу ко Кіеву,
А стучаетъ подъ окошечко
У староей вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
«А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко кланялся,
«А велѣлъ подать гуселышка,

«Есть во темноемъ чуланчикѣ на полочкѣ».
Есть стряхнулась Офимья Олександровна да своей старостью,
Подавала гусельышка муравчаты *(такъ)*.
Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на че́стной пиръ,
Онъ на честный пиръ идё на свадебку
Ко Олешенки да ко Поповичу.
Онъ не спрашиваётъ ни у дверей ни придверничковъ,
Онъ не спрашиваётъ ни у воротъ ни приворотничковъ,
Онъ становился есть о липинку,
Онъ играетъ во муравчаты гуселышка.
Еще спрашиваётъ е Олешенка Поповичъ:
— Ты скажи есть чей да откулешной,
— Ты коёй орды, ты коёй земли,
— Ты чьего есть отца, чьей матери? —
Что ль отвѣтъ-отъ держалъ есть Добрынюшка Микитичъ:
«Есть-то я теперь заводска скоморошина».
Тутъ спрогóворитъ молода Настасья Викулична да таковы слова:
— И есть-то теперь не заводска скоморошина,
— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ. —
Наливаётъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Ужъ подноситъ ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.
Онъ беретъ ту чару едины́мъ перстомъ,
Единымъ перстомъ беретъ мизёнышкомъ.
Выпилъ онъ чару на единый здухъ.
Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена вина,
Подноситъ молодой Настасьи Викуличной:
«Выпьешь до дна, увидишь добра».
Выпивала ту чару зелена вина.
Какъ поглядитъ — въ чарѣ золотой перстень,
Что ль которымъ перстнемъ обручалиси е съ Добрынюшкой Микитичемъ.

Какъ подходитъ Добрынюшка Микитичъ есть
Ко смирно́му ко Олешенкѣ Поповичу,
Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Поповича за желты́ кудри,
Бросилъ Олешенку да о кирпичный полъ.
Тольки Олешенка живъ бывалъ,
Съ молодой Настасьей Викуличной живалъ.
Бралъ-то онъ мо́лоду Настасью Викуличну е за праву за рученку,
Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,
Ко своей-то родной матушкѣ,
Ко староей вдовѣ Офимьѣ Олександровны.
Тутъ-то ёго матушка приросплакалась,
Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

27.

ЧУРИЛО.

Во славноемъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,
А не Пленковичъ Чурило, добрый молодецъ.
Справляется Чурило, снаряжается Чурило,
Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурило личко бѣленькое,
Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,
Надѣваетъ сапожки на ножки зеленаго сафьяна,
Сапожки сафьяну были турецкаго,
Шитья нѣмецкаго.
Подъ пяты, подъ пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочка яичко прокатило.
На себя кафтанъ васинко́ваго сукна̀,
На головушку шапочку ушисту пушисту завѣсисту,

Пятьсотъ-то рублей серебромъ,
А сѣдлатъ убиратъ коня шахманка.
Были подложки шелковыи,
Пряжки застежки золоченыи,
Пряжки застежки что шелкъ-то тлѣетъ,
Золото не трется, серебро не ржавѣетъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли Чурилушки поѣдучи.
Пріѣзжаетъ Чурила ко городу ко Кіеву
Да ко славному царю ко Владиміру.
Увидѣла Катерина Викулична
Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.
Она по поясъ кидалась въ косивчато окно,
Поскорѣе того на широкій дворъ,
Отворяла широки ворота,
Еще звала Чурилушку Пленковича
Ко себѣ на широкій дворъ,
Убирала коня его шахманка,
Проводила коня во конюшеньку,
А во тую во конюшню во конинную,
А во эту во стойлу лошадиную.
Наливала коню ключевóй воды въ тазъ,
Насыпала коню бѣлояровой пшены,
Пойдучи отъ коня да поклониласи:
«Ужъ пей мой конь да нечистой духъ!
«Я не ради тебя кланяюси,
«Ради Чурилушки Пленковича.
«А не Пленковичъ Чурила, добрый молодецъ».—
«Станемъ-ко Чурила въ шашечки играть».
Разъ-то играли проигрывались,
Другой разъ играли проигрывались.
«Бросимъ-ка Чурилушка шашочнý игру,
«Сядемъ-ко Чурилушка на тисовý кровать».
Пришла черная дѣвчонка челяночка.

— Это кто у тя Катерина Викулична,
— Это кто въ гостяхъ, али бра́тъ родной,
— Али братъ родной, али му́жъ грозно̀й? —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Что не братъ родной и не мужъ грозной».
Говоритъ Чурила-тотъ Пленковичъ:
— Замолчи-тко, дѣвчоночка челяночка!
— Во-вотъ я тебѣ теперь шапочку дарю,
— Моя шапочка пятьсотъ рублей серебромъ,
— А ушиста пушиста завѣсиста,
— Спереди не видно личка бѣленькаго,
— Сзади не видно желты́хъ кудрей. —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Не давай-ко ей шапочки дѣвчонкѣ челяночкѣ,
«Лучше самъ ты носи да Чурилушка Пленковичъ,
«Лучше ей-то ты дай полтинку серебромъ».
Видитъ Чурила дѣлати теперь нечего.
Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву,
Ко тому-то царю ко Владиміру,
Крестъ-то ведетъ по писа́ному,
А поклонъ-то ведетъ по учё́ному,
Бьетъ-то челомъ царю Владиміру:
— Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
— Грозно-кіевскій великіи! —
Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
«Скажи, чей ты да откулешной,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Ты чьего отца, чьей-то матери?»
— Отца матери не помню теперь,
— Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ. —

(Конца пѣвица не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

28.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Жила была вдовица пашница,
Какъ у той вдовы было семь сыновъ,
Было семь сыновъ да единáя дочь.
Единýю дочь сталъ сватать за синё море,
За сине морё да за глубокое,
За того купца да за богатаго.
Еще здумала да е повыдала.
Ужъ я годъ да въ умѣ не было,
Другой жила да въ разумъ не пришло,
Въ третей годъ стосковалоси.
Я у свекрушка да подаваласи,
А у свекровушки да доложиласи.
Ужъ свекрушко да отпущаетъ,
Свекровушка да снаряжаетъ.
Есть-то сѣли съ мужомъ да поѣхали.
Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да за высокіихъ
Наставала туча темная,
Туча темная да весьма грозная.
Какъ наѣхало да семь розбойничковъ,
Какъ убили моего мужа,
Какъ бросили въ синё море да моего сына,
Е повывезли меня младу на гору.
Это вси-то есть да семь разбойничковъ,
Они сѣли хлѣба соли кушати,
Бѣла лебедя розрушати.
Что ль одинъ единъ розбойничекъ
Не кушаетъ, на молóдую поглядыватъ,
Что молóдая проплакиватъ.
Что ль спрашиватъ молóдую:
«Ты скажи скажи, молóдая,

«Ты коёй орды, коёй земли,
«Ты чьего отца да чьёй-то матери?»
Какъ спроговоритъ молóдая:
— Я вдовици есть-то пашници.
— Какъ у той вдовы пашници
— Было семь сыновъ да единáя дочь,
— Эти семь сыновъ да во розбой пошли,
— А меня младу да за мýжъ выдали. —
Тутъ спроговоритъ одинъ единъ розбойничекъ:
«Ай же братцы вы мои розбойнички!
«Мы убили своегó зятя,
«Обезчестили да своюю́ сестру
«Своюю́ сестру да свою рóдную».
Какъ скочили ль тутъ розбойнички:
«Что ль сошьемте мы шелкóвъ невёдъ,
«Мы повыловимъ да своего зятя,
«Мы достанемъ своего племника со синя́ моря»...

(Конца не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушéйла духовное дитя во березонькѣ,
Какъ пришла тутъ лисиця ко березонькѣ,
Стала она пѣтуха есть оманывати,
Ай оманывати да подговаривати:
«А й же пѣтушейло е духовное дитя!
«Опустись теперь на землю».
Сталъ пѣтушокъ опущатися,
Съ ивинки на ивинку да перепурхивать,
А съ пруточка на пруточикъ перескакивати.

Поймала лисиця пѣтуха въ когти,
Стала держать ёго плотно.
Какъ спрого́воритъ пѣтушейло духовное дитяти *(такъ)*:
— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просвировъ печѝ. —
Тутъ у лисици отслабли нёгти,
Отпустила она пѣтуха.
Тутъ-то пошла лисиця ко боярину на дворъ,
Думала себи она куру изловить.
Тутъ-то пѣтухъ запѣлъ, зарычалъ,
Тутъ-то лисиця перепала есть,
Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокота́мы,
Бабы съ помяламы,
Тутъ-то едва меня лисици не убили.
Тутъ-то думаетъ лисиця: уловлю я пѣтуха.
Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣ́дало.
Надо той лисици пѣтуха изловить,
Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.
Какъ пришла тутъ лисиця опять,
Опять стала пѣтуха оманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты пѣтушейла духовноё дитя!
«Опустись теперь на землю».
Смотритъ пѣтушейла на лисины слова,
Отвѣчатъ онъ лисици:
— Ты оманешь теперь, задавишь пѣтуха. —
«Ты не бойся теперь, духовной сынъ,
«Не ома́ну теперь, не за́давлю».
Тутъ-то лисица оба́яла да обсовѣтовала.
Опустился пѣтухъ на сыру́ землю.
Згребла пѣтуха она въ когти,
Стала держать его плотно:
— Ай же ты есть духовная мати лисиця,

— Спусти ты пѣтуха. —
«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:
«Ты жилъ былъ у господина на двори,
«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,
«Ты затрёснулъ, запѣлъ, зарычалъ.
«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокота́мы,
«Бабы съ помяламы,
«Такъ едва меня лисици не убили въ ты поры.
«Вы блудники, беззаконники,
«По девяти, по десяти женъ держите,
«А на улицю сходите да дерете́сь,
«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную кровь проливаете».
Крылушка обламала,
Перышка общипала,
Стала съ бочка теребить, —
Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 іюля.

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аѳанасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слыхала былины отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василія Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтихіевымъ старину про девять братьевъ розбойниковъ и сестру, ими полоненную.

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ каменно́й Москвой состарѣлся [1]),
Съ Новымъ-городомъ спору не было.
Одно у Буслава было отплодьице
Мо́лодой Василій сынъ Буславьевицъ.
Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Съ робятмы шутки пошучивать:
Кого за ногу — нога-та прочь,
Кого за руку — рука-та прочь.
Стали при́ходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ честно̀й вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ай же ты матушка честна̀ вдова Омельфа Тимофеевна!
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Молода Василія Буслаевича,
«Не оставитъ-то людей на си́мена!»
А во ту-то пору во то́ время
Выбиралъ себѣ княгину [2]) хоробрую,
Поставилъ эту чару полтора ведра:
Кто подыне эту чару едино́й рукой
Кто выпьетъ эту чару едины́мъ духомъ —
Биться, драться, ратиться;
Кто кого по́бьетъ, съ того брать пошлина:

---

1) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,
Съ каменной Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменной Москвой состарѣлся».

2) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недоразумѣнію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла, что «такъ поется».

Со дѣвокъ брать повѣнчальное,
Со старицъ брать постригальное,
Съ гостей торговыхъ посуконное.
Взяла Василія Буслаевича,
Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,
Взяла его за бѣлы руки,
Приводила его на широкой дворъ,
Бросила Василья во глубокъ погребъ,
Пеньемъ колодьемъ заворочала,
Бѣлодубовыма дверми перезаперла,
Булатнима замочками перезамнула:
— Ай ты спи Василій, высыпайся тамъ! —
А выходитъ поварная дѣвушка
А чернавушка съ вёдромъ по воду,
Коромыселкомъ убила тридцать душъ,
А приходитъ да ко погребу,
Ко широкому да ко глубокому
И спроговоритъ она да таково слово:
«А ты спишь, Василей, высыпаешься,
«Надъ собою незгоды не вѣдаешь,
«А твоя княгина въ крови бьется,
«Булавамы у ей голова поломана,
«Кушакамы у ей голова оверчена».
А выскакиватъ Василей со погреба,
А со погреба со широкаго,
Со широкаго со глубокаго, —
Не подержали Василья Буславьевича
Ни пенья, ни колодья, ни двери бѣлодубовы,
Ни замочки булатніи,
Подержала Василія Буслаевича слягà сарайная,
Слягà сарайная восьми саженъ.
А онъ сталъ слягòй помахивать,
Куды махнетъ, туды улица,
Переулками народъ валится.

Стали приходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Млада мóлода Василія Буславьевича,
«Не оставитъ и людей на сѣмена!»
— Ай же вы, мужики да новгородскіи,
— Вы какую же надо мною бѣду знаете,
— А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?
— Ради васъ я Василія потрéбила,
— Во глубокъ погребъ я Василья брóсила,
— Пéньемъ кóлодьемъ заворóчала,
— Бѣлоду́бовыма дверма перезáперла,
— Булатнима замочками перезáмнула. —
А выходитъ его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому:
Нѣтъ Василія во пóгребу,
Пенья кóлодья всѣ розворóчены,
А булатніи замочки порозломаны,
Бѣлодубовы двери поростворены.
Запрягала она въ однуколочку,
Выѣзжала она по Нову́-городу,
Его матушка ѣдё а рукой машётъ,
А рукой машетъ да головóй качатъ:
— Ай же Василій Буслаевичъ,
— Ты уйми-тко свое сердце богатырское,
— Не оставишь и людей на сѣмена! —
Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь пошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 іюля.

2 0

31.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Жило-то было девять дочерей,
Всѣ онѣ ходили во Божью́ церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣ́стовочкѣ,
Всѣ онѣ сказали, что «Го́споди свѣтъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься сюды».
Взялъ онъ Салфею за бѣлы́ руки,
Повелъ Салфею во Божью́ церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты́ вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зелена̀ вина́ несетъ,
А во лѣвой зелено́ ярово̀.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай».
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Оны къ утру ко свѣту преста́вилися.
Васильюшка крутили въ голеву́ю[1]) во парчу̀,
Салфеюшку крутили во толсту́ю простину̀.
Васильюшка несли на бѣлы́хъ на рука̀хъ,
Салфеюшку несли на буйны́хъ на голова̀хъ.
Васильюшка ложили по праву сторону̀,
Салфеeюшку ложили на лѣву сторону̀.
На Васильюшкѣ повыросъ частъ ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипари́сно древо̀.

---

1) Т. е. чистаго золота.

Уже во-мѣсто древа̀ совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками соплеталися.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 23 іюля.

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. За́губья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, по старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былины, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и онъ отъ нихъ переняль.

32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молода́ Вольѐ Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.

Забиралъ тутъ мо́лодой Волья́ Всеславьевичъ
Дружину онъ хоро́брую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человѣкъ,
Еще самъ Волья́ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ моло́дыихъ,
Молодыихъ жеребчиковъ бухарскіихъ,
Бухарскіихъ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ неле́гченыхъ.
Садились они на добры́хъ коней,
Поѣхали по да́лечу-дале́чу по чисту́ полю.
Услыхали они въ чисто́мъ поли па́харя,
Пахаря-пахарюшка.
Они по де́нь ѣхали въ чисто́мъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по дру́гой день ѣхали съ утра до ве́чера,
Пахаря не наѣхали,
И по тре́тій день ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипливаетъ.
А у ратая омешики прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его во́лжаная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омешики на сошки были булатніи,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка со́ловая;
У этой у кобылы-то у со́ловой
Хвостъ-отъ до земли розстилается,
А грива́-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья́ помочь, пахарь е пахарюшко?»

Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья́ помочь, мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ. —
Тутъ возго́воритъ мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Знать-то молодца е по выѣзду,
— Сильнаго могучаго бога́тыря по храбрости.—
Тутъ возгово́ритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возго́воритъ пахарь ему пахарюшко:
— Ай же ты мо́лодый Волья́ Всеславьевичъ!
— Я какъ драни-то надеру и жита-то насѣю,
— Жито выростетъ, я и домой выволочу,
— Домой выволочу, я дома выколочу.
— Я какъ пива наварю да гостей какъ заберу,
— Гости станутъ они пить да станутъ кушати,
— И станутъ они да меня здравствовати:
— Ахъ ты здравствуешь, Викула е Селя́ниновичъ! —
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́ниновичъ!
«Какъ жаловалъ крестовый меня батюшко
«А какъ двумы городами меня онъ лучшима,
«Еще Курцовцомъ да онъ Орѣховцомъ».
Тутъ возго́воритъ Викула-то Селя́ниновичъ:
— Ай же ты мо́лодой ты Волья е Всеславьевичъ!
— Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,

— Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
— Закупилъ я соли ровно три мѣха,
— Въ которомъ же мѣху было пó сту пудъ,
— Положилъ я на кобылу е на сóловую
— Да самъ-то молодецъ я садился ровно сóрокъ пудъ,
— Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу;
— Тутъ стали мужики меня захватывать,
— Еще Курцовцы да Орѣховцы,
— И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
— Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
— Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи. —
Тутъ возгóворитъ мóлодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя́ниновичъ!
«Поидемъ отводить да мнѣ-ка вотчины».
Тутъ обру́жился-то Викула Селя́ниновичъ
На эту кобылу онъ на сóловую,
И поѣхали по да́лечу-далéчу по чисту́ полю.
Викулы-то Селя́ниновича кобыла какъ ступкомъ идетъ,
А Вольи́нъ-то конь во всю мѣть бѣжать.
Тутъ возгóворитъ Викула-то Селя́ниновичъ:
— Ай же молодой Волья́-то е Всеславьевичъ!
— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:
— Не ради вора, не ради разбойника,
— А ради пропою я кабацкаго».
Тутъ мóлодой Волья́-то е Всеславьевичъ
Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,
Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человѣкъ.
Ѣздили къ этой сошки они къ вóлжаныя
И не могли сошки съ земли они пóдняти;
Пріѣзжали оттуль удалы добры молодцы,
Сами говорятъ да таково слово:
«Мы не могли-то сошки съ земли пóдняти».
Тутъ воротился самъ Викула-то Селя́ниновичъ,
Подъѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко вóлжаныя,

Подхватилъ онъ сошку е на плётовищо
Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ [1]).

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ахъ ты свѣтъ моя ро́дна матушка,
«Ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«На что же ты матушка споро́дила,
«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ попу́стила?
«Ты бы лучше матушка меня споро́дила
«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,
«Брала бы ты валучій камешокъ
«Во свои во бѣлыи рученки,
«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ по́ вѣку въ синёмъ мори».
Тутъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
— Ай ты мой есть чадо милое,
— Ты Добрынюшка Микитинецъ!
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Во каза́ку Илью Муромца,
— Я бы рада была тебя споро́дити
— Силою во Собо́ра во бога́тыря,
— Смѣлостью споро́дить въ смѣлаго Олешу во Поповича,
— Еще Богъ-то дитятко мнѣ на́далъ тебя споро́дити.—
Тутъ пошолъ онъ по конюшнямъ по стоялыимъ,

---

1) Слушая эту былину, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснилъ, что онъ слышалъ, что Никула Селяниновичъ былъ отецъ той Настасьи Микуличны, поляницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тогда, что его сосѣдъ Іуда Егоровъ, старообрядческій наставникъ на Космозерѣ, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Микулу.

Выбралъ себѣ коня добраго
На своихъ-то на конюшняхъ на стоялыихъ,
Сталъ-то онъ тутъ латиться да сталъ кольчужиться;
На этого-то онъ коня на добраго
Потницки-то онъ кладетъ на потнички
И на потнички покладываетъ все войлочки,
На войлочки накладываетъ онъ сѣделышко,
А сѣделышко накладываетъ онъ е черкальское,
Онъ подтягиваетъ, подлаживаетъ ту́гихъ двѣнадцать подпруговъ.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На это сѣделышко черкальское.
Выходитъ его да ро́дна матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна,
Выходитъ она да на широкій бѣлый дворъ,
Приходитъ къ ему стре́мену она булатному,
Еще ко́ его ножкѣ богатырскоей.
Сама она горюшиця поросплакалась,
Сама говоритъ она таково слово:
— Ай же ты мой есть любимой сынъ,
— Еще мо́лодой Добрынюшка Микитинецъ!
— Куда же ты Добрынюшка сряжаешься,
— Куда же ты есть Добрынюшка отправляешься,
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возго́воритъ ей Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же ты моя есть ро́дна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Посылаетъ меня князь Владиміръ стольнё-кіевской
«Съѣздить-то за море мнѣ есть за Кіево
«Ко тому-то королю да ко Бухардову,
«Свезти туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ».
Выходитъ тутъ его есть молода́ семья,
Еще молода Настасьюшка Микулична,
Приходитъ ко́ его ко стремену булатному,

Еще кб его къ ножкѣ богатырскія,
Сама она горюшиця поросплакалась,
Сама-то говоритъ таково слово:
— Ай ты мой вѣдь есть законный мóлодой,
— Еще молодой Добрынюшка е Микитинецъ!
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возгóворитъ Добрынюшка ей Микитинецъ:
«Ай же ты есть моя любимá семья,
«Еще молода Настасьюшка Микулична!
«Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворотится,
«Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не памятуй,
«То что поди хоть зá князя, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго поди ты, за татарина,
«Стóльки нé ходи за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«Какъ за мóего за братца за крестоваго,
«Еще зá того за женскаго насмѣшника».
Они видли тутъ молодца-то сядучись,
А не видли его молодца поѣдучись.
Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
Лише столько во чистóмъ поли пыль пошла.
Зъ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
Съ холмы нá холму онъ ли перепрядывалъ,
Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
Куды падали копыта лошадиныя,
Туды ставились колодецы глубокія,
А глубокіи колодецы е кипячія.
Какъ дéничокъ за дéничкомъ какъ дождь идетъ,
А недѣлька за недѣлькою бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ сокóлъ летитъ.
Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, нѣтъ ни пóвѣсти.
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской

Кó той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
И сталъ-то Настасьюшку подговариватı
За того за смѣлаго Олешенку Поповица,
Еще зá его за братца за крестоваго,
За того за женскаго насмѣшника.
Тутъ возгóворитъ Настасьюшка Микулична:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я мужнюю-то заповѣдь повыполнила,
«Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Положу я теперько свою заповѣдь,
«Прожду я мужа дрýго шесть лѣтъ;
«Ежели Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не отворотится,
«То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
«Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
«А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
«Еще зá его за братца за крестоваго».
Какъ дéничокъ за дéничкомъ какъ дождь идетъ,
Недѣлька за недѣлькой бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ сокóлъ летитъ.
Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни пóвѣсти.
Сталъ-то тутъ князь Владиміръ стольнё-кіевской,
Сталъ-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталъ-то Настасьюшку онъ подговаривать
Зá того за смѣлаго Олешу за Поповича,
Зá его за братца за крестоваго.
Пошла тутъ она сама да во Божью церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они пошли да по злату вѣнцу.
После этой поры да этой времечки
Честнá вдова Офимья Олександровна
Садиласи въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилась она подъ окошечко косевчатоё
И сама она горюша поросплакалась,

И сама-то она говоритъ таково слово:
— Ахъ двѣнадцать-то годышковъ назадъ закатилось у меня-то красно солнышко,
— Теперь повыкатился у меня да е свѣтёлъ мѣсяцъ! —
Изъ да́леча-далёча изъ чиста́ поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошѣ по бѣлу́ снѣжку
Не бѣлъ заюшко ли онъ проскакивалъ,
Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалый добрый молодецъ,
Прямо онъ ѣдетъ на Добрынинъ дворъ,
Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Къ тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому,
Привязалъ-то онъ коня своего тутъ добраго
И самъ идё въ полаты бѣлокамены,
Крестъ-то онъ кладётъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ онъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной онъ е въ особину:
— Приказалъ-то тебѣ, Офимья Олександровна,
— Добрынюшка приказалъ тебѣ низко кланяться.
— Оставлялся твой Добрынюшка во чисто́мъ поли
— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять гуселышка его яро́вчатые,
— Да еще-то мнѣ Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять его кунью его шубоньку,
— Кунью шубоньку велѣлъ онъ взять соболиную. —
Тутъ брала-то честна́ вдова Офимья Олександровна,
Брала-то она тутъ золоты ключи
И сходила-то она во глубокъ погрёбъ,
Приносила ему кунью шубоньку,
Кунью шубоньку его соболиную,

Приносила ему гусельшка она яро́вчатые.
Снарядился тутъ удалый добрый молодецъ
И во эту кунью онъ шубоньку,
И бралъ-то онъ эти гусельшка яро́вчатые,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Гдѣ жъ его есть любима́ семья,
— Еще мо́лода Настасьюшка Микулична? —
Тутъ возго́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А ушла-то Настасьюшка Микулична,
«Ушла-то она да во Божью́ церковь,
«Принимать оны со Олешей со Поповичемъ,
«Принимать ушли по злату вѣнцу».
Пошолъ тутъ удалой доброй молодецъ
Къ Олешѣ ко Поповичу на пированьицо.
Крестъ онъ кладетъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ по учё́ному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Князю-то Владиміру онъ въ особину.
Самъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай ко упа́лому [1]) добру молодцу заѣзжему
— Мѣстечко мнѣ-ка скро́мноё. —
Отводили они мѣстечко ему скро́мноё
На этой на печкѣ на муравленой.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На эту на печку на муравленую,
Игралъ онъ во гусельшка тутъ яровчатые,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
Тутъ стоитъ княгиня за дубовыимъ столомъ,
А стоитъ она, сама поду́мливаётъ:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!

---

1) *Упалый* то же, что у другихъ сказителей *упавый*—хорошій, красивый.

«Приклычь-ко ты удала добра молодца ко дубову́ столу,
«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина».
Приклыкали его удала добра молодца къ дубову столу:
— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —
Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,
И бралъ-то онъ какъ чару одной рукой,
Выпивалъ ту чару едины́мъ духомъ,
Положилъ въ ту чару свой злаченъ перстень,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Настасьюшка е Микулична!
«Наливай-ко эту чару зелена вина,
«Выпивай-ко эту чару едины́мъ духомъ:
«То что ты увидишь въ этой чары себи́ добра».
Налила эту чару полтора ведра,
Подымала какъ эту чару одной рукой,
Выпивала эту чару единымъ духомъ
И увидла въ этой чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ имъ да обручавши была.
Тутъ возго́воритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не то мнѣ-ка мужъ, который подли́ меня,
— А то мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня».
Тутъ возговоритъ Настасьюшка Микулична:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ. —
Тутъ возго́воритъ Добрынюшка Микитинецъ:
«Я не дивую женскому глупому разуму, —
«Точно у жонки волосъ доло́гъ да умъ коротокъ, —
«Я дивую вашему царскому разуму,
«Что отъ живаго мужа вы берете за дру́гаго.
«А ты, смѣлый Олешенка Поповичъ-е,
«А ты братецъ мой крестовыи,
«Не далъ я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
«Теперько дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!»

Хватилъ тутъ Олешенку онъ за бѣлы́ груди,
Да вытащилъ Олешенку онъ черезъ ду́бовъ столъ,
Да какъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
Шалыгой подорожною зачалъ пощалкивати.
И тутъ вси князи, вси бо́яра
Съ этого пиру да забросалися,
И всѣ-то по домамъ они разъѣзжалися.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

34.

ДУНАЙ.

Забѣралъ себи дружины онъ хоробрыя
Князь Владиміръ стольнё-кіевской,
И вси на пиру-то наѣдалися,
И вси на пиру-то напивалися,
И всѣ-то на пиру оны поросхвастались.
Тотъ хвастатъ тымъ, да ино́й-то инымъ,
Иной-отъ похвасталъ золотой казной,
Иной-отъ похвасталъ своей силою,
Иной-отъ похвасталъ своей смѣлостью,
Разумный-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
Самъ государь онъ свѣ́щёнъ ра́дощёнъ,
И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаётъ,
И башмачи́камы-то онъ самъ вѣдь поскрипливаетъ:
«Ай же вы князи, вси мои бо́яра,
«Ай же вы поляници вси мои удалыя!
«И вси-то у меня во Кіевѣ вы поже́нены,
«И всѣ-то дѣву́шки бояру́шки заму́жъ даны,
«А одинъ у васъ во Кіеви я холо́стъ не женатъ
«Еще князь Владиміръ стольнё-кіевской.

«Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
Супротивъ-то государя становился онъ:
— Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
— Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
— И есть какъ во той земли во лячкія,
— У того-то есть короля у Ляховинскаго,
— Есте у него тамъ дви дочери:
— Первая дочь е Марья королевична, —
— Тою тебѣ государь не вла́дати;
— И дру́гая е дочь Опраксья королевична,
— Было бы кому намъ поклонятися
— Всимъ городомъ намъ да всимъ Кіевомъ. —
Тутъ возго́воритъ государь ему батюшко:
«Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны е безчестныя,
«Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
«Поѣзжай-то ты во землю во лячкую,
«Ко тому ли королю да Ляховинскому,
«О доброемъ дѣлѣ есть о сва́товствѣ
«На мо́лодой Опраксіи королевичной».
Тутъ возго́воритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты государь и нашъ батюшко!
— Не надоть мнѣ казны твоей е безсчетныя,
— Не надоть мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
— Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Поповица:
— Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на ножку храмъ да на походку скоръ;
— Да въ дру́гихъ дай Добрынюшку Микитича. —
Видѣли они молодцевъ тутъ сядучись
И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
Не воротами они поѣхали, черéзъ стѣну,
А черезъ стѣну они махнули городовую,
А стольки во чисто́мъ полѣ пыль пошла.

Пріѣзжаютъ они въ землю есть во лячкую,
Къ тому-то королю они къ Ляховинскому
О доброемъ дѣлѣ они о свáтовствѣ.
Заѣхали они безъ слова на широкій дворъ,
Привязали тутъ оны коней ко столбику,
Ко этому ко столбику оны точеному,
Ко этому колечку оны золоченому.
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще смѣлыя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-кось ты, Олешенька, самъ подогадывайся».
Самъ иде въ полаты въ бѣлокаменны,
Высталъ на крылечко на пéрёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще мóлодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкіихъ сѣняхъ,
«Еще стой-кось ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся».
И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладетъ онъ по писáному,
Поклоны всѣ ведетъ онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е Ляховинскія!
«Мы пріѣхали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ
«На мóлодой Опраксіи королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра».
Тутъ возгóворитъ ему король тотъ Ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такѝ ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такѝ ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана
— Во ту есть она во Золоту орду,

— За того-то короля да и за Каина. —
Тутъ возго́воритъ Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е Ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксіи въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксіи въ нашомъ Кіеви,
«За ласковымъ за княземъ за Владиміромъ».
Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ тутъ Дуная по бѣлу́ лицу.
Обвернулся тутъ Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по черну́ лицу;
Упалъ тутъ король е о кирпиченъ полъ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвы́ ноги,
Зачалъ королемъ-то онъ помахивати,
Панѝвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Добрынюшка къ ободверенкѣ,
Вырвалъ тутъ Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ тутъ Добрынюшка похаживати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Панѝвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣлыя Олешенька е Поповицъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Олеша ко телѣги ко ордынскія,
Вырвалъ онъ осище телѣжное,
Телѣжное осище окова́ное,
Окованое осище ровно сорокъ пудъ;
Началъ тутъ Олешенка похаживати,
Панѝвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названыя,
Выбрались оны да на широкій бѣлый дворъ;
Тутъ возго́воритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!

«Попало мнѣ Дунаю есть побивало доброе, —
«А плотенъ король на жилья есть, самъ не по́рвется».
Выходитъ-то Опраксія королевична
Она на широкій бѣлый дворъ,
Захватила Дуная за могучіи плеча,
Еще говоритъ она таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-кось ты татаръ хоть и на сѣмена!
— Ѣду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садились оны тутъ на добры́хъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по да́лечу далё́чу по чисту́ полю.
Ѣхали по да́лечу далё́чу по чисту́ полю,
Во чисто́мъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и съ добра́ коня,
Скакала-то ему она да на бѣлы́ груди,
Выдернула она ножищо е кинжалищо,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Такй ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибокъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукой да по ле́лькамъ[1]) билъ,
«А лѣвою ногою бы подъ гузно пихнулъ».
Онъ правою рукою ю по лелькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подъ гузно пихнулъ,
И слетѣла эта Марья за три по́прища.
Тутъ скакалъ-то ёй Дунай на бѣлы́ груди,
Хотѣлъ онъ ёй пороть-то бѣлу грудь;
Тутъ смолиласи Марья королевична:

1) Т. е. по грудямъ.

«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣло́й груди!
«Ѣду я ко городу ко Кіеву,
«Отдавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владиміра»...

(Дальше не помнитъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздилъ-то Чурилушка онъ Плёнковичъ,
Ѣздилъ онъ по да́лечу дале́чу по чисту́ полю,
На своемъ-то ѣздилъ на добро́мъ конѣ,
Во своемъ онъ ѣздилъ ковано́мъ сѣдлѣ.
Сѣдельшко было его черкальское,
Подсте́нуто было двѣнадцать тугихъ по́дпруговъ.
Подпруги были да все шелко́выя,
Пряжечки были да золоченыя,
А шпенёчики были булатнія.
Еще шелкъ не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣётъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрянулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Кіеву,
Забирать себѣ дружину на почестенъ пиръ,
И заѣхалъ онъ къ Пермяту ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчато.
Бьется-то онъ тутъ, колотится
Сквозь тую́ блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,

Выскакаетъ оттуль дѣвушка поваренная
И сама-то говоритъ да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ доми-то хозяина,
«Онъ уѣхалъ во Божью́ церковь,
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образамъ онъ да поклоняется».
Услышала Катерина тутъ Микулична,
Она бьетъ-то дѣвку по лѣву́ лицу,
Сама-то говоритъ ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти́ кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей отка́зывать. —
Тутъ выходитъ она на си́нечки на бѣлыя
И на ты переходечки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она на широкій дворъ
И встрѣчаетъ удала добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстнѝ да за злаченыя,
И цѣловала въ уста его сахарнія,
Провела его коня добраго
На свою конюшню на стоялую,
И провела его въ свою бѣлую во ковнату.
Садились оны играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ игралъ да ю по́игралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю по́игралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возго́воритъ Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодецъ,
— Еще мо́лодый Чурилушка ты Плёнковичъ!
— А знать-то мнѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то мнѣ да на тебя смотрѣть,

— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходунóмъ ходитъ,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка льнетъ!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть повелёное,
— Скидывàлъ бы ты шапочку, клалъ на стопочку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зелёнъ сафьянъ сапожки снялъ бы, клалъ подъ лавочку
— Да ложился спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисóвую,
— На эту на перину на пуховую
— Да на тое на крỳто складно на зголовьицо
— Да подъ тое теплое ты одѣялышко подъ соболиное. —
Скидывáлся тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зелёнъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложился спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовьицо
Да подъ тое одѣялышко онъ соболиноё.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидывáласи она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложиласи тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
На тое на круто складно зголовьицо
И подъ тое тепло одѣялышко соболиноё.
Услыхала тамъ дѣвушка поваренна,
Поваренная дѣвка все челя́динна,
Выходитъ-то дѣвка на бѣлы́ сѣни,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«Я пойду-то, дѣвка, на Божью́ церковь,
«Скажу-то Пермяту сыну Васильевичу».
Услышалъ тутъ Чурилушка Плёнковичъ:
— Ай же ты дѣвка е страдница!

— Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью́ церковь,
— Не сказывай Пермяту сыну Васильевичу,
— А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
— А когда ты, дѣвушка, заму́жъ пойдешь,
— Подарю я те косякъ камки,
— Еще до́рогой камочки заморскія. —
Ничего того дѣвушка не послушалась,
Пошла-то она да во Божью́ церковь.
Пришла-то она да во Божью́ церковь,
Крестъ-то кладетъ по писа́ному,
А поклоны-то ведетъ по уче́ному,
На всѣ ли четыре на стороны,
Пермяту сыну Васильевичу въ особину:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты стоишь-то здѣсь да Богу молишься,
«Чуднымъ о́бразамъ ты да поклоняешься,
«Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаёшь!
«Еще есть у тя въ домѣ нелюбимый гость,
«Еще молодый Чурилушка е Плёнковичъ,
«И гуляетъ онъ со Катериною Микуличной».
Это слово-то ему не въ любовь пришло,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты, дѣвка, если бы́ль говоришь,
— Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
— А если ты мнѣ, дѣвка, ло́жь говоришь,
— Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
— Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
И садился-то онъ на добра́ коня.
Пріѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Катерина е Микулична!
— Что же ты не зашла е во Божью́ церковь,

— Богу-то тамъ е молитися,
— Чуднымъ óбразамъ ты да поклоняться тамъ? —
Тутъ возгóворитъ Катерина-та Микулична:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскiихъ?
«Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью́ церковь».
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
— Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
— Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ! —
Жалобнéшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Сходи-ко нá свою конюшню на стоялую:
«А какъ нá твоей конюшнѣ на стоялоей
«Стоитъ-то тамъ Чурилинъ добрый конь».
Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
Увидѣлъ тамъ коня добраго Чурúлинаго
И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
Тутъ вóзговоритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимыя
«И по дáлечу ѣздилъ онъ по чисту́ полю,
«Со Чурилушкой оны да соѣзжалися
«Да конямы-то оны тамъ вѣдь е помѣнялися,
«Да прiѣхалъ-то братецъ ко мнѣ родимыя
«Да на Чурилиномъ прiѣхалъ на добрóмъ конѣ».
Тутъ возгóворитъ Пермятъ сынъ Васильевичъ:
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
— Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
Жалобнéшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она тáково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!

«Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
«А спитъ-то тамъ Чурилушка, онъ не прохватится».
Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложню-ту,
Онъ увидѣлъ Чурила-то Пленковича,
Заздынулъ онъ мечъ-то выше го́ловы,
Срубилъ онъ Чурилѣ буйну го́лову.
Тутъ-то е Чурилушкѣ славу́ поютъ.
Тутъ-то е Катерина Микулична
Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
На тыя переходечки на частыя:
«Ахъ ты старый песъ, ты сѣда́я борода̀,
«А сгубилъ ты удала добра молодца,
«Еще мо́лода Чурилушку е Пленковича!».

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ

Изъ-подъ дуба, дуба было сы́раго
Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черле́наго,
Изъ-подъ кустышка да сподъ ракитова,
Сподъ ты березы сподъ кудрявыя,
Изъ-подъ камешка было изъ-подъ бѣлаго
Пала, выпадала мать Нѣпра̀ рѣка,
Выпадала она въ море, море Че́рное;
Съ-по́ морю, по мо́рю, морю Че́рному
Выходила она да во Турецкоё
По Турецкому морю, морю Че́рному
Выплавало оттуда тридцать ка́раблей.
Единый-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
Онъ на́передъ бѣжитъ да бывъ соко́лъ летитъ.
Еще носъ-корма въ ёмъ по звѣриному,

А какъ хоботы-ты мечетъ по змѣиному,
Бокова̀ выведены въ ёмъ да по туриному, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто хвоста было повѣшено
По тому волку да по заморскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По ты куницы по сибирскія,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто бровъ было продернуто
Какъ по черному по соболю заморскому, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Шеймы[1]) канаты были шёлковыи,
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Якори на ка́рабли булатнія,
Еще лапочки были всѣ золоче́ныя, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
И парусы на ка́рабли рущато́й камки,
Еще до́рога камо́чка е заморская.
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Еще рубка на карабли была ры́бьящета.
Въ этой бесёдкѣ ры́бьящетой
Сидѣлъ мо́лодой Со́ловей Буди́міровичъ
Еще со своей родителью матушкой,
На́ имя со Ульяной со Васильевной.
Игралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Спо́тѣшалъ свою родитель матушку,
Еще на́ имя Ульяну Васильевну.
Пріѣзжали оны ко городу ко Кіеву,
Еще ко́ тому оны ко бережку ко кру́тому,
Ко́ тому песочику оны розсы́пчатому.
Выходитъ самъ Соловей Буди́міровичъ
И самъ говоритъ да таково слово:

1) Шеймы, по объясненію пѣвца, значитъ «обснастка».

«Ай же вы моя дружинушка хоробрая,
«А васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Скидывáйте-ко вы кожáники лосиныя,
«Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурлáнъ-сукна,
«Одѣвайте-ко вы шляпоньки пуховыя,
«Берите кушаки-то все шелкóвыя
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню, мѣдью лýженую,
«Да насыпьте эту сходню чиста сéребра;
«Да выметывайте сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую *(такъ)*,
«Да насыпьте эту сходню чиста золота;
«И третью сходенку выметывайте,
«Выметывайте вы сходенку вы лýженую,
«Луженую сходню себрёлýженую,
«Себрёлуженую сходню позолóченую».
Выходитъ самъ Сóловей Будúмірович
Еще сó своей съ родителью со матушкой,
Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ай же вы дружинушка хоробрая,
«Васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Подите-тко на горку вы на конную,
«На этоей на горкѣ и на конныя,
«Гдѣ пироги и гдѣ блины́ продаютъ
«И малыи ребята тамъ барышничаютъ.
«Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то трú терема,
«Еще три терема да златоверхіихъ,
«Что верхи бы со верхамы совивалися,
«Молода Забава и Путятична
«На этыи верхи бы оглядѣлася...».

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдь государь нашъ пó день,
Выкликаетъ надёжда онъ по дру́гой,
Выкликаетъ насъ надёжда царь по третей:
«Еще всѣ же вы князи, вси боя́ри
«А всѣ думскіе царевы генерала!
«Пособите государю думы думать,
«Государю чтобы дума не проду́мать,
«Какъ бы взять бы мнѣ Азóвъ горóдъ безъ бóю,
«Безъ бою, безъ драки кроволитья».
Еще большій тулится за середняго,
А середній тулится за меньшаго,
А отъ меньшаго государю ни отвѣта нѣтъ.
Выходитъ тутъ казакъ е донскіи,
Еще онъ же молодецъ е удалы́и,
Супротивъ онъ государя становился,
Понизешенько надёждѣ поклонился:
— Охъ ты батюшко надёжда государь царь,
— Олексій сударь Михайловичъ московскій!
— Бласловите, государь, мнѣ словца молвить.
— Еще вóзьмемъ мы Азовъ горóдъ безъ бою,
— Еще безъ бою возьмемъ безъ драки,
— Еще безъ больша̀ велика кроволитья. —
По головушкѣ каза́ченка погладилъ:
«Благодарствуёмъ казакъ тебѣ донскіи,
«Еще ты же молодецъ е удалы́и,
«Еще ты же молодецъ-то есть смѣлы́е!
«Еще смѣлъ-то съ государемъ говорити:
«А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
«Я пожалую по дóрогу кафтану
«А какъ со тыма съ клинамы золотыма
«И со обвéщамы со тыма дорогима».

Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
По пяти туды казáковъ положили,
Они черныма юхтáмы накрывали,
Какъ булатнима гвоздцамы обивали.
Еще они другіе пятьсотъ тутъ снарядили,
Мякотныимъ-то товаромъ нагрузили
А туды же къ Азову пропустили.
Они стали тутъ къ Азову подъѣзжати.
Еще тутъ-то казаку ему не спится,
Еще бралъ-то онъ подарки дорогіи,
Къ самому-то онъ Санталу относился:
— Ахъ ты здравствуешь Санталъ ты е турецкій,
— Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
— Еще вó теби подарки дорогіи
— Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
— Да просилъ-то вѣдь нашъ царь тéбя бѣлый,
— Да просилъ-то онъ въ Азовѣ торговати,
— Какъ русійскихъ товаровъ продавати
— А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати —
А какъ эти ему подарки прилюбились,
Приказалъ-то онъ въ Азóвъ горȯдъ въѣзжати,
Велѣлъ кажныи телѣжки осмотрити.
Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
Еще дру́гіихъ телѣжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они возовъ-то запустили.
Они зачали въ Азовѣ торговати
А своихъ они товаровъ продавати
А заморскіихъ они стали закупати,
А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
Еще черныихъ юхтȯвъ тыхъ открывати
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
Они начали въ Азови шурмовати,
Да начали турчановъ убивати,

Много множество турчановъ тутъ прибили.
А одва-то тутъ Санталъ и самъ уѣхалъ
Еще во свою столицу въ городо́ву.
Еще тутъ казачкамъ имъ не спится,
Оны валъ-то земляной тутъ завалили
Какъ повыше стѣны они городо́вой.
Тутъ Санталъ-то онъ турецкой
Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,
Подъѣзжаетъ онъ къ Азову тутъ ко городу,
Еще началъ онъ въ Азо́въ горо̀дъ ломиться.
Еще валъ-то земляной оны розсыпа́ли,
Стѣну каменну оны да проломили,
Еще тутъ они въ Азо́въ горо̀дъ забились,
Еще начали въ Азовѣ шурмовати,
Оны стали казачковъ тутъ убивати.
Тутъ немножко казачковъ тутъ оставлялось.
Собирались казачки тутъ въ Бо́жью церковь.
Отслужили тутъ молебенъ со обѣдней:
— Еще ай же ты Микола Чудотворецъ,
— Не придай-ко намъ напрасно умерети!
— Пострижемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
— Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи,
— Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи.—
Напустилъ тутъ Микола Чудотворецъ,
Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. За́горья у Толвуи. Выучился пѣть былины у мѣстныхъ старожиловъ; земледѣлецъ.

38.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты бъ меня Добрыни не споро́дила,
«Споро́дила бы Добрыню, да на бѣлый свѣтъ не попустила,
«Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полотнище,
«Выносила бы Добрыню на гору да на Сіонскую,
«Кидала бы Добрыню во сине́ море,
«Катался бы, валялся Добрыня я по́ вѣку,
«По вѣку и по скончанію».
Испрого́воритъ его да родна матушка:
— Рада бы я, дитятко, спородити
— Во того во смѣрнаго каза́ка Илью Муромца,
— Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
Сокрутился тутъ Добрыня въ платье цвѣтное,
Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлоду́бову,
Бралъ да своего-то сиза бурушка,
Сиза бурушка косматаго,
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана.
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато *(такъ)*,

Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Выходитъ его да любимá семья,
Мóлода Настасьюшка Микулична:
— Ты куда поѣзжашь, да куды путь держишь,
— На кого ты покидаешь молоду жену? —
Испрогóворитъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же ты моя да любима семья!
«Когда стала ты у меня спрашивать,
«Тогда я буду теби сказывать.
«Поѣду я, добрый молодецъ,
«Во чистó поле поляковать, казáковать;
«Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
«Порублю я вѣдь поганыихъ татаровей.
«Сожидай-ко ты Добрыню со чистá поля ровно трú годы,
«Три годы пройдетъ, да до шести годовъ,
«Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
«Хошь вдовой живи да хошь замýжъ поди,
«Зá князя поди, хошь за боярина,
«За могучаго поди богáтыря,
«Только нé ходи за того за смѣлаго,
«Только нé ходи за Олешенку Поповича.
«Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ».
День тутъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно трú годы.
Приходитъ солнце Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
— Ты поди-ко вѣдь теперь да во замужество. —
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Сожидала я Добрыню ровно трú годы,

«Сожидать буду Добрыню до шести годовъ».
День тотъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ;
Проходило тому времечки шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ стольнё-кіевской
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Справляла я вѣдь мужéй завѣтъ,
«Справлять буду вѣдь вдовéй завѣтъ,
«Не пойду я до двѣнадцати годовъ».
День-то за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Силóй берётъ, къ ней въ думý не йдетъ.
Заводили оны тутъ да почестенъ пиръ.
У того-то вѣдь у Добрынюшки
Была малая служаночка;
Обернулась она да малой кóлпицей[1]),
Слетала она да во чистó поле,
Отыскала она Добрынюшку Микитича.
Онъ спитъ да прохлаждается
Во своёмъ да во бѣломъ шатри:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты спишь да прохлаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.

---

1) Пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица. На лужицко-сербскомъ нарѣчіи *колпъ* значитъ лебедь.

— Нѣтъ у тебя въ домѝ вѣдь любимо́й семьи,
— Мо́лодой Настасьюшки Микуличны. —
Пробуждался тутъ Добрыня со́ сну богатырскаго,
Бралъ своего да сиза бурушка
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана,
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Не́ ради красы, не́ ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Садился тутъ Добрыня на добра́ коня.
Видли добра молодца ли сядучи,
Не́ видли его поѣдучи.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во свой-то онъ да во Кіевъ градъ,
Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
Крестъ кладетъ онъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по учё́ному,
Кланяется онъ да на четыре вѣдь сторонушки,
Своей матушкѣ онъ въ собину:
«Здравствуй ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ѣду я добрый молодецъ со чиста́ поля,
«Кланяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низко́й поклонъ».
Испрого́воритъ его да родна матушка:
— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворамъ надрыгатися,
— Не отняли бы у меня да любимо́й семьи,
— Молодой Настасьюшки Микуличной! —
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ѣду я добрый молодецъ со чиста́ поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гуселышка яровчаты,

«Сапоженки на ноженки зелéнъ сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубоньку да соболиную,
«Шапочку на головочку ушистую, пушистую,
«Ушистую, пушистую, завѣсисту».
Видитъ тутъ честнà вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.
Походилъ тутъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Вси на пиру мѣста были призаняты,
Садился Добрыня по край печенки;
Вынималъ Добрынюшка гусéлышка яровчаты,
Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать
Во свои гусéлышка въ яровчаты,
Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельицо.
Испрогóворятъ тутъ да таково слово:
— Какъ бы этой малой скоморошины
— Чарочка да зеленá вина,
— Зелена вина да полтора ведра. —
Приносили ему чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Бралъ тутъ Добрыня единóй рукой,
Выпивалъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Испрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Дали мнѣ чарочку заздравную,
«Дайте-тко теперь да и забавную».
Пошолъ онъ тутъ отъ печки отъ муравлянки
Ко тому-то ко стóлу молодецкому;
Онъ спускалъ тутъ свой злаченъ перстень
Въ тую чару зелена вина.
Испрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты мóлода Настасья ты Микулична!
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Выпьешь до дна, такъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра».
Брала тутъ Настасья единóй рукой,

Выпивала вѣдь Настасья едины́мъ духомъ,
Увидла тамъ-то на́ днѣ вѣдь злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ Добрыней обручалася.
Испрого́воритъ Настасья таково слово:
— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микитиничъ!
— Бери-тко ты меня за волосы за женскіи,
— Кеди-тко *(такъ)* ты меня о бѣлоду́бовъ мостъ,
— Привяжи-тко меня къ жеребцямъ ко неученыимъ,
— Ростощили бы меня да по чисту́ полю! —
Испрого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Не дивую я полу женскому,
«Дивую своему брату́ крестовому!
«У жива́ мужа хочетъ жену отнять».
Хваталъ онъ тутъ Олешу за желты́ кудри,
Кидалъ тутъ Олешу о бѣлоду́бовъ мостъ,
Зачалъ тутъ Добрыня пощалкивать
Той-то путь-шалыгой подорожноей.
Сталъ Олеша тутъ поахкивать,
Въ охканьи не слыхать его ло́чканья[1].
И спустилъ его Добрыня со бѣлы́ихъ рукъ.
Садился тутъ Олеша покрай лавочки,
Испрого́воритъ Олеша таково слово:
— Всякій-то чертъ на вѣку-то женится,
— Не всякому женидьба удавается. —
Только и Оле́шенька женатъ бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 іюля.

---

1) Т. е. звука отъ ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

39.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Не заюшко въ чистóмъ полѣ выскакивалъ,
Не горносталюшка выплясывалъ
Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Направлялъ онъ да коня своего богатырскаго,
Увидалъ онъ во чистóмъ поли
Лань да златорогую,
Спускалъ своего да добрá коня
Во всю прыть да лошадиную;
Догоняетъ онъ да эту лань да златорогую,
Хочетъ колоть ю во бѣлýю грудь.
Испрогóворитъ эта лань да златорогая
Человѣческимъ она голосомъ:
«Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не коли-тко ты да моей бѣлóй груди!
«Я есть вѣдь не лань-то златорогая,
«Я есть Марья лебедь бѣла, королевична.
«У меня на семъ свѣтѣ положенъ вѣдь такой завѣтъ:
«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
«За того я пойду въ замужество».
Повернулась эта лань да златорогая
Въ человѣческій она образъ;
Онъ бралъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы́ руки да за златы́ перстни,
Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарніи,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
Принимали тутъ оны законъ да вѣдь супружеской.
Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
Напиваться зеленá вина онъ допьяна.
Приходитъ онъ вó свою полату бѣлокаменну,
Стрѣтаетъ его своя да любимá семья,

Испрогóворитъ Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любимá семья!
«Я теби скажу да таково слово:
«Кто у насъ да наперёдъ помрётъ,
«Тому-то сѣсть да во сырý землю.
«Ежли я да наперёдъ помру,
«Тебѣ со мной сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой землѣ;
«Ежли ты помрешь, я съ тобой буду сидѣть да во сырой землѣ».
Написали они между собой вѣдь записи.
И онъ ходитъ да на царéвъ кобакъ,
Напивается онъ да зелена вина вѣдь допьяна.
Прiѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣстъ да сорóкъ царей,
Сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сóрокъ королей да сóрокъ королевичевъ.
Оны пишутъ ко Владимiру,
Владимiру да стольнё-кiевскому:
— Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитiя. —
Собираетъ тутъ Владимiръ стольнё-кiевской
Своихъ господъ, своихъ бояръ;
Сталъ онъ тутъ Владимiръ совѣтъ совѣтовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежели намъ не отдать этой Марьи лебедь бѣлой, королевичной,
«Приведутъ нашъ стольной Кiевъ градъ во розоренiе».
На ту пору, на то времечко
Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ этую полату бѣлокаменну,
Кланяется онъ Владимiру тутъ въ особину:
— Ай же ты Владимiръ стольнё-кiевской!
— Не отдамъ я своей душеньки
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитiя. —

Бéретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ крестовыихъ,
Бéретъ стараго казáка Илью Муромца,
Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они въ платье женское,
Причесали они свои кудри русыя по женскому,
Садились они въ телѣжку во ордынскую,
Пріѣзжали оны да во чистó поле,
Роздернули оны тутъ вѣдь бѣлóй шатеръ.
Приходило тутъ сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ:
«Вѣрно что Владиміръ стольнё-кіевской
«Не посмѣлъ съ нами воевати де,
«Повывелъ онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Повывелъ Марью во чистó поле».
Испрогóворятъ тутъ оны да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣла, королевична!
«За кого же ты за насъ замýжъ идешь?»
Испрогóворитъ Михайла самымъ тонкимъ женскимъ голосомъ:
— Кто кого изъ васъ на бою побьётъ,
— За того я вѣдь замýжъ иду. —
Выходили оны татарева во чистó поле,
Тотъ того побьётъ, другой другóго побьётъ,
Не выходили-то у нихъ поединщика единаго.
Приходятъ оны опять да ко бѣлý шатру:
«Нѣтъ у насъ такого поединщика.
«За кого же нынь ты замýжъ идешь?»
Молодецко сердечко мало стéрпливалъ,
Розгорѣлось его да сердце богатырское,
Выскакивалъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со своего онъ да бѣлá шатра:
Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
Не увидѣлъ онъ меча клáденца,
Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
Выхватывалъ онъ осúщё желѣзное,

Зачалъ онъ осищёмъ тутъ помахивать,
Прибилъ онъ со́рокъ царей, со́рокъ царевичевъ,
Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
Со своима онъ съ братьямы крестовыми.
Подъѣзжаетъ онъ да ко́ своей полатѣ бѣлокаменной,
Испрого́ворятъ ему да таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Нѣтъ у тебя въ доми да любимо́й семьи,
— Нѣтъ у тебя да въ живности
— Мо́лодой-то Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Испрого́ворить Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
«Дѣлайте гробницу не малую,
«Чтобы можно въ нёй двоимъ лежать,
«Двоимъ лежать и сто́я стоять.
«Кладите-тко вы припасу съѣ́стнаго
«На три мѣсяца.
«Опущусь-то я съ ней да во сыру землю.
«У меня съ ней сдѣланы были записи:
«Который у насъ да напередъ умретъ,
«Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой земли».
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да вѣдь желты́мъ пескомъ.
Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,
При́плыло тутъ къ ней змѣищё веретéнище *(такъ)*,
Стало у ней сосать да вѣдь бѣлу́ю грудь.
Хватилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свою саблю вострую,
Хочетъ отсѣчь у ней буйну голову.

Испрогóворитъ змѣ́ищё веретéнищё:
— Не руби-тко ты да моей буйной головы!
— Много я для тéби добра сдѣлаю,
— Оживлю я тéби Марью лебедь бѣлу, королевичну. —
И даётъ ему да свой великъ залогъ,
Своего она вѣдь дѣтища.
Отплываетъ отъ этой гробницы бѣлоду́бовой,
Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,
Подаваетъ она змѣя ему живу воду.
Разъ тутъ сбрызну́лъ — она и здрогнула,
Дру́гой разъ сбрызну́лъ — она сидя̀ сѣла,
Трéтій разъ сбрызну́лъ — она да заговóрила:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гди мы теперь съ тобой находимся?»
— Находимся да во сырóй земли! —
Закрычалъ онъ своимъ гóлосомъ,
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхали его да братьицо *(такъ)* крестовыи:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырóй земли,
«Живому тѣлу съ мертвыимъ».
Приходили тутъ оны ко этой могилы ко кладбищу:
Желтой песокъ оны тутъ розсыпали,
Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь верхніи.
Выходитъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со сырой земли,
За собой ведетъ свою да любиму́ семью,
Мóлоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,
Сталъ онъ жить-то вѣдь по прежному,
Напиваться зеленá вина онъ дóпьяна.
Удаляется тутъ Михайло во чистó поле,
Поляковать онъ да и казáковать;
Порублялъ онъ да вѣдь поганыихъ татáревей
За свою вѣру́ да христіанскую.

Пріѣзжаетъ-то съ другой земли,
Пріѣзжаетъ-то король да вѣдь Ляхетскіи,
Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку
Ко Владиміру да стольнё-кіевскому:
— Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Во чисто́ поле,
— Бе́зъ бою, безъ драки, безъ великаго кроволитія. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ,
«Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Во этое да во чисто́ поле».
Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Во чисто́ поле.
Принималъ-то тутъ король да вѣдь Ляхетскіи
Ю за рученки за бѣлыи,
Увозилъ онъ во свою землю.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ:
Проходило тому ровно три годы.
Пріѣзжаетъ тутъ со чиста́ поля
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со своима онъ со братцамы крестовыми.
— Гдѣ же моя да любима́ семья? —
Испрого́ворятъ ему да таково слово:
«Увезъ твою да любиму́ семью
«Красивыи король да вѣдь Ляхетскіи».
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Поѣду я добрый молодецъ
— Во тую̀ землю́ да во Ляхетскую,
— Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Садился тутъ Михайла на добра́ коня.
Видѣли оны Михайла тутъ сядучи,
Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.

Пріѣзжаетъ тутъ Михайло во тую́ землю,
Во тую землю да во Ляхетскую,
Пріѣзжаетъ-то Михайла къ тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Усмотрѣла его да любима́ семья
Во тое́ окно да во косевчато,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Пріѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость».
Наливала о́на чару зелена́ вина,
Зелена́ вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Твоё есть дѣло вѣдь дорожноё,
«Мое дѣло есть да понево́льнеё;
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла едино́й рукой,
Выпивалъ Михайла едины́мъ духомъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свалился онъ со́ своего да со добра́ коня.
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,
«Куды надоть отвози его во чисто́ поле».
Испрого́воритъ король да вѣдь Ляхетскіи:
— Мужъ-то твой, воля́-твоя. —
Приказала она запрячь-то пару ко́ней богатырскіихъ,
Отвозила его да во чисто́ поле,
Хватала тутъ она да бѣлъ горю́чъ камень,
Колотила его да по право́й щоки:
«Окаменѣй-ко ты, Михайла, ровно на три годышка,
«Какъ три годы пройдетъ, пройди да сквозь сыру́ землю!»

Повернула его бо́льшимъ каменемъ.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Проходило тутъ время ровно годышекъ.
Стоснулось имъ, братьямъ крестовыимъ,
Старому каза́ку Илью Муромцу,
Во вторыихъ-то Добрынюшкѣ Микитичу,
Сокрутились они въ платье вѣдь нище́цкое,
Надѣвали себи трои они по́дсумки,
Шли они путемъ дорогою.
Выходитъ со́ сторонъ калика незнакомая:
— Ай же вы калики есть незнаемы!
— Возьмите меня да вѣдь во третьiихъ,
— Поверстайте меня да во ата́маны. —
Брали тутъ калику во товарища,
Поверстали калику во ата́маны.
Приходили они въ тую землю во Ляхетскую,
Становились они да противъ черто́гъ они вѣдь царскiихъ,
Закрычали они своима голосамы зычныма:
«Ай же ты король да вѣдь ляхетскiи!
«Насыпь-ко намъ трои по́дсумки:
«Одни по́дсумки-то чиста се́ребра,
«Дру́ги по́дсумки-то красна золота,
«Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу,
«Полно намъ каликамъ волочитися,
«Было бы намъ каликамъ по́ смерть ѣсть и пить».
Услышалъ тутъ король да вѣдь Ляхетскiи
Голоса да очень громкiи,
Король тутъ-то прiужа́хнулся.
И зглянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыихъ бога́тырей:
— Это вѣдь не калики есть, да есть бога́тыри,
— Моего мужа̀ вѣдь прежнаго

— Есть оны да братья вѣдь крестовыи.
— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,
— Насыпай имъ трои пóдсумки:
— Первы пóдсумки да чиста сéребра,
— Втóры пóдсумки да красна золота,
— Третьи пóдсумки да скачна жемчугу. —
Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,
Насыпали имъ да трои пóдсумки:
Одны пóдсумки да чиста серебра,
Дрýги пóдсумки да красна золота,
Третьи пóдсумки да скачна жемчугу.
Походятъ оны да во чистó полё,
Приходятъ къ этому бѣлу каменю.
Испрогóворитъ калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
«Взяли вы меня да во товарища,
«Поверстали вы меня да вo атáманы,
«Надоть намъ теперь да вѣдь живóтъ дѣлить».
Снимали они тутъ трои пóдсумки
Со своихъ они тутъ плечъ да со могучіихъ,
Клáдывали оны да вó-мѣсто.
И сталъ-то тутъ калика да незнаема
Клáдывать онъ да на четы́ре стопы.
Испрогóворятъ тутъ его братья крестовыи:
— Ай же ты калика есть незнаема!
— Взяли тебя мы во товарища,
— Поверстали тебя мы во атáманы,
— Неправильнё ты вѣдь животъ дѣлишь. —
Испрогóворитъ калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
«Поверстали меня да во атáманы,
«Я справедливо теперь животъ дѣлю:
«Который изъ насъ можетъ бѣлъ горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,

«Тому четвертая́ стопа достанется».
Бралъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Этотъ да бѣлъ горючъ камень,
Во свое колѣно здымалъ да богатырское,
Самъ-то по щёточку въ землю́ зашелъ.
Подхватывалъ тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Здымалъ-то онъ вó свою во грудь во бѣлую,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сыру́ землю.
Бралъ-то тутъ калика да незнаема
Этотъ-то да бѣлъ горючъ камень,
Кидалъ онъ черезъ свою да буйну голову.
Испрогóворилъ калика таково слово:
«Впереди стань доброй молодецъ,
«Лучше стань ты, лучше прежнаго!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовыи,
— Какъ я долго спалъ! —
Испрогóворятъ его братья крестовыи:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не былъ бы теперь ты въ живности».
Побѣжалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во Ляхетскую,
Становился Михайла противо полатъ да бѣлокаменныхъ,
Закрычалъ онъ богатырскіимъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивыи король да ты Ляхетскіи!
— Насыпь-ко ты мнѣ тоже трое пóдсумки:
— Первы пóдсумки-то чиста сéребра
— Втóры пóдсумки-то красна золота,
— Третьи пóдсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрогóворитъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!

«Приходитъ сюда мой пре́жной мужъ».
Наливала Марья чару зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перёное крылечико.
Испрого́воритъ-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зелена́ вина,
«Зелена вина да полтора ведра».
Бралъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпивалъ онъ чару едины́мъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землю́ да ме́ртвыимъ.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь Ляхетскіи!
«Ежели ты хочешь вѣдь то мной владать,
«Куда хочешь, туды его и по́дѣвай».
Испрого́воритъ красивыи король да вѣдь Ляхетскіи:
— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказыватъ его да ко стѣны́ прибить,
Колотила ёму гвоздья желѣзныи
Во бѣлы́ руки и въ рѣзвы́ ноги.
И пошла она тутъ во кузницу,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлу́ю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помяту́шился. —
Была у этого у короля да у Ляхетскаго
Едина́я дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому бога́тырю,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!

«Хочешь ли ты да на сёмъ свѣти еще живъ бывать?»
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живу́ бывать. —
Испрогóворитъ она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сёмъ свѣти живъ бывать».
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятіе.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрныимъ,
Приказала она да со стѣны-то снять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Излѣчить ему эти раны великія.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великія.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра́ коня,
— Обсѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во сняхъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра́ коня
«Обсѣдлана вѣдь и обуздана».
Не смѣняетъ *(такъ)* онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго
Къ ей крыльцу да ко перéному.
Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной, —
Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
Не видли добра молодца поѣдучи.
Уѣзжаетъ Михайла во чистó поле,
Накопляетъ силу онъ по прежному,

Пріѣзжаетъ онъ во ту землю Ляхетскую,
Ко тыимъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютаго,
Выходила она да на крылечко на пере́ное.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— Прости мня дуру жонку стра́мницу, —
— Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
— Выпей-ко чару зелена́ вина!
— Твое дѣло есть доро́жное,
— Мое дѣло есть да подневольнее —
Беретъ онъ Михайла эту чару зелена вина,
Зелена вина да во праву́ руку.
Глядитъ въ это косевчато окошечко
Молода На́стасья королевична:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Погляди-тко ты на ру́ченьку на правую,
«Зглянь-ко ты на рученьку на лѣвую!»
Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на правую,
Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на лѣвую,
Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
Что были́ у него раны превеликіи,
Спомнилъ тутъ онъ прежній завѣтъ-то свой,
Кидалъ онъ эту чару зелена́ вина,
Зелена вина да на сыру́ землю,
Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Кидалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 іюля.

X.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшаго участка земли, ему предоставленнаго міромъ, частью мірскимъ подаяньемъ. Разсказывалъ, что пѣть былины научился отъ захожихъ каргоподовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Были званы браны гости приходящіи
На почестный пиръ.
Красно солнышко на вечери,
Почестный пиръ на весели.
Всѣ на пиру да наѣдалися,
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на пиру-то поросхвастались.
Иный хвалится добрыма́ конмы,
Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
Иный хвалится золотой казной,
Глупый хвалится молодой женой.
А поросхвастался Владиміръ стольнё-кіевской:
«А у меня-то у́ князя да у Владиміра
«Есть па пиру руськіихъ могучіихъ три бога́тыря:
«Есть старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Есть Добрынюшка Микитиничъ,

«Есть Михайла По́тыхъ сынъ Ивановичъ.
«Ай же вы руськіи могучіи бога́тыри!
«По́служите-тко мнѣ князю-то Владиміру,
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную
«Да поди-тко на конюшню на стоялую,
«Во́зьми тамъ сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Во́зьми-тко ты у́здицю тесмяную,
«Поди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Во́зьми-тко ты уздицю тесмяную
«Да и по́ди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для ради крѣпости.
«Всѣ подпруги-то шелковыи,
«Шпеньки желѣза-то булатняго
«А стремена краснаго золота;
«Красно золото не ржавѣетъ,
«На конѣ добрый молодецъ не ста́рѣетъ.
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю̀ да въ Золоту орду,
«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи,

«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю̀ во Большу орду,
«Нагрузи-тко оттудова
«Тележки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
«Возьми тамъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку королевичну».
Взялъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Уздицю тесмяную
Да и по́шелъ на конюшню на стоялую;
Онъ взялъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ тутъ у́здицю тесмяную,
По́шелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ тутъ у́здицю тесмяную,
По́шелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Всѣ подпруги-то шелковыи,
Шпеньки желѣза-то булатняго,

Стремена краснаго золота;
Красно золото не ржавѣетъ,
На конѣ доброй молодецъ не ста́рѣетъ.
Садился тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
На добра́ коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Добрынюшка Микитиничъ
Садился на добра́ коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Садился на добра коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — чере́зъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Пріѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
Тутъ они крестамы-то побра́тались,
Назвалися братьями-то назва́ными:
Который скорѣе съѣзди́тъ, такъ за того Бо́га молить,
Который скорѣе помрётъ, такъ того по́минать.
Поѣхалъ тутъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Во большу землю̀ да въ Золоту орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы
Тележки-ты ордынскіи,

Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во большу землю да во Большу орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Тележки-ты ордынскіи,
Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
Къ кóролю тому къ Подольскому,
За щитомъ онъ взялъ русскую красавицу,
Марью лебедь бѣлую,
Подóлянку да королевичну,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскіи
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ онъ по змѣиному:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдайте намъ русскую красавицу,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подолянку да королевичну;
«Не такъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Станемъ держать добрыхъ кóмоней
«Отпусти-тко ты дани выходы,
«Тележки-ты ордынскіи
«Въ землю ту Бухарьскую,
«Къ королю тому Бухарьскому».
Сгóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Напиши-тко ты ёрлуки,
— Что пóсланы дани выходы
— Во землю ту заморскую,

— Къ королю да ко Бухарьскому
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ. —
Отправляется Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Сго́воритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣдешь какъ во землю ты заморскую,
«Къ королю да ко Бухарьскому,
«Который скорѣе помрётъ, такъ прожить въ земли мертвымъ три мѣсяца».
Поѣзжаетъ-то Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Въ землю ту заморскую,
Къ королю да ко Бухарьскому.
Онъ выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
— Изволь-ко ты просматривать. —
И онъ скоро роспечатывалъ, скорѣй того просматривалъ,
Ужъ онъ самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же у тебя дани выходы?»
Говоритъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
— Остались дани выходы въ чисто́мъ поли,
— Въ тележкахъ оси приломалися,
— Осталися починивать. —
Они сдѣлали дощечку на золоти.
Михайла По́тыкъ ступе́нь ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Трете́й ступилъ да и треть земли выигралъ.
Они сдѣлали другу дощечку на золоти.
Михайла Потыкъ ступень ступилъ,
Ступень ступилъ да и другой ступилъ,
Трете́й ступилъ да и полъ-зе́мли выигралъ.

Сдѣлали третью дощечку на золоти.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлу По́тыку сыну Иванову,
Налетѣлъ сизъ голубчикъ до́рогой,
Сѣлъ онъ на окошечко
И началъ выговаривать:
«Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Померла твоя русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая,
«Подо́лянка да королевична».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ бро́силъ дощечку изъ дверей въ двери,
Убилъ всѣхъ у дверей придверниковъ,
У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
Сго́воритъ царь заморскіи да и Бухарскіи:
— Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей-ко всѣхъ и до единаго,
— Оставь хоть и на сѣ́мина,
— Возьми всю землю заморскую
— Отъ царя да отъ Бухарьскаго. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ всю землю заморскую
Отъ царя да отъ Бухарьскаго,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ-то Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Ко городу ко Кіеву,
Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно ле́жа лежать,
Лежа лежать и си́дя сидѣть,
И сто́я стоять.
Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныи.

Они сдѣлали домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стоя стоять.
Клали провизьи на три мѣсяца
И сковали клещи-ты желѣзныи.
Похоронили тутъ Михайлу По́тыка сына Иванова
Съ русскоей красавицей,
Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
Съ подо́лянкой да королевичной,
Во сыру́ землю.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожи́лъ да и дру́ги прожилъ,
А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
Подплыла змѣя да подземельная,
Разъ лизну́ла гробъ, надли́знула,
Другой лизну́ла, проли́знула
Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ онъ клещамы-то желѣзныма
Змѣю да подземельную,
И говоритъ змѣя да подземельная:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Спусти меня змѣю да подземельную,
«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
«Схожу я къ синю́ морю,
«Принесу живой воды да мертво́й воды,
«И оживлю твою русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну».
Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
Сходила тутъ змѣя да подземельная
Къ синему́ морю,

Принесла живой воды и мертво́й воды.
Приноситъ-то Михайлы По́тыку сыну Иванову.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ змѣ̈ныша, ро́зорвалъ,
Разъ брызну́лъ — и сросся весь,
Дру́гой брызнулъ — зашевелился,
Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
Разъ брызну́лъ — кровь заи́грала,
Другой брызнулъ — зашевелиласи,
Третій брызнулъ — сидя́ сѣла,
И говоритъ таково слово:
— Ахъ какъ я до́лго спала! —
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабы не я, такъ ты бы и вѣ́къ не стала».
И прожили они въ земли три мѣсяца.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ;
Земля да сколыбаласи,
Вси теремы̀ да пошатилиси,
Съ церквей маковки да повалилиси;
Вси въ городи да ужахну́лися:
«Еще что это да за уродище!»
Сго́воритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Есть это Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
Выкопали Михайлу По́тыка сына Иванова
Со сыро̀й земли.
Говоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
«Дать ли тебѣ города съ пригородкамы,
«Али дать села со приселкамы,
«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:

— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селовъ да со приселкамы,
— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
— А дай ты мнѣ повольку-ту великую
— Ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
— Пить зелено́ вино безденежно,
— Гдѣ кружку, гдѣ по́лкружки,
— Гдѣ полведра, гдѣ цѣло́ ведро. —
Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ-то повольку-ту великую
Михайлу По́тыку сыну Иванову,
Ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Пріѣхало тутъ соро́къ царей, соро́къ царевичевъ,
Со́рокъ королей, со́рокъ королевичевъ
Ко городу ко Кіеву.
У кажнаго у царя да у царевича,
У кажнаго короля да королевича
Силы по три тьмы, по три тысящи.
И говоритъ-то вѣдь соро́къ царей, соро́къ царевичевъ,
Со́рокъ королей, со́рокъ королевичевъ:
«Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьи́хъ церквей,

«Будемъ держать да добрыхъ ко́моней».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхало вѣдь ко городу ко Кіеву
— Соро́къ царей, сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей, сорокъ королевичей.
— У кажнаго царя да у царевича,
— У кажнаго короля да королевича
— Силы по три тьмы, по три тысячи. —
Накрутился Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей,
Марьей лебедь бѣлоей,
Подо́лянкой да королевичной.
Приходитъ-то къ сорока царямъ, къ сорока царевичамъ
И къ сорока королямъ, къ сорока королевичамъ
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же соро́къ царей, соро́къ царевичевъ,
«Ай же со́рокъ королей, со́рокъ королевичевъ!
«А стрѣляйте-тко вы изъ туги́хъ луковъ:
«Кто ближе стрѣли́тъ, тотъ скорѣ́е придетъ,
«Кто далѣ стрѣлитъ, тотъ по́слѣ придетъ,
«За того я и заму́жъ пойду».
Тотъ стрѣлитъ да иной пере́стрѣлитъ,
А никто не можетъ пере́стрѣлить,
«Ай же вы, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
«Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ!
«Бросайте-тко дру́гъ друга:
«Кто можетъ бросить всѣхъ до единаго,
«За того я и заму́жъ пойду».
Тотъ броси́тъ того да и́ной и́ного,
Никто не можетъ бросить до единаго.

Ухватилъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куды ма́хнетъ — улица,
Отма́хнетъ — переулкамы,
Прибилъ всѣхъ до единаго,
Не оставилъ и на сѣ́мена.
Сталъ ходить по ца́ревымъ по ка́бакамъ,
Пить зелено́ вино безденежно.
Пріѣхалъ тутъ король да Политовскіи
Ко городу ко Кіеву,
Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай ты намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Будемъ держать да добрыхъ ко́моней».
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ По́тыку сыну Иванову:
— Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхалъ вѣдь король да Политовскі́и
— Ко городу ко Кіеву,
— Нагналъ онъ силы смѣту нѣтъ. —
Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приходитъ къ королю да къ Политовскому;
Онъ ухватилъ долгаго татарина,
Началъ онъ помахивать;
Куда ма́хнетъ — туды улица,
Отма́хнетъ — переулкамы.

Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...
— Уѣхала твоя русская красавица,
— Марья лебедь бѣлая,
— Подóлянка да королевична,
— Съ королемъ да съ Политовскіимъ. —
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ своего бурушка кавурушка,
Поѣхалъ онъ въ землю Политовскую.
Король да Политовскіи
Съ Марьей лебедь бѣлою
Пріѣзжали ко кресту ко Леванидову,
Раздернули они ши́рокъ бѣлъ шатеръ,
Стали опочивъ держать.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пріѣзжаетъ ко бѣлу шатру,
И говоритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
«Ай же ты король да Политовскіи!
«Есть э̂то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ».
Налила ему чару зелена́ вина
Зелена вина да забу́дущаго,
Выходитъ изъ бѣла́ шатра,
Говоритъ-то таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими чару единóй рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ;
— Некому съ намы теперь супротивиться,
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
До вина-то онъ испачливъ былъ;

Онъ принялъ чару единой рукой
Да выпилъ чару единымъ духомъ,
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична,
Ухватила какъ Михайла По́тыка сына Иванова,
Она бросила чере́зъ плечо,
Зго́ворила таково слово:
«Стань-ко бѣлой камешокъ,
«И стой-ко камень по три́ годы,
«А нѣтъ, такъ нынѣ и до́ вѣка».
И сталъ бѣлой камешокъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична,
Поѣхали съ королемъ да Политовскіимъ
Въ землю въ Политовскую.
А братьица названыи,
Старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Добрынюшка Микитиничъ,
Сплели они лапо́тики,
Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
Днемъ идутъ по солнышку,
Ночью идутъ по камешку,
Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ-то съ другой сто́роны
Старая калика сѣдатая:
«Ай же вы старыи калики сѣдатыи,
«Сѣдатыи да перехожіи!
«Рады ль вы товарища?»
Сго́ворятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая перехожая!

— Неужто мы нé ради товарища? —
Пошли оны въ землю Политовскую,
Къ королю да къ Политовскому подъ окошечко,
Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ по каличьему.
Вся земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Есть-то это деверья̀ названыи,
— А третья калика незнаема.
— Надо взять во покои во особыи,
— Кормитъ досыти, и поить допьяна,
— И дарить дóлюби. —
И взяли ихъ во покои во особыи,
Кормили досыти, поили допьяна,
И дарили долюби.
Пошли они во Кіевъ градъ,
И говоритъ-то старóй казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая, подóлянка да королевична!
«Ты не знаешь ли Михайлы Пóтыка сына Иванова?»
Отвѣтъ держитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же вы девéрьиця названыи!
— Не знаю Михайлы Пóтыка сына Иванова
— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
Приходятъ-то калики перехожіи
Ко этому ко бѣлому ко каменю.
Сгóворитъ старая калика сѣлатая,

Сѣдатая да перехожая.
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Ста́нёмте-тко дѣлить мы жи́вотовъ».
И сго́ворятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая калика сѣдатая!
— А дѣли-тко наши жи́воты. —
Онъ сталъ дѣлить ихъ жи́вотовъ
На четыре на четверти.
Сго́воритъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А что же ты, старая калика сѣдатая,
«А дѣлишь жи́воты на четыре на четверти?»
Сго́воритъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Съ того я дѣлю на четыре на четверти, —
— Кто можетъ здыну́ть этотъ камень черéзъ плечо
— И броси́ть о сыру́ землю,
— Чтобы роскололся камень на́ двоё,
— Тому четвертая четверть-то. —
Прискочилъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень въ колѣно, да въ колѣно въ землю́ загрязъ.
Прискочилъ Добрынюшка Микитиничъ
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень въ поя́съ, да въ поясъ и въ землю́ загрязъ.
Старая калика сѣдатая
Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень черéзъ плечю, бросилъ камень о сыру землю
И самъ сго́ворилъ таково слово:
— Росколись-ко камень на́ двоё. —

И роскололся камень на́ двоё,
Выскочилъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со этого со бѣлаго со каменя.
И сгóворитъ тутъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Придешь какъ ко городу ко Кіеву,
— Сострой-ко церковь-ту Миколину
— Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
Потерялась тутъ старая калика сѣдатая,
Сѣдатая да перехожая незна́емо.
Братьеца названы пошли они къ городу ко Кіеву,
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ онъ въ землю Политовскую,
Къ королю да къ Политовскому.
Приходитъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилиси,
Всѣ въ городѣ ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскіи!
— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. —
Налила ему чару зелена́ вина,
Зелена вина да забуду́щаго.
Выходитъ на крылечко на дубовоё
И говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими чару единóй рукой
— Да выпей чару едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться.
— У бабы волосъ дологъ, у́мъ коротòкъ:

— Куда ведутъ, туды идетъ,
— Куды везутъ, туды ѣдётъ. —
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ принялъ чару единóй рукой
Да й выпилъ чару едины́мъ духомъ, —
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Ухватила тутъ русская красавица
Михайла Пóтыка сына Иванова,
Снесла она его въ сѣни́ челя́дни-ты,
Рóспяла его на стѣну,
Въ руки забила пó гвозду,
Въ ноги забила пó гвозду,
Еще нѣтъ гвозда сердечнаго!
Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскіи!
«Ты спусти скорѣй меня въ сѣни челядни-ты
«Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря».
Говоритъ король да Политовскіи:
— А сходи, Настасья королевична,
— Въ сѣни челядни-ты,
— А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
Приходитъ-то Настасья королевична
Въ сѣни челядни-ты.
Нектями гвозды́ со стѣны вырвала,
Рóспяла долгаго татарина,
Михайла Пóтыка сына Иванова
Завернула въ шубку соболиную,
Повела его во покои во особыи.
Говоритъ король да Политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Кого ты ведешь въ шубки соболиныи? —

Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскій!
«Была взята маленькая дѣвушка,
«Перепала[1]) она русскаго могучаго богáтыря. —
«Съ того я веду въ шубки соболиныя»
Настасья королевична
Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
Во покои во особыи.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожи́лъ, другіе прожилъ,
Другіе прожи́лъ, третьи́ прожилъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы.
— Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было̀ бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Сгóворитъ Настасья королевична:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Проживи тко ты три мѣсяца,
«Заживи-тко ты ранки кровавыи».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прожилъ онъ три мѣсяца,
Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи,
И сгóворитъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь̀ да богатырскій бы,

1) Т. е. испугалась.

— Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подо́лянку да королевичну. —
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко
И крычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да Политовскіи!
«Не могу больше жить во покояхъ во особыихъ!
«Былъ бы мнѣ конь да богатырскія,
«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
«Была бы мнѣ да сабля вострая,
«Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
«Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
«Поѣхала бы я да обкольчужилась
«Во чисто́ поле прогуливаться».
Говоритъ король да Политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Возьми-тко ты уздицю тесмяную
— Да по́ди на конюшню на стоялую,
— Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
— Ты уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
— Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
— Тринадцатый ради крѣпости;
— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,
— Возьми тамъ саблю вострую,
— Возьми тамъ ты копье да долгомѣрное,
— Возьми тамъ ты штыки да молодецкіи. —
Взяла тутъ Настасья королевична
Уздицю тесмяную,

Приходитъ на конюшню на стоялую,
Взяла тамъ сѣделышко черкаское,
Уздала сѣдлала бурушка кавурушка,
Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый ради крѣпости.
Приводитъ ко крылечку ко дубовому,
Приходитъ во покои во особые,
Говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А убей-то русскую красавицу,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну,
«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,
«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...
«Ты примешь чару едино́й рукой,
«Ты выпьешь чару едины́мъ духомъ,
«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —
«Выхватитъ она у тебя саблю вострую,
«Отсѣкетъ тебѣ буйну голову».
Садился тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ на добра́ коня,
Поѣхалъ онъ да обкольчужился;
Прiѣзжаетъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Всѣ теремы да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сго́воритъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же ты король да Политовскiй!
— Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ. —

Налила ему чару зелена вина,
Зелена вина забуду́щаго,
Выходитъ на крылечико
И говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты при́ми чару едино́й рукой
— Да выпей едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться;
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
И Настасья королевична
Отпираетъ свое окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не прими ты чару едино́й рукой
«Да не выпей чару едины́мъ духомъ,
«А убей ты русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву
«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу».
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Занесъ саблю вострую
Да убилъ тутъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подо́лянку да королевичну.
И пошолъ онъ во покои во особые
Къ королю да къ Политовскому;
Онъ хотѣлъ убить короля да Политовскаго;
А выходитъ-то Настасья королевична,
Захватила Михайлу По́тыка сына Иванова
И начала она его да уговаривать:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А не убей-ко ты моего батюшка,
«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,

«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу».
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Они приняли по злату вѣнцу,
Съ Настасьей королевично̀й
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Состроилъ онъ церковь-ту Миколину
Своему ангелу, Михаилу архангелу.
Старину спою синему морю на ти́шину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Тамбицѣ, 10 іюля.

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподъ той ли сподъ березы кудреватыя,
Сподъ того ли сподъ креста Леванидова
Выходило четыре тура̀ да златорогіихъ,
Шли эты туры́ да мимо Кіёвъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно̀,
Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно̀:
А по той ли стѣны по городовыи
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаётъ святу книгу евангельё,
А не столько читаё, вдвоемъ она́ плачётъ.
Стрѣтилась турица ихна матушка:
— Здравствуйте туры̀ да малы дѣтушки! —
«Здравствуёшь турица наша матушка!
«Шли ми туры̀ да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно̀,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно̀:
«А по той ли стѣны по городовыи
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,

«А читаё ṡвяту книгу евангельё,
«А не столько читаё, вдвоемъ она́ плачетъ».
Говоритъ турица ихна матушка:
— Глупыи туры́ да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городо́вая.
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ несчастьицо,
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподъ той ли сторонушки съ восточныи
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со тымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы́ шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А й у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А й у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дьячка да у выдумщичка
Силы сорокъ тысячей.
А не случилоси во Кіеви бога́тырей:
А старо́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны.
А случилоси во Кіеви голь кабацкая,
А Василей сынъ Игнатьевичъ.
Направляётъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдь сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдь зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдь того ли дьячка да выдумщичка.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай Батыга опохмѣ́ли мою буйную головушку!

«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныи».
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ едино́ю рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей».
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатьевичъ на чисто́ на полё,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Началъ онъ той силушки порубливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы̀.
А приходитъ то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, опохмѣль-ко мою буйную головушку».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему дру́гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей едино́й рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ.
Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныи.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто́ на полѐ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,

Сталъ онъ вѣдь силушку пору́бливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы̀.
Приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Опохмѣль-ко, Батыга, буйну голову».
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино́ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
Принимаетъ-то Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины́мъ духомъ,
Говоритъ-то Василей таково слово:
«Еще знаю я во Кіеви воротця не заперты,
«А не заперты воротця не заложеныѝ.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей».
И далъ ёму силы сорокъ тысячей.
А поѣхалъ Василей на чисто́ на полѐ,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Сталъ онъ той силушки пору́бливатѝ,
Онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы̀.
А богатырскоѐ сердце розгорѣлоси,
Богатырская рука да размахаласи,
Пріѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдь,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатѝ,
Началъ онъ той силушкѣ порубливатѝ,
Онъ прибилъ, прирубилъ до еди́ной головы̀.
А поѣхалъ-то Василей въ славный Кіевъ въ славный градъ.
А старину споемъ синему морю на ти́шину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника да королевскіихъ
Пріѣзжали къ дядюшкѣ,
Чолпанъ король Литовскому:
— Дядюшко Чолпанъ король Литовскіи!
— Мы хочемъ ѣхать на святую Русь
— Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ. —
И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король Литовскіи:
«Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
«Два племянника королевскіихъ!
«Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
«А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.
«Поѣзжайте-тко во чисто́ поле:
«Во чисто́мъ поли есть вѣдь по́гребы тамъ глубокіи
«А насыпаны они золотомъ:
«Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдь».
Оны съѣздили да во чисто́ полё,
Оны взяли это золото,
Пріѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому
И говорятъ да таково слово:
— Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король Литовскіи!
— А мы хочемъ ѣхать на святую Русь,
— А на святую Русь да въ каменну́ Москву. —
Оны здумали да й поѣхали.
Наѣзжали въ Росѝ они перво́ село,
Велико́ село да ровно три церквы;
Они ѣли пили да й пограбили,
Велико́ село да о́гню при́дали.
Наѣзжали въ Росѝ они друго́ село,
Велико село да вѣдь шесть церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,

Великó село да óгню придали.
Наѣзжали въ Росѝ они третьё село,
Великó село да девять церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,
Великó село да óгню прúдали.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Грозному царю Иванъ Васильевичу:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да проклаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Наѣзжало вѣдь два Ливика литовскіихъ,
«Два племянника да королевскіихъ,
«Наѣзжали въ Росѝ первó село,
«Великó село да ровно три церквы;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село да óгню прúдали.
«Наѣзжали въ Росѝ они другó село,
«Велико село да вѣдь шесть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили.
«Велико село óгню прúдали.
«Наѣзжали въ Росѝ они третьё село,
«Велико село да девя́ть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село óгню прúдали.
«Увезли они Настасью Митріевну
«А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ бралъ себи силушки по надобью,
Онъ бралъ силушки три дружинушки;
Пошли оны къ рѣки да къ Смородины;
Онъ сдѣлалъ тутъ да три жéребья.
Первый жеребей бросилъ нá воду,
А тотъ жеребей да вѣдь кó дну шолъ:
«А этоёй дружинушкѣ убитой быть».

Онъ сдѣлалъ дру́гой жéребей,
Онъ вѣдь бросилъ éго нá воду,
А пошолъ тотъ жеребей въ пово́дь воды:
«А эта дружинушка въ полонъ будетъ взята».
Сдѣлалъ трéтей жéребей,
Онъ бросилъ его вѣдь нá воду,
Пошолъ жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
«Этая дружинушка со мной будетъ».
И пошли они да во чистó поле.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«Я какъ первой разъ закры́чу чорнымъ ворономъ,
«Вы ѣшьте, пейте да вѣдь кушайте;
«Втóрой разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы быдьте при всёй при орудіи;
«А третій разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы, дружинушка хоробрая,
«Вы при мни быдьте».
И пошолъ тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ зашолъ въ ложню въ оружейную,
А замочики отъ оружьицевъ онъ по́розвертѣлъ,
По чисту́ полю да вѣдь порóзбросалъ,
Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ пóотщипалъ,
По чисту́ полю всѣ порóзбросалъ;
Зашолъ онъ въ стойло лошадиное,
А головушки у лошадушокъ онъ пóотрубилъ,
По чисту́ полю-то всѣ порóзбросалъ.
Обвернулся онъ да горносталечкомъ
И началъ по бѣлу́ шатру онъ побѣгивать,
А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продрагивать.
А говорилъ-то тутъ младенчикъ таково слово:
«А не нашъ ли то дядюшка побѣгиваетъ,
«Что бѣлъ шатеръ да продрагиваетъ?»
Этые да два Ливика да литовскіихъ,

Два племянника королевскіихъ
Пріокрыли шубой соболиною.
Выскочилъ горносталечекъ во шубнóй рукавъ,
Обвернулся онъ да чорнымъ ворономъ.
Онъ вѣдь сѣлъ да на сы́рой дубъ,
Закрычалъ онъ чорнымъ ворономъ;
А хоробрая да дружинушка
Оны ѣли пили да вѣдь кушали.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«Не крычи-тко черной воронъ на сырóмъ дубу!
«Мы скоро тебя да позáстрѣлимъ».
А бѣжали въ ложню въ оружейную
А замочики да порозверчены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
А втóрой разъ закрычалъ чорный воронъ на сырóмъ дубу;
Вся хоробрая дружинушка обкольчужилась.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«А не крычи-тко чорный воронъ на сырóмъ дубу!
«А мы скорó тебя да й позáстрѣлимъ».
А хватились они да за туги́ луки,
А тетивочки пріотщипаны,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Закрычалъ-то третей разъ чернóй воронъ;
А бѣжали они въ стóйлу лошадиную, —
А у лошадушекъ головушки поотрублены,
По чисту́ полю да порозбросаны.
Поскакала тутъ дружинушка хоробрая,
Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
Они взяли, руки ноги имъ повыломали,
Посадили ихъ да на лошадушки
А отправили ихъ въ землю-ту Литовскую,

Къ дядюшкѣ Чолпанъ король Литовскому.
И такую оны дали заповѣдь:
«Не дай Богъ да не дай Господи
«А бывать больше на святой Руси,
«Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 іюля.

XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ, изъ Типеницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица пѣть былины и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она пѣвала.

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говаривалъ Добрынюшка матушки,
Говаривалъ да самъ наказывалъ:
«Свѣтъ ли государь да моя матушка,
«И честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго ро́дила?
«И ужъ какъ ты бы ме́ня ныньку ро́дила
«И во синё бы море бѣлымъ камешко̀мъ бросила,
«И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
«И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
«И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодцевъ
«И не слезилъ бы Добрыня отцевъ ма́терей.
«И ужъ какъ нонечку, матушка, таперечку,

«Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
«И прощенье дай да и благословленьице
«Мнѣ-ка ѣхать въ да́лече дале́че во чисто́ поле.
«И ужъ ты дашь прощенье, и поѣду я,
«А й не дашь прощенье, да й поѣду я».
И заходилъ-то ёнъ въ конюшню бѣлоду́бову
И бралъ себи коня не сѣдлана,
А й не сѣдлана бралъ да не ѣзжана,
И ужъ ёнъ уздицю-ту надѣвалъ тесмяную,
И сѣделышко по́лагалъ черкальское,
Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
И не ради красы да молодецкоей,
Ради крѣпости да богатырскоёй.
И ужъ какъ шелкъ-тотъ не́ рвется, булатъ не́ гнется,
Красно золото не ржавѣетъ.
И выходитъ мо́лоды *(такъ)* Настасья да Микулична,
Она спрашиваетъ у Добрыни у Микитича:
— Ай же ты Добрынюшка Никитинъ сынъ!
— И ужъ ты какъ же нынька мнѣ волю дашь:
— А й вдовой ли жить, аль заму́жъ пойти? —
«Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична,
«Ужъ какъ мужъ-то въ лѣсъ, а жена замужъ!
«Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ, —
«Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
«И пожди-тко Добрыню вто́ро шесть годовъ;
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ иди.
«Хоть ты поди нонь за князя, за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
«И только не́ ходи нонь за Олешу за Поповича
«И за бабьяго да пересмѣшника».
И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
Ужъ не видли Добрынюшки поѣдуци.

Только въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
Поднималася погода непомѣ́рная
А й отъ ископоти да лошадиноей.
И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылаетъ ныньку свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
— И ужъ я ждала Добрынюшкю перво шесть годовъ. —
— Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
— Ужъ я прожду Добрыню вто́ро шесть годовъ. —
И ужъ какъ ждала Настасья вто́ро шесть годовъ,
Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
И ужъ какъ тую пору да въ тое времечко
Честна̀ вдова Офимья Олександровна
Она пошла ко честно́й обѣдни ко заутреной.
Въ тую пору да въ то времечко,
Идетъ съ да́леча дале́ча со чиста́ поля
Три калики перехожіихъ.
И ужъ какъ гунья-ты на нихъ да сорочинскіи,
По́дсумки да рыта бархату
И лапо́тики на ножкахъ и семи шелковъ
И въ носу вплетено по камешку по яфанту.
Они въ день идутъ по красному по солнышку,
Они въ ночь идутъ по камешку по яфанту.
Перва калика перехожая
Она спрашивала пути ши́рокой дороженки
И въ да́лече въ дале́че во чисто́ поле.
И ужъ какъ дру́га-та калика перехожая
Ена проситъ милостинки да подъ окошечкомъ.
Третья-та калика перехожая
Ена безъ-прося̀ *(такъ)* зашла да на вдовиный дворъ,
И ужъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ да по ученому

И что на вси на четыре нонь на стороны,
И ужъ какъ молодо̀й Настасьѣ нонь въ особину.
И ужъ молода Настасья да Микулична
Она съ лавочки не стала и поклону-то не во́здала.
И спрого́воритъ калика перехожая:
— А й упито было-то, уѣдено,
— И въ краснѝ-то было похожено,
— На добрыхъ коняхъ было поѣзжено!
— И ужъ какъ нонечку было топеречку
— Съ лавочки не станутъ, намъ поклону-то не во́здаютъ. —
И поворотъ держитъ калика перехожая
И во да́лече въ дале́че во чисто поле.
И приходитъ богода́ная ёйна матушка
И честна̀ вдова Офимья Олександровна
И отъ честно̀й отъ обѣдни отъ заутреной.
Какъ расказыватъ мо́лоды Настасья да Микулична:
«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты была у честной обѣдни у заутреной,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,
«Приходило три калѣки перехожіихъ,
«И ужъ какъ гунья-то на нихъ да сорочинскія,
«По́дсумки да рыта бархоту
«И лапотики на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу вплетено по камешку по яфанту.
«Ены въ день идутъ по красному по солнышку,
«Ены въ ночь идутъ по камешку по яфанту».
И спрого́воритъ честна вдова да Олександровна:
— Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична!
— Не калики-то были перехожіи,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три бога́тыря:
— Первый бога́тырь Илья Муромецъ,
— И другой бога́тырь По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,

— И ужъ какъ третій-то бога́тырь Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
И ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
И ужъ ёнъ свата посылалъ ныньку свататься,
И княгиню Опраксію свахою.
А й отказыватъ Настасья всихъ сватовей:
«Ужъ я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужъ я ждала Добрыню вто́ро шесть годовъ,
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«То что мнѣ-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть заму́жъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
Тутъ-то вѣдь Настасья Микулична
Она спрашиватъ у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— Какъ же мнѣ-ка ныньку волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль заму́жъ пойти? —
Какъ говоритъ она да таковы слова:
«Ай же ты мо́лоды Настасья да Микулична!
«И теперь теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть заму́жъ поди».
И ужъ какъ тутъ Настасьюшка заму́жъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересмѣшника.
И ужъ какъ тутъ у Солнышка нынь пиръ пошолъ,
Прибѣгала съ да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,

Прибѣгала скора скоморошина
Ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
Говоритъ она да таковы слова:
— И ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Ужъ ты дай-то мнѣ Добрынинъ гусёлышокъ,
— И поиграть у Солнышка у князя на пиру́ вѣдь все. —
Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— Дай же ныньку мнѣ-ка мѣстьце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гуселышка. —
Говоритъ солнышко князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты скора скоморошина!
«Ужъ какъ мѣстьця-ты вси да призаняты,
«Столько мѣстьця что на печки на муравленой».
И ужъ какъ скочитъ скора скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Сталъ играть въ Добрынины гусёлышка;
Ужъ ёнъ также играетъ что Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Онъ съ Кѣева игралъ все до Нова́града,
А й съ Нова́града игралъ да все до Кіева.
И ужъ какъ Солнышку игра та прилюбиласи,
Налилъ ёму чару пива пьянаго,
Другу-ту налилъ зелена́ вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошинѣ:
«И ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей-ко чару едины́мъ духомъ».
Ужъ какъ бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпилъ чару едины́мъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошинѣ:
«Ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей чару едины́мъ духомъ».

И говоритъ-то скора скоморошина:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— И кому знаю, эту чару пóднесу. —
И подноситъ чару нонь мóлоды Настасьи да Микуличной:
— Мóлоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару единóй рукой,
— Выпей чару едины́мъ духомъ.
— Ужъ ты пьешь до дна — уви́дишь добра,
— А й не пьешь до дна — да не видать добра. —
Брала она чару единóй рукой,
Пила чару едины́мъ духомъ;
Тамъ на дни лежитъ да перстень обрученыи,
Съ которыимъ съ Добрыней обручалаcи.
И ужъ какъ тутъ-то Настасья пріужáхнулась,
Говоритъ она да таковы слова:
«Какъ не тотъ мой мужъ, кой возли́ меня,
«А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня».
И ужъ какъ брала его зá руки за бѣлыи
Да зá него за перстни за злаченыи,
И цѣловала въ уста-то во сахарніи.
И ужъ какъ тутъ-то нынь Добрынюшка Микитинъ сынъ
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
— Не дивую я да глупой женщины,
— Дивую я Солнышку князю стольнё-кіевску,
— Отъ жива мужа жону óтводитъ. —
И ужъ какъ бралъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ Олешу на кирпиченъ мостъ,
Только-то Олешенька и женатъ бывалъ.

Записано въ Типеницѣ, 10 іюля.

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да цѣлу тысящу,
И за тымъ Буславъ да переставился.
Оставлялоси да чадо милое,
А й милоё дитя да что любимоё,
Еще мо́лодой Василій да Буславьевичъ.
И онъ сталъ на улицу похаживать,
Съ малыма ребятками побалывать,
Не хоро́ши у него да по́шли шуточки:
И кого ёнъ возьмётъ за руку,
У того руки да быдто не было,
И кого ёнъ возьмётъ за ногу,
У того ноги да быдто не было.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честно́й вдовы Намельфы Тимофеевны,
И творятъ на него́ жалобу великую:
«Честна̀ вдова Намельфа Тимофеевна!
«Уйми-тко свое да чадо милое,
«А и милоё дитя да что любимоё,
«Мо́лода Василья да Буславьева.
«Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
— Я теперь тебя матушка послушаю. —
Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлыватъ,
Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
Кому хочется да сыто есть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.
И по́шли мужики да новгородчана,
По́шли старыи да идутъ малыи,
А еще къ ему да идутъ древніе.
Спрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:

«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И пóшли мужики да новгородчана,
Идутъ старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:
«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ».
И пóшли мужики да новгородчана,
И пóшли старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:
«Не наполнить буде пива пьянаго,
«Не насытить буде меду сладкаго».
Испрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:
«Кто истерпитъ мой черленый вязъ,
«Тотъ выпьетъ чару зеленá вина,
«Поклонъ поставитъ да й во дворъ пойдетъ».
Еще какъ большій ту́лится на сере́дняго,
Середній-то тулится да на меньшаго,
Отъ меньшаго братà отвѣта нѣтъ.
Пошли мужики да новгородчана,
И говорятъ оны да таковы слова:
— И не упито-то было да не уѣдено,
— И въ красни̂-то хорошо не бы́ло хожено,
— На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
— Безвѣчья на вѣкъ призали́зано[1]). —
И ужъ тутъ какъ нынь Василій да Буславьевичъ
Допьяна да ёнъ вѣдь напивается,
Испохмѣльица да зашолъ въ маленьку,

---

1) Т. е. найдено, получено, отъ глагола *лъзть*, *залъзать*.

Въ маленьку зашолъ да во челя́динку,
И съ похмѣльица да плотно спать заснулъ.
И провѣдала его да родна матушка,
И заворочала дубьемъ да колодьямъ нонь,
Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка,
На Дунай рѣку идетъ пó воду,
И сама Василью нынько гóворитъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Долго спишь ты, вѣдь не пробудишься,
«И твоё братьё, дружина все хоробрая,
«Въ дáлечи далéчи во чистóмъ поли
«А и бьются нонь они да ратятся,
«Главы кушакамы перевязаны,
«И ужо оны да во руды́ ходятъ».
Спрогóворитъ Василій да Буславьевичъ:
— Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
— И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
— И сроботай-ко роботу не тяжелую,
— И отворочай-ко все дубьё да колодья нонь
— И повыпусти Василья на святую Русь. —
Послушала его вѣдь дѣвушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодья нонь
И повыпуститъ Василія на святую Русь.
И ужъ какъ нáскори попала тутъ телѣжна ось,
Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана
Пошли къ старци́щу, пошли къ Ондрóнищу
И къ его оци́щу[1]) таки крёстному:

---

1) Отъ слова *отецъ*.

«Ай же ты ста́рчище, ай же Ондронище!
«И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
«Еще мо́лода Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на се́мена».
И пошолъ старци́ще, пошолъ Ондро́нище,
И на главы-то несе колоколъ,
Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старци́ще, ай же ты Ондронище,
— Да мое оцищё таки крестное!
— Не дано яицко ти христовское,
— Вотъ теби яичко нонь петровское.
— И ужь ты взглянь-ко на́ небо,
— Что на́ неби-то дѣется. —
И взглянулъ старчи́ще, взглянулъ Ондронище,
И у́перъ старчища да подъ ясны́ очи,
И у́палъ старчище да о сыру землю.
Только старцищё да вѣдь ёнъ живъ бывалъ.
Ужъ какъ тутъ-то нонь Василій да Буславьевичъ,
Ужъ какъ сталъ онъ осью-то помахивать,
Сталъ мужиковъ доколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честно̀й вдовы да къ Тимофеевной,
И говорятъ оны да таковы слова:
«И честна̀ вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
«И уйми-тко свое чадо милое,
«А и милоё дитё любимое,
«И что мо́лода ль Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на се́мена».
И ужъ какъ тутъ честна̀ вдова да Тимофеевна
И садилась ёна да на добра́ коня
И поѣхала во да́лече въ дале́че во чисто́ поле,
А еще къ нему сзади́ да призаѣхала

И захватила ёго за руки за бѣлыи
И за него перстни что за злаченые,
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты да мое дитятко,
— И ужъ ты мóлодой Василій да Буславьевичъ!
— Теби полно во поли нонь поляковать,
— И оставь-ко мужиковъ хоть и на сéмена. —
И говоритъ-то нонь Василій да Буславьевичъ:
«Ай же ты да моя матушка!
«Кабы ты ко мнѣ да спереди́ зашла,
«Я теперь бы тебѣ живой да нé спустилъ, —
«И росходилось мое сердце богáтырское.
«Я теперь тебе матушка послушаю.
«Ай же вы дружьё братьё хороброе,
«Садитесь-ко на нáсады черленые,
«Поѣдемте по славному веряжскому!»
И поѣхали по славному по веряжскому,
Заѣхали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Столько лежитъ-то на горы да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣчецка.
И ужъ какъ сталъ Василей кости-то попинывать
И суху главу да поталыхивать *(такъ)*:
— Ты провѣщись-ко да кость суха глава,
— Кость суха глава да человѣчецкіимъ голосомъ,
— Али ты кость да е мошенницка,
— Али ты кость да подорожницка,
— Али ты кость да е татарская,
— Али ты кость да е крестьянская? —
И провѣщилась да кость суха глава
И человѣчецкіимъ голосомъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ты меня кости не попинывай,
«И сухой главы не поталыхивай.

«Я вѣдь кость-то не мошенницка,
«Я вѣдь кость не подорожницка,
«Я вѣдь кость-то не татарская,
«Я вѣдь кость была крестьянская.
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ужъ какъ тутъ же будешь ты кататися,
«Тутъ же будешь ты валятися».
Ужъ какъ тутъ Василью стосковалоси:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И пойдемте по горы по сорочинскія. —
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да нé нашли;
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешокъ,
И на камешкѣ подпись-то подписана:
И кто заѣде на гору на сорочинскую,
И скочитъ-то вдоль да бѣла камешка.
И въ долину-то камень сорока саженъ,
А въ ширину-то камень тридцати саженъ.
И ужъ тутъ-то какъ Василью призахвáстнулось:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
— И ужъ какъ я удалый добрый молодецъ
— Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
И самъ завéлъ скочить, но не дóскочилъ,
И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смерть случилося.
И метали они сходни-ты дубовыи,
И ужъ какъ ставили кресты животворящіи.
Спасетъ-то Богъ теби на тишины,
И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

II.

ПУДОГА.

ПУДОГА.

XII.
НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ маленькой бородкой; живетъ земледѣльческимъ трудомъ. Перенялъ всѣ былины, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ разсказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сиживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былины. Тутъ-то мальчикъ-пастухъ, прислушиваясь къ пѣнію старика, перенялъ отъ него многія изъ былинъ, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставалъ къ этому старику, чтобы ему спѣлъ что нибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинъ; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что нестрогое соблюденіе ихъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ.

Впрочемъ, не смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по напѣву между былинами, сложенными хореическимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе цѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальныя мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинъ, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыбн., т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

45.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Народился Микулушка Селя́гиновичъ,
А тотъ этотъ Вольга̀ да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да́ въ глубоки́ станы,
А птицы улетѣли во темны́и лѣса̀,
А звѣри-то ушли за круты́и горы̀.
Да тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ,
А тутъ Вольга̀ да Всеславьевичъ,
Повязали оны неводы шелко́выи,
А ту эту рыбушку повы́ловили.
А поладили петелки шелковыи,
А ту эту птичушку повы́давили.
А поладили оружьица цильніи,
А этыихъ звѣрьёвъ да повы́стрѣляли.
Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что́ было,
Въ поли ратай орéтъ, сошка наскрыпливаетъ.

Какъ тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ
Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
А нашолъ онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
«А Богъ-ти помочь ратай здѣ».
— А ты этые Вольга̀ Всеславьевичъ,
— А пожалуй-ко Микулушка Селя́гиновичъ! —
Ино тутъ дубья да колодья въ борозду валитъ.
— Ай же ты Вольга̀ да е Всеславьевичъ [1]). —
А тутъ-то оны да согласилиси,
А тутъ-то оны да думу думали
А ѣхать тутъ оны во Куржовецъ,
А ѣхать молодцамъ да во Орѣховецъ
А со своей со силушкой великою.
А набъ-то [2]) Вольгѝ да сошка о́брядить.
А подхватилъ-то своимъ чоботомъ сафьяныимъ
А тую-то сошку да ратную,
А улетѣла тая сошка по подоблачью,
А пала тая сошка на сыру́ землю,
А ушла тая сошка до рогача́ она
А во тую матушку во сыру землю.
Ино поѣхали они добры молодцы
А ко тому ко городу ко Куржову,
А ко Куржову городу къ Орѣхову.
Какъ тыи мужики были куржевски
А тыи мужики было орѣховски
А узнали ихъ-то ѣдучи,
Что ѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовецъ,
А ѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховецъ;
Подѣлали мосточики поддильніи,

---

1) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладица, Прохоровъ не могъ лучше припомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

2) *Набъ* — надобно.

Поддильніи мосточки все кали́новые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточики фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той.
Какъ тутъ-то Микулушка Селя́гиновичъ,
А какъ тотъ это Вольга̀ Всеславьевичъ
А тутъ-то оны да розсердилися,
А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
Да заѣхали молодцы да во Куржевецъ,
А заѣхали оны да во Орѣховецъ,
Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
А нахлыстали-то ихъ всихъ до́ люби:
Каково вамъ мужики да за дурачество!
Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
Да поѣхали тутъ по чисту́ полю.
Да одва гонится Микулушка Селя́гиновичъ
А за этимъ Вольго̀й да Всеславьевичемъ.
Какъ говоритъ Микулушка Селя́гиновичъ:
«Обожди-тко меня да братъ названыи,
«А ты эты да Вольга̀ Всеславьевичъ».
Обождалъ тутъ его Вольга̀ да Всеславьевичъ,
А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
А цѣны цѣнить кобылушки той:
«Да эта кобыла у тебя была со́ловая,
«Дать за эту кобылу нунь пятьсотъ рублей.
«А кабы этая кобылушка конёмъ была,
«Дать за этого коня цѣла тысяча».
— Да ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А не знаешь моей кобылушки цѣны ты цѣнить.
— Кабы этая кобылушка конёмъ-то была,

— Дакъ за этого коня цѣны нé было бы.
— А нунь эта кобылушка кобы́лой сталà,
— Дать за этую кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

46.

ИЛЬЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на сѐло на прекрасное,
На стольнёй-отъ городъ на Кіевъ градъ
Наѣзжай молодой младо̀й Соло́вниковъ,
А зъ-за того за славна за синя́ моря,
Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика:
«Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
«А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
«Какъ ежели какъ не даéшь какъ мнѣ,
«А я-то вѣдь вашъ стольній Кіевъ градъ
«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнёй покачу».
Какъ тутъ ужъ князь стольнё-кіевской
А шолъ-то онъ на выходы высокіи
А закрычалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучіи бога́тыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнёму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крыкъ
А старыи казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новы́мъ сѣнямъ,

Какъ по тыи по гридни по столовыи,
Идетъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостинки подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да на́ пяту
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнё-кіевской
«А со своей княгинёй со Апраксiёй!
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ли,
«А насъ русiйскiихъ могучiихъ бога́тырёвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣтъ держитъ:
— Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не крычать, не треложить мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ зъ-за славна за синя́ мора
— Молодой младой сюды Соло́вниковъ,
— Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика,
— Какъ говоритъ-то ми онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не да́ешь нунь,
— «А я вашъ стольнёй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ коньца его зажгу,
— «Головнёй его покачу».—
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повыслушалъ,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А розлетѣлся столъ на вси стороны:
«Да ай же ты князь стольнё-кіевской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнёй-отъ городъ я за Кіевъ градъ».

Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ держалъ,
Приходилъ Ильюшенка назадъ домой,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра́ коня,
А добраго коня богатырскаго,
Кла́дывае подпруги на подпруги,
А кла́дывае потнички на потнички,
А кла́дываетъ войлочки на войлочки,
Сѣдёлка кладыва́етъ на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
А ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладыва́е, самъ выговариваетъ:
«А не для-то вѣдь, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь мнѣ было угожества,
«А для укрѣпы мнѣ богатырскіи».
Какъ видли-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видли какъ уда́лаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чисто́ полё,
Какъ пріѣзжатъ Ильюша на Соло́вника
Изъ далеча изъ чиста́ поля.
Какъ ударилъ онъ Соло́вника въ голову
А палицой своёй богатырскою,
Какъ сидитъ что ль Соло́вниковъ, не стря́хнется,
Какъ жолтыи кудёрка не своро́хнутся.
Отъѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумался:
«А колько ни татаръ я на вѣку́ бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разу́ я все по́шибалъ,
«А этого вѣдь татарина не мо́гъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стря́хнется,
«А жолтыи кудёрка не сворохнутся».
Какъ приправливалъ Ильюшенка опять онъ добра́ коня
А на того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника опять ёго въ голову
А палицой своёй богатырскою,

А сидитъ что Соловниковъ, не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Какъ отъѣзжалъ Ильюша на чистó полё,
На чисто поле далечошенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумался:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчистъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрныи!
— А ѣдьте вы за славно за синё море
— А ко моей ко рóдныи ко матушки,
— А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ.
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ изъ далеча ко мнѣ изъ чистá поля
— А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
— А нуньчу у меня топерь у мóлодца
— Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается,
— Мозги въ головы потрясаются,
— А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
Какъ тутъ ёго слуги-ты вѣрныи
Поѣхали туды оны съ извѣстьицомъ,
Какъ со тыимъ извѣстьицомъ нерадостнымъ.
Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
Опять-то онъ приправливалъ добрá коня
На того на млáда на Солóвника.
Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
Палицой своёй богатырскою,
А сидитъ-то что Соловниковъ, не стря́хнется,
Опять жолтыи кудерка не сворохнутся.

Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
Какъ говоритъ тутъ Илья таково слово:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Да полно е намъ да биться ратиться,
«А лучше мы еще, доброй молодецъ,
«Опустимся мы нунь со добры́хъ коней,
«Станемъ нунь биться рукопашкою».
Какъ тутъ-то вѣдь спускалися оны съ добры́хъ коней
А на тую-то матушку сыру́ю землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Какъ тутъ-то розошлись, розбѣжалися,
Ильюшенка да былъ онъ свыченъ-то,
А свыченъ-то Ильюшенка, догадливъ онъ,
Какъ скоро обскочилъ на око́лъ ёго,
Ударилъ-то вѣдь въ суты́чъ да во шею-то,
Мо́лода ударилъ онъ Соло́вника.
Какъ сбилъ тутъ ёго да на сыру землю,
Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
А сѣлъ-то къ ёму на бѣлу́ю грудь,
А выдернулъ ножи́що самъ кинжа́лищо,
Занёсъ тутъ Ильюшенка праву́ руку
А на того на мла́да на Соло́вника,
Тутъ рука въ плечи застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Ты скажи, скажи, не утай себя,
«Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
«Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
«А ты скажи, скажи да коѐй орды,
«Ты еще скажи мнѣ да былъ коѐй земли?»
Какъ го́воритъ Соло́вникъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.

— Какъ былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Да не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ бы у тя ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я ти бѣлу́ю грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ да праву́ руку,
Да рука въ плечи тутъ застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
«Ай же ты удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Кое́й-то ты орды есть, коёй земли,
«А ко́ёго отца да ко́ей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Говоритъ онъ тутъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Нонь ты надо мной надсмѣхаешься,
— Сидишь ты на моёй на бѣло́й груди.
— Былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ, свою праву́ руку,
Да рука тутъ въ плечи да застояласи.
А началъ тутъ Ильюша онъ доспрашивать:
«Ай же удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Кое́й-то орды есть, кое́й земли,
«А ко́ёго отца да ко́ей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Какъ началъ онъ затымъ ему высказывать:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!

— Какъ былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь!
— Когда началъ ты вѣдь нунь выспрашивать,
— Когда началъ нунь ты вѣдь довѣдывать,
— Какъ я тебѣ скажу нунь поро́зскажу:
— Есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря,
— А есть-то молодой младо̀й Соло́вниковъ,
— А есть то я отъ матушки Натальюшки,
— А вѣдь батюшка не знаю я какой-то былъ.—
Скочилъ тутъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Здымаетъ онъ за рученки за бѣлыи:
«Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
«Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
«Какъ полно е намъ биться ратиться,
«Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ».
Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
Бѣлыи лебёдушки порушали.
Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этотъ молодой младой Соловниковъ
Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,
Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А кладывае стрѣлочку каленую,
Какъ скоро онъ стрѣлѝлъ еще Илью въ бѣлу́ю грудь.
Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,
Какъ былъ тутъ у Ильи да зо́лотъ крестъ,
А золотъ крестъ онъ былъ три пуда есть.
Какъ ото сна бога́тырь пробуждается,
Самъ на уличку онъ тутъ пометается,
Какъ выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ

А въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желты́ кудри,
Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,
Какъ выдернулъ ножищо онъ кинжалищо,
Какъ тутъ рука въ плечи не застояласи,
Скоро онъ пласталъ ёму бѣлу́ю грудь,
Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,
Ро́зсѣкъ его на четыре на ча́сточки
А роскидалъ ёго по чисту́ полю.
Только-то й Соло́внику славы́ поютъ,
А Ильина́-та слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ по́ вѣку поютъ его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 іюля.

47.

ИЛЬЯ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнё-кіевской
А й сдѣлалъ какъ задёрнулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для бога́тырей,
А для тыхъ бога́тырей да русскіихъ,
Чтобы всяко званіё да шло́ туды
А на тотъ, на тотъ да на почестный пиръ
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго бога́тыря,
А стараго каза́ка Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Ильюшѣ не къ лицу пришло,
А не къ лицу пришло, стало похабно есть,
И тутъ-то Илья да роззодорился,
А тутъ-то Илья да розретивился.

Какъ скоро натянулъ онъ свой ту́гой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
А тутъ-то самъ Ильюшенка роздумался:
«А что мнѣ молодцу буде́ подѣлати?
«А я нынь молодецъ е розгнѣванной,
«А я нынь молодецъ есть роздра́женной».
Какъ онъ-то за тымъ тутъ повы́думалъ,
А стрѣли́лъ-то онъ тутъ по Божьи́мъ церквамъ,
А по тымъ стрѣли́лъ по чудны́мъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченыимъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были го́ли мои,
«А голи мои вы кабацкіи,
«А доброхоты-то вы еще царскіи!
«А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси,
«А обирайте маковки вси золоче́ныи.
«А подёмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царе́въ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зелена́ вина,
«Да станемъ-то пить да заодно́ со мной».
Да какъ тутъ-то эты да го́ли были,
А голи были оны кабацкіи,
А доброхоты всё были царскіи,
Обирали маковки тыи золоче́ныи,
Самы оны къ ёму да прибѣгаютъ всѣ:
— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —
А пили тутъ оны да зелено́ вино,
Какъ пили тутъ оны да заоднёшенько.
Да какъ видитъ-то князь что бѣда пришла,
А бѣда-та пришла да неминучая,
Да какъ тутъ-то онъ да е скоры́мъ-скоро,
А скоры́мъ скоро̀, скоро̀ скоре́шенько,

А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почостный пиръ
А для стараго каза́ка Ильи Муромца.
Да тутъ-то вѣдь князь да стольнё-кіевской,
Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
Со князьями со бояры со русійскима
А со тыма со могучима бога́тырмы:
«А думайте́-тко братцы вы нунь думушку,
«А думайте́-тко братцы думу крѣпкую,
«А думайте думу не продумайте:
«А намъ кого буде́тъ послать да Илью́ позвать,
«А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,
«А стараго каза́ка Илью Муромца?»
А какъ тутъ-то они да думу думали:
— А намъ-то есть кого послать Илью позвать?
— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
— Онъ ёму да вѣдь братъ крестовыи,
— А крестовыи-то братецъ да названыи,
— Дакъ онъ-то, бывать, его послушаетъ. —
Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
«А здравствуй-ко братецъ мой крестовыи,
«А крестовыи братецъ мой названыи!»
Да какъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
— Ай здравствуй-ко братъ мой крестовыи,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты зачѣмъ же пришолъ да загулялъ сюда? —
«А пришолъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
«А о дѣлѣ-то пришолъ да не о малоемъ.
«Да у насъ-то съ тобой было ра́ньше того,
«А раньше того дѣло подѣлано
«А пописи были попи́саный,
«А заповѣди да пополо́жоный,

«А слушать-то брату да ме́ньшому,
«А ме́ньшому слушать брата бо́льшого.
«Да еще-то какъ у насъ да е́сте съ тобо̀й
«А слушать-то брату вѣдь бо́льшому,
«А й бо́льшому слушать бра́та ме́ньшого».
Да тутъ го́воритъ Илья таково слово:
— Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовыи!
— Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобой
— А всѣ-то по́писи да были вѣдь попи́саны,
— А заповѣди были пополо́жены,
— А слушать-то брату вѣдь ме́ньшому,
— А меньшому слушать да бо́льшого,
— А бо́льшому слушать брата меньшого.
— Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
— А не́кого бы я не послушалъ здѣ!
— Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
— А крестоваго братца я названаго.
— А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
— А зналъ-то послать меня кого позвать!
— Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
— Меня позвалъ туды да на почестной пиръ,
— Да я тебя братецъ же послушаю. —
Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
Да тотъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитичемъ,
А со братомъ со своимъ да со крестовыимъ.
А даваютъ ему тутъ мѣсто не ме́ньшое,
А не ме́ньшое мѣсто было бо́льшое,
А садятъ-то ихъ во большо́й уголъ,
А во большой уголъ да за большо́й-отъ столъ.
Да какъ налили тутъ ча́ру зелена́ вина,
А несли эту чару́ рядо́мъ къ ему
А къ ста́рому каза́ку къ Ильи къ Муромцу.
Да какъ принялъ онъ чару едино́й рукой

А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
А другу́ наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́мъ къ ему,
А принялъ тутъ Ильюша едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Какъ третью наливали мёду сладкаго,
Да принялъ молодецъ тутъ едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Тутъ наѣлиси, напились вси, накушались,
Да стали тутъ оны да вси пьянёшеньки
А стали тутъ оны вси веселёшеньки.
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
— Ай же ты князь стольнё-кіевской!
— А зналъ-то послать кого меня позвать,
— А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
— А того-то мни Добрынюшка Никитича.
— Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
— А не́кого-то я бы не послу́халъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
— Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы тя князя со княгиною.
— За это я тебѣ-то нунь прощу
— А этую вину да ту великую. —

Записано тамъ же, 26 іюля.

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 17).

Какъ сильноё могучо-то Иванищо,
Какъ онъ Иванищо справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается

Итти къ городу еще Еросо́лиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ёрдань тамъ рѣченки купатися,
Въ кипарисномъ деревци сушитися,
Госпо́днёму да гробу приложитися.
А сильноё-то могучо Иванищо,
У ёго ла́потци на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша̀-то у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино тутъ промежъ-то лапотци попле́тены
Каменья-то были самоцвѣтныи.
Какъ меже́нный день да шолъ онъ по красному солнышку,
Въ осенну ночь онъ шолъ по доро́гому каменю самоцвѣтному.
Ино тутъ это сильноё могучеё Иванищо
Сходилъ къ городу еще Еросо́лиму,
Тамъ Господу-то Богу онъ молился есть,
Во Ёрдань-то рѣченки купался онъ,
Въ кипарисномъ деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Какъ тутъ-то онъ Иванъ поворотъ держалъ,
Назадъ-то онъ тутъ шолъ мимо Ца́рь-отъ градъ.
Какъ тутъ было еще въ Цари́-гради
Наѣхало погано тутъ Идо́лищо,
Одолѣли какъ поганы вси татарева,
Какъ скоро тутъ святыи образа были поко́лоты,
Да въ черны-то грязи были потоптаны,
Въ Божьихъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней кормить.
Какъ это сильно могуче тутъ Иванищо
Хватилъ-то онъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ погана на чисто́ поле
А началъ у поганаго доспрашиватъ:
«Ай же ты татаринъ да невѣрный былъ!
«А ты скажи, татаринъ, не утай себя:
«Какой у васъ погано есть Идолищо,
«Великъ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»

Говоритъ татаринъ таково слово:
— Какъ есть у насъ погано есть Идолищо
— Въ долину двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину сажень была печатная,
— А головищо что вѣдь люто лохáлищо,
— А глазища что пивныи чáшища,
— А носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ. —
Какъ хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
Бросилъ онъ ёго въ чистó полё,
А розлетѣлись у татарина тутъ косточки.
Пошолъ-то тутъ Иванищо впередъ опять,
Идетъ онъ путемъ да дорожкою,
На стрѣчу тутъ ему да стрѣчается
Старыи казакъ Илья Муромецъ:
«Здравствуй-ко ты старыи казакъ Илья Муромецъ!»
Какъ онъ ёго вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
— Здравствуй сильноё могучо ты Иванищо!
— Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
— А ты откуль еще свой да пýть держишь? —
«А я бреду, Илья еще Муромецъ,
«Отъ того я города Еросóлима.
«Я тамъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
«Во Ердань-то рѣченки купался тамъ,
«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворотъ держалъ,
«Шолъ-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ».
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Цари-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Цари-гради по прежному? —
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Цари-гради-то нуньчу не по старому,
«Въ Цари-гради-то нуньчу не по прежному.

«Одолѣли есть поганыи татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищо,
«Святыи образа былѝ покóлоты,
«Въ черныи грязи былѝ потоптаны,
«Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ».
— Дуракъ ты сильноё могучо есть Иванищо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эты бы тебя й нáказалъ
— По тому-то тѣлу по нáгому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костянтина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачики сафьяныи.
— Сокручуся я каликой перехожею. —
Сокрутился е каликой перехожею,
Давать-то ему тутъ своего добрá коня:
— На-ко сильноё могучо ты Иванищо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добрá коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водкóмъ води,
— А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
— Живи-то ты на улóвномъ [1]) этомъ мѣстечки,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клюшу̀-то мнѣ-ка сорокъ пудъ. —
Не дóйдетъ тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подаватъ ему клюшу свою сорокъ пудъ,
Взиматъ-то онъ отъ ёго тутъ добрá коня.
Пошолъ тутъ Ильюшенка скоры́мъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.

---

1) *Уловное* мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-нибудь.

Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чистó полё,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
— Какой у васъ невѣжа есть поганый былъ,
— Поганый былъ поганое Идолищо? —
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
«Есть у насъ поганоё Идолищо
«А росту двѣ сажéни печатныихъ,
«Въ ширину сажéнь была печатная,
«А голови́що что вѣдь лютое лохалищо,
«Глазища что вѣдь пивныя ча́шища,
«А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ».
Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ ёго во чистó поле,
Розлетѣлись у ёго тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закрычалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты царь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
— А дай-ка мнѣ калики перехожіи
— Злато мнѣ, милóстину спасéную. —
Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадова́ется.
Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крыку еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошаталися,
Хрустальніи оконнички посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужа́хнулось.
Какъ говоритъ поганой таково слово:
«А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ былъ!
«Какой это калика перехожая?»
Говоритъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Эго есте русская калика здѣ. —

«Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
«Корми-ко ты каликушку да пой его,
«Надай-ко ему ты злата се́ребра,
«Надай-ко ему злата ты до́люби».
Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
Въ особой-то покой да въ потайныи,
Кормилъ поилъ калику, зрадова́ется,
И самъ-то онъ ему воспрого́воритъ:
«Да не красное ль то солнышко поро́спекло,
«Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ поро́зсвѣтилъ?
«Какъ нунечку топеречку здѣ еще
«Какъ намъ еще сюда показался бы
«Какъ старыи казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
«Какъ нунь-то есть было топеречку
«Отъ тыи бѣды онъ насъ повыручитъ,
«Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи!»
Какъ тутъ это поганое Идолищо
Взимаетъ онъ калику на доспросъ къ себи:
— Да ай же ты калика было русская!
— Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
— Какой-то на Руси у васъ бога́тырь есть,
— А старыи казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣстъ,
— По многу ль еще пьетъ зелена́ вина? —
Какъ тутъ эта калика было русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
«Да ай же ты поганоё Идолищо!
«У насъ-то есть во Кіеви
«Илья-то вѣдь да Муромецъ
«А во́лосомъ да возрастомъ ровны́мъ съ меня,
«А мы съ имъ были братьица крестовыи,
«А хлѣба ѣстъ какъ по три-то колачика крупивчатыхъ,
«А пьетъ-то зелена вина на три пятачика на мѣдныихъ».

— Да чортъ-то вѣдь во Кіеви-то есть, не бога́тырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да бога́тырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
— Другой рукой опять бы сверху́ прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чисто́ поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолищо
— А росту двѣ сажени печатныихъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Голови́що у меня да что люто лохалищо,
— Глазища у меня да что пивныи ча́шища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печоныихъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныихъ,
— Какъ штей-то я хлебаю, по я́ловицы есте русскіи[1]). —
Говоритъ Илья тутъ таково слово:
«У насъ какъ у попа было ростовскаго
«Какъ была что корова обжориста,
«А много она ѣла, пи́ла, тутъ и трёснула,
«Тебѣ-то бы поганому да также быть».
Какъ этыи тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножи́що тутъ кинжа́лищо
Со того стола со ду́бова,
Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойде́тъ сидѣть,
Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.

---

1) Т. е. въ этихъ щахъ есть цѣлая тёлка.

Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,
Какъ выскочила дверь тутъ съ ободвериной,
Улетѣла тая дверь да во си́ни-ты,
Двѣнадцать тамъ своихъ да татаровей
На мертвѐ убило, дру́го ранило.
Какъ остальнѝ татара проклинаютъ тутъ:
— Буди трою проклятъ, нашъ татаринъ ты! —
Какъ тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой ёго въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
Хватилъ затымъ поганаго онъ за ноги,
Какъ началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
Помахиватъ Ильюша, выговариватъ:
«Вотъ мнѣ-ка братцы нуньчу оружьё по плечу пришло».
А бье́тъ-то, самъ Ильюша выговариватъ:
«Крѣпокъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
«А тянется поганый, самъ не́ рвется».
Началъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
Какъ этыимъ поганыимъ Идолищомъ.
Прибилъ-то онъ поганыхъ всихъ въ три́ часу
А не оставилъ тутъ поганаго на си́мена.
Какъ царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Благодарствуетъ его Илью Муромца:
— Благодаримъ тебя ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Нонь ты насъ еще да повыручилъ,
— А нонь ты насъ еще да повыключилъ
— Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи.
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Живи-тко ты здѣсь у насъ на жительствѣ,
— Пожалую тебя я воеводою. —
Какъ говоритъ Илья ёму Муромецъ:
«Спасибо царь ты Костянтинъ Боголюбовицъ!

«А послужилъ у тя столькѝ[1]) я три́ часу,
«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
«Да я у тя еще слово гладкое,
«Да еще увѣтливо да привѣтливо.
«Служилъ-то я у князя Володимера,
«Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
«Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
«А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
«Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.
«Да ахъ ты царь Костянтинъ Боголюбовицъ!
«Нельзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
«Нельзя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
«Оставленъ есть оставешъ *(такъ)* на дороженки».
Какъ царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста сéребра.
Какъ принималъ Ильюшенка, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато сéребро,
Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
«Это вѣдь мое-то зарабочее».
Какъ тутъ-то съ ца́рёмъ Костянтиномъ роспростилиси,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это ми́стечко,
Ажно тутъ Иванищо притаскано,
Да ажно тутъ Иванищо придерзано[2]).
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ сéбя платья-ты каличьіи,
Розувалъ лапóтцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,

---

1) Т. е. только.
2) Т. е. у него платье истаскано и порвано.

Надѣвалъ на ся платьица цвѣтныи,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра́ коня,
Садился тутъ Илья на добра́ коня,
Тутъ-то онъ съ Иванищомъ еще роспрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильноё могучо Иванищо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А выручай-ко ты Русію отъ поганыихъ».
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиницъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Добрынюшка къ сыру дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сыромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ це́рный вранъ.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Натягивалъ скоро свой онъ ту́гой лукъ
А кла́дывае стрѣлочку каленую,
А хочетъ онъ стрѣли́ть тутъ че́рна ворона.
Воронъ тутъ ему спроязычился
А тымъ этымъ язы́комъ чоловѣческимъ:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А не стрѣли меня черна ворона,
«Я тебѣ скажу всё поро́зскажу.
«Какъ въ Кіеви ребята есть го́ворятъ:
«Старца-то убить есть не спа́сеньё,
«Какъ ворона-то стрѣлить не корысть буде получить,
«Сизымъ перьемъ воронинымъ не натѣшиться,
«Мясомъ те моимъ не наѣстися».
Какъ у того было да у ворона

Полъ конецъ-то крылья были бѣлыи.
Какъ говоритъ-то воронъ таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А я тебѣ скажу все поро́зскажу.
«Ѣдь же ты на гору на высокую
«А на тое на шо́ломце искатнеё,
«А тамъ-то есть три чудушка три чудныихъ,
«Тамъ-то есть три дивушка три дивныихъ:
«Какъ первое тамъ чудо бѣлы́мъ-бѣло,
«А дру́гое-то чудо красны́мъ-красно,
«А третьеё-то чудо черны́мъ-черно».
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ скоро молодецъ самъ пороздумался,
Говоритъ тутъ ворону: «Это правда есть,
«А старца вѣдь убить буде не спа́сенье,
«Ворона стрѣлить не корысть буде получить,
«А сизымъ воронинымъ перьемъ мнѣ-ка не натѣшиться,
«Мясомъ мнѣ ёго не нае́стися».
Какъ отпускалъ Добрынюшка свой ту́гой лукъ
А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
— А лучше я поѣду что на гору на высокую,
— На тое-то я шоломце́ искатнее,
— Глядить-то тамъ три чуда я три чудныихъ,
— Глядить-то я три дивушка три дивныихъ. —
Какъ скоро онъ приправливалъ добра́ коня,
Тутъ скоры́мъ-скоро, скоро да скорёшенько
Ѣхалъ онъ на гору на высокую
А на тое-то на шоломце́ искатнее.
Какъ смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
Какъ ино тутъ стоитъ шатёръ бѣлополо́тняной,
Какъ у шатра замокъ былъ булатнiи,
На замку тутъ подпись подписана:
«Кто во шатёръ еще сюды за́ходитъ,

«Тотъ изъ шатра живъ да не вы́ходитъ».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Ударилъ кулакомъ по замку-то онъ,
Отпалъ замокъ вѣдь тутъ на сыру землю.
Смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Не столько молодецъ да вѣдь ѣлъ-то пилъ,
А сколько молодецъ онъ тутъ на́-земь срылъ
А спролилъ молодецъ, во ногахъ стопталъ.
А самъ молодецъ онъ да спать-то лёгъ.
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Изъ далеча тутъ вѣдь изъ чиста́ поля
А пріѣзжатъ Олеша сынъ Поповичъ былъ,
А смотритъ тутъ Олешенька на чудо-то:
Не столько вѣдь да спито, съѣдено,
Сколько спролито да срыто, въ ногахъ притоптано.
А тутъ-то вѣдь Олеша розретивился
А розгорѣлось ёго сердце богатырское.
Занесъ-то онъ вострò копьё востры́мъ коньцёмъ,
Хочетъ онъ ударить Добрынюшку въ бѣлу́ю грудь.
За тымъ-то онъ Олёшенька роздумался:
«Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго.
«А лучше сяду на добрà коня Добрынина,
«А буду биться, стану я драться ратиться
«Со тыимъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ,
«А на томъ на добрòмъ кони Добрыниномъ».
Садился тутъ Олеша на добра́ коня,
А на того добра коня Добрынина,
Какъ ударилъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцёмъ,
Тупымъ коньцёмъ ударилъ да востры́мъ копьёмъ,

Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу тутъ скоро пометается.
Выскакалъ онъ въ тонкiихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ
А въ тонкiи бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
Да тутъ Добрынюшка Микитиницъ
А ухватилъ онъ свою палицу еще богатырскую,
Какъ начали тутъ драться оны ратиться.
Добрынюшка поскакиватъ пѣхотою,
Олешенька тотъ ѣздитъ на добро́мъ конѣ,
А на томъ на добромъ конѣ Добрыниномъ.
Какъ день бьются оны тутъ не ѣдаючи,
Ночь бьются оны да не пиваючи.
Какъ дру́гой день бьются оны и дру́гу ночь,
Отдо́ху-то вѣдь тутъ имъ не дается.
А третiй день бьются и третью ночь,
Отъ ихъ пошолъ-то тутъ еще стукъ да гремъ,
А стала мать землюшка продрагивать.
Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Какъ тутъ сидитъ Ильюшенка, самъ думаетъ:
— А й это есте русьскiи бога́тыри.
— Гдѣ ни-то дерутся оны, ратятся? —
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра́ коня,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги,
А кла́дываетъ потнички на потнички,
Кла́дываетъ войлочки на войлочки
А кла́дыватъ сѣдёлка на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладываетъ, самъ выговариватъ:
— А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
— А не для-то вѣдь было для угожества,
— Для укрѣпы мнѣ богатырскiи. —

Какъ видли что вѣдь молодца да сядучи,
Не видли тутъ уда́лаго поѣдучи,
Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ ѣхалъ тутъ Ильюша на круту гору,
На тое-то шо́ломцё искатнее,
Да ажно тутъ дерутся есть два русскiихъ бога́тыря,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ
А смѣлыи Олешенька Поповичъ-онъ.
Какъ захватилъ Ильюшенка Добрыню во праву́ руку,
Олёшу захватилъ самъ во лѣвую,
А закрычалъ Ильюша во всю голову:
— Ай же вы русiйскiе могучiе бога́тыри!
— А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
Какъ говоритъ Олеша таково слово:
«Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
«Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ розставлены,
«У меня-то ѣствы вси розложены,
«Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
«Не столько онъ Добрынюшка да съѣлъ да спилъ,
«А сколько онъ тутъ спролилъ да на́-земь срылъ,
«На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стопталъ,
«А мнѣ-ка молодцу того-то жаль».
Говоритъ Ильюша таково слово:
— Спасибо ти, Олеша, за своё стоишь. —
Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
— Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
— Крёсто́вый братъ ты мой да названыи!
— А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
«Ахъ ты братъ мой крестовыи названыи,
«А старыи казакъ ты Илья Муромецъ!
«Какъ-то мнѣ не драться да не́ ратиться?
«Какъ у ёго у пса у розбойника
«Фальшивая да напись написана:

«Какъ кто въ шатёръ сюды еще за́ходитъ,
«Тотъ съ шатра да живъ тутъ не вы́ходитъ;
«А я хочу-то живъ да повытти есть».
— Спасибо ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло по́ступашь. —
А ино вѣдь-то тутъ еще Ильюша воспрого́воритъ:
— А укротите вы да сердцё богаты́рскоё,
— А назовитесь вы да братьями крестовыма,
— А лучше вы крестамы побра́тайтесь. —
А ёнъ ихъ улести́лъ тутъ уго́ворилъ,
Да тутъ оны не на́чали больше биться ратиться,
Укротили сердцё богатырское.
Какъ тутъ оны крестамы побра́тались,
Назвалися братьямы крестовыма:
Добрынюшка назвался да бо́льшой братъ,
Алёшенька назвался меньшо́й ёму.
Какъ тутъ розошлись порозъѣхались.
Какъ тутъ-то на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ
Наѣзжала тутъ погана́ Литва,
Одолѣли что ль поганыи татарева.
На ту пору было на то времячко
Богатырей тамъ дома не случилосе,
Случилось только два русскихъ два бога́тыря,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ
Смѣло́й-то Олешенька Поповицъ былъ.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ахъ же ты Олеша сынъ Поповичъ былъ!
«Сѣдлай-ко ты своего добра́ коня,
«Поѣдемъ мы съ тобой во чисто́ полё
«А станемъ бить поганыихъ татаревей,
«Одолимъ ли тамъ мы погану́ Литву».
Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдлалъ добры́хъ коней,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги

А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Сѣдельшка еще на сѣдельшка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелко́вый,
А кла́дываетъ, самъ онъ выговариватъ:
«Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь было для угожества,
«Для укрѣпы мнѣ богатырскіи».
Поѣзжатъ Добрыня, самъ наказыватъ:
«Ахъ же ты моя молода жена,
«Да нунь ты Василиста Микулична!
«Уѣду я вѣдь нунь во чисто́ полё
«А бить тамъ я поганыихъ татаревей,
«Тую эту тамъ погану́ Литву.
«Какъ пройдетъ поры времечки три́ году,
«А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
«Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
«А хоть ли ты тутъ да заму́жъ поди,
«Стольки ты не ходи-тко за Олёшенку Поповица».
Какъ видли молодца ёго сядучи,
Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
А съ тымъ съ этымъ Олёшенькой Поповицемъ
Ѣхали они тутъ во чисто́ полё.
Приправливалъ Добрынюшка добра́ коня,
Заѣхалъ въ эту силушку въ серёдочку,
Какъ началъ бить ту силу татарскую;
Олёшенька стоитъ тамъ на чисто́мъ поли,
Какъ смотритъ-то онъ на братца онъ крестоваго,
Какъ бье́тся тамъ Добрынюшка Микитиницъ,
Прибилъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ этую онъ силу всю въ три́ часу.
Какъ смотритъ онъ на брата на крестоваго,

А на того Олёшеньку Поповица,
А смотритъ онъ, глядитъ, думу думаетъ:
«А видно нѣтъ жива̀ да брата-то крестоваго,
«А смѣлаго Олёшеньки Поповича».
Какъ ино вѣдь тутъ самъ Добрынюшка роздумался:
«А видно есте путь моя хорошая».
Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ что за славно за синё морё,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки свято-русскіи.
Прошло тутъ поры времечки три́ году.
Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ сынъ
Приходитъ къ Василисты къ Микуличной:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— Да я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
— Лежитъ-то онъ головушкой въ ракитовъ кустъ
— А рѣзвыми ногмы́ да во кувыль-траву.
— Поди ты Василиста за меня замужъ. —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А тая Василиста Микулична:
«Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Прошло нунь поры времечки три́ году;
«Исполню я-то заповѣдь свою еще.
«А пусть-ко станетъ поры времечки шесть годовъ,
«Тожно тутъ я вѣдь заму́жъ пойду».
Опять прошло тутъ времечки три́ году.
Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
А со тыимъ со княземъ со Владиміромъ:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— А я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ у Добрынюшки что косточки ростасканы. —
Какъ ино тутъ тая Василиста Микулична
Тутъ она еще пороздумалась:

«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Исполнила я заповѣдь свою-то я,
«А нѣтъ живá Добрынюшки Микитица,
«А не видать сюда ёго появитися».
Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
Какъ тамъ это Добрынюшка Микитиницъ
За тыимъ за славнымъ за синúмъ моремъ,
А тамъ онъ-то Добрыня на чистóмъ поли,
На чистóмъ поли Добрынюшка, въ бѣлóмъ шатри
А самъ онъ молодецъ забавляется,
Играетъ онъ въ доски-ты шахматны
А въ дóроги тавлеи золочéныи,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
А тая Василиста Микулична,
Какъ тутъ она скорó да замýжъ пошла,
А за того Алёшеньку Поповица.
Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
А къ тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
Садились на шатёръ на окошечко,
Началъ голубъ по окошечку пóхаживать,
А началъ онъ тутъ голубъ погуркивать,
Началъ онъ затымъ выговаривать,
А звѣщевалъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Играешь ты въ доски во шахматы,
— Въ дóроги тавлеи золочéныи,
— Играшь, самъ молодéцъ ты проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— А я тебѣ звѣщýю провѣщýю есть.
— Какъ есть-то вѣдь твоя молодá жена,
— Молодá жена любимá семья,
— Какъ есть-то вѣдь ужъ нунечу замýжъ пошла
— За того Олешку за Поповича. —

Скóчилъ тутъ Добрыня на рѣзвы́и ноги,
Со той со досады со великіи
Какъ бросилъ эту доску онъ ша́хматню
О тую о матушку о сыру́ землю,
Мать-то что земелюшка продрогнула.
А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла́ шатра
А самъ скорò сѣдлалъ онъ добра́ коня,
Сѣдлатъ-то онъ коня и выговариватъ:
«Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
«Какъ нёсъ меня сюды да ты три́ году,
«Неси́-тко нунь домой меня по три́-то дня
«Во стóльнёй-отъ какъ городъ во Кіевъ градъ».
Садился самъ скоро на добра́ коня,
Скоры́мъ скорò, скорó скорешенько,
Поѣхалъ тутъ Добрыня зъ-за синя́ моря.
Пошолъ тутъ, поскакалъ его доброй конь,
Рѣки-ты ль озёра перескакивалъ,
А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
А синёё онъ морё на окóлъ бѣжалъ.
Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-то дни
Во стольнёй-отъ во городъ во Кіевъ градъ.
Выскакàлъ тутъ Добрыня со добра́ коня,
Насыпàлъ коню тутъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ онъ шолъ по новы́мъ сѣнямъ,
Заходилъ въ свою въ горенку во новую,
А крёстъ онъ кла́дывае по писа́ному,
Поклонъ-то ужъ вéлъ по учéному,
На вси тутъ на четыре сторонушки,
А рóдной своёй матушки въ особину:
«Ай здравствуй-ко моя ты рóдна матушка!»
Матушка она тутъ прослези́ласи,
А матушка она тутъ поросплакалась:
— Ахъ же ты уда́лой доброй молодецъ!
— А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —

Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Видно, матушка, ты меня не узна́ла есть».
Она опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
— Какъ у моёго милаго у дитятка,
— А у того Добрынюшки Микитица,
— На ёмъ были платьица все цвѣтныи,
— А нунь-ка на тебѣ всё платьица лосиныи,
— А лосиныи платья всё звѣриныи. —
«Да ай же ты моя родна матушка!
«Какъ видно ты меня не узнала есть».
Говоритъ старушка таково слово:
— Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
— Подойди къ старушки поблизёшенько, —
— А у моёго у милаго у дитятка
— Была-то вѣдь зна́дёбка родимная,
— А былъ-то на головки рубечёкъ-то есть. —
Какъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
А ко тый старушки да ко древныи,
Какъ тутъ эта̀ старушка да пощупала,
Ажно было тутъ да до правды-то,
А есть тамъ была зна́дёбка родимная.
Какъ тутъ она старушка взрадова́ласи,
Сама она съ сынкомъ тутъ поздоровкалась.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Да ай же ты моя родна матушка!
«А гдѣ-то есть моя молода́ жона,
«Тая Василиста Микулична?»
Какъ говоритъ старушка таково слово:
— Да ай же ты дитя моё милоё!
— Твоя-то нунычу есть молода жона,
— Молода жона да заму́жъ пошла
— За того Алёшу за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:

«Да ахъ же ты моя ль родна матушка!
«Поди-ко есть во по́гребы глубокіи,
«Неси ты мнѣ гусёлышка яровчаты.
«Я пойду къ Олёшѣ на почестный пиръ,
«На тую на свадебку великую».
Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скоры́мъ скоро
Бѣжала какъ во погребы глубокіи,
Взимаетъ тамъ гусёлышка яровчаты,
А ты этыи гусёлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
Иде́тъ она старушка попирается,
Подаватъ Добрынюшки гусёлышка.
Взимаетъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ
А ты эты́ гусёлка всё яровчаты,
Самъ скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молоде́цъ наряжается
Скорой малой смѣлой скоморошиной.
Приходилъ Добрыня на почестный пиръ
А на-то столованьё на великоё.
Становился тутъ Добрыня ко по́рогу,
Повёлъ онъ по гусёлышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по уныльнёму,
По уныльнёму по умильнёму.
Какъ вси-то вѣдь ужъ князи и боя́ра-ты
А ты эты́ русійскіи бога́тыри
Какъ вси оны тутъ пріослушались.
За́ тымъ за́игралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при ве́чери,
А сталъ-то тутъ почестный пиръ при ве́сели.
Какъ вси-то оны тутъ да наѣдалисе,
А вси-то оны тутъ да напивалисе,
Стали тутъ оны да пьянёшеньки.
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому;
Какъ вси оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ вси оны затымъ вѣдь росплясалисе,

А скачутъ пляшутъ вси промежу́ собой,
А ничего оны тутъ не вѣдаютъ.
Какъ говоритъ тутъ князь стольнё-кіевской:
— Да ай же ты уда́лой добрый мо́лодецъ!
— Незнаёмъ мы теби да ни имени,
— Не знаемъ мы теби ни изотчины,
— Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
— Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
— Али съ тиха̀ Дону̀ ты донской казакъ,
— Аль грозной есть посолъ ляховитскіи? —
«Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«Не есть съ тиха Дону̀ не донской казакъ,
«Не грозной я посолъ ляховитскіи,
«Какъ есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря
«А скора мала смѣла скоморошина».
Какъ князь-то тутъ ему воспрого́воритъ:
— Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
— А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
— А за эту игру за умильнюю?
— Города ль теби набъ съ пригородками,
— Али села да ти набъ со приселками,
— Аль много набъ безсчотной золотой казны? —
Какъ онъ-то вѣдь на то имъ отвѣтъ держитъ:
«Да ахъ же ты да князь стольнё-кіевской!
«Не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
«Не пабъ-то мнѣ-ка селъ-то съ приселками,
«Не набъ-то мнѣ безсчотной золотой казны, —
«А у меня своёй есте до́люби.
«А столько-то вы мнѣ позвольте-ко:
«Налейте мнѣ-ка чару зелена́ вина».
Какъ тутъ-то ему князь воспрого́воритъ:
— Скора мала смѣла скоморошина!
— Что угодно надо, то мы сдѣлаёмъ. —

Какъ налили тутъ чару зелена вина,
Подносятъ тутъ Добрынюшки Микитицу.
Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
Спустилъ-то онъ туды свой злачонъ перстень,
А въ этую-то чашу княженецкую,
Коимъ перстнёмъ оны обручалиси
Со той съ Василистой съ Микуличной.
Подноситъ эту чашу княженецкую
А той да Василисты Микуличной,
Подноситъ, самъ Добрынюшка спрого́воритъ:
«Ай ты Василиста Микулична!
«А пей-ко ты чару зелена́ вина
«Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
«А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
«А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра».
Она тутъ Василиста Микулична
Маленько же она тутъ догадаласе.
А сколько ни-то пи́ла, остатки на́-зень ли́ла-то, —
Какъ взглянетъ въ эту чашу княженецкую,
Ажно тамъ лежитъ да злачонъ перстень.
Какъ смотритъ-то она на перстень тутъ,
А на перстню́ тутъ подпись подписана,
Коимъ перстнёмъ оны обручалисе
Со тыимъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
Какъ тутъ-то да Василиста-та Микулична
А й выскака́ла зъ-за стола княженецкаго,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
— Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
— А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня. —
Клонится Добрыни поклоняется,
Сама она ёму извиняется:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Исполнила я заповѣдь твою-то я,
— А другую исполнила свою-то я,

— А тожно вѣдь я тутъ заму́жъ пошла
— А за того Олешку за Поповича. —
Какъ говоритъ Добрынька таково слово:
«Да ай же Василиста ты Микулична!
«Когда-то ты исполнила да заповѣдь свою, —
«За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
«Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
«Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
«Пошла ты за Олешку за Поповича, —
«Дакъ я тебѣ еще за то прощу».
Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитиничъ
Хватилъ-то онъ Олёшу за желты́ кудри,
А выдернулъ съ кормана плеть шелко́вую,
Какъ началъ онъ Олёшку ёго чёстовать
А началъ онъ хлыстать его Олёшеньку,
А бьетъ-то онъ тутъ, хлыщетъ, выговариватъ:
«А каково Олёшка ти жениться здѣсь,
«Отъ живого мужа же́на о́тлучать!»
Какъ кле́нется Олёшка проклинается:
— А будетъ трою проклятъ на вѣку тотъ былъ,
— Кто станетъ будетъ эдакъ-то женитися,
— Отъ живого мужа же́на о́тлучать. —
Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ до́люби,
А до́люби Добрыня ёго до́сыти,
Какъ со стыду со страму со вели́кого
А тутъ этотъ Олёшенька Поповичъ-онъ
Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почёстный пиръ.
Какъ вси-то къ ему на пиръ собиралиси,
Вси тамъ на пиру наѣдалися,
Какъ вси тамъ на пиру напивалися,
Стали тамъ оны вси пьянёшеньки
А стали вси оны веселешеньки,
Князи вси бояра-то русійскіи
А тыи-ты могучи вси богáтыри,
Какъ вси-то они вѣдь тамъ росхвастались.
Какъ тутъ была еще межý има
А тая эта Нѣ́пра королевична.
Какъ-то тая Нѣпра королевична
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мóлодцовъ
«Протúво меня Нѣ́пры королевичной!
«Силою да нѣту ухваткою
«Противъ стараго казáка Ильи Муромца,
«А красотою еще было угожествомъ
«Противо вѣдь Михайлы Пóтыка Иванова,
«А тишиною говоромъ смиреньицомъ
«Противо-то Добрынюшки Микитица,
«А нѣту-то видь еще богачествомъ
«Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
«А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
«Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
«Поступкою походкою пощапкою
«Противо-то Чурилки щапа[1]) Плёнкова».

---

1) *Щапъ* — щеголь, *пощапка* — щегольство.

Сама она еще не спохва́лила
А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
А своёго-то мужа любимаго.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Ай же ты да Нѣ́пра королевична!
— Когда же ты охвоча-то была уда́лая
— Стрѣлять-то было стрѣлочокъ каленыихъ,
— Подёмъ-ко мы съ тобой на чисто́ поле,
— Ста́немъ стрѣлять стрѣлочокъ каленыихъ,
— Который вѣдь стрѣли́тъ видняе-то? —
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичокъ булатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно,
Относитъ что за версту за мѣрную,
Натянула тутъ она свой да ту́гой лукъ
А клала ёна стрѣлочку каленую,
Стрѣли́ла тутъ за версту за мѣрную,
Попадала въ колечко-то серебряно,
И росколола ёна стрѣлочку равны́мъ равно,
Да равнымъ то равно стрѣлку на́ двое.
А клали половинки на вѣсы они,
Нико́я никоёй не перетягиватъ.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Какъ скоро натянулъ свой онъ ту́гой лукъ,
Кладыва́етъ стрѣлочку каленую.
Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Началъ-то онъ стрѣлочкой помахивать
А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
— Ай же ты моя любима́ калена́ стрѣла!
— Пади же ты не на́ воду, не на́ землю,
— А ты пади ко Нѣ́пры королевичной,
— А ты пади же ёй во бѣлу́ю грудь. —

Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезиласи
А тутъ-то вѣдь она поросплакалась:
«Ахъ тихіи ты Донъ сынъ Ивановичъ!
«А не стрѣлѝ-тко ме́ня Нѣ́пры королевичной.
«Да несу я ти сына любимаго,
«А по колѣнъ-то ноженки во се́ребри,
«А по локо́ть-то ру́ченьки во золоти,
«А по косицамъ пекутъ будто звѣздышки,
«На зади-то возсіятъ будто свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Впереди-то какъ будто солнышко».
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
Какъ скоро онъ стрѣли́лъ ю во бѣлу́ю грудь,
Какъ пала тутъ она на сыру́ землю,
Облилась о́на кровью тутъ горючею.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Взимаетъ онъ ножищо тутъ кинжалищо,
Ино ль то вѣдь еще правда ль есть?
Пласталъ-то онъ вѣдь ёй да бѣлу́ю грудь.
Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
Засіянъ-то вѣдь во чреви тотъ сынъ-то былъ,
По колѣнъ-то ноженки во се́ребри,
А по локо́ть-то ру́ченьки во золоти,
Назади просвичатъ будто свитёлъ мѣсяцъ,
Впереди еще какъ тамъ солнышко.
Какъ взялъ это ножищо онъ кинжалищо,
Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
— Да куды пала̀ головка бѣлой лебеди,
— А тутъ пади головушка сѣра́ гуся. —
Палъ онъ на ножищо тутъ кинжалищо,
Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горька́я смерть.
Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ кре́стьянскіи,

От крестьянскіи крови безнапрасныи,
Какъ протекала тутъ да Нѣпра́ рѣка.
Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
А въ ширину рѣка сороки́ саженъ *(такъ).*
Только-то вѣдь Донушку славу поютъ,
А той ли этой Нѣ́пры королевичной.
Тутъ-то ихъ да жительство рѣшилоси.

Записано тамъ же, 26 іюля.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 33).

А й Иванушко, Иванушко Годиновичъ,
А поѣзжае что Иванушко женитися,
А къ гостю къ купцю еще Ми́тріищу,
А за то за славное за синё море:
«Да ахъ же ты мой родной дядюшка,
«А стольнёй ты князь да Владимеръ нашъ!
«А пожалуйте позвольте-то мнѣ-ка-ва,
«Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
«А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте;
«А любезный ты мой еще дядюшка,
«А дру́го казны ты сорокъ тысячей».
Какъ тутъ-то вѣдь князь стольнё-кіевской
А даватъ ему силы сорокъ тысячей,
А дру́го какъ денегъ сорокъ тысячей.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ,

---

1) Прослушавъ эту былину, Иванъ Фепоновъ (см. ниже, XIII) замѣтилъ, что и самъ се пѣвалъ въ прежнее время, съ тою только разницею, что Иванъ Годеновичъ (такъ онъ произносилъ это имя) не взялъ предложенной ему Владиміромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка».

А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́трiищу,
А прiѣзжаетъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Ми́трiищу,
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А гость ты купецъ да еще Ми́трiищо!
«А есте какъ у тя да есть любе́зная дочь,
«А тая эта Марья Митрiёвична,
«А отдай-ко ты повыдай за меня́ замужъ,
«А за Ивана, за Ивана за Годино́вича».
А говоритъ ёму Митрiй таково слово:
— А Иванушко, Иванушко Годиновичъ!
— А выдалъ бы Марью Митрiёвичну,
— А выдалъ бы повыдалъ за тебя замужъ;
— А у меня Марьюшка просватаная
— За царя за Кощега за Трипе́товича,
— Не повыдамъ я, Иванъ, за тебя замужъ. —
Ско́чилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ-то онъ ножи́що тутъ кинжа́лищо.
Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
А ушолъ тутъ ножикъ да до черсня.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
«Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добро́мъ возьму,
«А съ добра не отдашь, дакъ я сило́мъ возьму».
Какъ скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги
А взиматъ-то онъ Марью Митрiёвичну,
А взиматъ ю за руценки за бѣлыи
А за́ тыи за перстни за злаченыи.
Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновичъ
А поѣхалъ назадъ да въ свою сторону,
А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту́ полю,
А ѣхалъ онъ отъѣхалъ далецёшенько.
Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«А рать же вы силушка великая,

«А ѣдьте-то вы топери съ извѣстьицемъ
«А кó моему ко рóдному ко дядюшкѣ,
«А къ стольнёму князю ко Владиміру:
«А взята у насъ Марья Митріёвична,
«А взята-то, взята, мы силóмъ да веземъ».
Какъ ратная силушка великая
Да какъ тутъ-то она отправлялася,
А скорыимъ-то скорò, скорò скорёшенько,
А ко тому ко городу ко Кіеву
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновичъ
Ино хочетъ онъ съ Марьей позабавиться,
А началъ забавляться на чистóмъ полѣ,
А на чистóмъ-то поли да во бѣлóмъ шатри.
А живетъ тутъ молодéцъ, забавляется,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
А на тý-то порý да на то времячко
Пріѣзжаетъ Кощей да сынъ Трипéтовичъ
А къ гостю къ купцю еще къ Ми́тріищу
А за Марьей-то, за Марьей Митріёвичной.
Какъ говоритъ спромолвитъ таково слово:
— Ахъ ты гость, ты купецъ да еще Ми́тріищо!
— А ты скажи, скажи да не утай себя:
— А гдѣ у тя Марья Митріёвична? —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А гость-отъ купецъ да еще Ми́тріищо:
«А царь ты Кощегъ сынъ Трипéтовичъ!
«А тая эта Марья Митріёвична
«Увéзена у Иванушка Годиновица,
«А взята-то, взята за себя замужъ».
Какъ царь тутъ Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
А скоро-то онъ вѣдь снаряжается,
А скоро за Иваномъ отправляется,
А скоро за Иваномъ вслѣдъ съ угоною.

Какъ засталъ-то ёнъ Ивана на чистóмъ поли,
А на чи́стоемъ полюшки въ бѣлóмъ шатри,
А съ той съ этой Марьей Митріёвичной.
Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя того Кощега да Трипéтовича, —
Не дóйде тутъ Иванушку вѣдь бóльше сидѣть.
Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А начали тутъ биться óны ратиться
А со царёмъ со Кощегомъ со Трипéтовичемъ;
Да побилъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя да Кощега что Трипетовича,
А побилъ его, сбилъ на сыру землю,
А сѣлъ-то тутъ Иванъ да на бѣлу́ю грудь
А къ царю къ Кощегу къ Трипéтовичу.
А на ту-то пору да на то времечко
А ножища при себи да не случилосе.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А дай-ко ты ножищо мнѣ кинжалищо
— А пластать мнѣ Кощегу бѣлáя грудь,
— А вынять что сердечушко су печенью *(такъ)*,
— А розрыть, роскидать по чисту́ полю. —
А говоритъ Кощегъ тутъ таково слово:
«Ай ты Марья же, Марья Митріёвична!
«А не давай-ко ты Иванушку ножи́ща того,
«А ножища-то ножища ты кинжалища.
«Дай я теби скажу да все порóзскажу,
«А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
«Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
«А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича.
«Да если ты да вѣдь пойдéшь за его,
«Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойницахъ
«А у стольняго князя у Владиміра».
Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:

— А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
— А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
Говоритъ опять Кощегъ таково слово:
«Да ай же ты Марья Митрiёвична!
«А тащи-ко ты Ивана за желты́ кудри,
«А со тыхъ со моихъ со бѣлы́ихъ грудей».
Какъ тая тутъ Марья Митрiевична
Какъ хватила тутъ Ивана за желты́ кудри,
А тащила тутъ его да со бѣлы́хъ грудей
Со царя со Кощега со Трипе́товича.
Какъ ино тутъ оны да его Иванушка Годиновича
Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
А связали-то Ивану рѣзвы ноженьки,
Какъ бросили Ивана тутъ подъ сы́рой дубъ.
Да тутъ царь-то Кощегъ да сынъ Трипе́товичъ
А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
Да на ту-то пору да на то времячко
А налеталъ налеталъ да тутъ-то че́рной вранъ,
Садился тутъ воронъ на сы́рой дубъ
А за́крычалъ воронъ громкимъ голосомъ,
А спроязы́чился язы́комъ человѣческимъ,
А крычитъ говоритъ онъ таково слово:
— А не владѣть этой Марьей Митрiёвичной
— А царю да Кощегу да Трипе́товичу,
— А владѣть этой Марьею Митрiевичной
— А тому да Иванушку Годиновичу! —
А царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
Услыхалъ ворони́но звѣщова́нiё,
Да хватилъ-то онъ скоро свой ту́гой лукъ
А кладываетъ стрѣлочку каленую,
А стрѣли́лъ-то онъ въ це́рнаго во ворона,
А стрѣли́лъ-то, стрѣли́лъ да не попалъ въ ёго.
А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечи́мъ далеко,

А улетѣла тая стрѣлка по подóблачью.
А зашолъ тутъ Кощегъ да во бѣлóй шатеръ,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этая стрѣла да тутъ калéная
А обвернулася стрѣла назадъ обратно есть,
А пала тутъ стрѣла да на бѣлóй шатёръ,
А пала попала въ буйну голову
А царю да Кощегу Трипéтовичу.
Да тутъ-то вѣдь царь Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
А палъ-то онъ на матушку сыру землю,
А облился онъ кровью горючею, —
А только тутъ Кощегушку славы́ поютъ.
Какъ тая эта Марья Митріёвична
А взимала въ руки сабелку вострую,
А начала сабелкой помахивати,
А начала тутъ Марья выговаривати:
«Какъ у женщинъ-то вѣдь да какъ ну́нечку
«А волосъ-то дологъ да вѣдь у́мъ коротокъ.
«А й отъ бéрежка я топерь отка́чнуласе,
«А къ дру́гому какъ я не прика́чнуласе.
«А отсѣчь мнѣ Ивану буйна гóлова».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А не сѣки́-тко ты мни да головушки,
— А топеречка нунь я въ безвремяньицѣ,
— А лучше ты поди да за меня замужъ.
— А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
— Да за эту вину да за великую,
— А дамъ я ти три грóзы небóльшенькіи. —
Да какъ тутъ она Марьюшка роздумаласе:
«А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даётъ,
«А перву даетъ, дакъ я вѣдь годъ прóживу,
«А дру́гую даетъ, дакъ я дру́гой прóживу,
«А трéтьюю даетъ, дакъ я вѣкъ прóживу.

«А отвяжу я-то Ивана отъ сырá дуба,
«Отвяжу-то ему да бѣлы рученьки,
«А отвяжу ему рѣзвы ноженьки».
Отвязала тутъ Ивана отъ сырóго дубà,
А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
Розвязала тутъ ему рѣзвы ноженьки.
Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А взимаетъ въ руки сабелку вострую,
Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженьки,
А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
— А этыхъ мнѣ-ка ноженёкъ не надобно,
— Охапляли какъ поганаго татарина.
— А этыхъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
— Обнимали какъ поганаго татарина. —
Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
— А этыхъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
— А цѣловали что поганаго татарина. —
А только Марьи и Кощéгу славы́ поютъ.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ
Пошолъ-то одинъ да добрый мóлодецъ,
А одинъ-то единъ да единéшенёкъ.
А пришолъ тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
А ко своему ко рóдному ко дядюшки,
А ко тому ко князю ко Владиміру,
А пришолъ-то онъ пришолъ да не привёлъ никого,
А розсказалъ незгодушку великую
А стольнёму-то князю да Владиміру:
— Да ай же ты родной мой дядюшка,
— А стольнёй ты князь да есть Владиміръ нашъ!
— А надо мной была незгода тамъ великая:
— Я покончилъ да царя да Кощега тамъ,
— А царя да Кощега Трипéтовича;
— А Марья была провинилася,
— А сдѣлала вину она великую,

— Да тамъ я Марьюшку покончилъ ю,
— А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженьки,
— А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
— А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
Ино тутъ имъ и славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старыи казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
«Да ай же мои братьица крёсто́выи,
«Крёстовыи-то братьица названыи,
«А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А ѣдь-ко ты Добрыня за синё море,
«Кори-тко ты язы́ки тамъ невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А ты-то ѣдь еще Михайлушка
«Ко тыи ко корбы̀ [1]) ко темныи,
«Ко тыи ко грязѝ ко черныи,
«Кори ты тамъ язы́ки все невѣрныи,
«Прибавляй земельки Святорусскіи.
«А я-то видь старикъ да постарше васъ,
«Поѣду я во далёчо еще во чисто́ поле,
«Корить-то я язы́ки тамъ невѣрныи,
«Стану прибавлять земельки Святорусскіи».
Какъ тутъ-то молодцы да порозъѣхались.

---

1) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить лѣсъ.

Добрынюшка уѣхалъ за синё морё,
Михайла ёнъ уѣхалъ ко корбы̀ ко темныи,
А ко тыи ко грязѝ ко черныи,
Къ цáрю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
Ильюшенька уѣхалъ во чистó поле,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки Святорусскіи.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тоё на дáлечо на чистó полё,
Роздёрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатёръ,
А бѣлъ шатёръ еще бѣлополóтняной.
Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
— А томному молодцу мнѣ голодному;
— А лучше молодецъ я поѣмъ, попью. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лёгъ.
Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходитъ что на выходы высокіи
А смотритъ какъ во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё;
Углядѣла усмотрѣла во чистóмъ поли,
Стоитъ-то тамъ шатёръ бѣлополóтняный,
Стоитъ тамъ шатёръ еще смáхнется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розмáхнется,
Стоитъ шатёръ еще вѣдь ужъ сóйдется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розóйдется.
Какъ смотритъ эта Марья лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:

«А это есте здѣ да руській богáтырь же».
Какъ бросила тутъ трубоньку подзорнюю,
Приходитъ тутъ ко рóдному ко батюшку:
«Да ай же ты да мой рóдной батюшко,
«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
«А далъ ты мнѣ прощенья благословленьица
«Летать-то мнѣ по тихіимъ зáводямъ,
«А пó тымъ по зеленыимъ по зáтресьямъ,
«А бѣлой лебедью трú году.
«А тамъ я налеталась нагулялася,
«Еще вѣдь я наволевалася[1])
«По тыимъ по тихіимъ по зáводямъ,
«А пó тымъ по зелёныимъ по зáтресьямъ.
«А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
«А дрýго ты еще мнѣ-ка трú году
«Ходить гулять-то во дáлечемъ мни во чистóмъ поли,
«А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой».
Какъ онъ опять на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Ай же ты да дочка-та царская мудрёная!
— Когда плавала по тихіимъ по зáводямъ,
— По тымъ по зеленыимъ по зáтресьямъ,
— А бѣлой ты лебёдушкой трú году,
— Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
— А друго-то еще три да трú году,
— А тожно[2]) тутъ я тебя замýжъ отдамъ. —
Какъ тутъ она еще поворотúласе,
Батюшку она да поклонúласе.
Какъ батюшко да даваетъ ей нянёкъ мамокъ-тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этыхъ вѣрныихъ служаночекъ.
Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка

---

1) Т. е. пользовалась волею.
2) *Тожно* — тогда.

Во далечо она во чисто́ полё,
Скоры́мъ скоро̀, скоро́ да скорёшенько,
Не могутъ за́ ней тамъ гнаться няньки-ты,
Не могутъ за́ ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эты всѣ да оставаются,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
«Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
«А вы назадъ топерь воротитесь-ко,
«Не нагоняться вамъ со мной красной дѣвушкой».
Какъ нянюшки вѣдь ёй поклонилися,
Назадъ оны обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
Выходитъ тутъ она ко бѣлу́ шатру,
Какъ у того шатра бѣлополо́тняна
Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьёмъ-то мять[1])
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
— Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
— А что же ржешь ты да копьёмъ-то мнешь
— А во тую во матушку сыру землю,
— Треложишь ты русійского бога́тыря? —

1) *Копьёмъ*, по объясненію пѣвца, тутъ значитъ — копытомъ; «такъ поется», утверждалъ Прохоровъ.

Какъ взглянетъ на дру́гую шатра еще другу сто́рону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
А хочетъ цѣловать милова́ть-то ю,
Какъ тутъ ёна ёму воспрого́воритъ:
«Ай же ты уда́лой доброй мо́лодецъ!
«Не знаю я теби да ни имени,
«Не знаю я тебя ни изотчины.
«А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
«Король ли ты да королевичъ есть?
«Столько знаю да ты русской-то бога́тырь здѣсь.
«А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
«А у меня уста были поганыи,
«А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашiи,
«Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
«А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
«Ты возьми, сади на добра́ коня,
«А ты вези меня да во Кiевъ градъ,
«А проведи во вѣру во крещеную,
«А тожно ты возьми-тко меня за себя́ заму́жъ».
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
Садилъ онъ-то къ себѣ на добра́ коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кiевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кiевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли оны́ тутъ златы вѣнцы,
Какъ клали о́ны заповѣдь великую:
Который-то у ихъ да напередъ умретъ,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ году
Со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей на́живать.
Да тутъ затымъ князь тотъ стольнё-кiевской

Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всихъ могучихъ бога́тырёвъ;
Какъ вси-то о́ны на́ пиръ собираются,
А вси тутъ на пиру наѣдаются,
А вси тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ оны́ тамъ пьянёшеньки,
А стали всѣ оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пиръ, братцы, при весели.
Какъ тутъ-то вѣдь не ясныи соколы
Во чисто́мъ поли еще розлеталися,
Такъ русійскіе могучіе бога́тыри
Въ одно мѣсто съѣзжалися.
А на тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чиста́ поля,
Хвастаетъ Ильюшенка спрого́воритъ:
— А былъ-то я еще во чисто́мъ поли,
— Корилъ-то я язы́ки все невѣрныи,
— А прибавлялъ земельки Святорусскіи.—
Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
«А былъ-то я за славнымъ за сини́мъ моремъ,
«Корилъ тамъ я язы́ки все невѣрныи,
«А прибавлялъ земельки Святорусскіи».
Какъ ино что Михайлушки да чимъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
— Какъ я, у меня нуньчу у молодца
— Получена стольки́ есть молода жена.
— Безумной-отъ какъ хвастатъ молодой женой,
— А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой. —
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныи
— А у тыи у грязи я у черныи,
— А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,

— Корилъ-то я язы́кушки невѣрныи,
— Прибавлялъ земельки Святорусскіи.
— Еще-то я съ царёмъ тамъ во дру́гіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ до́роги тавлеи золоченыи;
— Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
— Безсчётной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
— Повёзъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто́ полё,
— Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилисе,
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіи,
— Спустилъ казну во по́гребы глубокіи. —
На ту пору еще на то времечко
Изъ Кіева тутъ дань поспросиласе
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, вси бо́яра
А тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевски,
«Русійски всё могучіи бога́тыри!
«Когда нунь у Михайлушка казна еще
«Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
«Дакъ нунечку еще да топеречку
«Изъ Кіева нунь дань поспросиласе
«Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
«Пошлемъ-то мы ёго да туды-ка-ва
«Отдать назадъ безсчётна золота казна,
«А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшній».
Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу на По́тыка
Вси князи тутъ бояра кіевски,
Вси русійскіи могучіи бога́тыри.

Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы ко темныи
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ на ёго да на ширoкъ дворъ,
А становилъ онъ добрá коня вѣдь середь широкá двора,
Ко тому столбу ко тоценому,
А привязалъ къ кольцу къ золоценому.
Насыпалъ коню онъ пшены бѣлояровой,
Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новы́мъ сѣнямъ,
А заходилъ въ полату во царскую
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ! —
«Ахъ здравствуй-ко удáлый доброй молодецъ!
«Не знаю я тебѣ да не имени,
«Не знаю я тебѣ не изотчины.
«А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
«Ли король, ли ты королевичъ есть,
«Али съ тиха̀ Дону̀ ты донской казакъ,
«Аль грозной есть посолъ Ляховитскіи,
«Аль старыи казакъ ты Илья Муромецъ?»
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не коро́ль-то я, не королевичъ есть,
— Не изъ тиха̀ Дону̀ не донской казакъ,
— Не грозной я посолъ Ляховитскій былъ,

— Не старый я казакъ Илья Муромецъ.
— А есть-то я изъ города изъ Кіева
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ. —
«Зачимъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
— Зашолъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
— А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
— А я слыхалъ — скажутъ ты охвочъ играть
— Да въ доски-ты шахматны,
— А въ до́роги тавлеи золоченыи,
— А я-то вѣдь еще ужъ также бы.
— Поиграемъ-ко во доски мы шахматны,
— Въ до́роги тавлеи золоченыи.
— Да ахъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Насыпь-ко ты да безсчётной золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
Какъ ино тутъ Михайлушко спрого́воритъ:
— Ахъ ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— А бью я о головки молодецкіи,
— Какъ я теби буду служить да слугою вѣрною
— А сорокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
— За сорокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
Какъ этотъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ
Охвочъ играть во доски-ты шахматны
А въ до́роги тавлеи золоченыи,
Всякого-то вѣдь онъ да по́игралъ.
Какъ тутъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
А набъ мнѣ молодца да повыиграть.
Какъ тутъ они наставили дощечку-ту шахматну,
Начали оны по дощечки ходить гулять.
А тутъ Михайлушка ступе́нь ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой какъ ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А тре́тій что ступилъ, его по́игралъ,
А выигралъ безчётну золоту казну
А сорокъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.

Говоритъ промолвитъ таково слово:
— Да ахъ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
— Топеречку еще было нунечку
— Дань изъ города изъ Кіева спросиласи.
— Тебѣ-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ
— Какъ эта безсчётна золота казна,
— А за двѣнадцать годъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
— Назадъ-то вѣдь тутъ дань поворотиласе. —
Какъ тутъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣеву
А стало зарко есть, роззадорило,
Стало жаль безсчётной золотой казны.
Какъ говоритъ Михайлы таково слово:
«А молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А поиграмъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
«Насыплю я безсчётной золотой казны
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
«А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
«А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ».
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкіи,
Наставили тутъ доску-ту шахматню,
Какъ начали оны тутъ ходить гулять
По тыи дощёчки по шахматнёй,
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А тре́тій-то ступилъ, ёго й по́игралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговоритъ опять ёнъ таково слово:
«Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ
«Во тыи во дощечки во шахматни.
«Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ

«А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
«А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
«А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
«А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ:
«А ты бей-ко о головки молодецкіи,
«Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
«А будь ты мнѣ служить да до смерти-то».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головки молодецкіи,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощёчку тутъ шахматню.
А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не до́ступилъ,
А дру́гой-то ступилъ, самъ приза́ступилъ,
А третій какъ ступилъ, ёго и по́игралъ,
Выигралъ безсчётну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времечко
А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затымъ выговаривать
А тымъ а тымъ язы́комъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играшь молодецъ да проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ
А во полаты тутъ да во царскіи,
А терема вси тутъ пошаталисе,

Хрустальніи оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра вси мертвы́ лежатъ,
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ роскоракою.
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Ахъ молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Оставь ты мнѣ бояръ хоть на си́мена,
«Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ».
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчётну золоту казну
— Во стольнёй-отъ городъ да во Кіевъ градъ. —
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра́ коня,
Сѣдлатъ, самъ выговариватъ:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А нёсъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунь домой меня во три́ часу. —
Приправливалъ Михайлушка добра́ коня,
Пошолъ ёнъ поскакалъ ёго добрый конь
Рѣки-ты озёра перескакивать,
А тёмной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три́ часу.
Розсѣдлывалъ коня тутъ розуздывалъ,
А насыпа̀лъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,
Закрычалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же мои братьица крёсто́выи,
— Крёстовыи вы братьица названыи,
— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую. —

Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то оны уда́лы снаряжалися,
Приходятъ оны къ брату крёстовому,
Къ мо́лоду Михайлы да къ По́тыку:
«Ай же братъ крёстовыи нашъ названыи?
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ты,
«Русійскіихъ могучихъ насъ бога́тырёвъ?»
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же мои братьица крёстовыи,
— Крёстовыи вы братьица названыи!
— Стройте вы колоду бѣлоду́бову,
— Итти-то мнѣ во матушку во сыру́ землю
— А со тыимъ со тѣломъ со мёртвыимъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три́ году,
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было тамъ мни на три́ году запасу-то. —
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи
Скоры́мъ ско̀ро, ско̀ро да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлоду́бову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ тро́и-ты кле́ща-ты,
А трои прутья еще да желѣзныи,
А трои еще прутья оловяныи,
А третьи напослѣдъ еще мѣдныи.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлоду́бову
А со тыимъ со тѣломъ со мертвыимъ,
Какъ братьица крестовы тутъ названыи
Да на́били оны обручи желѣзныи
На тую колоду бѣлоду́бову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую въ суботу въ христовскую;
Какъ тутъ эты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,

А братья что крёсто́выи названыи,
Копали погребъ тутъ оны глубокіи,
Спустили ихъ во матушку во сыру́ землю,
Зарыли-то ихъ въ желты́ пески.
Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзе́мелью,
Приходитъ къ той колоды бѣлоду́бовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дёрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Дру́гой-отъ разъ еще она й дернула,
А рядъ-то ёна тёсу тутъ сдёрнула
А со тыи колоды бѣлоду́бовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на́ ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ кле́щи желѣзныи.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Тре́тій еще разъ она дёрнула,
Остатній-то рядъ она сдёрнула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказалися,
Да тутъ тая змѣя зрадова́лася:
«А буду-то я нуньчу сытая,
«Сытая змѣя не голодная.
«Одно есте тѣло да мёртвое,
«Дру́га жива головка человѣческа».
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во кле́щи-ты,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
А почалъ бить поганую ю въ одноконечную[1]).
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живу́ воду́ да въ три́ году».

---

1) Т. е. безъ перерыва, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

Какъ бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А я принесу я-то живу́ воду́ да въ два́ году».
— Да нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу-то я тебѣ живу́ воду́ въ одинъ-то годъ».
А росхлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
О тую змѣю о проклятую,
Хватилъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу тебѣ живу́ воду́ я въ полъ-году».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живу́ воду́ въ три мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу живу́ воду́ въ два мѣсяца».
— А нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
А росхлысталъ онъ прутья оловянныи,

Хватилъ-то онъ прутья да мѣдныи,
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«А принесу я ти живу́ воду́ а въ мѣсяцъ-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Какъ молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живу́ воду́ въ недѣлю-то».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А принесу я ти живу́ воду́ въ три-то дни».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Принесу я ти живу́ воду́ въ два-то дня».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать. —
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
«А принесу живу́ воду́ въ одинъ-то день».
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать. —
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живу́ воду́ въ три́ часу».
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ

Какъ этую змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себи змѣёнышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣёй со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзе́мелью,
Принесла она живу́ воду́ въ три́ часу.
Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
А какъ роздернулъ-то змѣёныша на двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ одно́ мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
Какъ сросся-то змѣёнышъ, сталъ по старому;
А въ дру́гiихъ помазалъ — шевелился онъ,
А въ тре́тьiихъ-то збрызнулъ — побѣжалъ-то какъ.
Какъ го́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же ты змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ти не́ ходить по подзе́мелью,
— А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мёртвыихъ. —
Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подзе́мелью
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мёртвыихъ,
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызну́лъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдь этою,
Какъ тутъ она еще да вѣдь вздро́гнула.
Какъ дру́гой разъ збрызну́лъ — она сидя сѣла-то,
А въ тре́тьiихъ-то онъ збрызну́лъ — она повыстала,
А далъ воды́-то въ ротъ — она заговорила-то:
— Ахъ мо́лодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечку спа́ла-то. —
«Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
«А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая».

Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумалс.
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, удумалъ онъ,
А закрычалъ Михайла во всю голову.
Какъ этоё дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки христосскіи
На тую на буевку да на ту сыру́ землю.
Какъ ино вѣдь народъ еще пріуслу́хались,
А что это за чудо за диво есть,
Мертвыи въ земли закрычали вси.
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто оны сходилися,
Сами тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
— А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
— А со тыимъ со тѣломъ со мёртвыимъ,
— А ёнъ крычитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ. —
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
Розрыли какъ оны тутъ жолты́ пески,
Ажно тамъ оны да обы́ живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрёна она дочка безсмёртная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ

А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилоси,
Стольки тутъ дома да слу́чился
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далечо еще во чисто́ поле,
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ три́ часу.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ прокламдается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ,
Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«А ты поди-ко Марья за меня заму́жъ,
«А за царя ты за Ивана за Окульева».
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
«А ты поди поди за меня заму́жъ,
«А будешь слыть за мной ты царицею,
«А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
«А будешь станешь слыть портомойница
«У стольняго у князя у Владиміра».
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
— А лучше буде слыть мнѣ царицею

— А за тымъ за Иваномъ за Окульевымъ. —
Какъ ино тутъ она еще на то укидаласи,
Позвалась, пошла за ёгó замýжъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло проклаждается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь было любимá семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая,
Замýжъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну богáтырь пробуждается,
Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то ёго братьица прiѣхали,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
«Да ай же мои братьица крестовыи,
«Крёстовыи вы братьица названыи!
«А гдѣ-то есть моя молода жона,
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
Какъ тутъ ёму онѝ воспрогóворятъ:
— Какъ слышали отъ князя отъ Владимiра,
— Твоя-то тамъ есте молода жена
— Она была вѣдь нунечку замýжъ пошла
— А за царя-то за Ивана за Окульева. —
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
«Ай же мои братьица крестовыи!
«Пойдемте [1]) мы, братьица, за имъ слѣдъ [2]) съ угоною».
Говорятъ ему таково слово:
— Да ай же ты нашъ братецъ крестовый былъ!

1) Т. е. поѣдемте.
2) Т. е. вслѣдъ.

— Не честь-то намъ хвала мо́лодцамъ
— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тобя,
— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
— А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодецъ,
— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай,
— А застанешь ты вѣдь ихъ на чисто́мъ поли,
— А отсѣки ты тамъ царю да головушку. —
Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чисто́мъ поли.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку По́тыка,
Какъ тутъ скоро наливала пи́тей она,
А питей наливала да сонныихъ.
Подходитъ тутъ къ Михайлы да къ По́тыку:
«Ахъ мо́лодъ-то ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Меня сило́мъ везе́тъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ
«Какъ выпей-ко ты ча̄ру зелена́ вина
«Со тоски досады со великіи».
Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена́ вина,
А по другой да тутъ душа горитъ,
Дру́гую-то онъ выпилъ да вѣдь тре́тью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ допьяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А отсѣки Михайлы ты головушку».
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить что мни мёртваго.
— А лучше онъ проспится протверезится,

— Дакъ буду я бить-то ёго силою,
— Силою я войскомъ великіимъ,
— А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —
Какъ тутъ она еще да скоры́мъ скорò
Приказала-то слугамъ она вѣрныимъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ёй тутъ да вѣрныи
Копали оны яму глубокую.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру́ землю,
А приказала-то зарыть его въ песочики жолтыи.
Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чисто́мъ поли.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Самы какъ говорятъ промежу́ собой:
«А нѣтъ жива̀-то братца же крестоваго,
«Крестоваго-то братца званаго,
«Молода́ Михайлушки По́тыка».
Садились тутъ оны на добры́хъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ оны по чисту́ поли,
Михайлинъ еще конь наперёдъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьёмъ-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эты братьица крестовыи:
«А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
«А молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ».

Какъ тутъ-то вѣдь оны да скоры́мъ скорò
Копали эту яму глубокую,
А ёнъ-то тамъ проспался, прохмѣлился, протверезился.
Скочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвы́ ноги,
Какъ гóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
Говорятъ тутъ братья таково слово:
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
«Она-то вѣдь ужъ нунечку заму́жъ пошла
«А за прекраснаго царя да за Окульева».
— Поѣдемте мы братьица съ угоною. —
Какъ говорятъ оны тутъ таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
«А стыдно намъ буде да похабно е.
«А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
«Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистóмъ поли,
«А ничего больше ты не слѣдуй-ко,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется.
Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
Засталъ-то ихъ опять на чистóмъ поли,
А у тыхъ розстанокъ у крестовскiихъ,
А у того креста Леванидова.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая
Молодà Михайлу тутъ Пóтыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной гóловы,
— А отсѣкетъ Михайла ти головушку. —
Какъ тутъ она опять скоры́мъ скорò
А налила питей еще сонныихъ,

Подноситъ-то Михайлушки Пóтыку,
Подноситъ-то, сама уговариватъ:
— А какъ межéнный день не можетъ живъ-то быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я не ѣсть не пить,
— Не ѣсть не пить, не могу больше жи́ва быть
— А безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зеленá вина. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ, по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ, самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову,
— Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
«А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
«А пусть-ко онъ проспится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
«А рать-то я вѣдь силушкой великою».
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-ту великую. —
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку Пóтыка,
Какъ бросила Михайлу черéзъ плечо,

А бросила, сама выговариватъ:
— А гдѣ-то былъ удáлой добрый молодецъ,
— А стань-то бѣлъ горючіи камешокъ,
— А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли трú году,
— А черезъ трú году проди-ко онъ скрозь матушку скрозь сыру землю. —
Поѣхали оны тутъ впередъ опять,
А пріѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мóлода Михайлы Пóтыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежý собой:
«А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
«А молода Михайлу Пóтыка Иванова».
Какъ справились ёны̀ тутъ каликамы,
Идутъ оны путёмъ да дорожкою,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
— А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ! —
А онъ-то ихъ знаетъ да оны̀ не знаютъ кто:
«А здравствуй-ко ты еще дѣдушко».
— А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
Какъ тутъ-то оны вѣдь думу думаютъ,
Самы-то говорятъ промежý собой:
«Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
«А гди ёму да гнаться за намы-то!»....
«А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарища».
Пошолъ рядóмъ съ имá тутъ дѣдушко,
Пошолъ рядóмъ, еще напередъ-то ихъ.

А стали какъ ёны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду ёго держать-то.
Какъ тутъ пришли въ землю́ въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамѣёвной.
Какъ стали тутъ оны̀ да рядо́мъ еще,
Закрычали тутъ оны̀ во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще мило́стину спасе́ную. —
Какъ тутъ-то въ земли Сарацынскіи
Теремы̀ во царстви пошаталися,
Хрустальніи оконницы посыпались
А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по по́ясу бросаласе.
А этая-то Марья лебедь бѣлая,
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотритъ, что сама воспрого́воритъ:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А это не калики, есте русскіи бога́тыри:
«Старыи казакъ Илья Муромецъ
«А молодой Добрынюшка Микитичъ-онъ,
«А тре́тей я не знаю какой-то е.
«Возьми каликъ къ себи, ты корми́ пои».
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны
А во тую полату во царскую,
Кормили-то поили каликъ оны досыти,
А досыти кормили ихъ да до́пьяна,
А на́дали имъ злата тутъ се́ребра,
Насы́пали-то имъ да по по́дсумку.
Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольнёму ко городу ко Кіеву,
А о́тошли отъ царства ровно три́ версты,
Забыли оны братца что крестоваго,

А молода Михайлу По́тыка Иванова.
Какъ отошли оны, затымъ вспомнили:
— Зачимъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
— Молода Михайлу По́тыка Иванова. —
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Самы̀ тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушку По́тыка? —
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчатъ-то имъ таково слово:
«А вашъ-то есте братецъ крестовыи —
«Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскіихъ,
«А у того креста Леванидова,
«А бѣлыимъ горючіимъ камешкомъ».
Какъ тутъ оны поклонились воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою;
Смотрятъ, ищутъ братца-то крестоваго,
Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да братья все крестовыи!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго,
— А мо́лода Михайлу По́тыка Иванова. —
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводитъ этыхъ братьицовъ крестовыихъ
Ко тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
«А скидыва́йте-ко вы братцы съ плечъ по́дсумки,
«А кладьте вы еще па сыру землю,
«А высыпайте вы да злато се́ребро,
«А сыпьте-тко все вы въ одно мѣсто».
Какъ высыпа́ли злато они серебро

А со тыихъ со тыхъ да со по́дсумковъ,
А сы́пали оны́ тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить,
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
— Ай же ты да дѣдушко древный былъ!
— А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровно́-то бы? —
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
«А кто-то этотъ зды́нетъ да камешокъ,
«А кинетъ этотъ камень черéзъ плечо,
«Тому двѣ кучи да злата сéребра».
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А приздыну́ть тотъ камешокъ горючіи.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здыну́лъ его,
Здыну́лъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не мо́гъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здыну́лъ онъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этотъ-то ёнъ камешокъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
«А гдѣ-то былъ горючій бѣлой камешокъ,
«А стань-ко тутъ уда́лый доброй молодецъ,
«А молодо̀й Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Подлекчись-ко Михайлушка леккимъ-лекко!»
Взималъ-то ёнъ да кинулъ черéзъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрого́воритъ:
«Ай же вы бога́тыри русьскіи!

«А я-то есть Микола можайскіи,
«А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
«А я-то вамъ есть русскіимъ бога́тырямъ».
Да столько оны видли старичка тутъ бы.
Какъ строили оны тутъ часовенку
Тому оны Миколы можайскому.
Какъ тутъ этотъ Михайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:
— Ахъ же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Твоя-та еще есть молода жена
«Заму́жъ пошла за царя за Ивана за Окульева».
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
— Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною. —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«Итти намъ за чужой-то жоно́й вѣдь за бабьею.
«Какъ мы-то за тобой, доброй молодецъ,
«Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
«Поди-тко ты одинъ, доброй молодецъ,
«А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую».
Какъ скоро шолъ Михайла-онъ По́тыкъ-тотъ,
А приходилъ въ землю Сарацынскую;
Иде́тъ-то онъ къ полаты ко царскіи.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ налила питей она сонныихъ
А тую эту чару зелена́ вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной го́ловы,

— А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ. —
Какъ тутъ она подходитъ близёшонько,
А клонится Михайлы понизёшонько:
— Ахъ ты молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Сило́мъ увёзъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
— Какъ нунечку еще было топеречку
— Меже́нный день не можетъ живъ-то быть
— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я да вѣдь жи́ва быть,
— А жи́ва быть, не могу-то ѣсть ни пить.
— Топерь твои уста были печальнiи,
— А ты-то вѣдь въ великой во кручинушки,
— А выпей-ко съ тоски ты со досадушки
— А нунечку какъ чару зелена́ вина. —
Какъ выпилъ-то онъ чару по другой душа горитъ,
А дру́гу выпилъ, еще третью слѣдъ.
Напился тутъ Михайлушка допьяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сыру́ землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову. —
А говоритъ-то царь таково слово:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
«А лучше пусть проспится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду бить ёго я вѣдь войскомъ-тымъ
«А силушкой своёй я великою.
«Какъ я ёго побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
«По всёй орды еще да селенныи».
Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая

Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ ёна да вѣдь пять гвоздовъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ па́зухи,
Стащила что къ стѣны-то городо́выи,
Роспялила Михайлу она на стѣну,
Забила ёму въ ногу да гвоздь она,
А въ дру́гую забила друго́й она,
А въ руку-то забила ёна̀, въ дру́гу такъ,
А пятой-отъ гвоздъ ена обронила-то.
Какъ тутъ она еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣло́ лицо,
Обли́лся-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ ино тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А бы́ло-то сестрица да ро́дная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣны къ городовыи,
А смотритъ: тутъ задёрнута черна́я за́вѣса,
Завѣшанъ тутъ Михайлушко По́тыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь за́вѣсы отдёрнула,
А смотритъ на Михайлушку По́тыка.
Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодецъ,
Какъ тутъ ему она воспрого́воритъ:
— Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя́ замужъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тыи отъ смерти безнапрасныи. —
«Да ай же ты Настасья Окульевна!
«А я тебя возьму за себя замужъ».
А клалъ-то ёнъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скоры́мъ скоро̀ бѣжала въ кузницу,
Взимала о́на клёщи тамъ желѣзныи,

Отдирала отъ стѣны городо́выи
А молода́ Михайлушку По́тыка.
Взимала тамъ она съ тю́рьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка По́тыкъ-тотъ,
А утащила тутъ Михайлушку По́тыка
Въ особой-то покой да въ потайныи.
Какъ взяла о́на на́добей здравыихъ,
Скоры́мъ скоро̀ излѣчила тутъ Михайлушку.
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
— А набъ-то те́би латы и кольчуги нунь.
— А набъ-то те́бѣ сабля-та вострая,
— А палица еще богатырская,
— А набъ-то тебѣ да добра́ коня? —
«Ай же ты Настасья Окульевна!
«А надо, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь».
Какъ тутъ она да скоры́мъ скоро̀ скорешенько
Приходитъ да ко ро́дному братцу-то:
— Ай же ты мой братецъ родимыи,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А я-то красна дѣвушка нездрава е.
— Ноче́сь мнѣ во́ снѣ-ви́дѣньи каза́лось ли,
— Какъ далъ ты ужъ мнѣ бы добра́ коня,
— А́ латы-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
— А палицу еще богатырскую,
— Саблю да во третьiихъ вострую,
— Да здра́ва-то бы стала красна дѣвушка. —
Какъ онъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
А палицу еще богатырскую,
Даваетъ въ третьiихъ саблю-ту вострую,
Давалъ онъ ей еще тутъ добра́ коня,
Добраго коня богатырскаго.
Какъ тутъ она сокрутилась обладилась,

Обсѣдлала коня богатырскаго,
Какъ отъѣзжала тутъ она на чистó поле,
Говорила-то Михайлушки Пóтыку,
Какъ говорила тамъ она ему въ потай еще:
— Приди-ко ты Михайла па чистó поле,
— А дамъ я теби тутъ добрá коня,
— А дамъ теби латы кольчуги вси,
— А палицу еще богатырскую,
— А саблю еще дамъ я ти вострую. —
А отходилъ Михайла на чистó поле,
А пріѣзжатъ Настасья-та Окульевна
На тоё на то на чистó поле
А ко тому Михайлушки къ Пóтыку,
А подоватъ скоро ему тутъ добра коня,
Палицу свою богатырскую,
А латы-ты, кольчуги богатырскіи,
А саблю-ту еще она вострую;
Сокрутился тутъ Михайлушка богáтыремъ.
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Бѣжала-то она назадъ домой скоры́мъ скорò,
Приходитъ-то ко рóдному братцу-то:
— Благодаримте тéбя братецъ мой родимыи!
— А далъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добрá коня,
— А палицу ты мни богатырскую,
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А съѣздила я вѣдь прогуляласе,
— Стала здрáва я вѣдь нуньчу красна дѣвушка. —
Сама она подвы́стала на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоѐмъ на томъ добрóмъ кони.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжатъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тыи полаты ко царскіи;
Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:

— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Згубила насъ сестра твоя ро́дная,
— А та эта Настасья Окульевна. —
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущаласе.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушки По́тыку:
— Ахъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
— Не можетъ-то меже́нный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, а мо́лодой Михайла сынъ Ивановичъ,
— Не могу-то я вѣдь жи́ва быть,
— Не ѣсть, не пить, не жи́ва быть.
— Какъ топерь твои уста нунь печальніи,
— Печальніи уста да кручинніи,
— А выпей-ко ты чару зелена́ вина
— Со тыи тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великіи. —
А проситъ-то она во слёза́хъ ёго,
А во тыхъ во слёзахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка По́тыкъ-онъ
Занёсъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толну́ла ёна̀ ёго по́дъ руку, —
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Напередъ отсѣкъ-то Марьи буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да прекрасному Ивану Окульеву, —
А только-то вѣдь имъ тутъ славы́ поютъ, —
А придалъ-то онъ имъ да горьку́ю смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,

А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замýжъ;
Пошли оны во церковь во Божiю,
Какъ приняли оны тутъ златы вѣнци.
Придáлся тутъ Михайлушка на царство-то.
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежного.

Записано тамъ же, 27 iюля.

53.

СОЛОВЕЙ БУДИМIРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54).

А мхи были болота въ помóрской сторонѣ̀
А гольняя щелья[1]) въ Бѣли́-озерѣ̀,
А тая эта зябель въ подсѝверной страны,
А сраны сарафаны по Мóши по рѣкѝ,
Да рострубисты становицы въ Кáргополѝ,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскiе,
А широки врата да чигари́нскiе.

А изъ-подъ дуба дуба дуба сыраго,
А изъ-подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
Да какъ устьёмъ бѣжитъ да во синё море,
А во то во сине́ море во Турецкое;
А по той ли по матушки по Вóлги рѣкѝ
А бѣжало бѣжитъ а тридцать три́ корабля,
А еще тамъ бѣжало бѣжитъ да безъ óдного,
А одинъ тотъ корабль есть лучше краше всѣхъ.
Да какъ тутъ въ кáраблю было написаноё,

---

1) *Щелья* — скала; что значитъ *гольняя*, пѣвецъ не умѣлъ объяснить въ точности.

Да какъ тутъ въ ка́раблю напеча́таноё,
А написанъ-то носъ-отъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному.
Тутъ кадо́лы[1]) канаты были ше́лковыи,
А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
А ты эты коржи́нья[2]) подзоло́ченыи.
Да̀ какъ тутъ было въ томъ ка́раблю
Да младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
А со своима со дружинама съ хоро́брыма,
А хоробрыма дружинама Соловьёвыма,
Ино со своею со ро́дною со ма́тушкою̀.
Говоритъ тутъ Со́ловей таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинья Соловьёвыи!
«Да слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы̀,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте-ко шестики мѣ́рныи вы̀,
«А миряйте-ко лу́дья[3]) морски́-то эты̀,
«А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны̀.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А взимайте въ руки трубоньки подзорніи,
«А глядите вы смотрите славный Кіевъ градъ,
«А тую эту присталь ка̀рабельную,
«Чтобы намъ молодцамъ еще попа́сти туда̀».
Да тутъ ѣхали проѣхали что мо́лодцы оны̀,
Да попали въ эту присталь карабельную,
А подъ сто́льной-отъ подъ городъ какъ подъ Кіевъ градъ.
Да какъ тутъ Со́ловей сынъ Гуди́міровичъ

---

1) Т. е. снасти, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

2) *Коржинья*, по словамъ Прохорова, значитъ «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

3) *Луда* — мѣсто, усѣянное подводными камнями.

Еще го́воритъ промолвитъ таково слово:
«Ахъ вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинки Соловьёвыи!
«А слушайте-тко бо́льшаго й ата́мана-то вы̀,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте перву сходенку во́лжаную̀,
«А дру́гую сходенку сере́бряную,
«А тре́тью еще сходенку красна́ золота̀,
«А бросайте-ко сходенки на кру́тъ бережо̀къ».
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьёвыи,
А взимали перву сходенку тутъ во́лжаную,
А другу́ю сходенку серебряную,
Ино третьюю сходенку красна́ золота,
А бросили сходенки на кру́тъ бережо̀къ.
«А по во́лжаной сходенки ва́мъ братцы итти̇̀,
«Все моимъ дружинушкамъ хоробрыимъ,
«А хоробрыимъ дружинушкамъ Соловьёвыимъ;
«А по серебрянымъ сходенкамъ ма́тушки моѐй,
«А по зо́лотой сходенкѣ мнѣ́-ка итти̇̀,
«А мла́дому Со́ловью сыну Гуди́мірову̀».
Да какъ тутъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровѝчъ
А взимаетъ онъ подарочки великіи,
Да со́рокъ сороко́въ тутъ черны́хъ соболѐвъ,
А ме́лкого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
А взимаетъ тутъ ѳлакі̇̀ да замо́рскіи камкі̇̀,
А заморскіи камочки золоче́ныи,
Да приходитъ онъ къ князю къ Володи́меру,
А во́ тую во гридню во столовую.
А крёстъ онъ кладываа́е по писа́ному,
А поклонъ онъ вѣдь вёлъ да по уче́ному,
А клонится онъ на четы́ре на всѣ̀,
А на вси четыре на сторонушки,
А стольнёму князю-то въ осо́бину.

А здравствуетъ князя тутъ съ княгиною:
«А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
«А со́ своей княгиной со Апраксіёй,
«А со́ своей любимой со племянницей!»
Да какъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
— А здравствуй ты удалый добрый молодецъ!
— Не знаю я тебя ни по имени,
— А знаю что тебя да по изотчинѣ,
— А царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
— Ли король ли ты есть, королевичъ ли,
— Али съ тиха́ Дону̀ ты донской казакъ,
— Али грозныи посолъ ты ляховитскій бы? —
«Да не царь-то я, да не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«А не изъ тиха́ Дону я донско́й казакъ,
«А не грозныи посолъ я ляховитскій былъ;
«А есть какъ я зъ-за славнаго синя́ моря,
«А я есть младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ.
«А я пришолъ-то къ теби да здѣ докла́дъ держу̀,
«А на-ко ти подарочки вели́кіи мои̇̀,
«А на́ ти сорокъ сороковъ моихъ че́рныхъ соболѐвъ,
«А ино мелкого звѣрю еще смѣту нѣтъ.
«А на-тко ты княгиня да Опраксія,
«А на-тко ты подарочекъ великіи,
«А возьми-тко ты флаки̇̀ да замо́рскіи камки̇̀,
«А заморскіи камочки золоче́ныи».
А приниматъ-то княгиня да восхва́ливатъ:
— А ты младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ!
— А спасибо за подарочки великіи.
— А не бывать-то зди камки такой во Кіеви
— И не бывать, не бывать да не быва́ть таково̀й. —
Да тутъ князь-то еще да стольнё-кіевской
Онъ тутъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
«Ай младъ Солове́й да сынъ Гуди́міровичъ!

«А чимъ-то мнѣ-ка тебя жа́ловати
«А за эти подарочки великіи?
«Города ли тебѣ надо съ пригородками,
«Аль села ли тебѣ надо е съ присёлками,
«Али много набъ безсчетной золотой казны?»
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Да ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— А не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
— Да не набъ мнѣ-ка селъ да съ присёлками,
— А не набъ-то мни безсчетной золотой казны,
— А у меня да своей есте долюби.
— А столько ты мнѣ позво́ль-ко ещѐ
— А поставить построить мнѣ-ка три́ теремà,
— А три терема мнѣ златове́рхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— А гди маленьки ребятка да са́йки продаю̀тъ,
— А гди сайки продаютъ да гди бары́шничаю̀тъ.—
А говоритъ промолвитъ таково слово
Ино тотъ ли князь да стольнё-кіевской:
«Ахъ ты младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ!
«Куды знаешь туды ста́вь-ко ещѐ,
«А за эти подарки за великіи».
Да скоро Со́ловей тутъ поворо́тъ держалъ.
Приходитъ ко дружинушкамъ хоробрыимъ,
А хоробрымъ дружинамъ Соловьёвыимъ,
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
— А хоробрыи дружинья Соловьевыи!
— А вы слушайте-ко бо́льшаго ата́мана-то вы,
— А скидыва́йте съ себи пла́тьица цвѣтныи,
— А надѣвайте на ся платьица лосиныи,
— А лосиныи платьица звѣриныи,
— Да взимайте-тко топорички булатніи,
— А стройте-то ставьте братцы три́ теремà,

— А три терема-то златоверхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— Что верхи бы съ верхамы завивалиси,
— А что къ утру къ свѣту чтобы готóвы былѝ
— А готовы былѝ мнѣ-ка жить перейтѝ. —
Какъ эты тутъ дружинушки хоробрыи
Оны слушали-то бóльшаго й атáмана онѝ,
Скидывáли съ сéбе платьица цвѣтныи онѝ,
Надѣвали на ся платьица лосúныи онѝ,
Да взимали тутъ топорики булатніи,
А ставили строили тутъ трú теремà,
А три терема да златоверхіихъ,
Что верхи-ты съ верхами завиваются,
А къ утру къ свѣту готóвы онѝ,
А готовы оны да мошно жúть перейтѝ.
Да какъ тутъ Соловéй сынъ Гудúміровичъ
А въ тыи тéремы да сбирáется ѐнъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
А съ хоробрыма съ дружинамы Соловьёвыма,
А со своёй со рóдною со мáтушкоѝ.
Да тутъ-то вѣдь у князя Володúмера
Ино тая-то любимая племянница,
Мóлода Любавушка Забавишна,
Да взимаетъ въ руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокіи,
А смотритъ въ эту трубоньку подзорнюю
А по городу по городу по Кіеву;
А углядѣла усмотрѣла тамъ и три теремà,
А три терема да златоверхіи,
А верхи что съ верхамы завиваются,
Середь города да середь Кіева.
Какъ бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходитъ ко рóдному къ дядюшкѣ,
Еще стольнему князю къ Володимеру.

«Да ай же ты мой ро́дной дядюшка!
«Да позволь-ко ты мни да красной дѣвушкѣ
«Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
«Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу».
Да онъ-то вѣдь на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ай же ты да моя любимая,
— Ай любимая любима племянничка!
— А сходи-тко ты прогуля́йся туда̀. —
Ино тутъ эта любима племянница,
Да скоры́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорёшенько,
Да вѣдь тутъ-то она да сокруча́лася,
А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
Да къ первому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему́ да шопотко́мъ говоря̀тъ,
А тутъ-то Соловьёва родна матушка
Да какъ молится-то Господу Бо́гу она̀.
Да къ дру́гому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
А тая-то любимая племянница,
Ино въ томъ терему̀ да тамъ-то стукъ да гремъ.
А тутъ-то Соловьёвыи дружинушки
Тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гуди́мірова.
Да какъ къ тре́тьему къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему̀ да младъ сидитъ да Со́ловей,
А младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьёвыма,
А на тоёмъ стулѣ золочёноёмъ,
А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пе́сенки пою̀тъ,
Во музы́ки да во скрыпочки наи̇грываю̀тъ.
Да какъ тутъ эта любимая племянница
Да подходитъ она къ ему ближе́шенько

А клонится она понизёшенько:
«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ
«Со своима со дружинамы съ хоробрыма!»
Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
— А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
Да тутъ-то она къ ему спрогóворитъ:
«Ай ты младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ!
«А возьми-тко меня ты за себя́ заму́жъ».
— Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвушка въ любовь пришла,
— А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
— А сама ты сéбя дѣвка просва́тываёшь.
— А твое бы-то дѣло да не этта[1]) быть,
— А не этта быть, да дома жить,
— А дома-то жить да ти коровъ кормить,
— А коровъ-тыхъ кормить да ти телятъ поить. —
А тутъ стало дѣвки не любёшенько,
Не любёшенько не хорошохонько,
А стало тутъ дѣвушки похабно ёй.
А тутъ скоры́мъ скорò, скорò скорò скорешенько,
А дѣвушка она да поворотъ держитъ.
А на то младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ
Ино на то да не сердился есть,
Да скоры́мъ-то скорò, скорò скорешенько,
А тутъ слѣдъ-то онъ шолъ больши́мъ сватомъ,
Да приходитъ онъ къ князю Володимеру,
Ино вó тую въ гридню во столовую,
Да онъ-то вѣдь ёму́ тутъ докладъ держитъ:
— А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
— А сó своей съ княгиной со Опраксіей,
— А сó своей съ любимой со племянницей,
— А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
Какъ онъ-то ёго вѣдь здравствуе:

1) *Этта* — здѣсь.

«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ!
«А ты зачѣмъ зашолъ да здѣ докла́дъ держишь?»
— Да я зашолъ-то да здѣ докла́дъ держу
— А о добромъ дѣли́ здѣ о сва́товствѣ.
— Да есть у тя любимая племянница,
— А нельзя ли-то отдать да за меня́ заму́жъ? —
Да какъ сдѣлали оны тутъ рукоби́тьицо,
Да просваталъ тутъ-то князь да стольнё-кіевской
А ту эту любимую племянницу
А за млада Со́ловья сына Гуди́міpова.
А какъ шли оны во церковь тутъ во Божію,
Да тутъ приняли они да что ль златы вѣнцы,
А младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
А съ мо́лодой Любавушкой Забавичной.
А какъ тутъ-то скоры́мъ да скорёшенько
Да завіяла пошла да тутъ-то по́витерь[1])
По тому-то да синю́ морю,
Да тутъ младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ,
А скоры́мъ-то скоро̀ да онъ скорёшенько,
А тутъ-то со княземъ роспрощается,
А самъ на ка́рабли да онъ сбирается
А съ той молодой Любушкой Забавишной,
Да со сво́има со дружинамы съ хоробрыма,
А со сво́ей со ро́дною со ма́тушкою̀.
Какъ тутъ на карабли да собираются,
Обираютъ тутъ оны да три те́реми *(такъ)*,
Ино три терема̀ да златоверхіихъ,
А на ты́и на эты да на ка́рабли.
А поѣхалъ онъ тутъ да вѣдь домо́й еще,
А домой-то домой да въ свою сторону,
А за славное за славно за синё море.
А началъ тутъ онъ да жить-то быть,

1) Т. е. попутный вѣтеръ.

А жить-то быть да семью́ сводить,
А семью сводить да дѣте́й нажива̀ть.
А сталъ-то онъ тутъ по здоровому,
А сталъ-то онъ да по хорошему.

Записано тамъ же, 26 іюля.

54.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 57).

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ,
А чтобы тутъ еще да всяко званье-то
А шло бы да къ Василью на почестный пиръ.
Какъ тутъ-то мужики-ты новгородскіи
Приходятъ къ Васильюшку Буславьеву
А па тотъ-то на почестный пиръ.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
А на̀чалъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
А тыихъ мужиковъ да новгородскіихъ, —
Какъ взялъ-то онъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ подскочилъ Васильюшко къ малому къ упавому[1]) Потанюшкѣ,
Какъ ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
Ударилъ онъ его тутъ черны́мъ вязомъ, —
Стоитъ-то тотъ Потанюшко не стря́хнется,
А жолтыи кудёрка не сворохнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ ёго Потанюшку въ большой уголъ,
А во большой уголъ еще за большой-отъ столъ,
Кормилъ поилъ Потанюшку да досыти,

---

1) *Упавый* — красивый.

А досыти Потанюшку да до́пьяна.
Опять-то взялъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
Какъ тутъ скоро́ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то Васильюшко да Ѳомушку,
Толстого Ѳо́му благоуродлива;
Стоитъ тутъ Ѳо́ма да вѣдь не стря́хнется,
Жолтыи кудёрка не своротнутся, —
А то моя дружинушка хоробрая!
Садилъ онъ и Ѳо́му за большой-отъ столъ,
За большой его столъ во большо́й уголъ,
Кормилъ поилъ еще онъ Ѳомушку
А досыти его и допьяна.
Роздра́жилъ онъ мужиковъ новгородскихъ-тыхъ;
Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
А тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
«А сдѣламте робята свой почестной пиръ,
«Не позовемъ-то мы Василья да Буславьева».
Какъ тутъ оны Васильюшка не по́звали.
Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
А скоро молодецъ онъ отправляется,
Скоро ёнъ удалый снаряжается,
А со тыма̀ дружинамы съ хоробрыма,
Съ малыимъ съ упавыимъ съ Потанюшкой,
Съ толсты́мъ еще съ Ѳомо́й благоуродливымъ
Какъ приходитъ Василей на почестной пиръ
А къ тыимъ мужикамъ да къ новгородскіимъ,
Воспромо́лвятъ мужики тутъ таково слово:
«А не́ званому вѣдь гостю здѣ мѣста нѣтъ».
Говоритъ Василей таково слово:
— А званому-то гостю много чести набъ[1]),
— Незваному-то гостю какъ и Бо́гъ пришле. —
Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,

---

1) *Набъ* — надобно.

За большой вѣдь столъ да во большóй уголъ,
А оны ѣли пили тутъ и кушали.
Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то[1]),
Да набъ-то мужикамъ ёгò концать[2]) еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорятъ промолвятъ таково слово:
«Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
«Попишемъ-ко съ тобой мы да пóписи,
«Пoположимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
«А съ утра намъ да раньı́мъ ранёшенько.
«На тотъ на мосточикъ на Волховой,
«А бýдёмъ стáнёмъ драться мы ратиться
«А мы съ тобой съ удáлыимъ со молодцомъ,
«Съ толстьı́мъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ,
«Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
«Чтобы ты съ утра да былъ ранёшенько,
«Шолъ бы на мосточикъ на Волховой
«А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма».
Какъ тутъ оны наѣлиси, напилиси,
Какъ вси оны тутъ накушались,
Стали тутъ они да пьянёшеньки,
А сдѣлали большо тутъ рукобитьицо;
Тутъ-то розошлись до ýтра бы.
Прознала это дѣло тутъ Васи́льёва матушка,
Пало тутъ еще къ ей извѣстьицо,
Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы съ хоробрыма
А на тоѐмъ мосточику на Волховомъ.
Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
Ко своей ко рóдной ко матушкѣ,
Ко честнòй вдовы къ Офимьѣ къ Олександровной.

---

1) Т. е. задорно.
2) Т. е. съ нимъ покончить.

Какъ тутъ эта Васи́льёва матушка
Положила спать во погребы глубокіи,
Замнула молодца его во по́гребы.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ.
Прошла-то тая ночка тутъ темная,
Приходитъ-то день тутъ да свѣтлыи.
Какъ ты эты дружинушки хоробрыи
Ставаютъ-то по утру ранешенько,
Умываются да бѣлёшенько,
А трутся-то миткалиновымъ полотенушкомъ,
А знаютъ-то что у ихъ е подѣлано.
Какъ скоро шли на мосточикъ на Волховой,
Какъ начали оны тутъ биться ратиться
Съ тымà-то мужикамы съ новгородскима.
Какъ день бьются они не ѣдаючи,
А другой-то ёны̀ не пиваючи,
Отдо́ху молодцамъ не даваючи,
И третій день нача́ли-то биться тутъ,
Какъ третій день оны тутъ, третью ночь;
Какъ тутъ-то у дружинушки хоробрыи
Стали у ихъ головушки были переломаны,
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тутъ головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
Спитъ онъ молодецъ тутъ прохлаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то дѣвка-та была придворная,
Выходитъ-то на рѣченку Волхово,
Выходитъ за водой съ водоносомъ-то
А смотритъ на дружинъ-тыхъ хоробрыихъ,
На малаго упаваго Потанюшку

А на толста́ еще Өому благоуродлива, —
А у ихъ все головки переломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тутъ перевязаны.
Какъ скоро тутъ она да скоры́мъ скоро
Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
А по тому замку по булатнему;
Отпалъ тутъ замокъ на сыру землю,
Растворила да она дверь тутъ дубовую.
Прошли-то вѣдь тутъ трои суточки.
Ото сну бога́тырь пробуждается,
Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
Крычитъ-то тутъ вѣдь дѣвка громкимъ голосомъ:
— Да ахъ ты сынъ Василій е Буслаевъ былъ!
— Спишь ты молодецъ, самъ проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробрыихъ,
— У ихъ какъ головушки были переломаны,
— Розбитыи, платкамы перевязаны. —
Какъ тутъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу самъ онъ помёта́ется,
Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
А ухва́тилъ-то ось телѣжную желѣзную,
Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
Какъ ино тутъ-то онъ воспрого́воритъ:
«Ай мо́и дружинушки хоробрыи!
«Ай укротите вы да сердце богатырское,
«Я топерь за васъ нунь пороботаю,
«А подьте-тко вы братцы на отдо́хъ-то нунь».
Какъ тутъ пошли дружинушки хоробрыи,
Тутъ они пошли да на отдо́хъ-то е.

Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
Той-то осью да телѣжной желѣзною,
Куды ма́хнетъ — тутъ станутъ да улицы,
А перема́хнетъ — туды да переулочки.
Какъ началъ тутъ Васильюшко робо́тати,
Какъ видятъ тутъ мужики что бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
Какъ тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
Какъ бы намъ еще да супротивиться?
Какъ тутъ-то вѣдь оны да еще пошли, —
А былъ тамъ жилъ еще въ мона́стыри
Старчи́що тамъ жилъ перегри́мищо, —
Какъ приходятъ мужики-ты новгородскіи,
Клонятся самы́ ёму молятся:
— Ай ты старичищо есть перегримищо!
— Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
— Дадимъ те мы чашу красна золота,
— А дру́гую дадимъ да скачна жемчугу,
— Третьюю еще да чиста се́ребра. —
На то-то вѣдь ужъ онъ да укидается,
Позвался-то онъ вѣдь да за ихъ пошолъ
А ѣхать-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
Навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ,
Навалилъ онъ къ себѣ да на го́лову,
А садился тутъ онъ на добра́ коня,
Какъ ѣхалъ онъ ко рѣченки Волхову
Ко тому мосточику ко волховску,
А заѣзжаетъ на мосточикъ онъ на Волховой,
Самъ крычитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да ахъ же ты Васильюшко Буславьевичъ!
«Малолѣтно ты дитя не запурхивай [1]),

1) Т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

«Прямоѣзжеей дорожки не заваливай».
Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да мой крёстный батюшко,
— А старчи́що ты былъ есть перегри́мищо!
— Не далъ ти яичко́ о Христови дни,
— Дакъ дамъ я ти яичко о Петрови дни. —
Какъ скоро тутъ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то онъ осью въ колоко́лъ-то былъ,
А розвалился тутъ колоколъ на двѝ стороны;
А въ дру́гихъ перепpавилъ ёго й въ голову,
Спихнулъ ёго во риченку во Волхово,
Съ тыимъ спихнулъ да со добры́мъ конёмъ.
Какъ видятъ мужики что тутъ бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла да неминучая,
Какъ тутъ оны опять да скоро думали,
Бѣжали тутъ къ Васильёвой да матушки,
Говорятъ промолвятъ таково слово:
«Да ахъ же ты Васильева да ро́дна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Повыручи отъ смерти безнапрасныи».
Какъ тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна
Скоры́мъ скоро̀, скоро̀ да скорешенько,
Бѣжала на мосточикъ-то на Волховой
Въ тонкіи бѣлыи рубашечки безъ пояса,
Въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ.
Заходила на мосточикъ на Волховъ-тотъ,
Скочила сзади-то къ Василью на могучи́ плеча,
Закрычала тутъ она во всю голову:
— Да ахъ же ты дитя моё милоё,
— Ай же ты да чадо любимоё,
— А молодой Васильюшко Буславьевичъ!
— Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
— А укроти ты сердцо богатырское,
— Полно бить те мужиковъ новгородскіихъ,

— Оставъ ты мужиковъ хоть на си́мена. —
«Ай же ты моя родна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты была вѣдь матушка догадлива,
«А ладно ты вѣдь матушка удумала̀,
«Скочила ты на плечи да сза́ди мня.
«А бы въ торопяхъ есть въ озарности
«Убилъ бы тя старушку не за что-то я.
«Да нунь же, моя матушка, послушаю,
«Когда просишь ты меня добра мо́лодца,
«Я вѣдь нуньчу матушку послушаю».
Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Съ толстымъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ
А съ маленькимъ съ удаленькимъ Потанюшкой.
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь на чисто́мъ поли
Пустая голова человическая.
Какъ тутъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ
Скоро къ головы онъ подскакивалъ,
А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
Пину́лъ онъ эту голову Васильюшко, —
Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачью,
Пала голова тутъ на сыру землю,
Сама она ёму тутъ воспровѣщила:
«Да ахъ же ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Почему жъ меня заразилъ топерь?
«Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
«Да никто-то меня вѣдь не пинывалъ,

«Да никто же какъ меня тутъ не рапивалъ,
«Какъ ты-то вѣдь ужъ нунь пину́лъ, заразилъ меня.
«Какъ будешь ты гулять во чисто́мъ поли,
«А не забудь-ко ты этого помистьица[1]),
«Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
«Посмотри ты на меня на безсчастну головушку».
Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чисто́мъ полѣ
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
Пошолъ назадъ туды да обратно бы
Этыимъ путемъ да дорогою.
Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстьицу
Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
Какъ смотритъ-то еще—вѣдь стала тутъ гора каменная.
Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
Какъ на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
А кто-то тутъ черезъ гору перéскочитъ,
Перескочитъ черезъ гору три́ разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не перéскочитъ,
Тотъ будетъ трою̀ проклятъ на вѣку-то былъ.
Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ, —
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Скочилъ-то онъ черезъ гору камениу.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи,
А маленькой упавенькой Потанюшка
И толстый Ѳома благоуродливый,
Скакали-то оны да е со ра́товьёмъ[2]).
Какъ тотъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
Да скочилъ назадъ еще черéзъ гору,

---

1) Т. е. этого мѣста.
2) Т. е. съ жердью, которая имъ служила опорою.

Да скочилъ онъ Васильюшко назадъ-пятъ[1]) былъ,
Какъ тутъ-то вѣдь Василей сынъ Буславьевичъ
Задѣлъ какъ своимъ чоботомъ сафьяннымъ
За тую гору да за каменну,
Поворотило какъ Васильюшка Буславьева
Вничъ[2]) его вѣдь молодца головушкой,
Какъ палъ тутъ Василей о сыру землю,
Пришла тутъ Васильюшку горька́я смерть.
Какъ этыи дружинушки хоробрыи
Скакали они три разу̑ о ра́товья.
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи
Копали тутъ-то яму на чисто́мъ поли
А роспростилисе съ Васильюшкомъ Буславьевымъ,
Спустили какъ тутъ ёго во матушку сыру землю.
Только тутъ Васильюшку славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

XIII.

ФЕПОНОВЪ.

Иванъ Фепоновъ, крестьянинъ дер. Мелентьевской, Купецкой волости, высокій, старообразный, слѣпой съ 5-лѣтняго возраста. Ему теперь 50 лѣтъ отъ роду; живетъ онъ частью тѣмъ, что плететъ сѣти, лапти, кошели, частью подаяньемъ, которое собираетъ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники, распѣвая духовные стихи. Кромѣ стиховъ онъ знаетъ и нѣсколько былинъ, пѣніе которыхъ впрочемъ не составляетъ для него источника дохода, какъ пѣніе духовныхъ стиховъ. Былинамъ этимъ онъ научился въ молодости отъ слѣпаго калики Петра Степановича

---

1) *Назадъ-пятъ* — назадъ пятами, т. е. обернувшись не лицомъ, а спиною (такъ объяснилъ Прохоровъ).

2) Т. е. навзничь.

Мѣщанинова, уроженца Бережной Дубравы (Каргопольскаго уѣзда, на Онегѣ-рѣкѣ). По словамъ Ѳепонова, этотъ калика Мѣщаниновъ зналъ *семдесятъ* былинъ. Ѳепоновъ былъ лично извѣстенъ г. Рыбникову, который его встрѣчалъ на Шунгской ярмаркѣ и записывалъ духовные стихи, которые онъ тамъ пѣлъ. Съ его же словъ записана г. Рыбниковымъ одна былина. Въ сборникѣ г. Рыбникова онъ значится подъ именемъ «слѣпаго Ивана».

55.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й народился младъ Вольгà Всеславьевичъ;
А й рыбы-ты сбѣжали въ глубоки́ станы,
А й птици-ты слетѣли во темны́ лѣса,
А й звѣри-ты сбѣжали за Туги́ горы.
А й возросъ тутъ молодой Вольгà да сынъ Всеславьевичъ,
Подбираетъ вѣдь дружину сорокъ тысящей.
Когда тыи ли купци да вси вѣдь бóяра
Изъ того ли изъ Тури́нца славна города
А й платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й не стали-то вносить да дани пошлины.
А й тутъ ли-то Вольгà Всеславьевичъ
А й справляется тутъ Вóльга снаряжается
Со своей дружинушкой хороброю,
Во Тури́нецъ городъ во Орѣховецъ.
А ѣдетъ-то Вóльга день до вечера,
Слышитъ ратоя да въ поли пашучись,
А и сошечка у ратоя поскрыпыватъ,
А и ратой во чистóмъ поли посвистыватъ,
А й на сóлову кобылу онъ погукиватъ.

А й онъ дру́гой день е́дётъ до вечера,
А у ратоя-то сошика поскрыпыватъ,
Ратой во чистомъ поли посвистыватъ,
А й на со́лову кобылу онъ погукиватъ.
Это третей день и́дётъ до вечера
Тотъ ли-то Вольга Всеславьевичъ
Со своей ли онъ дружиной со хороброю,
Наѣзжаетъ-то онъ въ поли стара ратоя,
Того ли Микулу да Селя́гиновича:
«А Богъ теби помочь да ста́рыя старикъ,
«Ай Микула Селя́гиновичъ!»
И тотъ ли-то Микула да Селя́гиновичъ
И пашетъ на кобылы онъ на со́ловой,
Дубья колодья всѣ въ бо́розду вали́тъ.
Воспрого́воритъ тутъ Во́льга таково слово:
«Ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
«А й твоя кабы кобыла да конемъ была,
«А далъ бы за коня теби пятьсотъ рублей».
Говоритъ ему Микула Селя́гиновичъ:
— Мо́лодой ты Во́льга княженецкой сынъ!
— А й кобыла-та кобыла, не возьму я за кобылу цѣлой тысящи.—
Говоритъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Ай куда же те́перь Во́льга путь дёржишь
«Со своею со дружинушкой хороброю?»
Ай зго́воритъ тутъ Во́льга таково слово:
— Ай же ты вѣдь ста́рыя стари́къ,
— Ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А й поѣхалъ со дружиной со хороброю
— Брать-то я Тури́ница вѣдь города Орѣховца.—
Говоритъ-то вѣдь Микула таково слово:
«Молодой ты Во́льга Всеславьевичъ!
«Не взять тебѣ Тури́ница да города Орѣховца.
«Былъ я третiёго дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци,—

«Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
«Зафальшивили мою да золоту казну,
«Почитали за гроши они за мѣдныи,
«А й за мѣдныи гроши да за фальшивыи».
Воспрогóворитъ тутъ Вóльга таково слово:
— Старый ты мой дядюшка да вѣдь Микулушка!
— Ай поѣдемъ-ко да ты ко мнѣ въ помочь,
— Брать Туринца города Орѣховца. —
Это тутъ-то вѣдь Микулушка Селя́новичъ
А поѣхалъ-то Микула а за Вóльгой вслѣдъ.
А й Микулина кобыла да ступкомъ идётъ,
А й Вольги́ны кони во весь духъ бѣжатъ.
Пріѣзжали близъ Тури́ница да города Орѣховца.
А тыи мужики да вѣдь орѣховци
А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрыихъ
А й подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
Потопили много силы да Вóльгиной.
А й тутъ ли-то Вóльга Всеславьевичъ
Заѣзжае во Туринецъ съ своимъ дядюшкой.
Оны много силы рубятъ, больше въ плѣнъ берутъ,
Покорили розорили Туринец-отъ городъ Орѣховецъ.
Это скоро Вóльга поворотъ держитъ,
А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.
Заѣзжаетъ Вóльга на широкой дворъ,
А й сходитъ онъ да со добрá коня,
А й заходитъ Вóльга во высокъ теремъ,
А это тутъ Вóльга опочивъ держитъ.
Эта тая-та поѣздка тымъ рѣшиласи.

Записано въ Шалѣ, 28 іюля.

56.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РОЗБОЙНИКЪ.

А й первая поѣздка Ильи Муромца
А отъ того ли-то отъ города отъ Муромля,
Изъ того ли-то села изъ Карачакова.
А й справляется уда́лый снаряжается,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
А й во стольнёй во славный во Кіевъ градъ,
А й ко ласкову князю на почестной пиръ.
А й приходитъ-то Ильюня во Божью́ церковь,
А й ко тыи заутрени ко раннею,
А й налагаетъ вѣдь Илья па се́бе заповѣдь,
А й заповѣдь Илья себи великую:
Чтобы ѣхать вѣдь Ильюшѣ да во Кіевъ градъ,
А й не красть бы-то Ильюшѣ да не во́ровать,
Не укинуться на прелесть бы на женскую,
А й не кровавить бы Ильи да сабли вострыи,
А й не кровавить бы да стрѣлочекъ каленыихъ,
А ѣхать бы дорожкой прямоѣзжею
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
И онъ справляется Ильюша, снаряжается,
А й обуваетъ-то Илья да черны чоботы,
А одѣваетъ-то онъ платьица дорожныи,
Надѣваетъ на головку пухово́й кивёръ,
А обкольчужился Ильюша, онъ облатился.
А й уздае сѣдлае коня добраго,
Налагае вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагае вѣдь онъ войлоки на войлоки,
Полагаетъ онъ сѣдельшко черкальское.
Это туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А й самъ-то онъ Илья да выговаривалъ:
«А не для-ради красы басы, братцы, молодецкія,
«А для укрѣпушки-то было богатырскіи».

А й беретъ-то вѣдь Илья свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то Илья саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ палицу военную,
А й выходитъ-то Илья да на широкой дворъ,
А й садился Илья на добра́ коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ уда́лаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ къ городу Бекешовцю;
А око̀лъ ли того да города Бекешовца
Стоитъ много множество поганыихъ татаровей.
А заѣзжаетъ-то Илья да во Бекешевъ градъ,
И это началъ онъ по улочкамъ побѣгивать,
А это началъ про дороженку розспрашивать,
А заходитъ-то Илья да во Божью̀ церковь.
А собиралисе вси му́жики бекешовци
А во тую-то во церковь во соборную,
А всѣ каются оны̀ да причащаются,
А й къ смерти оны всѣ да зготовляются.
А тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А онъ глаза-ты вѣдь креститъ да по писа́ному,
А й поклонъ-то онъ ведетъ да по уче́ному,
А й на вси стороны Ильюша поклоняется,
А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
«Ай здравствуйте вси мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А й черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи,
«А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
«А черезъ тое вѣдь поселье Соловьи́ноё».
Говорятъ-то вѣдь мужики бекешовци:
— А не можемъ показать да мы дорожки прямоѣзжія.
— А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
— Наступило много вѣдь поганыихъ татаревей. —

Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
А й выходитъ-то Ильюша со Божьёй церквы,
А й садился-то Ильюша на добрá коня,
Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
Вырываетъ онъ дубинку въ три обóймени.
Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
А й прибилъ пригубилъ до еди́ной головы̀,
А дубинку на лози́нки всю порóсщолкалъ.
Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
«Ай же вы мужики бекешовцы!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ!»
А воспрогóворятъ тутъ мужики бекешовцы:
— Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
— А й живи-ко ты у насъ да воеводою,
— А береги-тко городъ нашъ Бекешовецъ! —
А воспрогóворитъ Илья да таково слово:
«А й не буду вѣдь я жить да воеводою,
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую».
А это тутъ-то мужики бекешовци
А насыпáли оны̀ чашу красна золота,
А другую насыпали чиста сéребра,
А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тутъ Ильи да во подарочкахъ.
А й не беретъ Илья да злата серебра,
А й не мелкаго скатнаго жемчуга.
А й говорятъ да мужики да тутъ бекешовци:
— Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
— А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,
— А заросласи тутъ дорожка да темны́мъ лѣсомъ.
— А на той-то на пути да на дороженки,

— А у той-то вѣдь у грязи да у Черные,
— А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
— А сидитъ Сóловей розбойникъ онъ Рахмéнтовичъ,
— А сидитъ Сóловей-то онъ да на семи дубахъ,
— Это въ вóсьмыи берéзищи покляпыи.
— А засвищетъ онъ да по змѣиному,
— Закрычитъ ли-то онъ по звѣриному,
— А жолты́ пески со кряжиковъ посыплютсе,
— А темны́ лѣсы къ сырой земли приклонятсе,
— А побьетъ-то онъ тéбя своимъ голосомъ. —
А й воспрогóворитъ Ильюня таково слово:
«Ай же вы мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую».
А й показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
А й садился тутъ Илья да на добрá коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ удáлаго поѣдучись.
А не буйныи-ты вѣтры тутъ завѣяли,
А поѣхалъ тутъ удáлой доброй молодецъ
Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
А й прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
А приѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темны́мъ лѣсамъ,
А й ко тые грязи да ко Черные,
А розвалилисе тутъ мостики дубовые,
А больше тутъ Илью не ѣхать нéкуды.
А спущался тутъ удалый со добра коня,
А ведетъ коня-то онъ на поводи,
А й правою рукой дубья колодья рветъ,
А про себя Ильюшенка онъ мостъ мостить,
И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать верстъ.
А й садился-то Илья да на добрá коня,
Приѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черниговской,
А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьиное.
А сорываетъ онъ Илья да маковъ листъ,

А затыкаетъ онъ Илья да уши въ гóловы.
А увидѣлъ его Сóловей розбойникъ да Рахмéнтовичъ,
А й закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣриному,
А свистнулъ-то онъ по змѣиному,
А ино мать сыра земля продрогнула,
А со кряжиковъ песочики посыпались,
А во рѣченки вода вся помутиласи,
А темныи да лѣсы приклонилисе,
А богатырской конь да на колѣнка палъ,
А й молодой Илья одва съ коня не палъ.
А бьетъ-то онъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
«Ай волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«А пó лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
«А й воронинаго ты крику ты не слыхивалъ?»
А подъѣзжаетъ онъ вѣдь къ кустику ракитову,
Вынималъ Илью́нюша ножи́що да кинжалищо,
А вырубилъ онъ стрѣлочку ракитову,
А й натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракитову,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариватъ:
«А ты лети, моя стрѣла, не въ тёмной лѣсъ,
«А ты лети, моя стрѣла, да не въ чистó полё,
«А й лети ты Сóловью ему въ правóй-отъ глазъ,
«А вылетай-ко ты стрѣла да во лѣвó ухо!»
А стрѣли́лъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракитову,
А й пала стрѣлочка розбойнику во правой глазъ,
А вылёта́ла-то она да во лѣвó ухо.
Покатился онъ оттуда что овсяный снопъ;
А беретъ его Илья да за бѣлы́ руки,
А вязалъ-то къ стремени да ко булатніи,
А повёзъ-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
Пріѣзжае ко поселью къ Соловьиному,
Увидали-то Илью да его дѣтушки:
— Татенька-тотъ ѣдетъ, мужика везетъ. —

А взглянула-то его да молода жона:
— Мужик-отъ ѣдетъ, Соловья везе. —
А тутъ-то дочка его бо́льшая
А выбѣгала-то она да на широкій дворъ,
А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
А хочетъ-то ударить Илью въ голову;
А поворотушки-ты были молодецкіи,
А знаетъ онъ пошибки вси дѣво́чьіи,
А пинаетъ-то дѣвку Илья по́дъ гузно,
А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлы́мъ грудямъ,
А улетѣла тутъ дѣвка за широкій дворъ.
А й говорилъ тутъ онъ розбойникъ таково слово:
«Ай же ты моя да молода жона,
«Ай же вы мои да малы дѣточки!
«А й насыпайте три телѣги злата се́ребра
«А й старому каза́ку Илью Муромцу,
«А й просите-тко меня да на свою́ волю».
А не беретъ Илья да не злата ни се́ребра:
— А й твой животъ да есть неправеде́нъ. —
А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
И ко тому ко князю ко Владиміру.
А пріѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
И поспѣлъ вѣдь тутъ Илья ко тые ко обѣдени ко поздные.
А й становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
А вязалъ коня къ столбу точеному
А й ко тому кольцу ко золоченому.
А й приходитъ-то Илья да во Божью́ церковь,
А й ко тыя обѣдени ко поздные,
А онъ крестъ-то сложилъ да по писа́ному,
А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
И отстояли оны позднюю обѣденку.
А на вси стороны Илья да поклоняется,
А князю со княгиною въ особину.
А й солнышко Владиміръ стольнё-кіевской

А зоветъ-то князей да на почестной пиръ
А сильніихъ могучіихъ богáтырей.
И заходили тутъ во гридню княженецкую,
А й въ княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовыи
А за тые ли за скатерти за браные
А за тые ли за ѣствы за сахарніи,
И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
А й бѣлаго лебедя порушати.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А самъ онъ на Ильюнюшку посматриватъ,
А й таково слово князь да выговариватъ:
«Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
«А й коёй ты орды да коёй земли,
«А й какъ-то тебя зовутъ по имени,
«А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
А воспрогóворитъ Илья да таково слово:
— Ай же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А я естé изъ города изъ Муромля
— А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
— Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
А й воспроговоритъ Владиміръ таково слово:
«А й когда же ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
— А сёгоднёшняго дня простоялъ я ранныи заутрены,
— А поспѣлъ я сюда ко тыи ли ко обѣдени ко поздныи.—
А говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ай же ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
Згóворитъ-то вѣдь да таково слово:
— А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
— А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
«А видалъ ли ты у рѣчки у Черниговской,

«А видалъ ли ты розбойника Рахментьева?»
А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
— А привёзъ я розбойника его сюды,
— А теперь розбойникъ-то у стременѝ виситъ. —
А приказалъ-то вѣдь Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской,
А й приводилъ его Ильюня на почестный пиръ.
Зговоритъ тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай ты Со́ловей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бо́льшею прогла́сицой,
«А закрычи-тко ты да по звѣриному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣиному».
Воспрого́воритъ розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не твоё ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й прикажи-ко закрычать да ты розбойнику».
Воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
— Ай ты Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижніимъ. —
Это Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижніимъ,
А й маковки со теремовъ посыпались,
А хрустальніе околенки розлопали,
А всѣ ли заходили окаракою,
А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу̑ онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:
«Положу я тя во Кіевъ градъ да воеводою».
А й говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— Ай положишь ты меня да воеводою,

— А всѣ будутъ во Кіеви отъ меня вóяти[1]),
— А сердцо мое да есть розбойницко. —
А й говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнё-кіевской:
«А положу я тебе въ манастырь Благовѣщенской строителёмъ».
А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строитель я буду, манасты́рю розоритель вѣдь.—
А й берегъ его Илья за тыи ли за рученки за бѣлыя,
А выводитъ-то Илья да во чистó полё,
А й привязалъ-то вѣдь Илья его на сы́рой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
Накладáетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлилъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А й полно тутъ розбойнику розбойничать!
Это первая поѣздка Ильи Муромца,
А по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

57.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почестной пиръ,
А на многія на князи да на бóяра.
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почестной пиръ
А сильніихъ могучіихъ богáтырей.
А приходитъ-то Ильюша да не званый онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнё-кіевскои

---

1) Т. е. выть.

Засадить его туда да во глубокъ погрёбъ
А поморить его смертью голодною.
А сильніи кіевски богáтыри
А розсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь садились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чистó полё,
А й во тое роздолье во широкоё:
«А й не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіеви,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру».
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька.
А малешенька-та дочка молодéшенька,
Во-потай берé ключи у своей матери
А отъ тыхъ ли-то отъ пóгребовъ глубокіихъ;
Составляетъ[1]) она хлѣбъ да Ильи Муромцу.
А й проходило вѣдь тутъ времени ровно трú году;
А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Кáлинъ царь,
А собираетъ онъ дружинушку хоробрую,
А собираетъ онъ себѣ да вѣдь многó царей,
А мнóго-то царей да много кóролей,
А собрали силы оны смѣту нѣтъ,
А поѣхали ко стольнёму ко городу ко Кіеву,
А на тую ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
А хочутъ взять оны̀ княгину да Опраксію,
А покорить себѣ-ка оны Кіевъ градъ.
Становилась эта сила близко Кіева,
Близко Кіева стоитъ да во чистóмъ поли.
Кáлинъ царь а посылаетъ онъ поганаго татарина
А й со тыимъ пúсьмомъ со посольніимъ,
А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты поганыи татарищо!
— Знаешь говорить да ты по русскому,

---

1) Т. е. доставляетъ, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— А мычать про себя да по татарскому?
— А й снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владиміру.—
А тутъ татаринъ да поганыи
А садился скоро на добрá коня,
А получаетъ онъ письмо да къ себѣ нá руки,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову князю ко Владиміру.
Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
А черезъ тую ли-то стѣну городóвую,
А заѣзжаетъ онъ къ князю́ да на широкій дворъ.
А й вязалъ коня къ столбу точоному
А й кó тому кольцу да къ золочоному,
А й приходитъ онъ въ покои княженецкіе,
А онъ глазъ-то не крести́тъ, Богу не молится,
А не даетъ-то онъ чести Владиміру,
А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
«А й прочитай-ко ты письмо, Владиміръ князь!»
А онъ смотритъ, во письмѣ да есть написано,
А проситъ-то у князя да Кáлинъ царь
А й славнаго города да Кіева,
Да обручныя княгины да Апраксіи,
А безъ бою-то безъ драки безъ великіи
А безъ большого-то такого кроволитія.
А закручинился тотъ князь да запечалился
Это той тоской печалью онъ великою:
— А розсердѣлъ-то я теперь богáтырей
— А стараго казáка Илью Муромца
— А засадилъ-то его во глубокъ погрёбъ,
— А й поморилъ его смéретью голодною, —
— А некому стоять буде за Кіевъ градъ. —
А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
А й говорила-то она да таково слово:
«Ай же ты родитель ты мой папенька!

«А слышала во церкви во писаніи,
«А старому казáку на бою смерть не уписана,
«И голодная смерть не уписана.
«А бери-тко князь ты золоты ключи».
А беретъ-то князь да золоты ключи,
А отмыкаетъ-то вѣдь князь да глубокóй погрёбъ,
А во погреби Ильюнюшка живой сидитъ,
А й горитъ у Ильюни воскова свѣча,
А читаетъ онъ вѣдь книгу да Евангельё.
А извиняется тутъ князь да стольнё-кіевской
А старому казáку Илью Муромцу:
— А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
— А посадилъ я тя во погребы глубокія,
— А хóтѣлъ пóморить смертью́ голодною,
— А еще вѣдь ты Ильюнюшка да живъ вѣдь есть.
— А не знаешь ты незгодушки великія:
— А ко славному ко городу ко Кіеву
— Наѣзжалъ-то тутъ поганыи воръ Кáлинъ царь,
— А собрапа дружинушка многó царей,
— А мнóго царей-то собралъ, много кóролей,
— А пóдобрано силы у ихъ смѣту нѣтъ,
— А все сильніи могучіи татарева.
— А не мошь ли постоять да ты за Кіевъ градъ,
— А за матушку стоять да свято-Рýсь землю,
— А постоять ли-то за церквы за соборныя,
— А тыи за кресты животворящіе,
— А спасти насъ тéперь всѣхъ князей бояръ?
— А некому поѣхать супротиво царя Кáлина,
— А розсердѣлъ-то я теперь богáтырей,
— А уѣхали оны да во чистó полё,
— А й не бывали óны здѣсь да трú году. —
А й говоритъ-то ёму старыи казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай Владиміръ князь ты стольнё-кіевской!
«А гдѣ же есте мóи да конь добрыи?»

— А твой конь во стойлы лошадиныи. —
А й тутъ-то старыи казакъ да Илья Муромецъ
Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченыи,
А онъ уздаетъ сѣдлаетъ коня добраго,
А й полагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
А й полагаетъ вѣдь онъ войлочки на войлочки.
А на верёхъ-то онъ сѣдёлышко черкальское,
А й беретъ-то вѣдь Ильюня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то тутъ Илья да калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрноё,
А й беретъ-то онъ да палицу военную,
А й беретъ-то онъ трубку-ту подзорную,
А й садился Илья да на добра́ коня,
А не смѣетъ напустить на тую силу не на смѣтную *(такъ)*,
А на сильніихъ могучіихъ татаревей.
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А поднимается на гору на высокую,
А й поглядѣлъ вѣдь онъ во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре онъ на стороны;
А со первой горы Илья да онъ спущается,
А на другую-то онъ гору поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А й на вси онъ на четыре да на стороны;
А со другой горы да онъ Илья спущается.
А на третьюю высоку поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А на вси онъ на четыре да на стороны;
А въ той ли стороны́ да подвосточныя
А увидае въ поли тамъ бѣло́й шатёръ.
А пріѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу́ шатру,
А у того ли въ поли у бѣла́ шатра
А стоитъ двѣнадцать ко́ней богатырскіихъ,
А видитъ-то Илья да таково дѣло:

А стоятъ ты кони, кони тутъ русíйскія,
А ёго-то вѣдь братьицевъ крестовыихъ,
А крестовыихъ-то братцевъ вѣдь названыихъ.
А онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
А й припущалъ-то ко пшены да бѣлояровой,
А заходилъ-то тутъ Илья да во бѣло́й шатёръ,
А глаза-ты онъ крести́тъ да по писа́ному,
А й поклон-отъ онъ ведетъ да по учéному,
А на вси стороны Ильюня поклоняется,
А й крёстному онъ батюшку въ особину:
«А здравствуёшь ты крёстный ты мой батюшко,
«А й Самсонъ сынъ Самойловичъ!
«А вы здравствуйте крестова моя братія,
«А крестовая вы братія названая!»
А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро вѣдь скочили на рѣзвы́ ноги,
А съ Ильюшенкой тутъ братія здоровкались:
— А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А й говорили, ты посаженъ во глубокъ погрёбъ
— У того ли-то у князя у Владиміра,
— А поморёнъ ты смеретью голодною,
— А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашь.—
А й говоритъ-то вѣдь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,
«А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
«А вси братія крестовая названая!
«А поѣдемте на по́мочь на великую,
«А й насу́противъ поѣдемъ царя Ка́лина».
А говоритъ-то вѣдь крёстной ёму батюшко:
— А я самъ-то вѣдь не ѣду, да теби не бла́словлю,
— А не буду я стоять большé за Кіевъ градъ,
— А й не могу болѣ́ смотрѣть на князя Владиміра
— А на Апраксíю да королевичну,
— А й положено заклятіё великоё.—

А говоритъ-то вѣдь Ильюня таково слово:
«Ай же ты вѣдь крёстной мой батюшко!
«А поѣдемъ-ко ты на по́мочь великую,
«Супротѝвъ поѣдемъ царя Ка́лина,
«А не ради вѣдь мы князя да Владиміра,
«А не ради мы княгины да Апраксіи,
«А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
«А ради́ той ли-то вѣры православныя,
«А для ради церквей да мы соборныихъ,
«А для матушки да Богородицы».
И это тутъ-то крёстный его батюшко
А вся крестовая названа его братія
А поѣхали да на́ помочь великую,
А супроти́въ царя да ѝны Калина.
А выѣзжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тутъ подзорную
А й поглядѣли тутъ на силу на поганую;
А стоитъ-то сила тая во чисто́мъ поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тутъ-то оны шатеръ розставили,
А й вязали коней къ столбу точёному,
Это тутъ-то оны да опочивъ держатъ.
А Ильюнюшки не спится, мало со́бится;
И зауснула вѣдь тутъ братія крестовая.
А встаётъ-то вѣдь Илья да на рѣзвы́ ноги
А выходитъ-то вѣдь Илья да изъ бѣла́ шатра
А садился-то Илья да на добра́ коня,
А спучается[1]) со го́ры со высокія,
А напучаетъ[2]) онъ на рать-силу поганую
А на сильнихъ на могучихъ на татаревей.

---

1) Т. е. спущается.
2) Т. е. напущаетъ.

А силу-ту онъ бьетъ да трои сутки не ѣдаючи,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добрá коня Илья да не слѣзаючи,
А добрý коню отдóху не даваючи;
А бьётъ-то силу до шести онъ дёнъ,
А не ѣдаюци Илья да не пиваюци,
А съ добрá коня Илья да не слѣзаючи,
А добрý коню отдóху не даваючи.
А его доброй-отъ конь да проязы́чился
А тѣмъ ли язы́комъ человѣческимъ:
— Ай ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А укроти-тко ты вѣдь сердцо богатырскоё.
— А у поганыхъ у татаревей
— А е сдѣлано три пóдкопа глубокiихъ:
— А й во первóй подкòпъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во другой подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во третéй подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
А розгорѣлось ёго сердцо богатырскоё
А розмахалась его рученка-та правая,
А направилъ онъ коня да во глубокъ подкопъ.
Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
А Ильюнюшку съ подкопа онъ повытащилъ;
А со дрýгаго подкопа конь повыскочилъ,
А онъ Ильюнюшку оттуда онъ повытащилъ;
А со третьяго подкопа конь повыскочилъ,
А Ильюшенки съ подкопа онъ не вытащилъ.
А сбѣжалъ его конь да во чистó полё,
Это началъ онъ вѣдь пó полю побѣгивать.
Это сильнiи могучiи татарева
А здымали-то Илью да вѣдь со погреба,
А связали-то Ильи да ручки бѣлыя

А во тыи ли во пу́тыни шелко́выя,
А повели его на казень-ту на смертную,
А й отрубить-то вѣдь Ильи да буйна го́лова
А ведутъ Илью да мимо церковь соборную,
А возмолился тутъ Илья да всѣмъ святителямъ.
А й какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Набѣжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
А й хватилъ-то онъ зубамы да за тыя пу́тыни шелко́выя,
Оборвалъ-то путыни шелко́выя,
А слободилъ его онъ ручики да бѣлыя.
А скочилъ Илья да на добра́ коня,
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А й натягиватъ Илья свой ту́гой лукъ,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А самъ онъ ко стрѣлы да пригова́риваётъ:
«А пади моя стрѣла ни на́ воду, ни на́ землю,
«А не въ темный лѣсъ, да не въ чисто́ полё,
«А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,
«А проломи-тко крышу-ту шатровую.
«А пади-тко крёстному ты батюшку,
«А крёстному ты батушку во бѣлу грудь,
«А роздроби ему ты груди бѣлыя,
«А за тую за измѣну за великую».
А тутъ стрѣлилъ да Илья Муромецъ;
А летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,
А й проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на бѣлу грудь,
А на бѣлую-ту грудь да во злаче́ный крестъ.
А ото сну тутъ крестный пробуждается,
Говоритъ-то имъ да таково слово:
— Ай вы сильнiи могучiи бога́тыри,
— А пробуждайтесь ото сну да вы отъ крѣпкаго!
— А гдѣ-то у насъ старыи казакъ да Илья Муромецъ?
— А мы ѣдимъ да пьёмъ да проклаждаемся,

— А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой. —
А ставали вѣдь тутъ сильніи могучіи богáтыри,
А скоро-то ставали на рѣзвы́ ноги,
А й выходили-то оны́ да изъ шатра долой,
А садилися оны́ да на добры́хъ коней,
А спущалися оны́ да съ высокóй горы,
Нападали на поганыихъ татаревей,
А прибили прирубили да всю силу ту несмѣтную,
А несмѣтную ту силу да несчётную.
Это скоро тутъ оны́ да поворотъ держатъ
А й ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,
А вязали-то коней къ столбу точéному,
Ко тому кольцу ко золочéному,
А приходятъ-то во гридню во столовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А завелъ-то онъ тутъ свой почестный пиръ,
А на многія на князи да на бóяра
А на сильнихъ на могучихъ на богáтырей.
А всѣ ли на пиру да напивалисе,
А всѣ ли на пиру да наѣдалисе,
А всѣ ли на пиру да пьяны веселы.
А красное солнышко при вечери,
А почестной-отъ пиръ да весь при весели.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А жалуётъ онъ сильніихъ могучіихъ богáтырей,
А даваетъ города да съ пригородками,
А даваетъ золоту казну безсчётную.
А князь-то онъ богáтырей да содержать[1]) ихъ сталъ.

Записано тамъ же, 29 іюля.

---

1) Т. е. держать при себѣ въ чести, такъ пояснилъ пѣвецъ.

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту́ полю,
И отъ младости да старъ до старости,
И отъ старости да до гробно́й доски
Эдакаго чуда не наѣзживалъ:
Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,
А й три пути широкiихъ розстаночки;
А на этыхъ путяхъ на дороженкахъ
А й стоитъ сто́итъ дубово́й столобъ,
А й на столби-то подпись подписана:
А й во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
А во другую ѣхать — женату быть,
А во третью ѣхать — богату быть.
Это тутъ старъ пороздумался:
«На что мнѣ-ка-ва стару женату быть?
«Молодая-то жена да то чужа корысть.
«На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?
«Это надо мнѣ-ка старому убиту быть».
А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.
Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.
Заѣзжаетъ онъ за горы за высокiи,
Наѣзжаетъ терема да превысокiи,
Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,
А не много ихъ не мало сорокъ тысячей.
А увидали тутъ вѣдь стараго розбойники,
А розбойники ты всѣ да наскакалисе,
А й за стараго оны всѣ захваталисе.
Говоритъ же вѣдь имъ старый таково слово:
«Ай же вы тати да розбойники,
«Ай плуты же вы да подорожники!
«Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?

«У меня нѣту́ ни злата, да ни се́ребра,
«А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
«А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
«А сѣделышко черкальско во пятьсотъ рублей,
«А коню-то моему да вѣдь цѣны́ нѣту».
И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
Закрычалъ-то атаманъ да громкимъ голосомъ:
— Ай же вы тати да розбойники,
— А плуты этакіе подорожники!
— Да чего же вамъ со старымъ розговаривать?
— А й срубите-тко ему да буйну голову! —
Это тутъ вѣдь старенькой роспа́хнется,
Это началъ своей палицей помахивать;
Куда ма́хнетъ — туда улица,
Въ задъ отма́хнетъ — переулкамы.
Онъ прибилъ-то приломилъ да всихъ розбойниковъ,
И онъ съ перваго да до оста́тнёго.
Это скоро тутъ да старый поворотъ держалъ,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ,
А новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ тутъ старый, да убитъ не былъ».
А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
Ѣдетъ времечки онъ столько три́ часу,
Проѣзжаетъ онъ вѣдь мѣста ровно триста вёрстъ.
Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый красиво́ село,
А селомъ-то назвать да велико́ стоитъ,
Городомъ-то назвать да мало́ стоитъ;
И построенъ во сели да королевскій дворъ,
Живетъ душечка Маринка королевична,
Прилещаетъ-то она да добрыхъ мо́лодцовъ.
А заѣзжае тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
А й сходилъ тутъ старъ да со добра́ коня,
А й вязалъ-то коня къ столбу точе́ному
И къ тому ли-то колецку золоче́ному.

И выходила тутъ Маришка на широкой дворъ,
А й берéтъ его за ручки-ты за бѣлыи,
А цѣлуетъ во уста да во сахáрнiи,
А проводитъ вѣдь въ полату бѣлокаменну.
А садила вѣдь его да за дубовый столъ,
А за тыя ли за скатерти шелкóвыи,
А за тыя ли за ѣствы за сахáрнiи,
И за сладкiе за пи́тья за медвяныи.
А сама отходя́ да поклоняется,
Зго́воритъ она ему да таково слово:
«Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,
«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
«Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться».
Ѣстъ-то вѣдь старый наѣдается,
Пьетъ-то вѣдь старъ да напивается,
Себи никакой незгодушки не вѣдаётъ.
А вѣдь брала тутъ Маришка за бѣлы́ руки,
Повела-то вѣдь его да во теплу́ спальню
И ко тый кроватки ко подложистой,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«А ложись-ко старенькой о стѣ́ночку,
«Лягу молода да я на крáичокъ».
А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
— Ахъ ты душечка Маринка королевична!
— А ложись-ко ты Маришка да о стѣ́ночку,
— Лягу вѣдь я старый вѣдь на крáичокъ.
— У меня-то вѣдь у стараго теперь да не по старому,
— Не по старому у мня, да мочь не держится,
— Почасту́ я буду старый ночью вонъ ходить,
— А вонъ я ходить да вѣдь коня смотрѣть. —
Взималъ-то ю за рученки за бѣлыи,
А кидалъ ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубокъ погрёбъ.
А й беретъ-то вѣдь старый золоты ключи,

Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпущае онъ много́ царей,
А много́ царей да царевичёвъ,
А много́ ли королей да королевичевъ,
Много сильніихъ могучіихъ бога́тырей.
Говорятъ ему старому таково слово:
«А спасибо теби, старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Что ты выпустилъ съ неволи со великіи».
А й беретъ вѣдь старый-то Маришку за бѣлы́ руки,
Выводилъ-то Маришку во чисто́ полё,
А й вязалъ-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивалъ-то старый да свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣляетъ онъ Маришку да во бѣлу грудь,
Роздробилъ-то у Маришки ретиво́ сердцо.
Это тутъ ли-то старый поворотъ державъ,
И пріѣзжаетъ-то старый къ дубову́ столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ
И новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женатъ не былъ».
А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ вѣдь онъ мѣста ровно триста верстъ.
Наѣзжаетъ вѣдь онъ въ поли да глубокъ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата се́ребра,
А насыпанъ онъ туда да скатна жемчугу,
А наваленъ-то вѣдь на погребъ превели́къ камень,
А этотъ камень былъ тридевяносто пудъ.
А сходилъ-то старый со добра́ коня,
Подпа́лъ ли старый могучи́мъ плечомъ,
А онъ выкинулъ со погреба вели́къ камень,
А побралъ ли-то много злата много се́ребра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга;
А й построилъ онъ церквы соборные,

Устанавливалъ звоны колокольные.
А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
Пріѣзжаетъ старый къ дубову́ столбу,
Старый эты подписи не зафальшивливалъ,
Новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ».
Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала неви́дима сила ангельска,
А взимали-то ёгò да со добра́ коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
А й потамѣстъ мы старому славы́ поёмъ,
Старому каза́ку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 іюля.

59.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
Жилъ былъ тамъ удалый добрый мо́лодецъ,
Мо́лодой Добрынюшка Микитиничъ,
Пожелалъ-то итти онъ за охвотою.
Обуваетъ онъ сапожки на ножки зеле́нъ сафьянъ,
Одѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ онъ вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка розрывчатой,
А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыи,
А й приходитъ-то Добрыня ко синю́ морю,
А й приходитъ-то Добрыня къ первой за́води;
Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,

А й пе сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ то Добрыня къ дру́гой заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
А й садился онъ на лавочку брусо́вую,
Утопилъ онъ очи во дубовый мостъ.
А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай ты молодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Что же Добрыня не весёлъ пришолъ?»
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты Добрыни бласловленьицо,
— Ѣхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
Говоритъ-то вѣдь Добрыни родна матушка:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А не дамъ я ти прощенья бласловленьица
«Ѣхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
«Кто на Пучай рѣки на семъ свѣти́ да ѣзживалъ,
«А счастливъ-то оттуль да не приѣзживалъ».
Говоритъ Добрыня своей матушки:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— А даешь мнѣ-ка́ прощеніе, поѣду я,
— Не даешь мнѣ-ка́ прошенія, поѣду я. —
А и да́ла мать прощеніе Добрынюшки
Ѣхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.

Скидыва́етъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьицо дорожное,
Налагалъ-то на головку шляпу земли гречецкой,
Онъ уздалъ сѣдлалъ да вѣдь добра́ коня,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потники на потники,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣдельшко черкаское.
А и туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
— Не для ради красы басы, братцы, молодецкіе,
— Для укрѣпушки-то было богатырскіи. —
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
А й беретъ-то Добрыня слу́гу мла́даго.
А поѣдучи Добрыни родна матушка наказыватъ:
«Ай же ты молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Съѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
«Одолятъ тебя жары да непомѣрныи,
«Не куплись-ко ты Добрыня во Пучай рѣки».
Видли-то да добра молодца вѣдь сядучись,
Не видали тутъ уда́лаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучай рѣки,
Одолили ты жары да непомѣрныи,
Не попомнилъ онъ нака́занья родительска.
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
Роздѣваетъ вѣдь онъ платьица дорожныи,
Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чёботы,
Скидыва́етъ онъ порточики семи шелковъ,
Роздѣваетъ онъ рубашку миткалиную,
Началъ тутъ Добрыня во Пучай рѣки купатися.

Черезъ перву-то струю да ны́ркомъ про́нырнулъ,
Черезъ дру́гую струю да онъ повынырнулъ,
А не темныя ли те́мени зате́мнѣли,
А не черныя тутъ облаци попа́дали,
А летитъ ко Добрынюшки люта́ змѣя,
А лютáя-та змѣ́я да печерская.
Увидалъ Добрыня погану́ змѣю,
Черезъ перву-то струю да ны́ркомъ про́нырнулъ,
Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ.
Младъ-то слуга да былъ онъ то́ропокъ,
А угналъ-то у Добрынюшки добра́ коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ ту́гой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копьё да долгомѣрное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Столько онъ оставилъ одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли гречецкой.
Хватилъ-то Добрыня свою шляпоньку,
А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
А три хобота отбилъ да что ни лучшiихъ.
А змѣя тогда Добрынюшки смолиласи:
— Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
— Не придай ты мнѣ сме́рёти напрасныи,
— Не пролей ты моей крови безповинныи.
— А не буду я летать да по святой Руси,
— А не буду я плѣнить большѐ бога́тырей,
— А не буду я давить да молодыихъ жонъ,
— А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
— А ты будь-ко мнѣ Добрыня да ты бо́льшой братъ,
— Я буду̀ змѣя да сестрой ме́ньшою. —
А на ты лясы̀ Добрыня прiукинулся,
А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,

А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистóмъ поли,
Во чистомъ поли Добрынюшку да темна ночь.
А тутъ столбики Добрынюшка розставливалъ,
Бѣлополóтняный шатеръ да онъ роздéргивалъ,
А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.
А встаетъ-то Добрыня по утрý рано,
Умывался ключевой водой бѣлешенько,
Утирался въ полотно-то миткалное,
Господу Богу да онъ молится,
Чтобы спасъ меня Господь, помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня со бѣлá шатра,
А не темныя ли тéмени затéмнѣли,
А не черныя тутъ облацы попáдали,
Летитъ по воздуху лютá змѣя,
А й несетъ змѣя да дочку царскую,
Царскую-ту дочку княженецкую,
Мóлоду Марфиду Всеславьевну.
А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
Приходилъ Добрыня къ своей матушки,
Во свою-ту онъ гридню во столовую,
А садился онъ на лавочку брусовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
Начинаетъ-то Владиміръ да почестной пиръ
А на многія на князи да на бóяры
А на сильніихъ могучіихъ богáтырей,
На тыхъ пáляницъ да на удалыихъ,
На всѣхъ зашлыихъ да добрыхъ мóлодцовъ.
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ Добрыни бласловленьицо,
«А поѣду я Добрыня на почестной пиръ
«Ко ласкову князю ко Владиміру».

А й говорила-то Добрыни рóдна матушка:
— А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
— А не дамъ я ти Добрыни благословленьица,
— Ѣхать ти Добрыни на почестной пиръ
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— А й живи-тко ты Добрыня во своёмъ дому,
— Во своёмъ дому Добрыня своей матушки,
— Ѣшь ты хлѣба соли досыти,
— Пей зеленá вина ты дóпьяна,
— Носи-тко золотой казны ты долюби. —
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня родной матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«А даешь мнѣ-кá прощеніе, поѣду я,
«Не даешь мнѣ-кá прощенія, поѣду я».
Дала мать Добрынюшки прощеньицо,
Дала мать Добрыни бласловеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожики на ноженки зелéнъ сафьянъ,
Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Онъ уздае сѣдлае коня добраго,
Налагаетъ вѣдь онъ ýздицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потпички на потнички,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и крѣпко вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А и подпруги шолкý заморскаго,
А й заморскаго шолкý шолпанскаго,
Пряжки славныя мѣди бы съ казанскія *(такъ)*,
Шпенечки-то булатъ-желѣза да сибирскаго,
Не для красы басы, братцы, молодецкія,
А для укрѣпушки-то было богатырскіи.
Садился вѣдь Добрыня на добрá коня,

Пріѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Становилъ коня-то посреди двора,
Онъ вязалъ коня къ столбу точéному,
Ко тому ли-то колецку золочéному.
А й приходитъ онъ во гридню во столовую,
А глаза-ты онъ крестѝтъ да по писáному,
А й поклонъ-тотъ ведетъ да по учéному,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиною въ особину.
А и проводили-то Добрыню во большó мѣсто,
А за ты за эты столы за дубовыи,
А за тыи ли за ѣства за сахáрніи,
А за тыи ли за питья за медвяныи,
Наливали ему чару зеленá вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
Слили эты чары въ единó мѣсто;
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А и принималъ Добрыня единóй рукой,
Выпиваетъ-то Добрыня на едѝный духъ.
А й Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А по гридни по столовой онъ похаживатъ,
Самъ онъ нá богáтырей посматриватъ,
Говоритъ да таково слово:
— Ай же сильнія могучія богáтыри!
— А накину нá васъ службу я великую:
— Съѣздить надо во Тугѝ-горы,
— А й во Тугіи-горы съѣздить ко лютóй змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою за дочкой княженецкою. —
Большой-отъ туляется за средняго,
Средній-отъ скрывается за меньшаго,
А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту нѣтъ;

Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
А выходитъ-то Семенъ-тотъ баринъ Карамышецкой,
Самъ онъ зговори́тъ да таково слово:
«Ахъ ты батюшко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А былъ-то я вчерась да во чисто́мъ поли,
«Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки,
«Со змѣёю-то Добрыня дра́лся ратился,
«А змѣя-то вѣдь Добрыни извиняласи,
«Называла-то Добрыню братомъ большіимъ,
«А нарекала-то себя да сестрой ме́ньшою.
«Посылай-ко ты Добрыню во Туги́-горы
«А за вашею за дочкою за царскою,
«А за царскою-то дочкой княженецкою».
Воспрого́воритъ-то князь Владимір-отъ да стольнё-кіевской:
— Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Отправляйся ты Добрыня во Туги́-горы,
— А й во Туги-горы Добрыня ко лю́той змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою-то дочкой княженецкою. —
Закручинился Добрыня запечалился,
А й скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
А и стулья-ты дубовы зашаталисе,
А со стульевъ всѣ бояра повалялисе.
Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
Отвязалъ ли-то коня да о́тъ столба,
Отъ того ли-то столба да отъ точе́наго,
Отъ того ли-то колечка золоче́наго;
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
Спущается Добрыня со добра́ коня,
А й вязалъ коня-то ко столбу точе́ному,
Ко тому ли-то колечку къ золоче́ному,

Насыпалъ-то онъ пшены да бѣлояровой.
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
А й садился-то Добрыня онъ на лавочку,
Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
Утопилъ-то очи во дубовый мостъ.
А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты Добрыня не весе́лъ пришолъ?
«Мѣсто ли въ пиру да не по разуму,
«Али чарой ли тебя въ пиру да о́бнесли,
«Али пьяница дуракъ да въ глаза на́плевалъ,
«Али красныи дѣвицы обсмѣялисе?»
Воспроговори́тъ Добрыня своей матушкѣ:
— А мѣсто во пиру мнѣ было бо́льшое,
— А большое-то мѣсто не ме́ньшое,
— А й чарой во пиру меня не о́бнесли,
— А пьяница дуракъ да въ глаза не́ плевалъ,
— Красныя дѣвицы не обсмѣялисе;
— А Владимiръ князь да стольнё-кiевской
— А накинулъ-то онъ службу вѣдь великую:
— А надо мнѣ-ка ѣхать во Туги́-горы,
— А й во Туги́-горы ѣхать ко люто́й змѣи,
— А за ихнюю за дочкой княженецкою. —
А й справляется Добрыня снаряжается
А во дальнюю да въ путь дороженку.
Обувалъ Добрыня че́рны чоботы,
Одѣвалъ онъ платьица дорожныи,
Налагалъ онъ шляпу земли гречецкой,
А онъ у́здалъ сѣдлалъ коня добраго,
Налагалъ онъ у́здицу тесмяную,
Налагалъ онъ потничкп на потнички,
Налагалъ онъ войлокп на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское,

А й да туго подпруги подтягивалъ,
А й да самъ Добрыня выговаривалъ:
«А не для красы басы, братцы, молодецкія,
«Для укрѣпушки-то былъ богатырскія».
А й приходитъ ко Добрыни родна матушка,
Подаетъ Добрыни свой шелко́вый платъ,
Говоритъ она да таково слово:
«Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А й съѣдёшь Добрыня во Туги́ горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«А й ты будешь со змѣей Добрыня драться ратиться,
«А й тогда змія да побива́ть будётъ,
«Вынимай-ко ты съ карманца свой шелко́вый платъ,
«Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
«Утирай-ко ты Добрыня лицко бѣлоё,
«А ужъ ты́ бей ко́пя по тучнымъ ребрамъ».
Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрынюшка свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то вѣдь онъ палицу военную,
А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
А й да молится Миколы да святителю,
А й чтобъ спасъ Господь меня помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня на широкій дворъ,
Провожаётъ-то Добрыню родна матушка,
Подаетъ-то вѣдь Добрыни шелкову́ю плеть,
Сама-то зго́воритъ да таково слово:
«А и съѣ́дешь ты Добрыня во Туги́-горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«Станешь со змѣей да драться ратиться,
«А й ты бей змѣю да плёткой шо́лковой.

«Покоришь змѣю да какъ скотинину,
«Какъ скотинину да вѣдь крестьяньскую».
А й садился-то Добрыня на добра́ коня.
Этта видли добра молодца вѣдь сядучись,
А й не видли вѣдь удалаго поѣдучись.
Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту вѣдь дальнюю,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка скоры́мъ скоро,
Становилъ коня да во чисто́мъ поли
И онъ вязалъ коня да ко сыру́ дубу,
Самъ онъ выходилъ на тое ли на мѣсто на уловноё
А ко той пещеры ко змѣиныи.
Постоялъ тутъ вѣдь Добрыня мало времечки,
А не темныя ли те́мени зате́мнѣли,
Да не черные-то облаци попадали,
А й лети́тъ-то ле́титъ погана́ змія,
А й несе́тъ змія да тѣло мёртвоё,
Тѣло мёртвоё да богатырскоё.
А и увидала-то Добрынюшку Микитича,
А й спущала тѣло на сыру землю,
Этта на́чала съ Добрыней драться ратиться.
А й дрался́ Добрыня со змѣёю день до вечера,
А й змія-то вѣдь Добрыню побивать стала;
А й напомнилъ онъ нака́занье родительско,
А и вынималъ платокъ да изъ карманчика,
А и пріобтёръ Добрыня очи ясныи,
Попріо́бтёръ-то Добрыня лицко бѣлоё,
И ужъ бьетъ коня да по тучны́мъ ребрамъ:
— А ты волчья выть да травяной мѣшокъ!
— Что ль ты по темну́ лѣсу́ да вѣдь не хаживалъ,
— Аль змѣинаго ты свисту да не слыхивалъ? —
А и его добрый конь да сталъ поскакивать,
Сталъ поскакивать да сталъ помахивать
Лучше стараго да лучше прежнаго.
Этта дрался тутъ Добрыня да другой-отъ день,

А й другой-отъ день да онъ до вечера,
А й проклятая змѣя да побивать стала.
А й напомнилъ онъ нака́заньё родительско,
Вынималъ-то плетку изъ карманчика,
Бьетъ змѣю да своей плёточкой,
Укротилъ змѣю акѝ скотинину,
А й аки скотинину да крестiянскую.
Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
Розрубилъ змѣю да на мелкѝ части,
Роспиналъ змѣю да по чисту́ полю.
А й заходитъ онъ въ печеры во змѣиныи,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ
А роскована[1]) тамъ дочка княженецкая,
Въ ручки въ ножки биты гвоздiя желѣзныи.
А тамъ во печерахъ во змѣиныихъ
А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ змiёнышовъ;
А й прибилъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ змiёнышовъ,
А й снималъ онъ со стѣны да красну дѣвушку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Къ своему Добрыня ко́ню доброму.
А й садился вѣдь Добрыня на добра́ коня,
Прiѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Кiеву
А й ко ласкову ко князю ко Владимiру,
А й привозитъ князю дочику любимую.
А й за тую-то за выслугу великую
Князь его нечимъ не жаловалъ.
Прiѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ[2]) коня во стойлу лошадиную,
Насыпа̀лъ коню пшены да бѣлояровой.

1) Т. е. прикована къ стѣнѣ руками врозь,—такъ объяснилъ Фепоновъ.
2) Т. е. поставилъ.

А й заходитъ-то Добрыня въ нову горницу,
Этта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.
Этта тымъ поѣздка та рѣшиласи.

Записано тамъ же, 28 іюля.

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ да́леча было изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А й выходила́-то тури́ца златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А й расходилиси туры̀ да во чисто́мъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А й лучи́лосе турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,
А й видли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно,
Видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно.
По той по стѣны по городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвои́ плаче.
А тому чуду туры удивилиси,
Въ чистое поле возвратилиси,
Сошлиси, со турицей поздоро́вкалисе:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!
— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —
«Ай же ты турица наша матушка!
«А й были мы туры да во чисто́мъ поли,
«А лучилосе намъ турамъ да мимо Кіевъ градъ итти,

«А й видѣли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно,
«А й видѣли надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно:
«А по той стѣны по городовыи
«Ходитъ-то дѣвица душа красная,
«А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
«А не стольки читаетъ, да вдво́й плаче».
Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:
— Ай же вы туры да малы дѣтушки!
— А й не дѣвица плачетъ, да стѣна́ плаче,
— А й стѣна-та плаче городовая,
— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Кіевомъ,
— А й она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныя
А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергіевичъ,
А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,
А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
А онъ со чернымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ.
А й у Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка выдумщичка,
А той ли той да силы счёту нѣтъ,
А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на меже́нный долгій день,
А малою-то птичики не о́блетѣть.
Становилась тая сила во чисто́мъ поли.
А по грѣху ли-то тогда да учинилосе,
А й бога́тырей во Кіеви не лучилосе:
Святополкъ бога́тырь на святы́ихъ на гора̀хъ,
А й молодой Добрыня во чисто́мъ поли,
А Алеша Поповичъ въ богомо́льной стороны̀,
А Самсонъ да Илья у синя́ моря.
А лучилосе во Кіеви голь кабацкая,

А по имени Василей сынъ Игнатьёвичъ.
А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А й пропилъ Василей коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
Съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
А триста онъ стрѣлочекъ въ зало́гъ отдалъ.
А со похмѣлья у Василья голо́вка боли̇́тъ,
Съ перепою у Василья ретиво сердцо́ щемитъ,
И нечимъ у Василья опохмѣлиться.
А й беретъ-то Василей да свой ту́гой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Васильюшко розрывчатой,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
А й выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіёва,
А стрѣли̇лъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
А й по тѣмъ шатрамъ Василей по поло́тнянымъ,
А й убилъ-то Василей три головушки,
Три головушки Василей три хорошенькихъ:
А убилъ сына Батыгу Батыговича,
А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
А й во стольнёй во славной во Кіевъ градъ.
А это тутъ Батыга сынъ Сергі́евичъ
А посылаетъ-то Батыга да скоры́іхъ пословъ,
Скоры́іхъ пословъ Батыга винова̀таго иска̀ть.
А й приходили-то солдаты каравульніи,
Находили-то Василья въ кабаки́ на печи̇,
Приводили-то Василья ко Баты́ги на лицо̀.
А й Василей отъ Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:
«Ай прости меня Батыга во такой большой вины!
«А убилъ я три головки хорошенькихъ,
«Хорошенькихъ головки что ни лучшенькихъ:

«Убилъ сына Батыгу Батыговича,
«Убилъ зятя Таракапчика Корабликова,
«Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
«А со похмѣлья у меня теперь голо́вка болѝтъ,
«А съ перепою у меня да ретиво сердцо́ щемитъ.
«А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
«А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
«Съ той ли-то у́здицей тесмянною,
«А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
«А триста еще стрѣлочекъ каленыихъ.
«Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Пособлю взять-плѣнить да теперь Кіевъ градъ.
«А знаю я воротца незаперты,
«А незаперты воротца незаложеныи,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ».
А на ты лясы̀ Батыга пріукинулся,
А выкупилъ ему да коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
А триста-то стрѣлочекъ каленыихъ.
А наливаетъ ему чару зелена́ вина,
А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
А наливаетъ-то онъ третью мёду сладкаго,
А слилъ-то эти чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей на единый духъ.
А крутешенько Василей повора́чивалсе,
Веселешенько Василей погова́риваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чистѝмъ полѣ́ гулять,
«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махѝть».
И далъ ему силы сорокъ тысящей.

А выѣзжалъ Василей во чистó полё
А за ты эты̀ за лѣсушки за тéмные,
А за ты эты̀ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣ́зживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки порýбливатѝ,
И онъ прибилъ прирубилъ до едѝной головы̀.
Скоро тутъ Василей поворóтъ держалъ.
А пріѣзжаетъ тутъ Василей ко Баты́ги на лицò,
А й съ добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
«Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вины!
«Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысящей.
«А со похмѣлья у меня теперь голóвка болѝтъ,
«Съ перепою у меня да ретиво сердцó щемитъ,
«Помутились у меня да очи ясныя,
«А подрожало у меня да ретивó сердцо.
«А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
«А дай-ко ты силы сорокъ тысящей,
«Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ градъ».
А на ты лясы̀ Батыга пріукинулся,
Наливаетъ вѣдь онъ чару зеленá вина,
Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
Наливаетъ вѣдь онъ третью мёду сладкаго,
Слилъ эты чары въ единó мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей единóю рукой,
А выпивалъ Василей на единый духъ,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговаривае:
«Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чистòмъ полѣ́ гулять,

«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой маха̀ть».
А далъ ему силы сорокъ тысящей.
А садился Василей на добра́ коня,
А выѣзжалъ Василей во чисто полё
А за ты эты̀ за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты̀ за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѐзживати̇,
И это началъ вѣдь онъ силушки пору́бливати̇,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы̀.
А розгорѣлось у Василья ретиво́ сердцо,
А й размахалась у Василья ручка правая.
А й пріѣзжаетъ-то Василей ко Баты̀ги на лицо̀,
И это началъ онъ по силушки поѐзживати̇,
И это началъ вѣдь онъ силушки пору́бливати̇,
А онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы̀.
А й тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
А й бѣжитъ-то Батыга запинается,
Запинается Батыга заклинается:
— Не дай Боже, не дай Богъ да не дай ди́тямъ моимъ,
— Не дай дитямъ моимъ да моимъ внучатамъ
— А во Кіеви бывать да вѣдь Кіева видать! —

Ай чистыи поля̀ были ко О́пскову,
А широки̇ роздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскіи,
А церковно-то строенье въ каменно́й Москвы,
Колокольнёй-отъ звонъ да въ Новѣ-го́родѣ,
А й тёртыя колачики Валдайскія,
А й щапливы щеголиви въ Яросла́ви городи̇,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозе́рской сторонѣ̀,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю́ морю,
А щельё каменьё ко си́верику̀,

А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Онéги по рѣкѝ,
Толстобрюхіе бабенки Лёшмозёрочки.
А й пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай[1]).

Записано тамъ же, 28 іюля.

61.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Ай на панови да на ула́нови *(такъ)*
Тамъ жило было два Ли́вика,
Королевскіихъ да два племянника.
Оны думали да думу крѣпкую,
Оны хочутъ ѣхать во святую Русь,
А й во матушку да каменну́ Москву,
Къ молодому князю Роману Ми́тріевичу,
А й къ ему да на почестный пиръ.
А й приходятъ-то оны къ сво́ему дадюшки,
Че́мбалъ ко́ролю земли литовскіе:
«Ахъ ты дядюшка да нашъ Чембалъ король,
«А й Чемба́лъ король земли литовскіе!
«Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
«Ахъ ты дай-ко намъ да бласловленьицо, —
«Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
«А й во матушку да каменну́ Москву,
«А й ко тому ко князю Роману Митріевичу,
«А й къ ему-то ѣхать на почестный пиръ».
Говоритъ имъ дядюшка Чембалъ король,

---

1) Послѣдніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «небылица», которую старый калика Мѣщаниновъ—учитель Фепонова—пѣвалъ послѣ этой былины.

А й Чемба́лъ король земли литовскіе:
— Ай да ро́дныи мои племяннички!
— А й не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
— А й не дамъ я вамъ да басловленьица,
— Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
— Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
— А й счастли́въ съ Руси да не выѣзживалъ. —
Не послушали оны своёго дядюшки,
А й уздали вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
А й садилисе оны да на добры́хъ коней,
Пріѣзжали-то оны да во святую Русь.
Наѣзжали-то въ Руси оно перво́ село,
А перво́ село да Ярославское,
А й перво́ село да прекраси́вое;
А й во томъ сели да было три́ церквы,
А й было три церквы три соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да о́гню придали.
А й наѣзжали́ въ Руси́ да второ́ село,
А й второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивоё;
А во томъ сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да всё огнёмъ пожгли.
Наѣзжали во Русіи да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А это́-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое;
А й во томъ сели было девя́ть церквей,
А й девя́ть церквей было соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
А это́-то село да всё огнёмъ пожгли,

Полонили мла́ду полоненочку,
А мо́лоду Настасью да вѣдь Ми́трьевну,
Со тыи́мъ младенцемъ двоюмѣ́сячнымъ;
Увезли далече во чисто́ поле
За быстру́ рѣку да за Смородину.
Во чисто́мъ поли столбы розставили,
На столбы шатры оны роздернули,
Это тутъ-то мо́лодцы да опочивъ держатъ,
А й не много ли не мало столько шесть-то дней.
Какъ изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля
Налетала мала птица, пѣвчій заворо́ночокъ *(такъ)*,
А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
А въ саду поётъ онъ выговариватъ:
«Ай ты молодой князь Романъ Ми́трієвичъ!
«Ѣшь ты пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой ты вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
«Во твою-то во святую Русь
«А й пріѣхало-то два поганыихъ два Ливика,
«Королевскіи да два племянника;
«Наѣзжали-то въ Руси̣ они перво́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Руси они второ́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Руси̣ они третьё село,
«Оны жили были да пограбили,
«Это-то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«А полонили мла́ду полоненочку,
«А й твою-то родиму́ сестру
«Со тыимъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ,
«Увезли-то вѣдь далече во чисто поле,
«За быстру́ рѣку да за Смородину».
А й закручинился тутъ князь да запечалился

Еще той тоской печалью онъ великою.
А хватилъ-то онъ ножи́що да кинжа́лищо,
Кинулъ онъ ножищо во дубовой столъ,
Пролетѣло тутъ ножищо скрозь дубовой столъ,
Скрозь дубовый столъ, стало́ въ кирпичный мостъ:
— Не дойдетъ-то имъ щенкамъ да надсмѣхатисе. —
А й собираетъ-то онъ силы ра́вно три́ полку,
Ра́вно три полку да вѣдь тритысячныхъ.
Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Ми́тріевичъ
А й со своей со дружиной со хороброю
А й во да́лечо дале́чо во чисто́ полё.
Первая дружина да ѣ́дятъ-то пьютъ нападкою[1]),
Вторая-то шо́ломомъ роскатнымъ[2]),
Третья дружина ѣли столомъ скатертью.
Пріѣзжае князь да ко быстро́й рѣки,
Ко быстрой рѣки да ко Смородины;
А й вырѣзывалъ-то онъ да три же́ребья,
А три жеребья вырѣзывалъ три ли́повыхъ;
А й спущалъ-то онъ да первы жеребьи
На быстру́ рѣку да на Смородину:
А которыи-то ѣли пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменёмъ ко дну,
А й той-то дружины да убитой быть.
А й спущаетъ онъ-то вто́ры жеребьи
На быстру́ю рѣку онъ да на Смородину:
А которыи-то ѣли шо́ломомъ роскатнымъ,
Тыи жеребьи да о̀ны вни́зъ быстринъ,
Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
А спущалъ-то онъ вѣдь третьи жеребьи:
А которыи-то ѣли столомъ скатертью,

---

1) *Нападкою* — накидываясь на пищу и питье, какъ животныя, безъ помощи рукъ.

2) *Шоломомъ роскатнымъ* — развалившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

Тыи-ты вѣдь жеребьи встрѣчу́ быстринъ,
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А двѣ эты́ дружины оставляетъ тутъ,
Третью-ту дружину за собой беретъ.
Выѣзжали они скоро во чисто́ полё;
Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Ми́тріевичъ:
— Ай же вы дружинушка хоробрая!
— А вы слушайте-тко бо́льшаго вота́мана,
— А и дѣлайте вы дѣло повелёное:
— А и закрычитъ какъ черный воронъ на сыромъ дубу.
— На сыромъ дубу да во перво́й наконъ,
— А й вы ѣшьте тогда вы кушайте;
— А закрычитъ черно́й-то воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во второ́й наконъ,
— Вы уздайте сѣдлайте да добры́хъ коней;
— А закрычитъ-то че́рный воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во трете́й наконъ,
— А вы ѣдьте ко шатрамъ бѣлополо́тнянымъ,
— А й возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
— Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
А самъ онъ обвернулся да сѣры́мъ волкомъ,
Эго началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
Эго началъ онъ по чистому порыскивать,
Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бѣлу́ шатру,
Заходилъ скоро́ во стойлы лошадиныи,
У добры́хъ коней головочки по́торвалъ,
По чисту́ полю головочки поро́скидалъ.
Обвернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
А у оружьицовъ замочики повывертѣлъ,
По чисту́ полю замочики поро́скидалъ.
Обвернулся бѣлымъ малыимъ горно́сталёмъ,
У туги́хъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,

Этотъ весь шатёръ да сталъ продрагивать;
Двоюмѣсячный младенчикъ проязычился:
«Маменька, маменька, не мой ли-то дяденка,
«Твой братецъ по бѣлу шатру побѣгиватъ,
«Ино бѣлъ-то шатеръ да весь продрагиватъ?»
Услыхали эти рѣчи да вѣдь Ливики,
Начали горно́сталя поганивать,
Соболиной е́го шубонькой закидывать,
А пріокинули вѣдь шубой соболиною,
А повыскочилъ сподъ шубы соболиныи,
А скочилъ-то онъ тогда да на окошечко,
Со окошечка скочилъ да за окошечко.
Обвернулся онъ тогда да чернымъ во́рономъ,
А й садился-то онъ да на сы́рой дубъ;
Закрычалъ-то воронъ во перво́й наконъ,
А во пе́рвый-то наконъ да на сыромъ дубу.
Говорятъ-то поганыи-ты Ливики:
— Ай не крычи-тко ты черно́й воро̀нъ да на сыромъ дубу!
— А поберемъ-то вѣдь мы нонь туги́ луки,
— А й пострѣ́лимъ мы тебя да черна во́рона,
— А мы кровь твою-ту про́льемъ по сыру́ дубу,
— А мы пе́рьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А й закрычалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
А й на сыромъ дубу да во второй наконъ.
Говорятъ-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
— Ай не крычи-тко ты черно́й воро̀нъ да на сыромъ дубу!
— А й поберемъ-то мы теперь свои оружьица,
— А й пострѣ́лимъ мы тебя да черна ворона,
— А мы кровь твою-ту про́льемъ по сыру́ дубу,
— А мы перьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
А и закрычалъ тутъ вранъ да во трете́й наконъ,
Наѣзжае тутъ дружинушка хоробрая.
Это тутъ-то Ливики вѣдь испугалися
А за тугіе-ты луки́ да захваталисе,

А у тугихъ луковъ тетивочки пощолканы,
По чисту́ полю тетивочки роскиданы;
А бѣжали о̀ны скоро въ оружейную,
А у оружьицовъ замочики отверчены,
По чисту полю замочики роскиданы;
А бѣжали тутъ во стойлу лошадиную,
А тутъ у ихъ кони безъ головъ стоятъ.
А спущался онъ да изъ сыра дуба,
Обвернулся онъ да добрымъ мо́лодцомъ.
А взимали о̀ны тутъ поганыхъ Ливиковъ,
А у бо́льшого-то руки сломали, глаза вы́копали,
А у ме́ньшого сломали рѣзвы́ ноги до́ гузна,
А й посадили тутъ-то ме́ньшого на бо́льшого,
А отпустили-то да ихъ во свою сторону.

Записано тамъ же, 28 іюля.

62.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ[1]).

А й отчего-те зима да зачаласе,
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;

---

1) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы ъ и ѣ, произнося вмѣсто ъ-ра почти *ы*, вмѣсто ѣ-ря почти *и*. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами ъ и ѣ поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполнѣ точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фепонова еще три раза повторить ее.

Садилась въ зелену́ садочку,
А на тое на дерево калино *(такъ)*,
А и начала пѣти, жупѣти,
Всякими она-те ясака́ми,
А й услыхали русь̄скія птичи,
Сбиралися стады́ оны стадами,
Прилетали къ зелену́ садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ о̆дну сторону да головами;
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утайсе:
«Кто у васъ за моремъ большíи,
«Кто за Дунаечкимъ меньшíи?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
— Глупыя вы русь̄скія птичи!
— А зачѐмъ же сюда да прилетали,
— За́чимъ про синё морё спрашали?
— Всѣ у́ насъ за́ моремъ большíи,
— Всѣ за Дунаечкимъ меньшíи.
— А й крестьяна у́ насъ̄ по деревнямъ,
— А десятски у́ насъ̄ по селеньямъ,
— А й старосты у́ насъ̄ по воло́стямъ,
— Попы дьяки у́ насъ по погостамъ,
— Старцы игумны въ манасты́ряхъ,
— Подъячіе люди по присуствамъ,
— А гости торговы по посадамъ.
— Воеводы живутъ у на́съ по мызамъ,
— Солдаты идутъ по походамъ,
— Цари да царьствуютъ по царьствамъ,
— А всѣ ль-то у насъ оны по службамъ,
— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
— А еще бы за Дунаечкіимъ морёмъ

— Бѣлой-отъ колпикъ[1]) былъ царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— А гуси-ты на́ мори́ бояра,
— Лебеди бояріцкія жены,
— Соловей при нихъ̄ веселы́и
— Во всякія игры игра́ётъ,
— Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаётъ.
— Во́робьи бояръ̄ски холопы,
— Колья жердьё да робота́ли,
— Крестьянски коно́пля розбивали,
— О́ттого сыты пребывали.
— А голубчик-отъ на́ мори попикъ,
— Голубу́шка-та была попадью́шка,
— А й косачки́ дьячки́ церковны,
— Тетёрки-ты дьяческія же́нки,
— Куликъ понамарь церковной.
— А травни́к-отъ былъ протаможникъ[2]),
— А те́рпукъ-отъ̄ былъ вѣдь трапезникъ.
— А канюк-отъ̄ былъ чѣловальникъ,
— Рябчик-отъ̄ на́ мори стряпчей.
— А ластушки красны́ дѣвицы,
— Утки да были молодицы,
— Селезень гостъ̄ торговой;
— А й по си́нему морю вѣдь онъ пла́ваётъ,
— Всякими товарами торгуётъ.
— Чайки-ты были водоплавки,
— Гагары-ты были рыболовки,
— А съ озера въ о́зёро ныряли,
— Всяку о́ны рыбу добывали;

1) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошенько, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Пріонежье. У сербовъ-лужичанъ *колпь* значитъ лебедь.

2) Т. е. таможенный чиновникъ.

— На го́ры[1]) ихъ рыба не бывала,
— А въ торгу̀ ихъ рыбы не видали,
— Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
— А журавль-отъ̄ былъ перевощикъ;
— По синему морю вѣдь онъ бродитъ,
— Русьскія птицы перевозитъ,
— Цвѣтнаго платія не мочитъ.
— Га́лици были́ черници,
— Че́рныя вранъ да игу́мёнъ,
— А ястрёбъ̄ былъ и атаманомъ,
— А филин-отъ тать̄ да розбойникъ.
— Соко́л-отъ скорыи посланникъ,
— Орёл-отъ̄ на́ мори нале́тникъ;
— Единожды въ годъ̄ прелета́ё,
— А велику се́би дань̄ собира́ё,
— По три головы́ да по четыре,
— Иногда по цѣлому десятку.
— А мошни́к-отъ̄[2]) на́ мори крестьянинъ,
— Ко́ппала[3]) крестьянь̄ская же́нка.
— А синька блядь̄ полежлива;
— Часто лежитъ она хвора́ётъ,
— Долго она не пропадаётъ,
— Робо́ты робота́ть она можетъ,
— Казака нанять она не смыслитъ.
— Дрозд-отъ у нёй казаче́нко,
— День-то онъ ночи робота́ё,
— Гроша онъ найму́ да не вида́ё.
— Коку́ша[4]) побѣдъ̄на горюша;
— Много она я́ицъ выклада́ётъ,
— А счоту во я́ицахъ не знаётъ,

1) Т. е. на сушѣ.
2) Т. е. глухой тетеревъ.
3) Самка глухаго тетерева.
4) Т. е. кукушка.

— Дѣтей выводити не умѣётъ.
— Ку́ропать бобы́лъ̄ безпомѣстной;
— Штаники онъ носитъ съ напуска́ми,
— Изъ куста во кустъ̄ перебродитъ,
— Помѣстья себѣ да не имѣётъ.
— Дятель-отъ на́ мори пло́тникъ,
— Желна́-та церковной строитель;
— По́ темно́му лѣсу лета́ётъ,
— Всяко она дерево пытаётъ,
— Церквы соборы роботаётъ.
— Сорока каба́цъ̄кая жёнка;
— Черныя чёботы держала,
— Съ ножки на но́жъ̄ку скакала,
— На́ груди подолы подымала,
— Молодыхъ ребятъ̄ приманяла;
— Безъ колача да ѣсть не ся́дётъ,
— Безъ молодца́ да спать не ля́жётъ;
— Пѣшь же она́ курва́ не ходитъ,
— Всё ль-то ѣдё на подводахъ,
— А пара у́ ней ко́ней вороныихъ,
— Извощички ребята молодыи.
— Воро́на-та на мори бабка;
— Когти толсты́и грязны́и,
— Поря́дню-ту водитъ худую.
— Пѣ́тухи ка́заки донскіи,
— То-то молодцы́ да удалыи;
— По́ многу жёнъ оны̀ содёржатъ,
— По́ три жёны́ да по четыре,
— И́нои до цѣлаго десятка,
— А всѣхъ нарядити онъ умѣ́ётъ,
— Всѣма розрядити разумѣ́ётъ,
— Не такъ какъ̄ на́ Руси у́ мужа
— Одна ёго́ бажовая жёну́шка,
— И той нарядить онъ не умѣётъ,

— На роботу розрядить не разумѣётъ.
— А курица послѣ́дь̄няя птица;
— Кто ни ею да поимáётъ
— Всякой въ дырѣ да ковыря́ётъ,
— Все изъ яицá бѣдну́ пытáётъ,
— Любимымъ зятевья́мъ и припасаётъ.

— Левъ-тотъ нá мори мясникъ былъ,
— Медвѣдь-отъ̄ былъ кожедéрникъ;
— Много онъ кожъ̄ придираётъ,
— Сопоговъ на ногахъ̄ не видáётъ.
— Волкъ-тотъ̄ нá мори овчинникъ;
— Много онъ овчинъ̄ придираётъ,
— А й шубы онъ на плечахъ не видаётъ,
— Велику себи стужу принимаётъ.
— Олень-отъ̄ скорыи посланникъ,
— Зайко-то на мори калачникъ,
— А ножки тонéньки бѣлéньки,
— Калачики пекётъ онъ и мяконьки.
— А лисица молóда молодица;
— Дологъ̄ хвостъ — и не наступитъ,
— Сдѣлаётъ вину — она не скажё.
— А собака-та зла лиха свекрова;
— День она ночи варайдáётъ,
— Дѣла никáкова не скажётъ.
— А й кошки эты́ были вдовицы,
— То-то сироты да бобылицы;
— Днёмъ кошки́ лежá по печкамъ,
— Ночью пóйдутъ по добычкамъ,
— А криночки горшочки открываютъ,
— Безъ ложки сметанъ̄ку снимаютъ,
— За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —
А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,

Всѣмъ удáлыъ былъ и розъѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по терéмамъ,
А й молóдымъ молодцáмъ былъ̄ по лавкамъ,
А молóдыимъ молóдкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатямъ,
Старыи́мъ старушъ̄камъ по печкамъ.
То-то старуха на печкị,
То-то старухи надоѣства,
Кринка овсянаго тѣста.
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала... тпру.

Записано тамъ же, 29 іюля.

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подъ 70 отъ роду, занимающійся земледѣліемъ и рыболовствомъ. Былинамъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, переңялъ ихъ отъ слѣпаго калики Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ»[1]). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженьемъ своею мудростью; самъ Антоновъ помнитъ его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника кото-

---

1) Если Мина Ефимовъ зналъ былины, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Пріонежья, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

раго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинъ. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ названъ Потапомъ Потахинымъ.

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдь тутъ, вси вѣдь бо́яра,
А вси сильни могучи вси бога́тыри;
А сидитъ во самомъ-то во большо́мъ углу
А Сухма́нъ да сидитъ сынъ Долма́нтьёвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бо́яра,
Сильніи могучіи бога́тыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлую лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, самъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,
Нечимъ мо́лодецъ самъ не хвастаетъ.
Зго́воритъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Что же ты, Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ,
«Ты не ѣшь, ты не пье́шь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
«Ничимъ молодецъ самъ не хвастаешь?»
Воспрого́воритъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
— День съ утра и какъ до вечера,

— Мнѣ поѣздить Сухману нынь по за́водямъ.
— Привезу ти лебедушку живье́мъ въ руки,
— А на твои на пиръ княженецкіи,
— На твои на столъ на дубовыи. —
Далъ ему времечки день съ утра,
День съ утра и какъ до вечера.
Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ;
Онъ ѣздилъ день съ утра до вечера
А по тихимъ глубокимъ по заводямъ,
Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
Ни на сѣраго на малаго уте́ныша.
Проѣздилъ Сухманъ трои суточки,
Пріѣхалъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Ко матушкѣ ко Нѣпры́ рѣки;
А у той ли у матушки Нѣпры́ рѣки
А стоитъ тутъ сила вѣдь-то малая, —
Вода съ пескомъ возмутиласи;
Стоитъ за Нѣпро́й, за Нѣпро́ю рѣкой
А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
Мостятъ мосты все кали́новыи,
Ладятъ тутъ перейти черезъ ту́ Нѣпру,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву́,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ладятъ Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
А Владиміра-того во полонъ-тотъ взятъ.
Тутъ Сухманъ здогодается,
А пошолъ Сухманъ за тую́ Нѣпру,
Находилъ ёнъ дубиночку вязиночку,
Въ долину́ какъ дубина десяти́ сажонъ,
Въ толщину какъ дубина три обо́ймени.
Тутъ Сухманъ снаряжается,
За вершинку бралъ — съ ко́мля со́къ бѣжалъ.
Сталъ по поганыимъ похаживать,
По тою по силѣ по невѣрныи,

Сталъ ёнъ дубиною помахивать,
Убилъ ёнъ татаръ сорокъ тысячей;
Со всихъ сторонъ дубину пріущолкалъ ёнъ,
Въ кровь ёнъ дубину пріомáралъ тутъ.
А изъ поганыи изъ си́лы тутъ
Оставалося только два татарина,
А ёны̀ отъ его обряжáлися,
За тыя за кустья завалялися.
Пошолъ тутъ Сухманъ ёнъ во Кіевъ градъ
Ко тому ли князю ко Владиміру.
Гóворитъ Владиміръ таково слово:
«Что же долго ты ѣздилъ, Сухманъ, теперь?
«Ѣздилъ ты да трои суточки,
«Привезъ ты ко мнѣ нынь лебéдушку,
«Обѣщался ко̀ю да живьéмъ въ руки,
«А ни сѣраго ни малаго утёныша?»
Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
Отвѣтъ держалъ сынъ Долмáнтьёвичъ:
— Не до тóго мнѣ-ка нынь дѣялось.
— Былъ я вѣдь нынь за Нѣпрóй рѣкой,
— Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
— Той ли силы поганыи,
— Той ли силы всё невѣрныи.
— Оны ладили тутъ какъ вѣдь Кіевъ градъ,
— Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
— А Владиміра тебя въ полонъ какъ взять. —
А говорятъ князи́ вѣдь и бóяра
А и сильни могучи богáтыри:
«Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
«Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
«Надъ тобой ли нынь какъ Владиміръ князь».
За тыи за рѣчи за похвальныи
Посадилъ его Владиміръ стольно-кіевской

Во тый погреба во глубокіи,
Во тый темницы тёмныи.
Желѣзными плитами задвигали,
А землéй его призасыпали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лѣтъ-то нá тридцать.
Послали туда вѣдь-то ослѣдовать,
Къ той ли ко матушки Нѣпры рѣки,
Старóго казáка Илью Муромца.
А пошолъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ къ матушки Нѣпры рѣки,
А сталъ Илья какъ по силѣ похаживать,
По той ли силы онъ поганыи,
По той ли по силы все невѣрныи,
Онъ нашолъ тамъ дубиночку вязиночку,
А лежитъ она межъ силы межъ поганою,
А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
Въ толщину тая дубина три обóймени,
Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
Въ кровь дубина пріомарана.
Пошолъ да старóй ёнъ ко городу,
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Увидалъ два татарина поганыихъ.
Говорятъ тутъ татарины поганыи:
— Ты куда калика перехаживашь,
— Ты откуль идéшь, откуль путь держишь? —
Воспрогóворитъ старóй Илья Муромецъ:
«Я иду вѣдь отъ города отъ Кіева,
«Отъ ласкова князя Владиміра».
Говорятъ татарины поганыи:
— У васъ какъ вѣдь есть нынь во Кіеви
— А богáтырь старóй Илья Муромецъ;
— По многу заѣдатъ-то хлѣба къ выти онъ,
— По многу ль выпиватъ питья медвянаго? —

Говоритъ Ильюша таково слово:
«У насъ какъ было нынь во Кіеви,
«У ласкова князя Владиміра,
«Ѣстъ хлѣба по колачику крупивчату,
«Запивае стаканчикомъ медвяныимъ».
— То тутъ у Ильюши вѣдь не сила есть.
— Какъ мы есть поганы татарова
— Ѣдимъ хлѣба къ выти по печи печенаго,
— По ушату пьемъ водоносныихъ. —
Воспрогóворитъ Илья тутъ вѣдь Муромецъ:
«У насъ было во городѣ во Кіёви,
«При ласковомъ князи Владиміри,
«Корóвищо была обжорищо, —
«Она много ѣла, вино пи́ла тутъ,
«Нынь вся она теперь перелопала».
Тутъ татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
Выскака́ли со шатра полотнянаго,
Кинули въ Ильюшу ножищо óны тутъ.
Попало тутъ во дверь во дубовую,
Выскочила тутъ и со липи́ньямы.
Взялъ Ильюша старóй тутъ вѣдь Муромецъ
Клюху свою онъ дорожную,
А ударилъ ёнъ по татаровамъ,
Тутъ у татариновъ души нѣту.
Приходитъ старóй Илья Муромецъ
Ко городу ко тому ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Отвѣтъ держалъ, выговаривалъ:
«Правда Сухмана Долма́нтьёвица,
«Чѣмъ Сухманъ только хвастаетъ.
«Былъ-то я у Нѣпры́ рѣки,
«Видѣлъ силы поганой убитою,
«Числомъ лежитъ сорокъ тысячей.
«Межъ тыма межъ поганыма татарамы

«Увидѣлъ дубину девяти сажонъ,
«Въ то́лщину дубина три обо́ймени,
«Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
«Въ кровь-ту дубина пріомарана».
Зго́воритъ Владиміръ таково слово:
— Ахъ же вы князи вы бо́яра,
— А вы сильни могучи вси бога́тыри!
— Выводите Сухмана со погребовъ,
— Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
— А со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ. —
Тутъ приходили князи бо́яра,
Сильни могучи бога́тыри;
Траву-ту всю оны тутъ вырвали,
Землю изъ плиты вѣдь повырыли,
Желѣзную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долма́нтьёвича
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ.
Воспрого́ворятъ ему вси князи бо́яра:
«Ахъ ты Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ!
«За твои услуги великіи
«Тебя пожалуетъ Владиміръ столенъ-кіевской
«Золотою казной тебя долюби,
«Городами-то да съ пригородкамы,
«Приселами-то да со приселкамы».
Выходитъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со те́мницъ со те́мныихъ,
Говоритъ Сухманъ таково слово:
— А не честь хвала молодецкая
— Брать города съ пригородкамы,
— Брать присела да со приселкамы,
— Брать мнѣ безсчетна золота казна,
— А моя есть смерть напрасная,

— Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
Выдергалъ онъ листочки макóвыи:
— Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
— Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

64.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
Ко той ли ко рѣчки ко Пучайныи.
Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
Только проситъ Добрыня благословеньица
У родители своеи какъ у матушки,
У честнòй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ужъ какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ-ка благословленьицо,
«Мнѣ съѣздить ко рѣчки ко Пучайныи;
«Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покупатися,
«Простудить мнѣ-ка нынь да тѣло нѣжное».
Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшки
А его же вѣдь тутъ рóдна матушка:
— Ахъ же ты чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
— А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
— Тобе съѣстъ Добрыня, поглотáетъ она. —
Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
«Не боюсь я змѣи топерь поганыи.
«Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я;
«А не дашь прощеньица — поѣду я».
Только дала Добрынюшки прощеньицо,
Только дала Добрыни благословленьицо.

А выходитъ Добрыня на ши́рокъ дворъ,
А беретъ въ руки̇ уздицу тесмяную,
На того добра́ коня ёнъ накладываетъ,
Войлочки да онъ накидываетъ,
Сѣдёлышко да онъ накладываетъ,
Тое сѣдёлышко окова́ное,
А двѣнадцати подпругами подтягивалъ,
Самъ ёнъ подпругамъ приговаривалъ.
Не просты были подпруги, семи шелковъ,
Не простого-то шолку, шахтанскаго,
Пряжечки изъ мѣди изъ казанскіи,
Шпенечки изъ булата были желѣза сибирскаго.
Съ собою беретъ онъ товарища
По́тыку Михайла Ивановича.
Во тугіи руки ту́гой быстрой лукъ,
Палицу беретъ онъ военную,
А копье-то беретъ да долгомѣрноё,
Саблю взимаетъ-то вострую.
Сѣлъ-то Добрыня на коня добраго,
Поѣхали ко рѣки ко Пучайныи.
День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
А другой ѣдутъ не вдаючись,
А на третій-то день доѣзжаючись.
А пріѣхалъ Добрыня ко Пуча́й ко рѣки,
Останавливалъ коня на чисто́емъ на поли,
Привязывалъ коня да къ дубу сы́рому,
Оставлялъ-то тутъ брата крестоваго,
По́тыку Михайла Ивановица.
Пошолъ-то Добрыня къ рѣчки быстрыи,
Ко той ли-то ко рѣчки ко свирипыи,
Скидыва́етъ съ се́бя платьё-то дорожноё,
Розуваетъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли греческой,

Скидыва́етъ рубашку миткалиную,
Штаники розулъ ёнъ со на́пускамы̀.
Опустился Добрыня въ ричку быструю,
Сквозь тую онъ струйку вѣдь про́нырнулъ,
Сквозь другу онъ тутъ повы́нырнулъ,
Сквозь третью онъ повыскочилъ.
И это тутъ вода въ рѣки смутиласи,
Лютая змѣя показаласи.
Тутъ перепался братъ крестовыи,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Угналъ Добрыни коня добраго,
Увёзъ у Добрыни ту́гой быстрой лукъ,
Палицу уве́зъ ёнъ военную,
Копье-то уве́зъ какъ долгомѣрное,
Саблю увёзъ ёнъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа,
Тая ли шляпа богатырская.
Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
Надѣвалъ ёнъ платье свое скоро тутъ,
Обувалъ ёнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Бралъ ёнъ шляпу земли греческой,
А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
А й на ту змѣю на поганую,
Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
Пропустилъ-то змѣи кровь горючую,
А сшибилъ-то змѣю да на сыру землю,
Наступилъ-то змѣи да ножкой правою,
А на ты наступилъ да ей на хоботы,
Ладилъ отсѣчь буйну голову.
Тутъ-то змѣя ему смолиласе,
Нечестлива она покориласе:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Не убей-ко змѣи меня до смерти нынь.
— Я буду змѣя теби покорная,

— А я буду змѣя теби повинная
— Спусти-ко ты змѣю да на свою́ волю,
— А я буду сестра теби меньшая,
— А ты будешь братъ да мнѣ-ка бо́льшіи. —
А на ты лясы̑ Добрыня пріукинулся,
Спустилъ-то змѣю да на свою́ волю.
Тутъ-то змѣя подымаласе
Выше лѣсу того она стояцего,
Ниже облака того вѣдь летацаго,
Полетѣла змѣя какъ ко Кіёву,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Тутъ пошолъ какъ Добрынюшка во свой-тотъ домъ;
Сустигала Добрыню ночка темная
На тоёмъ поли̂ его на чи́стоёмъ.
Столбички розставилъ тоце́ные,
Шате́ръ-тотъ роздвинулъ полотняныи,
Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
На матушку ложился на сыру́ землю,
На тую ложился мураву́ траву.
Спалъ тутъ Добрыня отъ ве́чера,
Спалъ тутъ Добрыня до полу́ночи,
Отъ полу́ночи спалъ ёнъ вѣдь до́ утра
Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
По утру ставалъ ёнъ ране́шенько,
Умывался водою самъ бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
Въ сырую во землю покло́нился.
Беретъ въ руки́-то трубочку подзорную,
Оглядѣлъ ёнъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Летитъ-то тутъ змѣя поганая,
А несе́тъ во когтяхъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.

Тутъ-то Добрыня закручинился,
Тутъ какъ Добрыня запечалился.
Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
Онъ садился на брусо́ву нову лавочку,
Онъ повѣсилъ голову до само́й зени.
Подходитъ къ ему ро́дна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати,
Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
«О чемъ ты Добрынюшка кручинишься,
«О чемъ ты Добрынюшка печалишься?»
А отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушки:
— Не объ чёмъ я Добрыня не кручинюся,
— Не объ чёмъ я Добрыня не печа́луюсь,
— Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньицо,
— Только дай-ко мнѣ благословленьицо,
— Мнѣ съѣздить ко городу ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— У того князя какъ у Владиміра
— А й зачался пиръ да на двѣнадцать дѐнъ,
— Для князей ли пиръ какъ для бо́яровъ
— А для сильнихъ могучихъ для бога́тырёвъ. —
Сѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
Скоро будучись Добрыня на чисто́мъ на поли,
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіёву,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
Ко тыи стѣны городо́выи,
Ко тыи ко башни угло́выи.
Прямо ѣхалъ Добрыня черезъ стѣну тутъ,
Черезъ тую стѣну городо́вую,
Черезъ тую башню угло́вую.
Заѣзжаетъ Добрыня ко Владиміру на дворъ,
Сбываетъ слѣзаетъ съ коня добраго,
Привязыватъ коня ёнъ ко столбичку,
Ко тому ли столбу ко точе́ному,

Ко тому ль кольцу золочéному,
Насыпаетъ пшены бѣлояровы.
Пошолъ-то вѣдь Добрыня во высóкой домъ,
Проходитъ ёнъ во гри́деню столовую,
Гдѣ стоятъ столы тамъ дубовыи,
Кладены скатерти шелкóвыи,
А укладены ѣствы сахáрнiи,
А й розставлены питья медвяныи.
Онъ крестъ тутъ клалъ по писáному,
А поклоны-ты ведетъ по учéному,
На всѣ на четыре на стороны,
Тому же Владимiру въ особину.
Ставаетъ Владимiръ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Владимiръ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бóяра.
«А вы сильни могучи богáтыри!
«Ставайте зъ-за стóловъ вы дубовыихъ,
«Зъ-за тыихъ за ѣстовъ вы сахáрнiихъ,
«Зъ-за тыихъ за питьевъ вы медвяныихъ,
«Вы берите-ко гостя нынь подъ руки,
«Садите вы гостя за столъ какъ нынь,
«За тыи столы его дубовыи,
«За тыи за ѣства за сахáрнiи,
«А и за тыи за питья за медвяныи,
«Проводите вы во мѣсто во бóльшое,
«Гдѣ ему мѣсто вѣдь пóлюби».
А ставали князи́ тутъ вѣдь бóяра,
Сильни могучи вси богáтыри,
А взимали тутъ гостя вѣдь за руки,
Проводили за столы тый дубовыи,
За тыи за ѣствы за сахáрнiи,
За тыи за питья за медвяныи,
Наливали чару зелéнаго вина,
Другу наливали пива пьянаго,

Третью наливали меду сладкаго.
Принимаетъ Добрыня единóй рукой,
Выпиваетъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
А приходитъ Владиміръ супротивъ стола
Самъ онъ говорилъ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бóяра,
«А вы сильни могучи богáтыри!
«Кто у васъ ѣдетъ во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то вѣдь дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой государскою?»
И какъ за тыма столами за дубовыма,
За тыми за ѣствами сахáрними,
За тыма за питьямы медвяныма,
Да никто ничего тутъ не спрогóворитъ;
Ни отъ бóльшего, какъ ни отъ мéньшого,
Зъ-за того стола зъ-за середнего
Меньшій бояринъ Иванъ какъ тутъ,
А по изотчины какъ Карамышовичъ,
Зъ-за стола выходитъ зъ-за середнего,
Поклонился къ Владиміру низешенько,
А ёнъ самъ згóворилъ таково слово:
— Послухай-ко Владиміръ столенъ-кіевской!
— Изъ насъ нéкому ѣхать въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За твоёй-то за дочкой за царскою,
— За твоей-то дочкой княженецкою.
— А я былъ теперь какъ у риценки,
— А у той я рѣки да у Пучайныи,
— А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
— Онъ какъ со змѣёю тамъ поляковалъ,
— А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
— А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,

— Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горючую,
— А сшибъ-то змѣю да на сыру землю,
— Наступилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
— Ладилъ отсѣчь буйну голову:
— Это тутъ же змѣя возмолиласи,
— Нечестлива ему покориласи,
— Называла его братомъ бо́льшіимъ,
— А ёна называлась сестрой ме́ньшею.
— Дакъ ему буде ѣхать во Туги́-горы,
— Во тыи пещеры во змѣиныи,
— За твоёй топри[1]) дочкой за царскою,
— За твоей топри дочкой княженецкою. —
И подходитъ Владиміръ стольно-кіевской
Ко тому Добрыни близёшенько,
Говоритъ сло́вце ему поскорёшенько:
«Ты послухай Добрыня сынъ Микитинецъ!
«Я накину на тя службу великую,
«А я службу накину не малую:
«А ты съѣзди отъ города отъ Кіёва,
«Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
«А во тыи во славны Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой княженецкою».
Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А выходитъ зъ-за сто́ловъ дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Зъ-за тыихъ за питьевъ за медвяныихъ,
Господу Богу помоли́лся самъ,
Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
Становился Добрыня на своё мѣсто
Осередь той полаты грановитыя,

1) *Топри* — теперь.

Топнулъ Добрыня ножкой правою,
Тымъ ли онъ чоботомъ булатніимъ,
Весь шатёръ тутъ шатается,
Тыи столы опрокида́ются,
Питья въ стоканахъ проливаются,
А бояра со стульевъ повалилисе,
По тому мосту да покатилисе.
А выходитъ Добрыня на улицку,
Къ своему коню приходитъ ко доброму:
— Ахъ ты мой конь есте добрыи,
— А не знаешь топерь ты незгодушки!
— А Владиміръ князь столенъ-кіевской
— Онъ накинулъ службу тяжёлую. —
Садился Добрыня на коня добраго
А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ
Становилъ коня да своя *(такъ)* добраго
А во тую во стойлу лошадиную,
Насыпалъ пшёны́ бѣлояровыи.
А приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
А садился онъ какъ вѣдь на лавочку,
Онъ повѣсилъ головку до само́й зени,
Самъ ёнъ кручинится, печалится.
Подходитъ къ ему какъ родна матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна,
Начала Добрыню выспрашивати,
Ена начала Добрыню вывѣдывати:
«Ты объ чёмъ нынѣ Добрынюшка кручинишься,
«Да объ чёмъ ты Добрынюшка печалишься?
«А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кіёви,
«А у ласкова князя у Владиміра,
«А на томъ ты на пиру на почё́стноёмъ,
«Али мѣсто тебѣ было не по́люби,
«Али чара ли тебѣ не рядо́мъ пришла,
«Не рядо́мъ пришла какъ непочё́тная,

«Али пьяница дуракъ въ глаза на́плевалъ,
«Али дѣвки-курвы насмѣялисе?»
Зго́воритъ Добрыня таково слово:
— Ай же ты родитель моя матушка,
— А ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь по́люби,
— А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядо́мъ-то шла,
— А й чара тая вѣдь-то почѐтная,
— Пьяница дуракъ въ глаза не́ плёвалъ,
— Дѣвки-курвы не смѣялисе;
— А накинулъ Владимiръ столенъ-кiевской
— На меня службу топерь тяжёлую.
— Надо съѣздить мнѣ-ка во Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За его-то за дочкой за царскою,
— За его за дочкой княженецкою;
— Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
— А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсь. —
Говоритъ родитель ему матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна:
«Не кручинься Добрыня, не печалуйся.
«А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко
«Во тыи во славны во Туги́-горы,
«Во тыи пещеры змѣиныи,
«Побивалъ ёнъ ту змѣю поганую.
«Ты послухай-ко да меня матушки,
«Честно̀й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты поѣдешь теперь да во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры во змѣиныи,
«Не бери-тко съ собой туга бы́стра лука̀,
«Не бери-ко ты палицы военныи,
«Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
«Не бери-ко ты сабли съ собой вострою.
«Дамъ теби плеточку семи шелковъ,

«Этой плеточкой будешь помахивать;
«А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
«А рука твоя правá призамашется,
«Свѣтъ со глазъ какъ потеряется,
«Тебя станетъ змѣя она потаскивать,
«Станетъ лютá тебя побрасывать,
«Ты возьми-тко нынь свой тальянской платъ,
«Поводи по тому лицу по бѣлому,
«А утри-тко свои ты очи ясныи,
«Будешь лучше стараго да лучше прежнаго.
«Поводи кóня да по толсты́мъ рёбрамъ
«Тымъ платкомъ ты тальянскіимъ,
«Тогда здымай ты ручку свою правую,
«А махни плетью да ты шелкóвою, —
«Ты склонишь змѣю-ту на сыру землю,
«Оторвешь у змѣи вѣдь шесть хоботовъ,
«Придаéшь змѣи смерть ты вѣдь скорую».
Это сѣлъ Добрыня коня добраго *(такъ)*,
Онъ поѣхалъ Добрыня во ты́й оны
А во ты славны да во Туги́-горы,
Во тыи пещеры да во змѣиныи;
Ѣхалъ Добрынюшка двѣнадцать дёнъ,
Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
Только колачикомъ Добрыня закусывалъ.
На тринадцатый день доѣзжаетъ онъ
А во тыи во славны во Туги́-горы,
Въ тыи пещеры змѣиныи,
А ко тымъ вѣдь ёнъ ко Туги́мъ-горамъ.
А и то змѣи какъ не случилосе
А во тыихъ во славныхъ во Туги́хъ-горахъ,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ;
Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
Царская дочка княженецкая.
Глядитъ Добрыня во чистó полё,

А ле́титъ змѣя тутъ поганая,
Во когтяхъ несетъ да тѣло ме́ртвое.
А увидла змѣя какъ Добрынюшку,
Какъ сидитъ Добрыня кони доброёмъ *(такъ)*,
А спустила змѣя тѣло мертвое,
А й на матушку спустила на сыру землю,
А на тую спустила мураву траву,
Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Ты зачѣмъ нынь пріѣхалъ въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи? —
Тутъ-то змѣя она сряжается
Со Добрынюшкой да биться ратиться.
Оны бились со змѣёй трои суточки,
Не ѣдаючись какъ не пиваючись.
Стала змѣя тутъ поганая,
Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать.
А вспомнилъ онъ Добрынюшка
А родительско онъ наказаньицо,
А бере́тъ-то Добрыня въ руки бѣлыи,
А бере́тъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ ёнъ самъ какъ по бѣлу́ лицу,
У́теръ глаза да свои ясныи,
Сталъ Добрыня лучше стараго,
Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
Поводилъ коня онъ по тучны́мъ ребрамъ,
Пошолъ его конь по чисту́ полю,
По чисту́ полю пошо́лъ со храбростью.
Поймалъ Добрыня змѣю лютую,
Поймалъ Добрыня во бѣлы́ руки,
Приклонилъ Добрыня ко сырой земли,
А махнулъ-то Добрыня ручкой правою
Тою ли плеткою шелковою,

Оторвалъ ёнъ змѣи да буйну голову.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
А ко той ли ко пещеры ко змѣиныи,
А взималъ-то вѣдь тутъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
Тую ли дочку княженецкую.
Выходитъ Владиміръ на крутó крыльцо,
А стрѣтаетъ Владиміръ со чéстью тутъ,
Со великою со той благодарностью:
«А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
«Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
«А привезъ мою да ты дочку царскую,
«Царскую дочку княженецкую».
А дарилъ его Добрыню золотой казной,
А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтныимъ,
Благодарность сказалъ да до самой земли:
«А спасибо благодарно Добрынюшка!
«Послужилъ мнѣ-ка князю Владиміру.
«Никого не могъ найти я во Кіёви,
«Изъ тыхъ только изъ богáтырёвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка».
Тутъ Владиміръ оставается,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 іюля.

65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кіёви,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честныи тутъ бо́яра
И вси сильни могучи бога́тыри.
Воспрого́воритъ Добрыня таковое слово:
«Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Хочу я Добрыня поженитися
«На молодой Настасьи Микуличной».
Это тутъ вѣдь заве́лся у Добрынюшки,
Этотъ тутъ вѣдь завёлся почестной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честныи пиръ производится.
Пошолъ тутъ Добрыня во Божью́ церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалися,
Златыми перстнями обручалися.
А й живетъ-то Добрынюшка при Кіёви,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честно́е слово воспрого́ворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
«Дай-ко Добрыни бласловленьицо,
«А съѣздить Добрыни на чисто́ на полё,
«А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
«Могучи́ плечѝ Добрынюшки росталкивать».
Отвѣтъ держитъ ему матушка,

Честна̀ вдова Офимья Олександровна:
— Поѣзжаешь Добрыня на чисто́е на полё,
— На кого оставляшь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну?
— Куда оставляешь золоту казну,
— Куда кладешь-то цвѣтно платьицо,
— На кого еще оставишь добры́хъ коней? —
Отвѣтъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«А добры́хъ коней я во по́лё спущу,
«Золоту казну я въ погреба́ замну,
«Цвѣтно платьицо я на вы́шки кладу.
«А тебе какъ роди́тель моя матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна,
«Оставлю тебѣ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ безсчетныи.
«Молодой жены я завѣтъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чиста́ поля,
«Я не буду Добрыня ровно три́ году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго бога́тыря;
«Не ходи́ только за братца за крестоваго,
«А за младаго́ Олёшу за Поповица».
Это тутъ Добрыня снаряжается,
А й на добры́хъ коней-то онъ сбирается,
А бере́тъ съ собой нынече товарища,
Брата бере́тъ-то онъ крестоваго,
А и По́тыку Михайлу Ивановица,
И поѣхали оны́ на чисто́е на полё.

День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чистыихъ на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольицахъ широкіихъ.
Оны ѣхали, дорожку продолжали тутъ,
А пріѣхали оны на чисто́ на полё
А на тыи на роздольица широкіи,
Подѣлали тутъ стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпа́ли пшены бѣлояровыи
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадиныихъ.
Оны-то вѣдь стали пировати тутъ,
Хлѣба соли тутъ покушати,
По чары выпить зелена́го вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли попили покушали,
Сдѣлали нынь опочивъ себѣ,
А й ложилиси спать во бѣлыхъ шатрахъ
А й ложилися спать по вечеру
И спали тутъ ёны до́ утра,
До того же спали до бѣла́ свѣту.
Тутъ Добрыня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:
«Стань-ко братъ мой крестовыи,
«Подь ты Михайла сынъ Ивановичъ,
«Ото крѣпка сна да пробудись-ко ты».
Ставалъ его братъ тутъ крестовыи,
Вымылъ очи свѣжо́й водой,
У́терся полотеньшкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
На вси стороны вѣдь ёнъ покло́нился,
И пошолъ во конюшни лошадиныи,
Засмотрить пошолъ ёнъ да добрыхъ коней,
Всѣ ль кони стоятъ тамъ по старому,

Всѣ ль кони стоятъ тутъ по прежному.
Осмотрѣлъ, оглядѣлъ онъ коней добрыихъ,
Всѣ кони стоятъ тамъ по прежному,
Зоблютъ пшену бѣлоя́ровую.
Пошолъ ёнъ какъ отъ добры́хъ коней,
И взялъ ёнъ тутъ вѣдь во бѣлы́ руки,
Трубочку взялъ ёнъ подзорную,
Поглядѣлъ ёнъ тутъ во чисто́ полё,
Оглядѣлъ ёнъ во чисто полё какъ тутъ,
Во тое во поле во чистоё,
А ко той ли горы онъ ко высокіи,
Ко тымъ лѣсамъ ко дремуціимъ.
Подъ той ли подъ горою подъ высокою
А стоитъ вѣдь конь тамъ богатырскіи,
А сидитъ на кони воинъ главныи:
Голова на немъ какъ бу́ракъ си́льняя,
И глаза у него какъ чаши пи́вныи,
Носъ палица какъ богатырская;
На лѣво́й ноги какъ борзо́й кобель,
На право́й ноги какъ ясе́нъ соколъ.
Это тотъ ли кобель воспрово́ркиваетъ,
А ясе́нъ соколъ какъ воспросвистываетъ,
И также бога́тырь воспрого́ворилъ ёнъ:
— Я матушку руську́ землю,
— А руську́ землю я наскрозь пройду,
— Что ни лучшіихъ бога́тыревъ въ полонъ возьму. —
Это тутъ его братъ крестовыи,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
А идетъ-то, самъ ёнъ печалится;
А стрѣтаетъ его братъ тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ:
«Объ чемъ ты мой братъ нынь кручинишься,

«Объ чемъ ты скоро нынь запечалился?»
Отвѣтъ дёржитъ брату́ крестовому
По́тыкъ Михайла сынъ Ива́новичъ:
— Видѣлъ бога́тыря престрашнаго,
— А сидитъ бога́тырь на добро́мъ кони,
— А сидитъ-то бога́тырь, самъ шатается,
— Ладитъ-то ёнъ руську землю наскрозь пройти,
— Насъ бога́тыревъ нынь какъ во полонъ взиматъ. —
Возго́воритъ Добрыня таково слово:
«Поѣзжай-ко бога́тырь поскорёшенько.
«По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!
«Прогони-тко бога́тыря съ чиста́ поля,
«Со тою со силою великою,
«Со тою со силою невѣрною».
Поклонился братъ ему крестовыи,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Я не смѣю поѣхать на чисто́ полё
— На этого бога́тыря престрашнаго,
— Я этого бога́тыря весьма́ боюсь. —
Это-то Добрынюшка выходитъ самъ
Со того ль шатра полотнянаго:
«Оставляйся братъ ты мой крестовыи,
«Стереги береги ты бѣло́й шатёръ;
«Я поѣду Добрыня на чисто́ полё
«Предъ того ль бога́тыря престрашнаго»
Выскакивалъ Добрыня скорымъ на́ скоро
На тое сѣдельшко окова́ное,
Взимаетъ палицу́ военную,
А копьё-то беретъ долгомѣрное,
Поводами коня онъ призадергиваетъ,
Шпорамы коня подшевеливаётъ.
Никуда какъ Добрыня не оглянется,
Только смотритъ Добрыня во чисто́ полё,
На того ли престрашнаго бога́тыря.

Онъ наѣхалъ Добрыня предъ богáтыря,
Закрычалъ-то Добрыня во всю голову,
Колько у Добрыни было гóлоса:
«Что же ты богáтырь сидишь нá кони,
«А не стрѣтаешь меня таперь Добрынюшку?
«Надо намъ съ тобою познакомиться».
Призднну́лъ ёнъ головки богáтырь тутъ,
Самъ згóворитъ таково слово:
— Молодой Добрыня не поѣзживай,
— А руськой богáтырь не попурхивай,
— А будешь въ мои́ руки пои́маной,
— А вдругъ ты будешь пріобщи́паной! —
А на то Добрыня не соглáсёнъ былъ.
Розгорѣлось ёго сердцо богатырское,
Розогналъ ёнъ коня какъ по чисту́ полю,
Билъ коня ёнъ по туцны́мъ рёбрамъ,
А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,
Сталъ бить рубить онъ силу тутъ поганую,
Которá стояла при богáтыри.
Докà ладился онъ богáтырь, ладился,
А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,
А убилъ ёнъ силы поганыи,
А убилъ ёнъ силы сорокъ тысяцей.
Самъ онъ говорилъ таково слово
Молодой Добрыня Микитиницъ:
«Выѣзжай-ко богáтырь на чистó на полё!
«У меня палица какъ розмахаласе,
«Сила какъ росходиласе».
Поѣхалъ богáтырь на чистó на полё,
Розъѣздъ-то дѣлали великіи.
Съѣхались на копья на вострыи,
Копья по яблокамъ срывалисе,
А другъ друга оны не ранили.
А съѣхались они на палицы,

А й на палицы тыи военныи,
Другъ друга тутъ пріударили,
Ни который котораго не ранили.
Третій разъ оны съѣхались
А на тыи на сабли на вострыи,
Отфатилъ Добрыня богáтырю,
Отфатилъ ёнъ Добрыня буйну голову.
Палъ тутъ богáтырь со добрá коня,
Тотъ богáтырь кончается.
Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
Къ своему шатру онъ ко бѣлому,
А ко брату тому онъ ко крестовому.
Сходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-ты,
А во стойлы во тыи лошадиныи.
День-тотъ за день какъ водá текетъ,
А недѣля за недѣлю какъ трава ростетъ;
Прошло того времечку вѣдь трú году,
А не видать Добрыни со чистá поля.
Сталъ Владиміръ тутъ подхаживать,
Молодую Настасью подговаривать
За его ли за брата за крестоваго,
А за млáдаго Алёшу Поповица.
Отвѣтъ держитъ Настасья Микулѝчна:
— Я исполнила заповѣдь женскую,
— Я исполню вѣдь заповѣдь мýжскую.
— А не будетъ Добрыня со чистá поля,
— А пройдетъ того времечки-то вѣдь шесть годовъ,
— Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
— Хоть вдовой живу я, хоть замýжъ пойду,
— Я за князя ль пойду, за бояріна,
— А за сильнаго могучаго богáтыря,
— Не пойду ль только за брата крестоваго,
— А за млáдаго Олёшу Поповица. —

Это день отъ дни какъ продолжается,
А ѣздитъ Добрыня на чистыхъ на поляхъ,
А проходитъ-то времечки вѣдь шесть годовъ,
А не видать-то Добрыни со чистá поля.
Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
«Ты поди поди Настасья Микулична,
«А поди топере во замужество,
«А за братца поди-ка за крестоваго,
«За младаго Алёшу за Поповица;
«А я былъ Владиміръ на чистóмъ поли,
«Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
«А лежитъ убитъ Добрыня на чистóмъ поли,
«А ёнъ ножкамы лежитъ вдоль дороженки,
«Буйной головой лежитъ во ракитовъ кустъ,
«А ёнъ ручкамы лежитъ о сырý землю,
«Сквозь его ребра травка выросла,
«Росцвѣли цвѣточки лазуревы».
Это тутъ Настасья пріодумалась:
— Я не знаю сама своей головушки,
— А сама своей головушки подѣвати,
— А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотою,
— А и силою меня берутъ неволею.—
А про то вѣдь Добрынюшка не вѣдаетъ,
Какъ тутъ вѣдь Настасья просваталась
За того ли за брата за крестоваго,
И за млáдаго Олёшу за Поповица.
А на тую на пору въ тое времячко
А пріѣхалъ къ Добрынюшки богáтырь нынь,
А на томъ ли богáтырь на добрóмъ кони,
А й на томъ ли богáтырь кованóмъ сѣдли.
Это тотъ ли богáтырь съ Золотой Орды,
Да король земли какъ онъ Бухарскіи.
Онъ проситъ король земли Бухарскіи

Выѣхать Добрыню на чисто́е на полё.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Молодой бога́тырь Золотой Орды,
«Еще король земли Бухарскіи!
«А ѣздишь ты, да не попурхивай,
«А будешь ты курёнокъ пойманой,
«А мла́дой бога́тырь ты общипаной».
Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
На своёмъ Добрыня кони доброёмъ
А на томъ ли Добрыня ковано́мъ сѣдли;
Они съѣхались на копья на вострыи,
Копья пополамъ приломплиси,
Другъ друга они не ранили;
А й на тыи на палицы военныи,
Палици у нихъ сломилиси,
Другъ друга они не ранили.
Третій разъ оны какъ тутъ посъѣхались.
Оба выпали они со добры́хъ коней,
Стали оны собой таскатися,
Подъ нимà земля какъ подгибатися.
Розгорѣлся Добрыня Микитиницъ
Своимъ сердцомъ онъ тутъ богатырскіимъ,
А фатилъ короля за желты́ кудри,
Кинулъ короля ёнъ на сыру́ землю,
Сѣлъ королю на бѣлы́ груди,
Заздынýлъ ёнъ Добрыня саблю вострую,
Во плечи рука тутъ застояласе.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивать,
Сталъ ёнъ бога́тыря вывѣдывать:
«Ты скажись, скажись, бога́тырь, со коёй земли,
«Какъ тебя бога́тырь имене́мъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говоритъ король ни съ упадкою:
— Ахъ сѣдатый пёсъ ты сѣда́ брада!

— Кабы я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— А не имени тебѣ бы ни отечества;
— Пласталъ те груди вѣдь я бѣлыи,
— Вынималъ бы сердце со-о печенью. —
Заздынӯлъ Добрыня ручку правую,
Подынӯлъ Добрыня саблю вострую
А хотѣлъ ёнъ отсѣчь буйну голову,
Во плечи рука тутъ застояласе.
Сталъ ёнъ Добрынюшка выспрашивати,
Сталъ ёнъ Добрынюшка вывѣдывати:
«А скажись, молодецъ ты богáтырь нынь:
«Со коёй земли ты, со коёй орды,
«Какъ молодца именéмъ зовутъ?»
Говоритъ король таково слово:
— Я есть вѣдь богáтырь Золотой Орды,
— Я король земли я есть Бухарскіи. —
А взималъ Добрыня за бѣлы́ руки,
Отдымàлъ *(такъ)* Добрыня отъ сырой земли,
Поставилъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Добрыня таково слово:
«А садись-ко богáтырь на добрá коня,
«Поѣзжай-ко богáтырь во свою землю,
«Во свою землю да Золоту Орду.
«Подарю тебѣ колечко подзолóченое,
«А свези-тко топерь да своей матушки,
«Дорогой свези топеричу подарочокъ,
«А еще свези ты челомъ-битьице».
Это сѣлъ тутъ король земли Бухарскіи,
А поѣхалъ король-тотъ во свою землю.
А поѣхалъ Добрыня во бѣлы́ шатры,
А лёгъ-то спать какъ Добрынюшка
А при тыихъ при латахъ богатырскіихъ,
А поѣхалъ король, тутъ пріодумался:

— А честь хвала мнѣ молодецкая
— А съѣхать мнѣ-ка во свою землю,
— Во славную мою Золоту Орду,
— Свезти матушкѣ своей мнѣ низкóй поклонъ,
— Дорогіе свезти мнѣ-ка подарочки;
— Станутъ люди всѣ мнѣ смѣятися,
— Будутъ звать меня какъ заугольніимъ,
— Будутъ звать меня какъ беззаконныимъ. —
Поворотъ держалъ богáтырь со дороженки,
Пріѣзжаетъ богáтырь ко бѣлý шатру,
Заздынýлъ богáтырь саблю вострую,
Онъ ударилъ Добрыню по бѣлóй шеи.
Вострая сабля не зáбрала,
Прокатилась она со бѣлóй шеи,
Докатилася она до рѣзвы́ихъ ногъ.
Тутъ Добрыня испужался есть,
Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
Возсталъ ёнъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Взималъ короля ёнъ за желты́ кудри,
А здымалъ короля да отъ землú сырой
Кинулъ короля о сырý землю,
Придалъ королю смерть-ту скорую,
«Отъ кого ты чадо ты зачатó было,
«Отъ кого ты чадо вѣдь посѣяно,
«Отъ того ты чадо нынь кончайся-тко!»
Это тутъ у князя у Владиміра
А пошолъ онъ начался почестной пиръ:
Это идéтъ Настасья во замужество
А й за млáдаго Олёшу Поповица,
За его за брата за крестоваго.
А на тую пору въ тое времячко
Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
А садился голубъ на бѣлóй шатёръ,
Полетаетъ голýбъ въ каменнý Москву,

Оставляетъ голубку на бѣло́мъ шатру.
Зго́воритъ голубка голубочику:
— Не останусѝ голубка на бѣло́мъ шатру,
— Полечу съ тобой голубка въ каменну́ Москву.
— Какъ нынечу таперичу
— А уѣхалъ Добрыня на чисты́ поля,
— А оставилъ Настасью во Кіёви,
— А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
— А нынь Настасья-то заму́жъ пошла,
— Не за князя пошла за бояриана,
— Не за сильнаго могучаго бога́тыря,
— Пошла столько Настасья Микулична
— А за братца его за крестоваго,
— А й за мла́да Алёшу за Поповица. —
Это тутъ Добрыня догодается,
На своихъ коней скоро сбираются,
Они сѣли, съ товарищомъ поѣхали
Ко тому ли князю ко Владиміру,
Ко братцу тому ли ко крестовому,
Ко мла́дому Алеши ко Поповицу,
Ко ему топерь на почестной пиръ.
Подъѣхали оны тутъ ко Кіёву,
Розлагали розсѣдлали коней добрыихъ
А спустили коней да во чисты́ поля.
А приходитъ Добрыня во свой тотъ домъ,
Ко родители ко той ли ко матушки,
Ко честно̀й вдовы Офимьи Александровной,
Самъ ёнъ во платьи во дорожноёмъ.
Это тутъ вдова какъ перепаласе,
Крѣпко вдова испугаласе.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты послухай, честна̀ вдова Офимья Александровна!
«Накорми меня топерь со дороженки,
«Поднеси мнѣ-ка чару зеле́наго вина,

«Это дру́гу поднеси мнѣ пива пьянаго,
«Третью поднеси мнѣ меду сладкаго».
Это тутъ его узнала родна матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна.
А згóворитъ Добрыня таково слово:
«А гдѣ моя нынь молода жена,
«Гдѣ моя топерь любима́ семья,
«Молода Настасья Микулична?»
— А твоя топерь молода жена,
— А твоя топерь да любима́ семья,
— Она топерь да заму́жъ пошла;
— А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
— Не за сильняго могучаго бога́тыря,
— Берутъ ю за брата за крестоваго,
— А за мла́да Олешеньку Поповица.
— А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
— А й силою берутъ ю неволюшкой. —
Сокрутился Добрынюшка Микитиницъ
А во тыи во платья каличьіи,
Взялъ въ руки гуселка ярóвчатыи,
И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пиръ
Ко тому ёнъ князю ко Владиміру,
Ко младому́ Олеши ко Поповицу.
Приходитъ ёнъ тутъ во высокой домъ,
Онъ проходитъ во гридню столовую,
Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бóяра
А и сильни могучи тутъ бога́тыря,
Гдѣ сидитъ князь тутъ молóдыи,
А Алешенька тутъ Поповиницъ,
Подли его сидитъ тутъ Настасья Микулична.
Говоритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко калики тòперь ми́стечко
— А на тую на печку мура́вленую. —

А тутъ ёму дали вѣдь ми́стечко
А на той ли на печки мура́вленыи.
Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:
— Ахъ же ты Владимiръ столенъ-кiёвской!
— Позволь-ко калики заиграть топерь,
— А позволь-ко Владимiръ заиграть-то мнѣ,
— Какъ мнѣ-ка калики во гусельшка,
— А во тыи ли во гусли яро́вчатыи. —
Заиграла калика въ гусельшка,
Во тыи во гусли яровчатыи,
Тонцы повелъ отъ Нова-го́рода,
Другiе повелъ отъ Царя́-града.
Это тутъ Владимiръ здогодается:
«Выходи-ко калика со за́печья,
«А садись-ко калика за дубовый столъ,
«Супротивъ князя топерь моло́дого
«Супротиво княгины Опраксiи,
«Молодой Настасьи Микуличной».
Го́воритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владимiръ столенъ-кiёвской!
— А налей-ко калики ты вѣдь чару нынь,
— Чару наливай умѣре́нную. —
Это тутъ Владимiръ догодается,
Наливалъ ему чару зелёнаго винà,
Дру́гу наливалъ тутъ пива пьянаго,
Третью наливалъ ёнъ меду сладкаго.
Это тутъ у калики розгорѣлосе
Сердце его какъ богатырское:
— А позволь-ко, Владимiръ столенъ-кiёвской.
— А налить мнѣ нынь чару зелёна́ вина,
— Поднести вѣдь нынь молодой Настасьи Микуличной. —
«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынь».
Наливалъ калика, приговаривалъ,
Спускалъ туда перстень именнтыя,

Коимъ пéрстнёмъ обручалися,
Подносилъ молодой княгини Микуличной,
Самъ подноситъ, выговариватъ:
— Прими-тко нынь ты Настасья Микулична,
— Прими-тко нынь отъ калики зеленá вина,
— Принимай Настасья единóй рукой,
— Выпивай Настасья едины́мъ духомъ.
— Пьешь Настасья вѣдь нынь до дна,
— Увидашь Настасья себѣ добра. —
Принимала Настасья единóй рукой,
Выпивала Настасья едины́мъ духомъ;
Она пила чару, оглядѣла тутъ
Спущоный перстенъ именитыя,
Коимъ перстнёмъ обручалися.
Скочила зъ-за столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ за сахáрніихъ:
«Ахъ же вы князи, вы бóяра,
«Сильни могучи вси богáтыри!
«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
«А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
«Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ,
«Мужъ ты мой Богомъ суждéныи,
«А женихъ ты мой какъ обручéныи,
«Не дивуй-ко ты разуму женскому,
«Подивуй-ко ты разуму му́жскому!
«А не честью-то берутъ меня охвотою,
«Силою берутъ меня неволею».
Это тутъ Добрыня росходился самъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Не дивую я разуму-то женскому,
— Подивую я разуму му́жскому,
— А честны́ завѣты исполнила.
— Не пріѣхалъ Добрыня со чистá поля,
— Не пріѣхалъ я Добрыня ровно три́ году,

— Не пріѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
— Пала вѣсточка ко мнѣ нерадостна.
— Я топерь пріѣхалъ ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Что ты Владиміръ топерь дѣлаешь,
— Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
Подходитъ нынь Добрыня Микитиницъ
А ко брату тому ко крестовому,
А къ Олёши тому ко Поповицу:
— А на что ты, братъ мой крестовыи,
— А берешь мою нынь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну? —
А взималъ ёнъ Олешу за желты́ кудри,
А кидалъ ёнъ Олёшу о кирпичной мостъ,
Попридалъ Олёшѣ смерть-ту скорую.
Сталъ Добрынюшка похаживать,
Съ ноги на́ ногу Добрынюшка поступывать,
Зычнымъ голосомъ по терему поваживать:
— Ахъ же князи́ видно бо́яра,
— А вы сильни могучи бога́тыри,
— Ай ты нашъ Владиміръ на что нынь укинулись,
— Дѣлаете дѣло нехорошее! —
Это тутъ бояра перепалися,
Со того пиру какъ розбѣга́лися.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Ахъ же Владиміръ столенъ-кіевской!
— Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
— А ты вѣдь сдѣлалъ дѣло доброё:
— Молоду Настасью Микуличну
— А силою берешь ты великою.
— Ты прощай меня нынь-ка, Владиміръ князь! —
Взялъ Настасью за бѣлы́ руки,
Повёлъ Настасью во свой онъ домъ.

Это тутъ Добрыня наживается,
А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

66.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Динь-динь-динь изъ подъ того креста Леванидова
Выходило выбѣгало два тура три́ тура̀.
Случилосе турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
Оны видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
Они видли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно:
Выходила дѣвица, слезно плакала,
Она книгу читала Евангелью,
А и нс только читала, вдвоёмъ плакала.
Сходились туры со ро́дной матушкой:
«Здравствуй турица родна матушка,
«Ты здравствуй турица златорогая!
«А мы шли туры да мимо Кіёвъ градъ,
«А й мы видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
«А и видѣли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно:
«Выходила дѣвица, слезно плакала,
«На рукахъ держитъ книгу святу Евангелью,
«А и не только читаетъ, вдвоёмъ плачетъ».
— А й вы глупы туры-ты малы дѣтушки!
— Не дѣвица выходила, слезно плакала,
— А й не книгу читала не Евангелью,
— Тутъ плакала стѣна городо́вая;
— Она свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку:
— Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,

— Со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
— Со тымъ дьячкомъ со выдумщичкомъ.
— У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
— А у сынушка силы сорокъ тысячей,
— А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
— У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
Проситъ Батыга отъ Кіёва,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
«Дай-ко мнѣ поединщика,
«Чтобы со мной съ Батыгой поправиться».
Да несчастно во Кіеви случилоси,
Что ни лучшихъ богáтырей не згодилоси.
Святогоръ богаты́рь на святы́хъ на горàхъ,
А Илья да Самсонъ у си́няго у морѧ̀,
Добрынюшка Микитичъ во чисты́хъ во полѧ̀хъ,
А Алеша богомолъ въ богомóльнёй стороны̀.
Жилъ-то былъ голь кабацкая,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
Крёстъ кладетъ-то по писáному,
А поклоны ведетъ по учéному
На всѣ три на четыре на стороны,
Князю Владиміру въ особину:
— Здравствуй Владиміръ стольне-кіевской!
— Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною.
— У Васи съ похмѣлья буйна головá болитъ,
— У Василья ретивó сердцо щемитъ. —
Приказалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
Наливать ему чару зелéнаго винà,
Дру́гу наливать пива пьянаго,
Третью наливать меду сладкаго.

Становилось питья полъ-пята́ пуда,
Становилось питья полтора ведра.
Принималъ тутъ Василій едино́ю рукой,
Выпилъ Василій едины́мъ духомъ,
Са̀мъ ёнъ Василій слово вымолвилъ:
— Я топерь могу на своёмъ кони сидѣть,
— Я теперь могу своей сабле́й владѣть,
— Которая сабля во сорокъ пудъ. —
Взималъ выбиралъ да ко́ня добраго,
Шелковую уздицу налага́лъ на его̀,
На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
Сѣдельшко черкаско накладывалъ,
А двѣнадцать подпругъ онъ подтягивалъ,
Не для ради красы басы угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскіи;
Булатъ не гнется не ломится,
Шелковы́ подпруги не обо́рвутся.
Тугіе луки́ по бокамъ металъ,
Калену́ стрѣлу онъ въ подзолотку *(такъ)* клалъ,
Шолковъ онъ поводъ въ бѣлы́ руки бра̀лъ,
Шпорами коня онъ потыкивалъ.
Конь его добрый поскакивалъ
За ту за стѣну городовую
И за ту за башню заугловую.
Поѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
Видитъ Батыгу на чисто́м̀ъ на поли̇̀.
Натягалъ Василей кале́ный лукъ,
Стрѣлку вынималъ съ подзолоточки,
Стрѣли̇̀лъ по головамъ что ни лу́чшенкіи̇̀мъ,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
Убилъ че́рна дьячка ёнъ выдумщика.
У Батыги вѣдь кони хорошіи,
У Батыги вѣдь кони снарядныи,

Посылаетъ Батыга скоры́хъ гонцовъ,
Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіёвъ градъ.
Кіевъ градъ онъ немалой есть,
Соколу летѣть на угря́гу ему,
Маленькой птицѣ натѣшиться,
Виноватаго во Кіеви не взы́скати.
Ѣдетъ Василей ко Батыги на лицо
На своёмъ кони онъ на доброёмъ
И на томъ сѣдли на око́ваноёмъ.
Рѣки озёра межу ноги пускалъ,
Сини моря ёнъ около́ скакалъ,
На горы высоки выскакиваетъ,
Хвостъ по земли розстилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Огненный пламень вымахиваетъ,
Тымъ лукомъ калёнымъ выстрѣливаетъ,
Вострымъ копьёмъ онъ помахиваетъ.
Отъ того копья какъ отъ востраго,
Отъ той отъ палицы военныи
На Батыгу страхъ да уклоняется,
Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
Колько ни было какъ вы́ѣзживано̀,
На такомъ было страху̀ не ста́ивано̀,
Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того отъ князя отъ Владиміра,
Ѣдетъ богатырь уда́лый молодѐцъ,
Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
Только страшно стоять-то на чисто́мъ на полѝ.
Пріѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
— Здравствуй Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
Отвѣтъ держитъ тотъ Батыга нынь:
«Нѣту сына Батыги Батыговича,

«Нѣту зятя Торокана Корабликова,
«Нѣту черна дьячка какъ выдумщичка!»
Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынь:
— Прости-ко меня во первóй нынь вины̀,
— Во первòй вины прости во великiи!
— Я убилъ у тебя сына Батыгу нынь,
— Убилъ зятя Торокана Корабликова,
— Убилъ черна дьячка я выдумщичка.
— За свою за вину за великую
— Я могу послужить какъ Батыги тебѣ.
— Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
— Я поѣду ко городу ко Кiёву
— А ко ласкову князю ко Владимiру,
— А мы Кiевъ градъ да мы огнёмъ пожгёмъ,
— А Владимiра мы во полонъ возьмёмъ. —
А на ты лясы̀ Батыга прiукинулся,
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣхалъ Василей на чистó на полё,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Присѣкъ прирубилъ до одной головы.
Скоро ѣде Василей ко Батыги на лицо:
— Прости-ко Батыга во другой вины,
— Во другой вины ты меня великiи!
— Потерялъ я силы сорокъ тысячей.
— Нынь я въ городи повысмотрѣлъ,
— Нынь я во Кiеви повыглядѣлъ,
— Гдѣ стоятъ воротца отлóженныи̇.
— Прямо нынь мы поѣдемъ и ко Кiёву,
— Только дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей. —
Онъ поѣхалъ со тою-то со силою,
Поворотъ держалъ на ручику на правую,
Палицей бьётъ онъ военною,
Копьёмъ ёнъ бьётъ да долгомѣрныимъ,
Не оставилъ Василей ни единой головы.

Пріѣхалъ Василей ко Батыги на лицо,
Челомъ ему билъ и поклоняется:
— Я еще вѣдь во городѣ все высмотрѣлъ,
— Я нынь же Батыга постою за тебя. —
Далъ ему силы сорокъ тысячей,
Сорокъ сороковъ все черныхъ соболёвъ,
Злата сребра ему смѣту нѣтъ.
Повыѣхалъ Василей на чистó на полё,
Ѣдетъ ко Кіеву со радостью,
Всю онъ силу вѣдь сáблей рубитъ.
Натягалъ Батыга вѣдь трубочку,
Трубочку натягивалъ подзорную,
Глядитъ онъ во славно во чистó полё,
Ко тому ль ко городу ко Кіёву,
Ко тому ль ко князю Владиміру,
На тыи поля-то онъ на чистыи,
На ты луга на зелéныи,
На ты на травы на шелкóвыи,
Видитъ дѣло не хорошеё.
Сбирается Батыга на дóбрыхъ конѐй,
Поѣзжае Батыга во свою́ скоро землю,
Во тую во землю во невѣрную.
Клéнется Батыга проклинается:
«Не дай мнѣ нынь подъ Кіевымъ бывать,
«Не могу я теперь про Кіевъ прóсказать,
«Золоту казну я истрáтилъ всю!
«Кіевъ градъ онъ не малый есть,
«Во Кіеви богáтыревъ смѣту нѣтъ».
Что ни лучшіе богáтыри во Кіёви,
Золота казна-то во Чернигови,
Цвѣтно платье въ Новѣ́-городи,
Хлѣбны запасы Смолéнца городу̀.
Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
День онъ ночь удаляется

Отъ того ли отъ города отъ Кіева,
Отъ того ли князя отъ Владиміра.
Увидѣлъ Василей Игнатьёвъ сынъ,
Розгорѣлось его сердце богатырскоё,
Роскипѣлась его мысель молодецкая,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Не поѣду ко городу ко Кіеву,
— Ко тому князю къ Владиміру,
— Поѣду въ сугонъ да въ слѣ́ды Батыгины,
— Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
— Со мной съ богáтыремъ нынь повидается.
— Я поѣду вѣдь нынь да спрошу его:
— Что же те Батыги не слюбилоси,
— Ты поѣхалъ вѣдь нынь-ка отъ Кіёва,
— Да поѣхалъ ты, не простился нынь
— Съ тымъ ли съ городомъ со Кіёвымъ? —
Это тутъ Батыги не слюбилоси,
Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
На того ли на Василья на Игнатьевича,
На браброго воина военнаго.
Взималъ ёнъ тутъ какъ Василей нунь
А й наѣхалъ Василей съ саблей вострою,
Отсѣкъ-то Василей буйну голову
А невѣрному Батыги по кóреню.
А упалъ-то Батыга съ кóня добраго
На тую на матушку сыру землю
А на ту ёнъ на мураву траву.
Отъѣзжаетъ Василей отъ Батыги нынь,
Прирубилъ прикосилъ послѣдню силу тутъ.
Поѣхалъ Василей ёнъ ко Кіёву,
Ко тому ко князю Владиміру,
Кричалъ онъ Василей на полѝ на томъ,
На поли на томъ какъ на чѝстоёмъ:
— Прикажи-тко, Владиміръ стольнё-кіевской,

— Отпереть мнѣ ворота широкіи,
— Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброёмъ
— За тую стѣну городо́вую,
— За тую за башню угло́вую! —
Отворили ворота широко́ ему,
Заѣзжае Василей на ко́ни до́броёмъ,
Сходитъ слѣзаетъ съ ко́ня добраго,
Самъ онъ привязыватъ коня́ какъ тутъ
Ко тому столбу ёнъ точеному,
Насыпатъ пшены бѣлоя́ровыи;
Заходитъ ёнъ въ полату бѣлока́менную,
Крёстъ кладыва́етъ по писа́ному,
Поклоны веде́тъ-то по уче́ному.
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же слуги мои вѣрныи,
«Слуги вы мои княженецкіи!
«Допросите Василья вы какъ нынечу,
«Каково ёнъ ѣздилъ во чисто́мъ поли».
Какъ спросили слуги его вѣрныи,
Тыи слуги княженецкіи:
— Каково ты ѣздилъ во чисто́мъ поли? —
Зго́воритъ Василей таково слово:
«Вся сила вѣдь воспорублена,
«Славны бога́тыри привыбиты».
Какъ завелъ тутъ князь какъ Владиміръ нынь,
Для того воина для главнаго,
Завелъ ёнъ балъ какъ на двѣнадцать дёнъ;
А на томъ на пиру княженецкоёмъ
А сидятъ тамъ вси князи бо́яра,
А вси говорятъ таково слово:
— Ахъ же Василей Игнатьёвъ сынъ!
— Вѣдь всѣ ли бога́тыри розъѣхались,
— А хоть ты нынь съѣздилъ на чисто́ полё,
— Постоялъ ты Василей за Кіевъ градъ,

— За того князя за Владиміра! —
И на томъ ли пиру вси росходятся,
И пиръ тотъ весь да нынь кончается.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгу́ливаетъ,
На своемъ Чурила на до́бромъ коні̀,
Пріѣхалъ Чурила къ Вельмино́му дому̀,
Скрычалъ-то Чурила во всю́ голову̀:
«Въ домѣ ль Вельма̀ сынъ Васи́льевичъ?»
Выходитъ выбѣгатъ Катеринушка,
Выходитъ она дочь Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
— Да нѣту Ве́льма сына Васи́льевица̀,
— Ушолъ Вельма̀ во Божью́ церкву.
— Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
А отвѣтъ держалъ какъ Чурилушка:
«Не въ убори я былъ, Катеринушка;
«Нынь я Чурила обладился,
«Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
«По́дпяты пя́ты ши́ломъ востры̀,
«Около носовъ яицо́мъ прокатить,
«По́дъ пяты пя́ты воробе́й пролетитъ;
«Шапочка ушиста пуши́ста было̀,
«Хорошо была надвѣ́систая,
«Сопереди не видно лица бѣлаго,
«Иззади не видно шеи бѣлыи, —
«Дакъ нынь я Чурилушка обладился

«И такъ я Чурилушка пріѣхалъ къ тебѣ».
Воспрося его Катеринушка
Бра́ла за ручки за бѣлыи
И провела его въ полату браную,
Садилась за столы дубовыи,
За тыи за ѣствы саха́рніи,
Наливала ёму питья медяныи,
Отходя же сама низко кланялаcи:
— Ѣшь-ко пей ты Чурилушка,
— Покушай-ко ты нынь Поплёнковичъ! —
Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилу̍шка,
Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
Зъ-за тыи за ѣствы сахарніи,
Зъ-за того питья за медянаго,
Господу Богу поклонится,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Катерину да ёнъ въ особину:
«Благодарно тебѣ Катеринушка,
«Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
Отвѣтъ держала Катеринушка:
— На до́бро тебѣ-ка здоровьице,
— Да на до́бро тебѣ-ка Чурилушка,
— Чурилушка да ты Попле́нковицъ! —
Взяла за ручки за бѣлыи,
За его перстни̑ за злачены,
Повела его въ спаленку теплую,
Къ той ли ко кроватки ко кисовыи,
Къ той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко кру́тому высокому зголовьицу,
Ко тому ль одѣялу соболиному.
Сама говорила таково́е слово:
«Изволь-ко ложиться Цурилушка,
«Изволь-ко ложиться сынъ Попле́нковичъ!»
Лёгъ тутъ спать какъ Чурилушка,

Лёгъ тутъ спать да сынъ Попле́нковичъ,
Подли е́го-то Катеринушка,
Да подли́ бочка дочь Микулична.
Оны стали-то жити-то бы́ти оны,
Межу со́бою времечки коро́тати.
Какъ на тую пору въ тое времячко
Прови́дала дѣвка дворовая,
Дворовая дѣвка челягична,
Башма́ченка обувала на босу́ю ногу̀,
Шубу надѣвала на одно́е плечо,
Бѣжала дѣвче́нка ко Божье́и церквы̀,
Крычала дѣвчонка во всю голову:
— Что же ты, Вельма̀ сынъ Васильёвичъ,
— Стоишь ты Вельма̀ во Божье́й церквы,
— Господу Богу Вельма̀ молишься,
— До мосту̀ ты Ве́льма поклоняешься,
— Надъ собой ты незгодушки не вѣдаешь!
— Есть у тебя во твоёмъ дому,
— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость,
— Онъ ѣстъ-то пьетъ проклаждается,
— Со твоею женой забавляется. —
Онъ кинулъ головушку межу́ плечью,
Утупилъ ясны очи въ калиновъ мостъ,
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,
«Дворовая ты дѣвка челягична!
«А никто тебя дѣвку не спрашиваетъ,
«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ *(такъ)*!
«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,
«А своё бы ты дѣвка дворовоё,
«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,
«Знала бы ты дѣвка теляшо́въ поить!
«Правду говоришь — во заму́жъ возьму,
«А неправду говоришь — голову́ срублю».

Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,
На своё на мѣсто на прежноё.
А приходитъ Вельма̀ отъ Божье́й церквы,
Приходитъ-то Вельма̀ ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадиныи,
Гдѣ стоялъ-то конь его добрыи,
А не видитъ коня своя *(такъ)* добраго,
Только видитъ коня ёнъ Чури́лушкина̀;
Онъ зоблетъ пшену бѣлояровую,
А его видно конь какъ пріо́тогнанъ,
А Вельми́нъ же конь тутъ пріо́тведенъ.
Такъ отходитъ отъ конюшни стоялыи
А отъ той ли отъ стойлы лошадиныи,
Приходитъ къ воротцамъ рѣшо́тчатыи̂мъ,
Да ко тыимъ ко пятничкамъ *(такъ)* булатніимъ,
Ко тымъ ли петличкамъ шелко́венькіи̂мъ;
У тыхъ воротецъ колотится,
У тыхъ воротецъ давается.
Это тутъ Катеринушка,
Это тутъ дочь она Микулична,
Крику ёна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бѣжитъ она какъ въ одныхъ чулкахъ,
Да безъ че́рныихъ бѣжитъ безъ че́ботовъ,
Въ одной тоненькой мягко̀й рубашечки;
У ней женскіи волосы̀ ростре́паныи,
У ей нѣжна грудь бѣла̀ пока́заная.
Отпирала воротца рѣшо́тчатый.
Говоритъ Ве́льма тутъ сынъ Васильёвичъ:
«Что же ты Катеринушка
«Видно крѣпко меня испугаласи?
«Въ одныхъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,
«Въ одной тоненькой мягко̀й рубашечки».
Отвѣтъ держала Катеринушка,

Отвѣтъ держитъ дочй Микулична:
— Ахъ же ты Вельма̀ сынъ Васильёвичъ!
— Мнѣ ль Катеринушки не можется,
— Мнѣ ль Микуличной хвораеться,
— Да крѣпко мнѣ не домогается. —
Пошолъ-то Вельма̀ тутъ по полатушки,
Да увидѣлъ лапо́тцы Чурилушкины:
«Эты лапо́тцы у Чури́лушки видалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микулична:
— Ахъ же Вельма̀ сынъ Васильевичъ!
— А эты лапо́тцы братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ-то Вельма̀ да по полатушки,
А увидѣлъ шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чури́лы видалъ,
«Этую шапку у Чури́лы слыхалъ».
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ дёржитъ дочь Микулична:
— Это шапка братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ Вельма̀ ёнъ во спаленку,
Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку
На́ той кровати кисовыи,
На́ той перины пуховыи,
Подъ тымъ одѣяломъ соболиныимъ,
Да на томъ ли еще на зголовьицѣ,
Обвернулся на стѣнку лицовую,
Ко́ той ко стопочкѣ точеныи.
Взялъ-то Вельма̀ да саблю вострую,
Отсѣкъ-то Чурилы буйну голову.
Поворотъ держалъ на ручку на правую:
«Гдѣ пала головка Чурилушкина,
«Тутъ пади головка Катеринушкина!»

Такъ дѣвку дворовую,
Этую дѣвку челягичну,
Ёнъ отмы́лъ череди́лъ,
Въ цвѣтно пла́тьё снаряди̇лъ,
По утру по свѣту къ вѣнцу пошолъ,
Во ту́ю оны́ во Божью́ церкву,
Принимали оны да по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходитъ Вельма̀ тутъ во полатушку,
Приводилъ ёнъ ту за бѣлу́ руку.
Такъ оны нынѣ теперичу
Стали жити-то бы́ти оны́,
Межу со́бой вре́мечки коро́тати.
Тутъ Чурилушки славу́ поютъ,
Тутъ Катерины немину́ему.

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

68.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадольскаго,
Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
Выходило выбѣгало тридцать ка́раблей.
Ино на тыихъ было тутъ на ка́рабляхъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Солове́й во тридцатыихъ,
Тридцать одна его ма́тушка родна̀.
Хорошо кара́бли изукрашены,
Хорошо кара́бли изнаряжены:
И носъ корма да по туриному,

Широкі́ бока по лосиному,
Парусы кру́пчато́й камки,
Якори на ка́рабляхъ булатніи,
У якорёвъ колечика сере́бряный,
Кадолы-ты[1]) изъ семи шелковъ;
И мѣсто было руля повѣшено
По заморскому соболю по до́рогому̀,
Да руль-то былъ занала́женной.
И на томъ было какъ на ка́рабли
Младъ Соловейко Гуди́мірович̆ъ.
Самъ зго́ворилъ таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
«Дѣлайте дѣло повелѣное,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана.
«Вы берите-тко трубочки подзорныи,
«Глядите во славно во сине́ морё,
«Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Наглядите въ при́сталь карабельнюю».
И ставали во машты высокіи,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали бо́льшаго атамана,
Глядѣли во славно сине́е морѐ,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Углядѣли прі́сталь карабельнюю.
Скоро будучи съ ка́раблемъ подъ Кіевомъ,
Забѣгали во присталь карабельнюю,
Па́русы спускали крупчато́й камки,
Якори бросали булатніи.
Зго́воритъ мла́дъ Соловѐй сынъ Гуди́міровѝцъ:
«Сходенку выкидывай сере́бряную,

---

1) Т. е. снасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

«Дру́гу выкидай подзоло́ченую̀,
«Третью выкидай исповоло́жаную̀.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ».
Брали ёны̀ во бѣлы́и рукѝ,
Матушка камочку узо́рчатую̀,
И самъ беретъ гуселка яро́вчатый,
И самъ и́детъ по сходенки золо́ченый,
Матушка идéтъ по серéбряный,
Вся его дружина по исповоло́жаный;
Приходятъ оны ко Влади́міру на двòръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крёстъ кладéтъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведéтъ по учéному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стороны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узо́рчатую
Молодой княгины Опраксіи.
Взимаетъ княгина на бѣлы́и рукѝ,
А взимаетъ княгина, дивуетси:
Да не до́рога камочка заморская,
А й до́роги узоры заморскіи!
Сталъ его Владиміръ выспра́шиватѝ,
Сталъ его Владиміръ вывѣ́дыватѝ:
— Ты скажись, молодецъ, со коё́й земли,
— Какъ молодца именéмъ зовутъ? —
Подходитъ къ ему поблизéшенько,
Поклонилси князю самъ низéшенько:
«Зъ-за того я моря зъ-за Дунайскаго,
«Зъ-за того я острова Кадольскаго
«Душечка уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Младъ Соловéйко да сынъ Гуди́міровѝчъ».
— Ты зачѣмъ же сюда побыва́лъ ко мнѣ?

— Торго́мъ торговать ли на съѣздъ ко мни,
— Ли на съѣздъ ко мни, ли на житьё пожить? —
Отвѣтъ держалъ Солове́юшко,
Младъ Солове́й да сынъ Гуди́міровичъ:
«Не торго́мъ торговать да не на съѣздъ къ тобѣ,
«Я пріѣхалъ къ тобѣ какъ на житьё пожить.
«Дай-ко мнѣ да топерь ми́стечка
«Подли се́бя да ты подли́ бочка.
«Есть у тя молода племянница,
«Молода Забавушка Путятична,
«У нёй какъ есть во зелены́хъ садохъ *(такъ)*
«Дубьица вязьё повы́рощеноё:
«Позволь-ко мнѣ-ка нунь су *(такъ)* повы́рубитѝ,
«Изъ саду вонъ мнѣ повы́метатѝ,
«Построить мнѣ да тамъ три́ теремà,
«Со тро́ими со си́нями съ нарядними».
Зго́воритъ Владиміръ таково́е словò:
— За тыи за рѣчи умильніи,
— За твои слова постановныи,
— Ступай нынь теперь въ зелены́и садѝ,
— Дѣлай ты дѣло повелѣ́леное. —
Также приходитъ Соло́вьюшко,
Младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцовъ безъ единого:
«Дѣлайте вы дѣло повелѣ́ноё,
«Слушайте бо́льшаго ата́мана,
«Берите вы нынь да во бѣлы́ руки
«А и ты ль топорики булатніи,
«Подѣлайте кирочки лопаточки,
«Поди вы таперь да въ зелены́и садѝ,
«Ду́бья вы вязьѝ всё повы́рубитѐ,
«Да изъ саду вонъ да вы повы́мечитѐ,
«А тыи коренья вы повы́копайтѐ;

«Постройте вы тамъ да ровно три́ терема̀,
«Со тро́има со си́нями съ нарядними, —
«По утру мнѣ-ка стать нынь-ка жи́ть пойти».
Дѣлали дѣло повелѣноё,
Слушали бо́льшаго а́тамана,
А има́ли топорики булатніи,
Подѣлали кирочки лопаточки,
Дубья-то вязья̀ повы́рубилѝ,
Изъ саду вонъ какъ тутъ повы́металѝ,
Построили оны̀ вѣдь тутъ три́ терема̀,
Со тро́има со си́нями съ нарядними;
Къ утру свѣту они жить пошли.
По утру было какъ тутъ ранёшенько
А ставала какъ есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тутъ бѣле́шенько,
Утиралась полотёнушкомъ суше́хонько,
Она Господу Богу помоли́ласе,
Глядѣла она̀ тутъ во окошечко,
Сама-то о́на тутъ счудоваласе,
Сама-то о́на тутъ здивоваласе:
— Что это нынь чудо счу́дилосѐ,
— Вино пиво да воспроку́рилосѐ?
— А во моихъ топерь зелены́хъ садахъ
— А дубьицо вязья все повы́рублено̀
— А изъ саду вонъ оны повы́метаны̀. —
Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
Башмачки надѣвала на босу́ ногу,
Пошла ёна Забава въ зелены́ сады,
Приходитъ она ко пе́рву терему̀,
Въ первомъ терему шопотко́мъ говоря̀тъ:
Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливатъ за сына за любимаго,
За мла́даго сына Гуди́міровà.

Приходитъ она ко дру́гу терему̀,
Въ другомъ терему̀ стучитъ гремитъ,
Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
Считаетъ Соловей да золоту казну,
Золоту казну ёнъ тутъ безсче́тную.
Приходила она ко тре́тью терему̀,
Тамъ играютъ во гусе́лка яро́вчатый,
Тонцы ведутъ отъ Нова́-города̀,
Дру́ги ведутъ-то отъ Еро́солима̀,
Припѣвы припѣваютъ хоро́шій.
Заходила Забава Утятична
Во тотъ ли она во бѣло́й шатёръ,
Крёстъ она клала́ по писа́ному,
Поклоны-ты вела какъ по уче́ному,
На вси три вѣдь на четыре какъ на сто́роны,
Той ли дружины въ особину;
Садилась на брусо́ву нову лавочку,
Сидѣла она видно де́нь съ утра,
День съ утра она до вечера,
А отъ вечера какъ до полуночи,
Отъ полуночи какъ до бѣла́ свѣту.
По утру было тутъ поранёшенько
Приходитъ душечка уда́лый мо́лодецъ,
Младъ Соловейка сынъ Гуди́міровичъ,
Самъ онъ говоритъ таково́е слово̀:
«Чья у васъ дѣви́ца присва́таная,
«Чья у васъ дѣви́ца незна́емая?»
Ставала Забава на рѣзвы́ ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
— Здравствуй уда́лый добрый молодецъ,
— Младъ Солове́йко Гуди́міровичъ!
— Есть ты мо́лодецъ вѣдь неже́нёный,
— Я ли дѣви́ца на выда́ваньи. —
Зго́воритъ душка уда́лый добрый мо́лодецъ,

Младъ Соловéй да сынъ Гудѝміровѝчъ:
«За всё тебя дѣвица, за всё люблю̀,
«За одно тебя дѣвица я никáкъ не люблю̀,
«Ты сама себе дѣвица просвáтала....
«Ступай-ко дѣвѝца ты во свóй нынь дòмъ,
«Бей-ко челомъ поклоняйси-тко
«Князю ль тому же ты Владиміру,
«Чтобы онъ завёлъ какъ нынь почестный пиръ».
Такъ пошла нынь дѣвѝца какъ во свóй тутъ домъ,
Била дѣвица и челóмъ онà
Кó тому ко князю Владиміру:
— Ты послушай-ко нынь мой ты дядюшка,
— Ты Владиміръ князь-ко стольне-кіевской!
— Во своей полаты грановитыи
— Для меня любимой племянницы
— Заведи-ко ты нынй какъ почестный пиръ,
— Чтобы было мнѣ чимъ нынь похвастати. —
А какъ завелъ вѣдь ей тутъ дядюшка,
Онъ завелъ нынь тутъ какъ почестный пиръ.
На томъ на пиру да было весело,
Пили ѣли проклаждалися.
Тогда приходитъ удáлый мóлодецъ,
Младъ Соловéйко сынъ Гудѝміровичъ,
Беретъ её дѣвицу за бѣлы́ руки,
Пошли оны съ дѣвицей во Божью́ церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми вѣнцами да повѣнчалиси.
Приходитъ Соловéй ко Владиміру,
Приноситъ благодарность великую,
Дѣлатъ почéтъ ему честныи,
Честныи почéтъ и благодарныи.
Пошолъ Соловéй да во свой тутъ домъ,
Сталъ Соловéй-то жить и быть,
Мéжу сóбой времечки корóтати.

Здунинай Дунай сынъ Ивановичъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Помо́рской стороны́,
Щелья каменья Подсѣ́верной страны́,
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки,
Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшой бородкой; живетъ земледѣліемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былинъ; онъ выучился имъ мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аѳанасья изъ Кулгалы у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былину про Соловья Будиміровича. Сорокинъ поетъ весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробовалъ когда-то распѣвать въ видѣ былинъ и сказки, которыя разсказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записалъ его былины,

частью поручилъ это писарю. При сличеніи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былинъ Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частицъ *(а й, какъ)*, которыя Сорокинъ ставитъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣніи былины «голосомъ» и опускаетъ при пословесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенные въ нихъ варіанты, цѣликомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

69.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й не волна ли какъ на мори расходиласи,
А й не сине море всколыбалоси,
А й взволновался да вѣдь Ка́линъ царь,
А й на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ онъ,
А й на солнышка князя Владиміра,
А й какъ онъ на святую Русь.
А й какъ бралъ ёнъ съ сорока земель
А й какъ сорокъ ёнъ королей да королевичевъ;
А й за кажнымъ королёмъ королевичемъ
А й какъ силы было какъ по сброку ужъ тысячей.
А й какъ бралъ ёнъ пятьсотъ князей да бояръ онъ невѣрныихъ,
А й за кажнымъ силы по сороку было тысячей.
А й какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ стольніи
А й подъ городъ по Кіевъ-онъ,
А й становился ёнъ ко матушки да Елисей-рѣки,

А й во ты во поля во Ели́сина.
А й какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
Призывалъ онъ посланника да любезнаго,
А й какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій!
«А й неси какъ мою чернилицу да вальячную,
«А й неси моё перо какъ лебединое,
«А й неси листъ бумагу гербовую».
А й какъ тутъ безбожный Калинъ царь
А й садился онъ да на ременчатъ стулъ,
А къ тому онъ столику ко дубовому;
А й какъ началъ онъ ёрлуковъ да написывать,
А й какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
А й писалъ ужъ какъ силушки много да тысячей,
А й какъ ёнъ ерлуки запечатывалъ,
Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
А й какъ говорилъ ёнъ ему таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезныій безызмѣнныій!
«А й бери ерлуки во бѣлы́ руки,
«А ступай-ко садись на добра́ коня,
«А й поѣзжай-ко ты во славный во Кіевъ во городъ-онъ,
«А й ко солнышку ко князю ѣдь прямо на ши́рокъ дворъ,
«А станови-тко добра́ коня осере́дь двора ши́рока,
«Осередь двора ши́рока княженецкаго,
«А самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдь княженецкіи,
«А какъ проходи въ полаты-ты княженецкіи,
«А й какъ русьскому Богу не кланяйся,
«А й какъ солнышку князю челомъ не бей,
«Не клони ёму буйны головушки,
«Кла́дывай ерлуки ему на дубовый столъ,
«А й да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й бери ерлуки во бѣлы́ рѣки,
««А й ерлуки роспечатывай,

««А й какъ ты роспечатывай да розвертывай,
««А й до кажнаго словечка да высматривай»».
«А й скажи ему да еще таковы слова,
«А й скажи: ««Солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й со Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
««Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиныи,
««А й стоять нашіимъ да добры́мъ конямъ.
««А й еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й умой-ко полаты вѣдь бѣлокаменны,
««А стоять нашей рать силы великіи.
««А еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й широкіи улушки да повы́паши»».
«А й потомъ повернись да поди съ полатъ вонъ съ бѣлокаменныхъ,
«А й потомъ садись на своего на добра́ коня,
«А й поѣзжай въ свою рать силу великую».
А й какъ тутъ посланникъ любезныіӣ безызмѣнныіӣ
А й какъ шолъ садился ёнъ на своего добра́ коня,
А й какъ ѣхалъ во славныіӣ да во стольныіӣ
А й во городъ во Кіев-отъ;
А й пріѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ Владиміру,
А й пріѣзжалъ къ нему онъ на ши́рокъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра́ коня
Осере́дь двора широка княженецкаго,
А й какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты княженецкіе,
А й какъ русьскому Богу не кланялся,
А й какъ солнышку князю челомъ не билъ,
Не клонилъ ему буйны головушки.
А й какъ самъ кла́дывалъ ерлуки на дубовый столъ
Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
А й какъ говорилъ: ужъ ты солнышко Владиміръ князь,
— А й Влади́міръ князь да стольнё-кіевской!

— А й ты бери ерлуки во бѣлы́ руки,
— А ерлуки роспечатывай,
— А ты еще ихъ да розвертывай,
— А й до кажнаго словечка да высматривай.
— А ты еще да послухай-ко
— А что теби я́ скажу:
— А й какъ ты по всёму какъ по городу по Кіеву
— А й широкіи улушки повыпаши,
— А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимай,
— Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиные,
— А й стояти нашимъ добры́мъ конямъ;
— А еще какъ по городу да по Кіеву
— А умой-ко полаты вѣдь ты бѣлокаменны,
— А й стоять нашей рать силы великіей. —
А потомъ повернулся ёнъ
А пошолъ онъ съ полатъ-то княженецкіихъ,
Выходилъ-то онъ на ши́рокъ дворъ,
А й какъ онъ садился на своего да на добра́ коня,
А й какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
А й какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
А ставалъ ёнъ какъ со мѣста да со бо́льшого,
А й взималъ свой золотой тотъ стулъ,
А й садился ко тому столу дубовому,
А й какъ бралъ е́рлуки да во бѣлы́ руки,
Ерлуки онъ тутъ роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ розвертывалъ,
А й до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
А й какъ тутъ увидѣлъ ёнъ какъ у матушки,
А у матушки да Елисей-рѣки,
А й во тыхъ во поляхъ во Ели́синахъ,
А стоитъ какъ безбожный Ка́линъ царь
Со своёй силой съ невѣрною,
А й какъ силушки на чисто́мъ поли

А й какъ мелкаго лѣсу да шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега;
А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
А й какъ будто сухого лѣсу жарóваго.
А й какъ тутъ устрашился солнышко Владиміръ князь,
А й повѣсилъ свою буйную ёнъ головушку
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ,
А й самъ говорилъ да еще таковы слова:
«Ай же ты жонá моя да любезная,
«А й княгина Апраксія!
«А й пришло видно времечко да великоё,
«А й пришло видно въ полонъ отдать
«Славный городъ намъ Кіев-отъ
«А й безбожному царю ужъ какъ Калину!
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего,
«А й какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
«Всѣмъ сенатóрамъ-то думныимъ,
«А какъ всѣмъ вельможамъ, купцамъ да всѣмъ богатыимъ,
«А й какъ всѣмъ поляницамъ удáлыимъ,
«А й русейскимъ сильнымъ могучимъ богáтырямъ,
«А й пришлось имъ да порозъѣхаться,
«А й повыѣхать какъ со города да со Кіева,
«А й какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего
«Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
«А какъ давалъ какъ ёй ерлуки скорописчаты,
А й какъ брала ёнá ерлуки во бѣлы́ руки,
А й какъ начала да читать она розсматривать,
А й сама говорила вѣдь таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я́ скажу.
— А й возьми-тко ты публикуй-ко вѣдь
— А указы ты строгіе,

— А й по городу по Кіеву,
— А й по городу по Чернигову,
— А й по прочіимъ городамъ по губерскіимъ, по уѣздныимъ,
— А й выпущай затюремщиковъ грѣшниковъ,
— А й прощай-ко во всѣхъ винахъ великіихъ,
— А й какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пиръ.
— А й какъ призывай-ко сильніихъ могучіихъ богáтырей,
— Призывай-ко стáраго казакá да Илью Муромца.
— А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
— А може пріѣде къ тебѣ да на почестенъ пиръ.
— А пусть-ко оны со честнóго пиру да порозъѣдутся да порозóйдутся,
— А мы тожно[1]) съ тобой на убѣгъ пойдемъ. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской
А й писалъ онъ письма скорыи,
Письма строгіи,
Призывалъ куліерковъ онъ вѣдь скорыихъ,
А й розсылалъ письма ёнъ по городу по Кіеву,
А й какъ ёнъ да по городу Чернигову,
А й по прочимъ городамъ по губерскіимъ по уѣздныимъ,
По своимъ городамъ да по русейскіимъ;
А й выпущалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
А й прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ великіихъ,
А й прóсилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ онъ князей бояръ топерь,
А й какъ всѣхъ сенатóровъ какъ думныихъ,
А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей теперь богатыихъ,
А й какъ поляницъ да всѣхъ удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ богáтырей,
А й просилъ онъ стараго казака Илью Муромца.
А й топерь послѣ этого

---

1) Т. е. тогда.

А й какъ много сбиралосе, какъ много съѣзжалосе,
А й князей бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей.
А й наѣхали ко солнышку князю Владиміру,
А й наѣхали на ши́рокъ дворъ,
А й какъ на́гнали да добры́хъ коней
Полонъ ши́рокъ дворъ да княженецкіи.
Набрались полны какъ полаты княженецкіи
А все князей да бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей;
А й садилиси какъ за ты столы за дубовые,
А за ты скамейки за окольніе,
А за тыи за ѣствы за саха́рніе,
За напитки за тыи за медвяные.
А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
Надъ собою незгоды не начаючи,
А й какъ всѣ на пиру пьяны веселы,
А й какъ столько не веселъ былъ одинъ солнышко Владиміръ князь.
А й какъ ходитъ по полатамъ княженецкіимъ,
А й повѣшена буйная головушка
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясны во кирпичной полъ.
А й какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
«Ай же вы князи боя́ра вѣдь,
«А й какъ сенато́ры да думные,
«А й вельможи, купци вы богатые,
«Поляници удалые,

«А й русейскіе сильни могучіи богáтыри!
«А й какъ вы у мня на честнóмъ пиру
«А вы у мня да пьяны веселы,
«А вы всѣ напивалисе,
«Похвальбамы вы всѣ пофалялисе.
«А й какъ столько вы не знаете,
«А й надъ намы есть незгода великая:
«А у матушки да Елисей-рѣки,
«А й во тыхъ во поляхъ во Елúсинахъ
«А й стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
«Со своёй какъ со ратью силой великою;
«А й стоитъ ужъ какъ силушки на чистóмъ поли
«А й какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
«А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
«А й какъ будто сухого лѣсу жарóваго.
«А намъ да приказано
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А й широкіи улушки повыпахать,
«А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимать,
«Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные,
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А умыть полаты бѣлокаменны,
«А стоять ихней рать силы великіи».
А й тутъ бралъ ерлуки скорописчаты,
Подавалъ старому казаку̀ да Ильи Муромцу.
Тотъ какъ бралъ ерлуки на бѣлы́ руки,
А ерлыки началъ розвертывать,
А началъ ерлуки да онъ розсматривать, —
Такъ и тотъ повѣсилъ буйну голову
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичный полъ.
А й какъ понесли эти ерлуки съ рукъ какъ нá руки,
А й какъ начали всѣ розсматривать,

Такъ и всѣ какъ повѣсили буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Потому что оны да устрашилисе.
А й какъ говорилъ ужъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же гости бажёные любезные,
«Ай русейскіе сильніи могучіи богáтыри!
«А что же заведемъ да топерь дѣлати?»
А й какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста со бóльшаго на рѣзвы́ ноги,
А ставалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ самъ говорилъ топерь да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я скажу.
— А й возьми-ко насыпь ты топеричко
— А й какъ перву телѣгу ордынскую,
— А й насыпь-ко краснаго золота,
— А й насыпь-ко дру́гу телѣгу чистаго сéребра,
— А й насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да крупнаго скатняго жемчугу,
— А й кати-тко въ подарочкахъ
— Ко безбожному царю да ко Калину,
— А проси-тко ты стрóку на три мѣсяца.
— А ежели бъ далъ онъ намъ строку на три мѣсяца,
— А й какъ я да въ три мѣсяца
— А какъ съѣзжу я къ чисту́ полю,
— А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
— А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ единаго,
— А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Калину,
— Въ рать его силу да великую.
— А й тогда да я попробую,
— А я да отвѣдаю,
— А врядъ больше пріѣде онъ
— А й ко славному ко городу ко Кіеву. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской

Приказалъ онъ какъ насыпать перву телѣгу да ордынскую
А й какъ красно́го золота,
А й какъ дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
А й какъ третьюю телѣгу мелкаго крупнаго скатняго да жемчугу;
А й покатили русейскіи посланники
А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра
Ко безбожному царю топерь да ко Калину,
А й просили строку топерь да на три мѣсяца.
Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:
«Ай же вы русейскіе вы посланники
«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!
«А хошь возьму я ваши подарочки до́роги,
«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,
«А чтобы да въ три мѣсяца,
«Чтобы было все исполнено
«По моему да приказаньицу:
«А всѣ улушки роспаханы,
«А со всѣхъ церквей чудны́ кресты снятые,
«Въ церквахъ сдѣланы стойлы лошадиные.
«А умыты полаты бѣлокаменны».
А воротились въ задъ какъ русейскіи посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И розсказали какъ да приказано.
А й какъ тутъ-то старой казакъ Илья Муромецъ
А й какъ всё ёнъ то же повыслухалъ,
А какъ скоро шолъ ёнъ, садился на добра́ коня,
А какъ скоро поѣхалъ ёнъ да въ чисто́ полё,
А какъ сбиратъ-то онъ своей дружины да хоробрыей;
А какъ вѣдь топеречку послѣ этого
А й промедлилось времечки три мѣсяца,
Не видать какъ ста́рого каза́ка Ильи Муромца да изъ чиста́ поля.
А й какъ солнышко князь опять да не веселъ сталъ,

А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ видно какъ пришло тое времечко да великое,
— А й какъ топерь пришло да отдать въ полонъ
— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;
— А какъ всѣмъ князьямъ да боярамъ вѣдь
— А й какъ быть да порозъѣхаться,
— А й какъ всѣмъ поляницамъ удалыимъ,
— А й русейскимъ сильніимъ могучимъ бога́тырямъ
— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣжать.
— А какъ видно на кого была надѣя великая,
— А й на стараго казака да Илью Муромца,
— А й у того топерь да уѣхано
— А въ да́лечо дале́чо да въ чисто́ полё,
— А й не будетъ ёнъ изъ чиста́ поля. —
А й какъ тутъ ёна̀ говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Забери оста́тнее столованье да почестенъ пиръ,
«А й забери-тко ты топерь всѣхъ князей бояръ,
«Всѣхъ сенато́ровъ да думныихъ,
«А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей богатыихъ,
«Всѣхъ поляницъ да ты удалыихъ,
«А русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей.
«А какъ пусть-ко вѣдь со честна̀ пира порозо́йдутся,
«Со честнаго пиру порозъѣдутся».
А й какъ забиралъ онъ оста́тнее столованье да почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ пріѣзжали князи бояра вѣдь,
Сенато́ры да думные,
А й вельможи, купци всѣ богатые,
Поляници удалые,
А русейски сильни могучи бога́тыри
А й ко солнышку князю Владиміру на почестенъ пиръ;
А й какъ вѣдь набралися полны полаты бѣлокаменны

Все удалыхъ добрыхъ мо́лодцовъ.
А й какъ вѣдь да садилисе
А й за ты столы за дубовыи княженецкіе,
А за ты за ѣствы саха́рніе,
А за ты за напитки за медвяныи.
А какъ болѣ сидятъ оны,
Никто не пьетъ да не кушаетъ,
А у всѣхъ повѣшены да буйны головы
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очушки ясныи,
Очушки ясныи во кирпичной полъ.
А тутъ еще какъ съ мѣста середняго
А еще ставалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А ставалъ какъ вѣдь молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзвы́ ноги,
А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А спусти-тко меня да ты въ чисто́ полё.
— А й какъ съѣзжу я да сыщу топерь
— А какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной со хороброю. —
А й какъ ёнъ говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молоде́цъ молодёшенокъ,
«А й какъ ты молоде́цъ да лѣтъ двѣнадцати,
«Не бывать тебѣ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знатъ куда у его топерь уѣхано,
«А какъ може уѣхано
«Край свѣтушка край бѣлаго».
А какъ наливалъ ему чару онъ да зелена́ вина,
Зелена вина чара мѣрой полтора ведра,

Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
А й подавалъ ему единóй рукой,
Принималъ какъ онъ да единóй рукой,
Выпивалъ онъ какъ да едины́мъ здухомъ.
Онъ опять онъ дается ѣхати въ чистó поле:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольне-кіевской!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всей съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ ёнъ да говори́лъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молодéцъ молодёшенокъ,
«Молодéцъ ты лѣтъ да двѣнадцати,
«А й не быватъ тебѣ да въ чистóмъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣсяца,
«А й какъ може въ три мѣсяца
«А уѣхано край свѣтушка край бѣлаго».
Наливалъ ему какъ вторую-ту чару зеленá вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единóй рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да едины́мъ здухомъ.
А й опять онъ дается ѣхать во чистó полё:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я стараго казака да Илью Муромца
— А со всёй я съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!

«А й какъ ты молоде́цъ да молодёшенокъ,
«Ты какъ молоде́цъ да лѣтъ двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чисто́мъ поли,
«Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
«Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знатъ куда у его уѣхано,
«А й какъ може уѣхано край свѣтушку край бѣлаго».
А й наливалъ ему третью да чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да едино́й рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да едино́й рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да едины́мъ здухомъ.
А й потомъ какъ онъ ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ тутъ скакалъ черезъ ты столы ёнъ дубовые,
Черезъ ты ѣствы́ саха́рніе,
А черезъ ты напитки да медвяные,
А й какъ столько едва да ро́зобралъ
А на стопочки приправу свою да богатырскую,
А й какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.
А й бѣжалъ потомъ онъ на широкъ дворъ,
А й садился ёнъ на своего на добра́ коня,
А й поѣхалъ онъ съ того ли двора да княженецкаго.
А тутъ какъ топеречко солнышко Владиміръ князь
А й не знатъ какъ куда уѣхалъ молодой Ермакъ:
А искать ли онъ да стараго казака Ильи Муромца,
Али онъ уѣхалъ въ поля да воЕли́сина?
А онъ прямо ѣхалъ въ ты поля во Ели́сина,
А й поѣхалъ ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
А й какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Елисинахъ
А стоитъ-то ужъ силушки какъ на чисто́мъ поли,
А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега,
А й какъ знаме́ньёвъ на чисто́мъ поли

Какъ сухого лѣсу жаро́ваго,
А й какъ тутъ ли самъ пороздумался:
А хошь много силы на чисто́мъ поли,
А й какъ столько могу я розбить на своёмъ да на добро́мъ конѣ,
А не захватить меня во рать во силы великіей
А поганыимъ воинамъ,
А й потому что у мня подо мной да конь крылатыий.
А й столько хоче спуститься на рать на силу великую,
А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чиста́ поля,
А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чисто́ полё,
А какъ ажно ѣде старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й со всёй онъ съ дружиной съ хороброю.
А й какъ тутъ ужъ какъ съѣхалось
А й какъ тридцать молодцовъ да со единыимъ,
А й какъ тридцать сильнихъ русейскихъ бога́тырей;
А й какъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
А й говоритъ своей дружины да хоробрыей:
— Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыихъ!
— А й поѣзжайте-тко о матушку Елисей-рѣку,
— А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей рѣку,
— А й какъ другіе поѣзжайте-тко на чисто́ полё,
— Становитесь-ко ра́тёй силой великою,
— А не упущайте-ко силушки да на чисто́ полё,
— Съ краю рубите до единаго. —
А й какъ тутъ право́й рукой да поѣхалъ старо́й казакъ,
А й старо́й-то казакъ да Илья Муромецъ;
А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ;
А й какъ начали рубить да силушку на чисто́мъ поли,
А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторонушокъ,
А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
А той порой до тымъ времечкомъ

А й какъ силу присѣкли до единаго.
А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розъѣхался
Ко безбожному царю ёнъ ко Калину,
Изымалъ царя Калина за желты́ кудри,
А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
«А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
«Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны́ кресты сняты вѣдь,
«А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
«А й съ угрозамы со великима!»
А й здыну́лъ его выше буйныя головушки,
А спустилъ какъ о матушку да о сыру́ землю,
А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
А й на ёмъ да кожа лопнула,
А й какъ тутъ царь Калину славы́ поютъ.
А й какъ тутъ удалыи добры мо́лодцы
А й садилисе на добры́хъ коней
А й отправились во славныи какъ во стольніи
А й во городъ во Кіёв-отъ
А й ко солнышку князю Владиміру,
А й пріѣхали, какъ сказали вѣдь,
Что убитъ безбожный Калинъ царь,
А со всёю со рать силой великою,
А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
А й на радости на великіей
А й какъ тутъ для уда́лыхъ для мо́лодцовъ
Забиралъ столованье почестенъ пиръ;
А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ проклаждаются,
А й какъ надъ собой незгоды болѣ не нача́ются.
А й какъ публиковалъ указъ онъ строгіи
А й по городу по Кіеву,

Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зеленó вино;
Кто не пье зеленá вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяныя;
А кто не пьетъ пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ меды́ стоялые, —
Чтобы всѣ да веселилисе.
А топерь да после этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай.

Записано на Сумозерѣ, 2 августа.

70.

САДКО.

А какъ вѣдь во славноёмъ въ Нове́-гради,
А й какъ былъ Садке́ да гусельщик-отъ,
А й какъ не было много несчотной золотой казны,
А й какъ только ёнъ ходилъ по честны́мъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купце́й, бояръ,
Веселилъ какъ онъ ихъ нá честны́хъ пирахъ.
А й какъ тутъ нáдъ Садкомъ топерь да случилосе,
Не зовутъ Садкá ужъ цѣлый день да на почестенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ пиръ.
А й какъ Садку́ топерь да соскучилось,
А й пошолъ Садке́ да ко Ильме́нь онъ ко озеру,
А й садился онъ на синь на горючъ камень,
А й какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
А игралъ съ утра какъ день топерь до вечера.
А й по вечеру́ какъ по поздному

А й волна ужъ въ озерѣ́ какъ сходиласе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутиласе.
А й устрашился Садке́ топеречку да сидѣти онъ,
Одолѣлъ какъ Садка страхъ топерь великiй,
А й пошолъ вонъ Садке́ да отъ озера,
А й пошолъ Садке́ какъ во Но́въ-городъ.
А опять какъ прошла топерь тёмна ночь,
А й опять какъ на дру́гой день
Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А другой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
А й какъ третiй-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.
А й какъ опять Садку топерь да соскучилось,
А пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да онъ ко озеру,
А й садился онъ опять на синь да на горючъ камень
У Ильме́нь да онъ у озера.
А й какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,
А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
А й какъ по вечеру опять какъ по позднему
А й волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А й какъ вода съ пескомъ топерь смутиласе,
А й устрашился опять Садкѐ да новгородскiи,
Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ топерь великiи.
А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильме́нь да отъ озера,
А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Но́въ-городъ.
А й какъ тутъ опять надъ нимъ да случилосе,
Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ опять другой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й какъ третiй день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й опять Садку топерь да соскучилось.
А й пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да ко озеру,
А й какъ онъ садился на синь горючъ камень да объ озеро,
А й какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
А й какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,

А волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А вода ли съ пескомъ да смутиласе;
А тутъ осмѣлился какъ Садкé да новгородскіи
А сидѣть играть какъ онъ объ озеро.
А й какъ тутъ вышелъ Царь Водянóй топерь со озера,
А й какъ самъ говоритъ Царь Водянóй да таковы слова:
«Благодаримъ-ка Садкé да новгородскіи!
«А спотѣшилъ насъ топерь да ты во озери,
«А у мня было да какъ во озери,
«А й какъ у мня столованье да почестенъ пиръ,
«А й какъ всѣхъ розвеселилъ у мня да на честнóмъ пиру
«А й любезныихъ да гостей моихъ.
«А й какъ я не знаю топерь Садка тебя да чѣмъ пожаловать:
«А ступай, Садкè, топеря да во свой во Новъ-городъ,
«А й какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,
«А й какъ будетъ у купца столованьё почестенъ пиръ,
«А й какъ много будетъ купцей на пиру много новгородскіихъ,
«А й какъ будутъ всѣ на пиру да напиватисе,
«Будутъ всѣ на пиру да наѣдатисе,
«А й какъ будутъ всѣ пофальбами теперь да пофалятисе,
«А й кто чимъ будетъ теперь да фастати,
«А й кто чимъ будетъ топерь да похвалятисе;
«А и́ной какъ будетъ фастати да несчётной золотой казной,
«А какъ и́ной будетъ фастать добры́мъ конемъ,
«Иной буде фастать силой удачей молодецкою,
«А и́ной буде фастать молóдый молодечествомъ,
«А какъ умной разумной да буде фастати
«Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
«А й безумный дуракъ да буде фастати
«А й своей онъ какъ молодой женой;
«А ты, Садке, да пофастай-ко:
««А я знаю, что во Ильмéнь до во озери

««А что есте рыба-то перья золотыи вѣдь»».
«А какъ будутъ купцы да богатыи
«А съ тобой да будутъ спо́ровать,
«А что нѣту рыбы такою вѣдь,
«А что топерь да золотыи вѣдь,
«А ты съ нима бей о залогъ топерь великіи,
«Залагай свою буйную да голову,
«А какъ съ нихъ выряжай топерь
«А какъ лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима да товарамы;
«А потомъ свяжите неводъ да ше́лковой,
«Пріѣзжайте вы ловить да во Ильме́нь во озеро,
«А закиньте три тонѝ во Ильме́нь да во озери,
«А я въ кажну тоню дамъ топерь по рыбины,
«Ужъ какъ перья золотыи вѣдь.
«А й получишь лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима вѣдь товарамы;
«А й потомъ будешь ты купецъ Садке́ какъ новгородскіи,
«А купецъ будешь богатыи».
А й пошолъ Садкѐ во свой да какъ во Новъ-городъ.
А й какъ вѣдь да па дру́гой день
А какъ по́звали Садка да на почестенъ пиръ
А й къ купцю да богатому.
А й какъ тутъ да много сбиралосе
А й къ купцю да на почестенъ пиръ
А купцей какъ богатыихъ новгородскіихъ;
А й какъ всѣ топерь на пиру напивалиси,
А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбами всѣ пофалялисе.
А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да фастаетъ,
А кто чѣмъ на пиру да похваляется;
А и́ной фастае какъ несчотной золотоіі казной,
А и́ной фастае да добры́мъ конёмъ,
А и́ной фастае силой удачей молодецкою;

А й какъ умной топерь ужъ какъ фастаетъ
А й старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
А й безумной дуракъ ужъ какъ фастаетъ,
А й какъ фастае да какъ своей молодой женой;
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ да онъ не фастаетъ,
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ онъ не похваляется.
А й какъ тутъ сидятъ купци богатыи новгородскіи,
А й какъ говорятъ Садку̀ таковы слова:
— А что же, Садкѐ, сидишь, ничимъ же ты не фастаешь,
— Что ничимъ, Садкѐ, да ты не похваляешься? —
А й говоритъ Садкѐ таковы слова:
«Ай же вы купци богатые новгородскіе!
«А й какъ чимъ мнѣ Садку топерь фастати,
«А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
«А нѣту у мня много несчотной золотой казны,
«А нѣту у мня какъ прекрасной молодой жены,
«А какъ мнѣ Садку только есть однымъ да мнѣ пофастати:
«Во Ильмень да какъ во озери
«А есте рыба какъ перья золотыи вѣдь».
А й какъ тутъ купци богатыи новгородскіи
А й начали съ нимъ да оны спо́ровать,
Во Ильмень да что во озери
А нѣту рыбы такою что,
Чтобы были перья золотыи вѣдь.
А й какъ говорилъ Садкѐ новгородскіи:
«Дакъ заложу я свою буйную головушку,
«Болѣ заложить да у̀ мня нечего».
А оны говоря: мы заложимъ въ ряду да во гостиноёмъ
Шесть купцей, шесть богатыихъ;
А залагали вѣдь какъ по лавочки,
Съ дорогима да съ товарамы.
А й тутъ посли этого
А связали неводъ шёлковой,
А й поѣхали ловить какъ въ Ильме́нь да какъ во озеро,

А й закидывали тоню во Ильме́нь да вѣдь во озери,
А рыбу ужъ какъ добыли перья золотыи вѣдь;
А й закинули дру́гу тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли другую рыбину перья золотыи вѣдь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли ужъ какъ рыбинку перья золотыи вѣдь.
А топерь какъ купци да новгородскіи богатыи
А й какъ видятъ — дѣлать да нечего,
А й какъ вышло пра́вильнё, какъ говорилъ Садке́ да новгородскіи,
А й какъ отперлись ёны да отъ лавочокъ,
А въ ряду да во гостиноёмъ,
А й съ дорогима вѣдь съ товарамы.
А й какъ тутъ получилъ Садкѐ да новгородскіи
А й въ ряду во гостиноёмъ,
А шесть ужъ какъ лавочокъ съ дорогима онъ товарамы,
А й записался Садке́ въ купци да въ новгородскіи,
А й какъ сталъ топерь Садке́ купецъ богатыи.
А какъ сталъ торговать Садке́ да топеречку
Въ своёмъ да онъ во городи,
А й какъ сталъ ѣздить Садке́ тортовать да по всѣмъ мѣстамъ,
А й по прочимъ городамъ да онъ по дальніимъ,
А й какъ сталъ получать барыши да онъ великіе.
А й какъ тутъ да послѣ этого
А женился какъ Садке́ купецъ новгородскіи богатыи.
А еще какъ Садке́ послѣ этого
А й какъ выстроилъ онъ палаты бѣлокаменны,
А й какъ сдѣлалъ Садкѐ да въ своихъ онъ полатушкахъ,
А й какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
А й какъ на́ неби пеке́тъ да красное ужъ солнышко,
Въ теремахъ у его пеке́тъ да красно солнышко;
А й какъ на́ неби свѣтитъ младъ да свѣтёлъ мѣсицъ,
У ёгѐ въ теремахъ да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;

А й какъ на́ неби пекутъ да звѣзды частыи,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частыи;
А й какъ всѣмъ изукрасилъ Садке́ свои полаты бѣлокаменны.
А й топерь какъ вѣдь послѣ этого
А й сбиралъ Садке́ столованьё да почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ своихъ купцей богатыихъ новгородскiихъ,
А й какъ всѣхъ-то господъ онъ своихъ новгородскiихъ,
А й какъ онъ еще настоятелей своихъ да новгородскiихъ;
А й какъ были настоятели новгородскiе
А й Лука Зиновьевъ вѣдь да Ѳома да Назарьевъ вѣдь;
А еще какъ сбиралъ-то онъ всихъ мужиковъ новгородскiихъ,
А й какъ повелъ Садке́ столованьё почестенъ пиръ богатыи.
А топерь какъ всѣ у Садка на честно́мъ пиру,
А й какъ всѣ у Садка да напивалисе,
А й какъ всѣ у Садка топерь да наѣдалисе,
А й похвальбами-то всѣ да пофалялисе.
А й кто чимъ на пиру ужъ какъ фастаетъ,
А й кто чѣмъ на пиру похваляется;
А й́ной какъ фастае несчотной золотой казной,
А й́ной фастае какъ добры́мъ конёмъ,
А и́ной фаста силой могучою богатырскою,
А и́ной фастае славнымъ отечествомъ,
А и́ной фастатъ молодымъ да молодечествомъ;
А какъ умной разумной какъ фастаетъ
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
А й безумный дуракъ ужъ какъ фостаетъ
А й своей да молодой женой.
А й какъ вѣдь Садке́ по полатушкамъ онъ похаживатъ,
А й Садке́ ли-то самъ да выговариватъ:
«Ай же вы купци новгородскiе вы богатые,
«Ай же всѣ господа новгородскiе,
«Ай же всѣ настоятели новгородскiе,

«Мужики какъ вы да новгородскіе!
«А у меня какъ вси вы на честно́мъ пиру
«А вси вы у мня какъ пьяны веселы,
«А какъ вси на пиру напивалисе,
«А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
«А й похвальбами всѣ вы похвалялисе.
«А й кто чимъ у васъ топерь хвастае:
«А и́ной хвастае какъ былицею,
«А и́ной фастае у васъ да небылицею.
«А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку̀ топерь пофастати?
«А й у мня у Садка̀ новгородскаго
«А золота казна у мня топерь не то́щится,
«А цвѣтное платьице у мня топерь не дёржится,
«А й дружинушка хоробрая не измѣняется;
«А сколько мнѣ Садку буде́ пофастати
«А й своёй мнѣ несчётной золотой казной:
«А й на свою я несчётну золоту казну
«А й повыкуплю я какъ всѣ товары новгородскіе,
«А какъ всѣ худы́ товары я добрые,
«А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во городи».
А й какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,
А й Ѳома да Назарьевъ вѣдь,
А Лука да Зиновьевъ вѣдь,
А й какъ тутъ ставали да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ говорили самы̀ вѣдь да таковы слова:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскіи!
— А о чомъ ли о многомъ бьешь съ намы о великъ закладъ,
— Ежели выкупишь товары новгородскіе,
— А й худы товары всѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во городи? —
А й говорилъ Садке имъ намѣсто таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородскіе!
«А сколько угодно у мня фатитъ заложить безсчётной золотой казны».

А й говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— Ай же ты Садке да новгородскіи!
— А хошь ударь съ намы ты о тридцати о тысячахъ. —
А ударилъ Садке́ о тридцати да вѣдь о тысячахъ.
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розъѣзжалисе,
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розбиралисе
А й какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ на другой день вставалъ по утру да по раному,
А й какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружинушку хоробрую,
А й давалъ какъ онъ да дружинушки
А й какъ до́люби онъ безсчётныи золоты́ казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговыимъ,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиной рядъ,
А й какъ тутъ повыкупилъ онъ товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й ставалъ какъ на дру́гой день
Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ будилъ дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́люби безсчётныи золоты́ казны,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ много товаровъ принаве́зено,
А й какъ много товаровъ принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую;
Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й на третій день ставалъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А й будилъ какъ онъ да дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́люби дружинушки
А й какъ много несчётной золотой казны,
А й какъ роспущалъ онъ дружинушку по улицамъ торговымъ,

А й какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ на славу великую новгородскую
А й подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе,
А й какъ тутъ принаполнился какъ гостиной рядъ
А й дорогима товарамы вѣдь московскима.
А й какъ тутъ Садке топерь да пораздумался:
«А й какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе, —
«А й на тую на славу великую новгородскую
«А й подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе,
«А й какъ вѣдь топерь ужъ какъ мнѣ Садку
«А й не выкупить какъ товаровъ вѣдь
«Со всёго да со бѣла́ свѣту.
«А й какъ лучше пусть не я да богатѣе,
«А Садкѐ купецъ да новгородскіій,
«А й какъ пусть побога́тѣе меня славный Новъгородъ,
«Что не могъ не я да повыкупить
«А й товаровъ новгородскіихъ,
«Чтобы не было продажи да во городи;
«А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,
«Залогъ свой великіій!»
А отдавалъ ужъ какъ денежокъ тридцать тысячей,
Отпирался о̀тъ залогу да великаго.
А потомъ какъ построилъ тридцать ка́раблей,
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныихъ,
А й какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе
А й на черныи на корабли,
А й поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскіій
А й какъ на своихъ на черныхъ на ка́рабляхъ.
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А й со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,
А й какъ со Невы́ рѣки какъ выѣхалъ на синё морё.
А й какъ ѣхалъ онъ по синю́ морю,
А й какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.

А й какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдь новгородскіе,
А й получалъ онъ барыши топерь великіе,
А й какъ насы́палъ онъ бочки вѣдь сороко́вки-ты
А й какъ краснаго золота;
А й насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго се́ребра,
А еще насыпа́лъ онъ много бочекъ мелкаго онъ крупнаго скатняго жемчугу.
А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотой Орды,
А й какъ выѣхалъ топеречку опять да на синё морё,
А й какъ на синемъ морѣ устоялисе да черны ка́рабли,
А й какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
А й какъ ломатъ черны ка́рабли,
А все съ мѣста не йдутъ черны ка́рабли.
А й воспрого́ворилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й ко своей онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
«А мы Морскому Царю дани да не плачивали.
«А топерь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ синё морё»
А й тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ бочку сороковку краснаго золота».
А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
А мётáли бочку въ синё морё.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны ка́рабли да на синёмъ мори,
Всё не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синёмъ мори.
А й опять воспрого́ворилъ Садке купецъ богатый новгородскіій
А й своей какъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
«А видно мало этой дани Царю Морскому въ синё морё.

«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синё морё
«А й какъ другую вѣдь бочку́ чистаго се́ребра».
А й какъ тутъ дружинушка хоробрая
А кидали какъ дру́гую бочку въ синё морё
А какъ чистаго да се́ребра.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны ка́рабли да на синёмъ мори,
А все не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синёмъ мори.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскiiй
А й какъ своей онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А видно этой мало какъ дани въ синё морё.
«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
«А кидайте-тко бочку въ синё морё».
А какъ тутъ дружина хоробрая
А й какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
А кидали бочку въ синё морё.
А й какъ все на синёмъ мори стоятъ да черны ка́рабли,
А й волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й какъ все ломатъ черны ка́рабли,
А й все съ мѣста не йдутъ да черны ка́рабли.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскiiй
А своей какъ дружинушки онъ хоробрыи:
«Ай же ты любезная какъ дружинушка да хоробрая!
«А видно Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синё морё.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте
«А й да же́ребья да себѣ во́лжаны,
«А й какъ всякъ свои и́мена вы пишите на же́ребьи,
«А спущайте жеребья на синё морё;

«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то на золото[1]).
«А й какъ спустимъ жеребья топерь мы на синё морё,
«А й какъ чей у насъ жеребей топерь да ко дну пойдетъ,
«А тому итти какъ у насъ да въ синё морё».
А у всёй какъ у дружины хоробрыи
А й жеребья топерь гоголёмъ пловутъ,
А й у Садка купца гостя богатаго да ключомъ на дно.
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й какъ эты жеребьи есть неправильни;
«А й вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да золото,
«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.
«А й какъ вы пишите всякъ свои имена да на жеребьи,
«А й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
«А й какъ чей у насъ жеребей да ко дну пойдетъ,
«А тому какъ у насъ итти да въ синё морё».
А й какъ вся тутъ дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья на синё морё,
А й у всёй какъ у дружинушки хоробрыи
А й какъ всѣ жеребья какъ топерь да гоголёмъ пловутъ,
А Садковъ какъ жеребей да топерь ключомъ на дно.
А й опять говорилъ Садке да таковы слова:
«А какъ эты жеребьи есть неправильни.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,
«А й какъ сдѣлаю я жеребей липовой,
«А какъ будемъ писать мы имена всѣ на жеребьи,
«А спущать ужъ какъ будемъ жеребья мы на синё морё,
«А топерь какъ въ остатнiихъ[2])
«Какъ чей топерь жеребей ко дну пойдетъ,
«А й тому какъ итти у насъ да въ синё морё».
А й какъ тутъ вся дружина хоробрая

---

1) Т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотою надписью.
2) Т. е. въ послѣднiй разъ.

А й какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовые,
А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.
А й какъ всякъ свои и́мена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья́ на синё морё.
А у всёй дружинушки вѣдь хоробрыей
А й жеребья́ топерь гоголе́мъ плывутъ да на синёмъ мори,
А й у Садка купца богатаго новгородскаго ключомъ на дно.
А какъ тутъ говорилъ Садкѐ таковы слова:
«А й какъ видно Садку да дѣлать топерь нечего,
«А й самого Садка требуетъ Царь Морской да въ синё морё.
«Ай же ты дружинушка моя да хоробрая любезная!
«А й возьмите-тко вы несите-тко
«А й мою какъ чернильницу вы вальячную,
«А й неси-тко какъ перо лебединоё,
«А й несите-тко вы бумаги топерь вы мнѣ гербовыи».
А й какъ тутъ какъ дружинушка вѣдь хоробрая
А несли ему какъ чернильницу да вальячную,
А й несли какъ перо лебединоё,
А й несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.
А й какъ тутъ Садкѐ купецъ богатый новгородскiй
А садился ёнъ на ременчатъ стулъ
А къ тому онъ къ столику ко дубовому,
А й какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьи́мъ церквамъ,
А й какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братiи,
А какъ и́но имѣньицо онъ отписывалъ да молодой жены,
А й доста́льнёё имѣнье отписывалъ дружины онъ хоробрыей.
А й какъ самъ потомъ заплакалъ ёнъ,
Говорилъ ёнъ какъ дружинушкѣ хоробрыей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
«А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
«А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка на́ доску,
«А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во синёмъ мори».

А й какъ тутъ онъ еще взималъ съ собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакалъ горько, прощался ёнъ съ дружинушкой хороброю,
А й прощался ёнъ топеречку со всимъ да со бѣлы́мъ свѣтомъ,
А й какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдь
А со своимъ онъ со Новы́мъ со го́родомъ;
А потомъ свалился на́ доску онъ на дубовую,
А й понесло какъ Садка на́ доски да по синю́ морю.
А й какъ тутъ побѣжали черны-ты ка́рабли,
А й какъ будто полетѣли черны вороны;
А й какъ тутъ остался топерь Садкѐ да на сине́мъ мори.
А й какъ вѣдь со страху великаго
А заснулъ Садке на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдь проснулся Садке купецъ богатыи новгородскіій
А й въ Окіянъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозь воду пекетъ красно солнушко,
А какъ вѣдь очудилась *(такъ)* возлѣ полата бѣлокаменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣлокаменну,
А й сидитъ топерь какъ во полатушкахъ
А й какъ Царь-то Морской топерь на стули вѣдь,
А й говорилъ Царь-то Морской таковы слова:
— А й какъ здравствуйте купецъ богатыи,
— Садке да новгородскіій!
— А й какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты,
— А й какъ Морскому Царю дани не плачивалъ въ синё морё,
— А й топерь ужъ самъ весь пришолъ ко мнѣ да во подарочкахъ.
— Ахъ скажутъ, ты мастёръ играть во гусли во яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты. —
А какъ тутъ Садкѐ видитъ, въ синемъ морѣ дѣлать нечего,
Принуженъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А й какъ началъ играть Садкѐ какъ во гусли во яровчаты,

А какъ началъ плясать Царь Морской топерь въ синёмъ мори,
А отъ него сколебалосе все синё морё
А сходиласе волна да на синёмъ мори,
А й какъ сталъ онъ розбивать много черныхъ ка́раблей да на синёмъ мори,
А й какъ много стало вѣдь тонуть пароду да въ синё морё,
А й какъ много стало гинуть имѣньица да въ синё морё.
А какъ топерь на синёмъ мори многи люди добрыи,
А й какъ многи вѣдь да люди православные,
Отъ желаньица какъ мо́лятся Миколы да Можайскому,
А й чтобы повынесъ Микулай ихъ угодникъ изъ синя́ моря.
А какъ тутъ Садка̀ новгородскаго какъ чёспу́ло въ плечо да во правое,
А й какъ обвернулся назадъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А стоитъ какъ топерь старичокъ да назади ужъ какъ бѣлыи сѣдатыи,
А й какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
«А й какъ полно те играть, Садкѐ, во гусли во яровчаты въ синёмъ мори!»
А й говоритъ Садке какъ намѣсто таковы слова:
— А й топерь у мня не своя воля да въ синёмъ мори,
— Заставлятъ какъ играть ме́ня Царь Морской. —
А й говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы слова:
«А й какъ ты, Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
«А й какъ ты струночки повырви-ко,
«Какъ шпинёчики повы́ломай,
«А й какъ ты скажи топерь Царю Морскому вѣдь:
«А й у мня струнъ не случилосе,
«Шпинёчиковъ у мня не пригодилосе,
«А й какъ болѣ играть у мня не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А й не угодно ли тебѣ Садкѐ женитися въ сине́мъ мори

«А й на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А й какъ ты скажи ему топерь да въ сине́мъ мори,
«А й скажи: Царь Морской, какъ воля твоя топерь въ сине́мъ мори,
«А й какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко.
«А й какъ онъ скажетъ тебѣ да топеречку:
«А й за́утра ты приготовляйся-тко,
«А й Садке купецъ богатый новгородскіій,
«А й выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвицу себѣ по́ уму по разуму,
«Такъ ты смотри, перво триста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти,
«А ты другое триста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти,
«А какъ третье триста́ дѣвицъ ты стадо про́пусти,
«А въ томъ стади на концы на остатніемъ
«А й идетъ какъ дѣвица красавица,
«А по фамиліи какъ Чернава-то:
«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;
«А й тогда ты Садке да счастливъ будешь.
«А й какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,
«А смотри, не твори блуда́ никакого-то
«Съ той дѣвицей со Чернавою.
«Какъ проснешься тутъ ты въ сине́мъ мори,
«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,
«А о ту о риченку о Чернаву-ту.
«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ сине́мъ мори,
«Такъ ты останешься на вѣки да въ сине́мъ мори.
«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,
«Да во своёмъ да ты да во городи,
«А й тогда построй ты церковь соборную
«Да Николы да Можайскому,
«А й какъ есть я Микола Можайскіій».
А какъ тутъ потерялся топерь старичокъ да сѣдатыій.
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій въ синёмъ мори

А й какъ струночки онъ повы́рывалъ,
Шпинёчики у гусёлышекъ повыломалъ,
А не сталъ вѣдь онъ болѣ играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся какъ Царь Морской,
Не сталъ плясать онъ топерь въ синёмъ мори.
А й какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садке купецъ богатый новгородскiiй,
— А й во гусли вѣдь да во яровчаты? —
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й топерь струночки какъ я повы́рывалъ,
«Шпинёчики я повыломалъ,
«А у меня болѣ съ собой ничего да не случилосе».
А й какъ говорилъ Царь Морской:
— Не угодно ли тебѣ женитися, Садке, въ синёмъ мори,
— А й какъ вѣдь на душечкѣ на красной да на дѣвушкѣ? —
А й какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:
«А й топерь какъ волюшка твоя надо мной въ синёмъ мори».
А й какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскiiй!
— А й за́утра выбирай себѣ дѣви́цу да красавицу
— По уму себѣ да по разуму. —
А й какъ дошло дѣло до утра вѣдь до раннаго,
А й какъ сталъ Садке купецъ богатый новгородскiiй,
А й какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвици красавици,
А й посмотритъ, стоитъ ужъ какъ Царь Морской.
А й какъ триста́ дѣвицъ повели мимо ихъ-то вѣдь,
А онъ-то перво триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А друго онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ,
А й третье онъ триста́ дѣвицъ да стадо про́пустилъ.
А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,
А й по фамилiи что какъ зовутъ Чернавою.
А онъ ту Чернаву любовалъ, бралъ за себя во замужество.
А й какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы слова:

— А й какъ ты умѣлъ да женитися, Садке, въ синёмъ мори.—
А топерь какъ пошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ въ синёмъ мори,
А й какъ тутъ прошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ,
А какъ тутъ ложился спать Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А въ синёмъ мори онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во тёплоей;
А й не творилъ съ нёй блуда́ никакова, да заснулъ въ сонъ во крѣпкіи.
А й какъ онъ проснулся Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
Ажно очудился Садкѐ во своёмъ да во городи,
О рѣку о Чернаву на круто́мъ кряжу.
А й какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжатъ по Волхову
А свои да черныи да ка́рабли,
А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрая
А поминаютъ вѣдь Садка въ синёмъ мори,
А й Садка купца богатаго да жена его
А поминатъ Садка со всей дружиною хороброю.
А какъ тутъ увидла дружинушка,
Что стоитъ Садкѐ на крутомъ кряжу да о Волхово,
А й какъ тутъ дружинушка вся она росчудоваласе,
А й какъ тому чуду вѣдь сдивоваласе,
Что оставили мы Садка да на синёмъ мори,
А Садкѐ впереди насъ да во своемъ во городи.
А й какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѐ дружинушку хоробрую,
Вси черные тутъ ка́рабли,
А какъ топерь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка купца богатаго.
А какъ онъ топеречку здоровкался со своею съ молодой женой.
А й топерь какъ онѣ послѣ этого

А й повыгрузилъ онъ со ка́раблей
А какъ всё своё да онъ имѣньицо,
А й повыкатилъ какъ ёнъ всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь какъ на свою онъ несчетну золоту казну
А й какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й какъ дру́гую церковь сдѣлалъ Пресвятыи Богородицы.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
А й о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синё морё,
А й какъ сталъ проживать во своёмъ да онъ во городи.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 1 августа.

71.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А й какъ у Чемба́ла короля у Литовскаго
А й какъ былъ столованье почестенъ пиръ,
А для своихъ какъ для па́новьёвъ для ула́новьёвъ,
А для бурзо̀въ поганыихъ татаровьевъ.
А й какъ вси на пиру напивалисе,
А й какъ вси на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбамы всѣ пофалялисе.
А й какъ вѣдь король по полатушкамъ какъ похаживатъ,
А й король какъ увидѣлъ за тыма́ столамы дубовыма,
А й увидѣлъ ёнъ, сидятъ два любезныихъ племянника,
А й не пьютъ да не кушаютъ,
Бѣлой лебеди да не рушаютъ,

А сидятъ, повѣшены буйныя головушки
А й пониже своихъ плечъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясныи въ кирпичной полъ,
Призадумались уда́лы добры мо́лодцы.
А говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ дядюшка,
А й Чембалъ король да Литовскіій:
«Ай же вы два витничка два совѣтничка,
«А й два любезныихъ королевскіихъ да племянника!
«А й сидите за столамы дубовыма,
«А й какъ не пьете́ вы не ку́шаёте,
«Бѣлой лебеди вы не ру́шаёте,
«А й повѣсили буйны головы ниже плечъ своихъ могучіихъ,
«А й притупили какъ очушки ясныи во кирпичной полъ.
«А развѣ вамъ какъ напиточки мои не по нраву-то,
«А ѣствы мои не по обычаю,
«Али мужикъ деревенщина
«А обнесъ васъ словамы да нехорошима,
«Али вы каку ни незгодушку свѣдали
«А й надъ своёй да надъ буйной головушкой,
«Али вы какъ да въ чисто́мъ поли
«Аль заслышали рать-силу каку нибудь великую?»
А й оны говорятъ ему таковы слова:
— Ай же ты родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да ты Литовскіій!
— Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина
— Не обнесъ насъ словамы нехорошима,
— Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,
— А никакой рать-силы великіи да не наслышали
— А й какъ мы да въ чисто́мъ поли;
— А й какъ ѣствы намъ всѣ по нраву-то,
— А й напиточки да по обычаю,
— А й какъ только не можемъ боль терпѣть славы да великіи
— А й про князя Романа Митріёвича:
— А й про его слава́ иде́ да великая

— А й по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,
— А й по всимъ чужимъ дальнiимъ сторонушкамъ.
— А й родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да Литовскiи!
— А й давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,
— А й поѣдемъ мы на святую Русь,
— А ко князю Роману Митрiе́вичу,
— А подъ матушку славну каменну́ Москву. —
А й говорилъ имъ ужъ какъ дядюшка:
«Ай же вы два любезныи племянника!
«А у мня была пора-сила великая,
«Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
«А ко князю Роману Митрiёвичу,
«А й потому что я да слыхалъ топерь,
«А й какъ князь Романъ Ми́трьевичъ,
«А во матушки славной каменно́й Москвы,
«А какъ ёнъ да хитёръ мудёръ,
«А какъ знатъ язы́ки какъ ужъ птичьiи,
«Знатъ ёнъ язы́ки какъ врани́ныи,
«А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
«А й по полямъ скакать да онъ сѣры́мъ волкомъ,
«А по темныимъ лѣсамъ летать да чернымъ во́рономъ,
«А по крутымъ горамъ скакать черны́мъ да горносталюшкомъ,
«А й какъ по синiимъ морямъ плавать сѣрой утушкой:
«Такъ вѣдь я терпѣлъ славу ужъ какъ вѣкъ по́ вѣку,
«А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
«А й какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
«А какъ силушки важивали,
«А взадъ ужъ какъ силушки ввѣкъ не вываживали.
«А й какъ я дамъ вамъ силы вѣдь сорокъ тысячей,
«А какъ силу-войско все вѣдь латничковъ я кольчужниковъ,
«А силу-войско на добры́хъ коняхъ,
«А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую,

«А й какъ та земля есть пребогатѣюща,
«А й какъ въ той земли много есть краснаго золота,
«А й какъ въ той земли много есть да чиста сéребра,
«А й какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
«А силы-рати въ ней мало можется:
«А й какъ можете тую землю въ полонъ-то взять».
А й любезныи племянники да согласилисе.
А й какъ давалъ вѣдь имъ дядюшка
А Чембалъ король Литовскіій
А й какъ силушки сорокъ тысячей,
А й какъ силушку войско вѣдь на добры́хъ коняхъ,
А й все латничковъ все кольчужничковъ,
А й отпущалъ ихъ во землю вѣдь да во Лимоньскую.
А й какъ отправились оны да поѣхали
А со всей со ратью со силой великою;
А й какъ съѣхали во землю вѣдь во Лимоньскую,
А тую землю всю въ полонъ взяли,
А й самого короля предали смерти да злою вѣдь.
А й какъ съ той земли со Лимоньскіей
А какъ пóгнали добры́хъ коней
А стады́-ты стадамы вѣдь,
А й повели какъ добрыхъ мóлодцевъ
А ряды́-ты рядамы вѣдь;
А й какъ вели молóдыихъ молóдушокъ,
А какъ красныихъ дѣвушокъ,
А и повели оны толпицами.
А й какъ краснаго золота,
А й какъ чистаго да сéребра,
А й какъ мелкаго скатняго да жéмчугу
А покатили многи телѣги да ордынскіи.
А какъ выѣхали на славное чистó полё,
А й какъ на чистóмъ полѣ пораздумались:
А однакоже вышла намъ путь счастливая!
А й два братца вѣдь два родимыихъ,

А й два любезныхъ королевскiихъ племянника,
А й говоря какъ самы проме́жъ собой:
— А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
— А й поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
— А й подъ матушку славную каменну́ Москву,
— А ко князю Роману Митрiёвичу. —
А й какъ взяли оны да отправились,
А й прiѣхали какъ подъ матушку славну каменну́ Москву.
А подъ той какъ подъ матушкой славной каменно́й Москвой
А розбили четыре села да, что ни лучшiихъ,
А какъ перво село Лягово,
А какъ дру́го село Коротяево,
А какъ третьее село Карачаево,
А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
А у князя Романа Митрiёвича
А й убили зятя любезнаго,
А й увезли Настасью вѣдь да Митрiевичну
А й со любезной какъ со пле́мничкой съ трехъ да ми́сячной.
А й увезли оны какъ ко рубежу ко московскому,
А й какъ тутъ роздёрнули шатры оны да шолковы,
А й какъ начали стоять добры молодцы,
А дожидаютъ какъ осени богатыей хлѣбородныей:
А й будетъ бора́нъ тучёнъ, да овёсъ ядрёнъ,
А й когда повыростутъ пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
А й тогда оны грозятся какъ заѣхати
А й во матушку славну каменну́ Москву,
А ко князю Роману вѣдь да Митрiёвичу.
А й говорятъ какъ самы проме́жъ собой:
— А й московскiй князь Ро́манъ Митрьевичъ
— А й не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлы́ очи! —
А й во матушки славной каменно́й Москвы
А у князя Романа Митрiёвича
А какъ былъ забранъ столованье почестенъ пиръ,
А й какъ для ради своего силы-войска великаго,

А й какъ для ради своихъ сильнихъ могучихъ богáтырей;
А какъ пьетъ-то онъ, кушатъ, проклаждается,
А й незгодушки великіи да не начается.
А какъ летитъ вóронъ черныи мимо подóконьё,
А й садился какъ супротúвъ князя Романа Митріёвича
А й какъ воронъ во садъ да во зеленыій,
А й какъ ёнъ на яблонь на кудрявую;
А й грае воронъ вѣдь да по вранином у:
«Ай же ты московскій князь Рóманъ Митрьевичъ!
«Пьешь ты, кушашь вѣдь да проклаждаешься,
«А й надъ собой незгодушки да не начаешься!
«А й отъ Чембала короля отъ Литовскаго
«А й наѣхало два любезныихъ два племянника
«А й подъ матушку славную каменнý Москву,
«А й розбили твои четыре села да что ни лучшіихъ:
«А перво село ужъ какъ Лягово,
«А дрýго какъ село да Коротяево,
«А й какъ третьеё село да Карачаево,
«А четвертоё село да Косы-улицы,
«А й убили твоего зятя любезнаго,
«А увезли твою сестрицу родимую,
«А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Матріéвичну,
«А со своимъ да со младенчикомъ,
«А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
«А й ко рубежу ко московскому.
«А стоятъ оны какъ у рубежа да у мóсковскаго,
«А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
«А во вашіи во травки во шолковы,
«А во вашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи.
«А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;
«А й когда вѣдь будетъ борáнъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
«А й повыростутъ пшеници бѣлоярыи,
«А тогда еще грозятся заѣхати
«А й во матушку славну каменнý Москву;

«А еще говорятъ ёны самы промежъ собой:
«А что московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
«А не смѣлъ намъ показаться на свѣтлы́ очи».
А какъ тутъ московскіій князь Ро́манъ Митрьевичъ
А й ставалъ какъ онъ да на рѣзвы́ ноги,
А й говорилъ онъ таковы слова:
— А й же сила вы, сила какъ любезная, войско сорокъ тысячей,
— А всѣ князи бояра вѣдь,
— А сенато́ры мои да думныи!
— А пьете́, кушаете, проклаждаетесь,
— А й надъ собой незгодушки какъ не начаетесь.
— А получилъ я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку нерадостну,
— А какъ вѣсть-то я нехорошую:
— А вѣдь отъ Чембала короля отъ Литовскаго
— А й наѣхало два любезныихъ два племянника,
— А й подъ нашу матушку славную каменну Москву,
— А й розбили наши четыре села да что ни лучшіихъ:
— А перво село ужъ какъ Лягово,
— А дру́го какъ село да Коротяево,
— А й какъ третьеё село да Карачаево,
— А четвертоё село да Косы-улицы,
— А й убили моего зятя любезнаго,
— А увезли мою сестрицу родимую,
— А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Митріевичну,
— А со своимъ да со младенчикомъ,
— А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
— А й ко рубежу ко московскому.
— А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
— А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
— А во нашіи во травки во шолковы,
— А во нашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
— А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;

— А й когда вѣдь будетъ боранъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
— А й повыростутъ пшеници бѣлоярыи,
— А тогда еще грозятся заѣхати
— А й во матушку славну каменну́ Москву.
— Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
— А какъ сила войско латнички все кольчужнички,
— А сила войско все на добры́хъ коняхъ!
— А вы сѣдлайте-тко да уздайте добры́хъ коней
— А й крѣпко-на-крѣпко туго-на́-туго,
— А поѣдемъ мы за има́ вслѣдъ топерь съ угоною,
— А й чтобы королевская какъ ще́нядь да бѣлогубая,
— А чтобы ёна могла да намы фастати,
— А й какъ фастати нашей матушкой славной каменно́й Москвой!
— А топерь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ угоною. —
А сила войско все сорокъ тысячей
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,
А й туго-на-туго крѣпко-на-крѣпко,
А какъ всѣ садилисе на добры́хъ коней,
А й поѣхали вслѣдъ съ угоною;
А й какъ всѣ оны да отправились,
А отправился московскій съ нима́ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ.
А пріѣзжали какъ оны ко рѣки да ко Березины,
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А припущалъ да свою силушку
А какъ пить да ко рѣки ко Березины,
А начала сила пить во рѣки во Березины,
А й какъ сила пи́ла во рѣки во Березины,
А какъ смотритъ на силушку
А й московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ:
А какъ и́на сила пьетъ да нападкою,
А и́на сила пьетъ шоломамы да черпушкамы.
А й московскіій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й говорилъ ёнъ да таковы слова

А силы любезною:
— Ай же сила моя вы любезная,
— А сила войско сорокъ тысячей!
— А й котора сила пи́ла нападкою,
— А поѣзжайте-тко а й взадъ да во матушку славную каменну́ Москву,
— А й той силушки на бою да мертво́й-то быть. —
А й котора сила пила шоломамы черпушкамы,
А й какъ тую силу за собой-то бралъ,
А й какъ выѣхалъ онъ на да́лечо на дале́чо на чисто́ полё,
Становилъ свою силу на чисто́мъ поли,
А й какъ самъ своей силы ёнъ наказывалъ:
— Ай же сила любезная моя, войско сорокъ тысячей!
— А й вы какъ кормите-тко вы добры́хъ коней,
— А не травкамы вы не шо́лковма *(такъ)*,
— А й кормите-тко пшеницамы да бѣлоярыма,
— А самы слухайте:
— А й заграю я перво́й наконъ да по враниному,
— А й какъ да сѣдлайте-тко уздайте-тко добры́хъ коней;
— А заграю я какъ второй наконъ по враниному,
— А какъ вы приго́товля́йтесь-ко;
— А й заграю третéй наконъ какъ я по враниному,
— А какъ ѣдьте-ко скоры́мъ скорò, скоро-нá-скоро,
— А й заставайте-ко меня во живностяхъ. —
А й какъ самъ обвернулся онъ чернымъ ворономъ,
Полетѣлъ какъ онъ да по чисту́ полю,
А прилеталъ какъ онъ ко рубежу ко московскому;
А й какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да пороздёрнуты,
А тамъ у ихъ добры́ кони пороспущены,
Пороспущены да по чисту́ полю;
А й у ихъ вѣдь сабелки какъ порозмётаны,
А какъ оружія порозмётаны;
А какъ копьица вострыи порозмётаны,
А й туги луки порозмётаны,

А й какъ сила крѣпко спитъ да не пробудится.
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й какъ о́бвернулся ёнъ да сѣры́мъ волкомъ,
А й какъ началъ ёнъ гонять ихныихъ добры́хъ коней,
А й какъ началъ гонять да по чисту́ полю,
А у и́ныхъ горлышка ёнъ повырвалъ вѣдь,
А и́ныхъ загналъ во рѣку да во Березину.
А й потомъ какъ обвернулся онъ тонкимъ бѣлыимъ да горносталюшкомъ,
А й заскакивалъ къ нимъ онъ въ шатрики,
А й какъ тамъ топерь онъ у тугихъ луковъ
А й тетивочки какъ онъ да повыѣлъ вѣдь,
А у копьицовъ ко́нечки да всѣ повыломалъ,
У оружіевъ кремешки да всѣ повывертѣлъ,
А у сабелокъ всѣ остре́ица повыщипалъ.
А й какъ племничка трехъ да мѣсячна
А провѣщилась язы́комъ она да по хорошему:
«Ай же ты родитель моя да матушка,
«А й Настасья Митріёвична!
«А твой братецъ любезныій,
«А какъ мой родитель да какъ дядюшка,
«А московскій князь Романъ Митрьевичъ
«А поскакива онъ по шатрику
«Тонкимъ бѣлыимъ да горносталюшкомъ,
«А выручае насъ со полону ёнъ великаго».
А й какъ тутъ услышали два любезныихъ королевскіихъ
А два любезныхъ два племянника,
А какъ говорятъ самы вѣдь таковы слова:
— А ставай-ка наша сила войско великоё,
— А скоры́мъ скоро да скоро-на-скоро,
— А и́майте горносталюшка да во шатрикахъ! —
А начали имать горносталюшка да во шатрикахъ,
А й начали да закидывать
А й какъ шубкамы его да соболиныма,

А й какъ онъ по шубоынькѣ, по рукавчику,
А й выскакивалъ да онъ на у́лушку.
А й какъ тамъ обвернулся онъ да чернымъ ворономъ,
А й какъ бы летѣлъ онъ на сы́рой дубъ,
А й какъ заграялъ онъ да во всю голову,
А й заграялъ онъ да по вранииому.
А й какъ сила его топерь да услышала,
А сѣдлаютъ уздаютъ добры́хъ коней.
А й говорятъ два любезныихъ племянника,
А й два любезныихъ королевскiихъ,
А й Чембала короля да Литовскаго,
А й говорятъ оны таковы слова:
— А й не грай, не грай, московскiй князь Ро́манъ Митрьевичъ,
— А й какъ ты на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да чернымъ ворономъ!
— А й мы натянемъ какъ свои да туги́ луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,
— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— Предаемъ ти смерть ужъ какъ въ чисто́мъ поли. —
А й какъ онъ заграялъ вѣдь второй наконъ по вранииому,
А й какъ сила его топерь услышала,
А й какъ начали вѣдь садиться да на добры́хъ коней,
А й какъ начали приготовлятися.
А й какъ говорятъ-то вѣдь два любезныихъ королевскiихъ племянника:
— А не грай, не грай, какъ московскiiй
— А князь Ро́манъ Митрьевичъ чернымъ ворономъ,
— А какъ по вранииому на сыромъ дубу!
— А какъ мы натянемъ свои да туги луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,

— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— А предаимъ ти смерть какъ мы скорую. —
А й заграялъ онъ третéй наконъ да по вранипому,
А й какъ сила ёгó топерь да услышала,
А й какъ вѣдь поѣхали скоры́мъ скорò, скоро-нá-скоро.
Пріѣзжали какъ къ Литвы да поганыей,
А й какъ начали рубить оны Литву да поганую.
А й какъ тутъ какъ сила да невѣрная,
А й какъ сила вѣдь да литовская,
А хваталасе сила вѣдь да за туги́ луки,
А у тугихъ луковъ тетивочки всѣ повы́ѣдены;
А й какъ сила хваталасе за копьица,
А у копьицовъ кóнечки всѣ повы́ломаны;
А сила хваталась за оружіё,
А й у оружіёвъ крéмешки всѣ повы́верчены;
А сила хваталасе за вострыи за сабелки,
А й у сабелокъ всѣ острéица какъ повы́щипаны.
А й тою порою тымъ какъ времечкомъ
А пресѣкли всю силушку литовскую,
А й какъ изымали двухъ королевскіихъ племянниковъ.
А й бóльшому брату копали вѣдь со лба да очи ясныи,
А й мéньшому отрубили ноги рѣзвыи,
А й садили безногаго на безглазаго,
А й отпущали во землю вѣдь да во литовскую,
А къ Чембалу къ королю ко Литовскому.
А й сказалъ московскій князь Романъ Митрьевичъ таковы слова:
«Ай же вы любезныихъ два королевскіихъ племянника!
«Сойдетé въ свою землю во литовскую,
«А къ своему ужъ къ дядюшкѣ
«Къ Чембалу королю ко Литовскому,
«А скажите-тко ему таковы слова:
«А что московскій князь Рóманъ Ми́трьевичъ
«А какъ старостью ёнъ не стáрѣетъ,

«А й голова его не сѣдатѣетъ,
«А сердце его да не ржавѣетъ,
«А сла́ва ему вѣкъ по вѣку́ да не минуется».
А й какъ тутъ отправились два любезныихъ королевскіихъ племянника
А въ свою землю во литовскую.
А какъ князь Ро́манъ Митрьевичъ
Со своей онъ со силою
А отправился во матушку славну камену́ Москву.
А й какъ тутъ два любезныихъ королевскіихъ два племянника
А й приходили какъ къ родителю ко дядюшки,
А къ Чембалу королю да ко Литовскому.
А увидѣлъ ихъ какъ дядюшка Чембалъ король Литовскіій
А какъ двухъ своихъ любезныихъ племянниковъ,
А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ,
А й какъ самъ говорилъ какъ имъ таковы слова:
— Ай же вы два любезныихъ моихъ да два племянничка!
— А какъ я говорилъ, что не йдите-тко на славную на святую Русь
— А й подъ матушку славну камену́ Москву,
— А й ко князю Роману вы да Митріёвичу,
— А й какъ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ на святой Руси хитёръ-мудёръ,
— А что не вынести вамъ съ Русеюшки головушокъ.
— А какъ сколько ни на святую Русь какъ ѣзживано,
— А й какъ на святую Русь силы важивано,
— А й со святой Русеи силы взадъ не вываживали,
— А не бе́зъ чего[1]) отъ князя Ро́мана Митріёвича! —
А й говорили вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
«А й родитель ты нашъ дядюшка,

1) Т. е. подавно.

«А Чембалъ король Литовскіій!
«А й казни насъ казенью своеручною,
«А й копай-ко насъ во матушку сыру́ землю,
«А не можемъ мы болѣ терпѣть безчестья да великаго,
«А что мы со святой Руси
«А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ!»
А какъ дядюшка Чембалъ король да Литовскіій,
А хоша жалко было, только вѣдь казнилъ своихъ племянниковъ
А своей казенью да своеручною,
А копалъ какъ ихъ во матушку сыру землю,
Хоронилъ ихъ со славою великою.
А й какъ двумъ королевскіимъ да племянникамъ
А топерь да имъ славы́ поютъ.
А Дунай Дунай да болѣ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволокѣ
на Водлозерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

А й на тоёмъ вѣдь на полѣ на турецкоёмъ
А й какъ вѣдь сбиралосе какъ съѣзжалосе
А й какъ много сильніихъ могучіихъ какъ бога́тырей,
А й какъ тридцать бога́тырей со единыимъ;
А й единыи былъ бога́тырь-отъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.
А спустилисе оны какъ съ добры́хъ коней,
А й какъ вѣдь садилисе на лужокъ на зеленыій,
А й садилисе да бесѣдовать.
А й какъ стали тутъ они топерь розсужать промежъ собой,
А й какъ кто гдѣ бывалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А й кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой орды,

А кто гдѣ-ка билъ поганыихъ татаровьёвъ,
А й кто билъ поганыихъ идо́лищовъ.
А й какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ
А й какъ рѣчь онъ отъ сильнiихъ бога́тырей,
А й какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
«Ай же вы какъ сильнiи могучiи вы бога́тыри!
«А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
«Вѣдь убили много буйныихъ головушокъ понапрасно вѣдь,
«А пролили крови да горючiей.
«А й согласны ли вы что да я вамъ скажу:
«А й не лучше ли забросить топерь войско намъ великое,
«А й какъ ѣздить намъ да по чисту́ полю,
«А й какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросо́лиму.
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
«А во Ердань рѣки окупатисе,
«Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
«А столько[1]), вы сильнiи вы бога́тыри,
«А въ томъ класть надо намъ заповѣдь себѣ великая,
«А й чтобы не красть намъ да бы не во́ровать,
«А й на женскую прелесть не упадывать,
«И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ да богатырскiихъ.
«А й кто станетъ красть либо во́ровать,
«А й на женскую прелесть да упадывать,
«А либо кровавить да руку вѣдь богатырскую,
«А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвыи,
«По локо́тъ отсѣчь да руки бѣлые,
«А со лба какъ копать да очи ясные,
«А тянуть ёму какъ языкъ теперь со темени,
«А й копать по грудямъ какъ во матушку сыру землю».
А й какъ оны всѣ тому дѣлу не устрашилисе,

---

1) Т. е. только.

Оны всѣ согласилисе.
А какъ оны да спустили добры́хъ коней
А во травки во шолковы
А й на ты поля да на чистыя,
А й самы надѣвали какъ платья калицкія,
Какъ тутъ оны кла́дывали да подсумки,
А й подсумки да каличьіи,
На свои плеча вѣдь да богатырскія,
А й какъ брали оны по клюки по дорожныей,
А й какъ тутъ оны да отправились,
А й какъ вѣдь пошли какъ уда́лы добры молодцы
А й ко граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ встрѣтили какъ въ чисто́мъ поли
А й какъ солнышка князя да Владиміра,
А й какъ самы вѣдь топерь говорятъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Сотвори-тко намъ ужъ какъ ми́лостыню рукоданную благословлённую,
— Сорока намъ каликамъ со единою. —
А й какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со единымъ!
«А й у мня хлѣба да соли вѣдь съ собой да не случилосе,
«А у мня золотой казны не пригодилосе.
«А й ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
«А й какъ къ мо́ей княгины Апраксіи,
«А она накормитъ напоитъ-то васъ,
«А й да вы да ночуйте-тко
«У мня въ полатахъ княженецкіихъ,
«А й скажите, что послалъ да солнышко Владиміръ князь
«Насъ изъ чиста́ поля».
А оны пошли какъ отправились во городъ во Кіев-отъ,
А й пришли какъ ко князю на ши́рокъ дворъ,
А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкія,

А й какъ вѣдь говорятъ самы-то таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ послалъ насъ изъ чиста́ поля
— А й какъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— А й какъ онъ велѣлъ накормить напоить тебѣ,
— А й мы бу́дёмъ да ночевать топерь. —
А й какъ она вѣдь скоры́мъ скорò, скоро-на́-скоро
Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
Наносить ѣстовъ саха́рніихъ,
Наносить какъ напитковъ да медвяныихъ.
А й какъ тутъ наѣлись да накушались
А й какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за дубовыихъ,
А й топерь спать оны ложилисе.
А й какъ тутъ все ихъ замичала княгина Апраксія,
А й что одинъ изъ артели былъ да прекрасныи,
Что называли его молодой Касьянъ да Офонасьевичъ;
А й какъ не могла она заснуть во спальни княженецкосй;
А й пришла она да смотрить топерь,
А что всѣ ли спя удалы добры молодцы,
А й какъ приходила къ нимъ добрымъ молодцамъ,
А й какъ всѣ спятъ сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
А й какъ вѣдь единая калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать топерь ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
«А на тую перину пуховую».
А й какъ ёнъ отвернулся, сказалъ-то ей:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й поди же прочь отъ меня съ добра.
— Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,

— Не хочу я сквернить спальни княженецкіей,
— Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
— А й когда я пошолъ Богу молитися. —
А й она овернулась, ушла топерь
А й во спальню вѣдь княженецкую,
А й не могла да заснуть топерь.
А опять топерь она пришла какъ къ каликушки,
А ёнъ все не спитъ, да Богу молится.
А она говоритъ опять ему да таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора топерь спать тобѣ ложитисе.
«А й пойдемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую
«А й на ту перину пуховую».
А й какъ онъ овернулся, сказалъ-то ёй:
— Ай же ты княгина да Апраксія!
— А й же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня да отъ молодца.
— А й пойду ли я съ тобой во спальню княженецкую,
— А й когда пошолъ Господу Богу я молитисе,
— А й когда кла́дена заповѣдь у насъ да великая
— А й не красть да намъ не во́ровать,
— А й на женскія прелести не упадывать,
— А й не кровавить да рукъ своихъ да богатырскіихъ,
— А й сходить намъ ко граду къ Еросо́лиму,
— А й какъ Господу Богу помолиться намъ,
— Ко Господню гробу приложитисе,
— Во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
— Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатисе;
— А й какъ ежели стане красть либо во́ровать,
— А й на женскую прелесть упадывать,
— А й какъ кровавить руки да бѣлые,
— А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвые,
— По локо́тъ отрубить да руки бѣлые,

— А й со лба какъ копать да очи ясные,
— А й тянуть намъ языкъ да вѣдь со темени. —
А она опять какъ поворотиласе,
А ушла опять во спальню она княженецкую.
А й она еще тому не устрашиласе,
А еще она спать да не ложиласе,
А еще пришла ко каликушки;
А все какъ калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь ёна говоритъ таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать, смотри, ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую».
А й какъ онъ отворотился вѣдь добрый молодецъ,
А й хватилъ свою дубину да дорожную,
А держалъ онъ замахъ да великіи,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А ежели ты какъ съ добра не пойде́шь топерь,
— А ударю какъ я дубиной дорожною,
— А тутъ у мня ты падешь да на кирпичной полъ. —
А она топерь какъ тутъ да устрашиласе.
А й какъ скоро взадъ поворотиласе,
А й тожно какъ опять сошла во спальню княженецкую.
А й потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Тутъ какъ спать да ёнъ ложился-то,
А й заснулъ какъ во сонъ да богатырскіій.
А она тамъ во спальнѣ что удумала
А й княгина Апраксія,
А й какъ взяла еще вышла со спальни княженецкіей,
А пришла она тихошенько,
А й гдѣ спятъ какъ удалы добры молодцы,
А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
А она какъ раньше замѣтила

А у мо́лода Касьяна Офонасьева,
А что у его былъ какъ по́дсумокъ
А й какъ лыту *(такъ)* бархату краснаго;
А й какъ взяла роспорола ужъ его какъ подсумокъ,
Кладыва́ла ту́ды чашу княженецкую,
А й зашила какъ бархатней подсумокъ,
А й потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
А потомъ прошло времечко да до утрія,
А й ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ начали оны обуватисе, умыватисе,
А й какъ начали Господу Богу да молитисе.
А й потомъ какъ княгина Апраксія
Приказала поставить столы она дубовые,
А й наносить ѣстовъ саха́рніихъ
А й напитокъ медвяныихъ;
А й какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати.
А й какъ садилисе сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати,
А й наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
А й наѣлись, напились да накушались.
Потомъ вышли зъ-за столовъ оны̀ дубовыихъ,
А й благодарили княгину Апраксію,
А й какъ Бога молили за солнышка князя Владиміра.
А й потомъ надѣвали какъ платья каличьіи,
А потомъ брали они свои подсумки бархатніи,
А й клада́ли на плеча̀ богатырскіи,
А й потомъ поклонилисе княгины Апарксіи,
А потомъ оны да отправились,
А опять какъ пошли оны ко граду Еросо́лиму.
А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чиста́ поля
А й какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ садился хлѣба кушать да трапе́зовать,

А й какъ вѣдь стали искать чаши княженецкіей,
А й какъ нѣту нигдѣ чаши вѣдь княженецкіей.
А й какъ начали искать по всѣмъ полатамъ княженецкіимъ,
А й какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й куда же дѣваласе
«А й какъ чаша вѣдь княженецкая?
«Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
А й говоритъ княгина вѣдь таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь!
«А й у тя были посланы изъ чистá поля
«А й какъ сорокъ каликъ да со единыимъ:
«Не оны ли унесли чашу вѣдь княженецкую?
«А оны вѣдь здѣсь ночевали-то,
«А й недавно отправились въ чисто полё.
«А й смотри, оны унесли твою чашу княженецкую».
А й какъ солнышко да Владиміръ князь,
А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ ёнъ скоры́мъ скорò, скоро-нá-скоро
А приказывалъ свóихъ сильнихъ богáтырей,
А й какъ самъ говорилъ онъ богáтырямъ таковы слова:
— Ай же вы любезныи богáтыри!
— А кто бы у васъ съѣздилъ въ чистó полё
— А й да вслѣдъ съ угоною за каликамы?
— А й какъ вѣдь и каликушки
— Унесли какъ чашу княженецкую. —
А и какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же солнышко да Владиміръ князь,
«А й Владиміръ князь да стольне-кіевской!
«А это не сорокъ каликъ да со каликою,
«А смотри сорокъ сильніихъ могучіихъ богáтырей.
«А только же намъ кого да послать будетъ?»
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
— А пошлёмте смѣлаго Олешенку Поповича. —
А посылали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,

А велѣли спросить Олёши по хорошему.
А Олешенька шолъ какъ садился на добра́ коня,
А Олеша не боялся да отправился.
А й какъ засталъ сорокъ каликъ да онъ въ чисто́мъ поли,
А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапе́зуютъ.
А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:
«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою!
«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,
«А й какъ со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ!
«А украли вы чашу вѣдь княженецкую,
«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княженецкую».
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А й ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
А взималъ свою дубину онъ дорожную,
А держалъ онъ замахъ топерь да великіи,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— А й какой ты пріѣхалъ изъ города изъ Кіева,
— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княженецкую,
— А й какъ ты у мня не долго скати́шься вѣдь съ добра́ коня!
— Развѣ мы украли чашу княженецкую?
— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши княженецкіей? —
А Олёшенька со страху великаго,
А Олёша видитъ, дѣлать то́перь нечего,
А й поворотилъ скоро Олеша да добра́ коня,
А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-отъ,
Скоро пріѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со каликою,
«А дѣйствительно со́рокъ воровъ соро́къ розбойниковъ.
«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княженецкую,
«А оны какъ всѣ на меня да сходилисе,
«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,

«А едва не убилъ меня да на добро́мъ кони,
«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста́ поля».
А й тутъ говорилъ опять старо́й казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго Олёшу на Поповича,
— А я знаю какъ Олёшенька спрашивалъ.
— А й какъ надо послать намъ туда больше некого,
— А й послати намъ молодаго Добрыню да Никитича,
— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —
А й послали какъ молодаго какъ Добрыню какъ Никитича,
А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто́ полё,
А й засталъ ихъ на томъ на одномъ да на мѣ́стечки;
А все сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А й какъ ёнъ говорилъ молодой Добрыня Микитиничъ:
«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со каликою,
«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»
А они говоря: — Поди пожалуй, уда́лой добрый молодецъ,
— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,
— А сидись-ко съ нами за кумпанью, хлѣба кушати. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:
«А й какъ вѣдь топерь у насъ какъ во городѣ да во Кіевѣ
«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,
«Потерялась золотая чаша княженецкая,
«Безъ которой чаши князь топерь хлѣба не кушаетъ.
«А какъ вы поищите-тко, добры молодцы,
«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли къ мо́лодцу въ подсумокъ».
А оны какъ всѣ-то другъ на друга розглядѣлисе,
А не знаютъ что да то́перь дѣлати.
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ:
— Ай же вы товарищи вы любезные,

— А й калики богомольнiи!
— А й роспорите свóи да подсумки
— А покажите ёму молодцу. —
А й какъ всѣ каликушки ставали на рѣзвы́ ноги,
А всѣ брали свои ужъ какъ подсумки,
А й показали молодому Добрыни да Микитичу.
А не въ какомъ какъ во подсумки
А й какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
А й розвёртывалъ ужъ какъ подсумокъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А свой подсумокъ бархатнёй,
А й какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
А й какъ тутъ оны всѣ взволновалисе,
А й топерь всѣ какъ счудовалисе:
— А кто насъ звалъ Господу Богу молитисе,
— А кто кладáлъ у насъ заповѣдь великую,
— А у того какъ очýдилась чаша княженецкая. —
А й какъ самы всѣ вѣдь говорятъ таковы слова:
— Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
— А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
— А й ты самъ вѣдь какъ кладáлъ заповѣдь великую. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:
«Ай же вы любезныи товарищи!
«А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкiей;
«А й ночéсь вѣдь три рáзъ приходила княгина да Апраксiя,
«А меня звáла во спальню княженецкую,
«А черезъ то кладена чаша княженецкая,
«А что я не шолъ во спальню княженецкую.
«А й какъ вѣдь ужъ вы дѣлайте дѣло повелѣное,
«А не рушайте вы заповѣди великiей:
«А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыя,
«А й рубите-тко руки бѣлыя,
«А й со лба-то копайте очи ясные,
«А й тяните-тко языкъ мнѣ-ка со темени,

«А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»
А оны какъ тутъ топерь какъ всѣ оны заплакали,
А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатисе,
А какъ всѣ отъ желанья съ нимъ простилисе.
А хоша жалко было, только приступилисе,
А й по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвыя,
По локо̀тъ отрубили руки бѣлыя,
А со лба какъ копали очи ясные,
А й тянули языкъ ему со темени,
А й копали по грудямъ во матушку сыру землю;
А й потомъ какъ со мёртвыимъ простилисе,
А й какъ тутъ оны какъ заплакали, отправились
А какъ граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ тутъ молодой Добрыня Микитиничъ
А й какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньицо,
А й какъ скоро-на́-скоро тоже ёнъ топерь отправился
А со чашею да княженецкою,
А й во городъ онъ во Кіев-отъ.
А й пріѣзжалъ онъ какъ во городъ во Кіев-отъ
А й ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ,
А й потомъ шолъ въ полаты княженецкіе,
Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь ты да стольне-кіевской!
— А й какое я чудушко видѣлъ да въ чисто́мъ поли,
— А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
— А сорокъ сильніихъ бога́тырей.
— А столько видно крѣпко кладена заповѣдь великая
— А итти Господу Богу да молитисе.
— А не украли чаши оны вѣдь княженецкіе,
— А какъ ни будетъ въ ошибку попала имъ чаша княженецкая. —
А й не сказалъ того, что звала княгина да Апраксія
А й во спальню вѣдь княженецкую,

А что онъ не шолъ во спальню княженецкую,
Черезъ то она зашила вѣдь чашу княженецкую;
А столько ёнъ да сказалъ топерь:
— А й у кого какъ нашлась чаша вѣдь княженецкая,
— А того казнили какъ оны топерь въ чистóмъ поли:
— По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
— По локòтъ отрубили руки бѣлыя,
— А со лба какъ копали очи ясные,
— А й тянули языкъ оны со темени,
— А й копали по грудямъ во матушку сыру землю. —
А й началъ солнышко князь туда справлятисе,
И начало много богáтырей справлятисе,
А смотрить того дѣла да великаго.
А й какъ той порой да тымъ времячкомъ
А впереди какъ ихъ добрыхъ мóлодцовъ
Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
Приходилъ какъ Микола да Можайскіій,
А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвыя,
А вложилъ да руки бѣлыя,
А й положилъ ёму да очи ясные,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлу́ю грудь,
А й поставилъ какъ ёгó да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
«А й ступай, молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
«А й на первыи на станціи[1])
«А й застанешь свою да дружью-братію,
«А й своихъ да ты товарищовъ.
«А меня вѣдь Господь послалъ
«А къ тебѣ да добру молодцу,
«А потому что ты напрасно сказнёнъ да добрый молодецъ:

---

1) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя настоящаго выраженія, пропѣлъ: «станціи».

«Не укралъ ты вѣдь чаши княженецкіей,
«А за то меня вѣдь Господь послалъ.
«А какъ сходишь ты ко граду да къ Еросóлиму,
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу приложитисе,
«А во Ерданъ какъ рѣки да окупаетесь,
«А й во своихъ грѣхахъ да попрощаетесь,
«А й какъ взадъ да вы воротитесь
«А къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
«А й поѣдете по своимъ мѣстамъ,
«А й тогда какъ съѣдешь во свою ужъ какъ землю ты,
«А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
«А ты Миколы да Можайскому;
«А я какъ есть Микола да Можайскіій».
А й тутъ потерялся старичокъ да теперь бѣлыій.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ топерь отправился,
А какъ засталъ своихъ топерь товарищовъ
А какъ по вечеру да по поздному,
А оны сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А оны какъ топерь ли тому чуду счудовáлисе,
Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева,
А й какъ ёнъ насъ да засталъ топерь;
А й какъ что надъ нимъ да топерь счýдилось,
А какъ видно такъ ему Господь благословилъ топерь,
А не кто и́ной не помогъ ему;
А какъ всѣ оны обрадовались ужъ какъ радостью великою.
А й потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
Гдѣ былъ сказнёнъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А й поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской;
А наѣхало съ нимъ много прочіихъ богáтырей.
А столько знать тая яма великая,
А гдѣ былъ сказнёнъ удáлой добрый молодецъ,
Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.

А такъ вѣдь тóму чуду чудуются,
А на то оны расположилисе:
А й куды ни унéсенъ у нихъ топерь
А й закопанъ во матушку сыру землю.
А и тутъ оны какъ поѣхали во городъ во Кіев-отъ.
А й какъ тутъ сорокъ сильніихъ богáтырей
Приходили во градъ да Еросóлим-отъ,
А й какъ Господу Богу помолилисе,
Ко Господню гробу приложилисе,
А й во Ерданъ какъ рѣки да окупалисе,
А й во своихъ какъ грѣхахъ да попрощалисе.
А й ужъ какъ взадъ оны да отправились
А й со града вѣдь да Еросóлима
А й къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
А пришли оны опять какъ во городъ во Кіев-отъ,
Приходили ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ
А й попросили какъ милóстины рукоданныей,
Рукоданныи благословлённыей:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А й сотвори-тко намъ да Христа ради,
— А й какъ милóстину намъ да Христа ради,
— Чтобы было сорока каликамъ пообѣдати. —
А й закричали всѣ вдругъ да громкимъ голосомъ,
Ажно задрожали полаты княженецкія.
А й говорилъ какъ имъ топерь солнышко Владиміръ князь:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
«Во полаты вѣдь княженецкія.
«А й накормлю я васъ сорокъ каликъ да со единымъ,
«А напою васъ сорокъ каликъ да со единымъ».
А оны говорятъ топерь да таковы слова:
— А не йдемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкія;
— Потому мы не йдемъ къ тебѣ,
— А что у тя княгина Апраксія

— А опять нашему мóлоду Касьяну Офонасьеву
— А положитъ во подсумокъ
— А чашу вѣдь княженецкую,
— А украде у тя у солнышка у князя у Владиміра.
— Оногда ночёвáли, такъ знаемъ мы,
— А ёна какъ звала его во спальню княженецкую,
— А ёнъ не шолъ какъ съ ней во спальню княженецкую,
— А за то ему ёна какъ твою чашу княженецкую
— А клала во подсумокъ во бархатнёй,
— А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
— А хоша сказнили, только онъ сходилъ съ намы ко граду Еросóлиму. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А й какъ милóстину далъ рукоданную да благословлённую Христа ради,
А что буде каликамъ пообѣдати.
А какъ сошли топерь да на чистó поле,
На чисто полё къ своимъ добры́мъ конямъ,
Потому что нé далечо были порато[1]) кони оставлены
А отъ города да отъ Кіёва;
А й приходили какъ къ добры́мъ конямъ,
А садились хлѣба кушать да трапезовать.
А поѣли какъ, попи́ли, покушали,
А й потомъ какъ начали брать своихъ добры́хъ коней,
А й какъ начали сѣдлать уздать добры́хъ коней,
А й какъ начали отправляться по своимъ да по сторонушкамъ,
А й начали другъ съ другомъ прощатисе.
А всѣ простились вѣдь да отъ желаньица,
А й топерь всѣ да порозъѣхались
А й по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
А какъ больше изъ нихъ какъ нé какой не сталъ ѣздить да въ чистó поле,

---

1) Т. е. очень.

Болѣ не стали кровавить рукъ да богатырскіихъ.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
Пріѣзжалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
А й тамъ какъ состроилъ церковь соборную
А й Миколы онъ да Можайскому.
А й какъ началъ ёнъ какъ тутъ Господу Богу да молитисе,
А й какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
А й топерь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай болѣ вѣкъ не знай.

Записано тамъ же, 4 августа.

Когда Сорокинъ пѣлъ былины, которыя записаны были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказались слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Стихъ 5. «Упавенькой», а не «упаленькой».
Ст. 104. На шумъ на гамъ на великіи
Какъ на тотъ ли городъ Смоленскіій.
Ст. 129. Сколько самъ-то билъ, втрое конёмъ топталъ.
Ст. 137. Во городъ Смолягиной.
Ст. 138. Мужики Смолягинцы (тоже ст. 175).
Ст. 159. Удаленькой какъ упавенькой.
Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.
Ст. 196. Суды суди ты всё пра́вильни.
Послѣ ст. 210. А й какъ есте двѣ дорожки путистыя.
Ст. 227. На крякно́вистыхъ.
Ст. 263. Волчья сыть пеляной мѣшокъ.
Ст. 265. Крику звѣринаго, той прогласицы богатырскіи.
Ст. 282. Покатился Соловеюшко со гнѣздышка.

Послѣ ст. 290. Самъ робота дорожку прямоѣзжену.
Ст. 298. Ко посе́льицу Соловьиному.
Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».
Ст. 345. «Скатняго», а не «скачнаго».
Ст. 361. Во Кіев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во Кіевъ-то).
Ст. 365. княженецкаго.
Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣсто «на земли» или «мертвы».
Послѣ ст. 449. Пошолъ на городъ на Кіев-отъ.

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку на широкую,
А на свой онъ да на ши́рокъ дворъ,
А со своима какъ съ русейскима какъ бога́тырьми,
А й увидѣлъ середи двора чудо чудное,
А й увидѣлъ дивушко дивное,
А й какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ добрый конь,
Ни къ чему конь да не привязыванъ.
А й у коня какъ у стремены,
А й у стремены у правой у булатніей,
А й какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,
А й стоитъ проклятой Со́ловей
А й привязанъ жолтыма кудеркамы онъ ко стремены.
А й какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣтовать
А й съ любезныма какъ съ русейскима бога́тырями:
«А й какъ кто пріѣхалъ къ намъ во городъ во Кіёв-отъ?
«А й какъ ежели пріѣхала какъ невѣжа поганая
«А й погано Идолищо,
«Тамъ русскому Богу ёнъ не кла́нялся бъ,
«Солнышку князю челомъ не билъ.
«А й какой нибудь свой русьскій есть богатырь-отъ».
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитиницъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!

— А какъ я всѣхъ русейскіихъ богáтырей знаю на святой Руси,
— А какъ столько я да не знаю вѣдь,
— А какъ есте говорятъ топерь
— А во городи какъ во Муромци
— А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
— А какъ е старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
— А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
— А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
— Какъ намъ вѣдь-то всимъ городомъ Кіёвымъ,
— А й какъ столько намъ кого послать позвать его,
— А й позвать его на почестенъ пиръ. —
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й кого же намъ да позвать будетъ?
«А й какъ ежели да послать-то намъ
«А й какъ смѣлаго Олёшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А й нынѣ послалъ позвать тебя.
Ст. 537, 538 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 580, 581 пропущены.
Ст. 645. Фасталъ, може, небылицею.
Ст. 649. подъ городомъ подъ Смоленскіимъ.
Ст. 656. отъ города отъ Смоленскаго.
Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ лѣсахъ во Брянскіихъ.
Ст. 666. Привéзенъ у мня.
Ст. 752. покарамбались.
Ст. 769. Не строитель вѣдь, а вѣковой разоритель онъ.
Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки нерушимые.

---

2. СТАВЕРЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорокинъ пѣлъ:

«А й во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
Какъ прослышалъ-то старъ Ставёръ сынъ Годиновичъ
А й про тотъ столованье онъ почестенъ пиръ,
А й какъ говорилъ своей Василисты Микулиной:
«Ай же ты моя молода жена,
«Ай молода жена любимá семья,
«Ай молода Василиста да Микулична!
«А я поѣду во славныи во стольнiи
«А й во городъ во Кiев-отъ
«А й ко солнышку князю Владимiру
«А й на тотъ столованьё почестенъ пиръ».
А й тутъ ёна говоритъ ему таковы слова:
— Ай ты мужъ ты мой любезныи,
— Ай ужъ старъ ты Ставёръ сынъ Годиновичъ!
— А й не велѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
— Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастныимъ.
— Какъ будете вы пьяны веселы,
— Какъ будете вы всѣ фастасти,
— А ты старъ охотникъ пофастати:
— Ты смотри не фастай мной молодой женой,
— А ничѣмъ смотри не фастай тамъ,
— Не фастай во городи во Кiеви.

Потомъ Сорокинъ описывалъ, какъ Ставеръ сѣдлаетъ коня, одѣвается, прiѣзжаетъ въ Кiевъ, ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ въ полаты, кланяется; тутъ всѣ садятся за столъ, и тогда слѣдуетъ продолженiе былины со стиха 10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички.
Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинушку хоробрую
Дружинушку что у Ставрá была.

После ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
Сама поѣхала во городъ Кіев-отъ.

Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ и въ другихъ мѣстахъ былины).

Ст. 147: «посла», вмѣсто «послать».

Ст. 182: остре́ице, вмѣсто острице (такъ и въ другихъ мѣстахъ).

Ст. 208. на вѣсы на вѣрные.

Ст. 221. Раньше солнышка князя Владиміра[1]).

Ст. 342. На свой на ши́рокъ дворъ.

---

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.

Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратняго.

Ст. 67. шоломчатую, вмѣсто холомчатую.

Ст. 135. богатырь-отъ, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, оканчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А й выходили съ шатра да со шолкова
А й на улушку на широкую,
А й какъ тутъ говорилъ какъ старо́й казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же братецъ мой да крестовыи
«Ай молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!
«А й куда же мы да коня кладемъ
«А й поганаго да Идолища?
«А топерь у насъ есть по коню по доброму,

---

1) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно, Сорокинъ, когда пѣлъ г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по раннему — *до* солнышка князя до Владимера»; потому нельзя понять, какое тутъ «замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ» найдено издателемъ II-го тома Рыбниковскаго сборника.

«А какъ гнать намъ его топерь некуда.
«А й гдѣ видно пала головка хозяйская,
«А тутъ пади да головушка добра коня!»
А й чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правою.
А й какъ конь-тотъ палъ да на сыру землю.

Ст. 307. Изъ той *Корéти* богатыя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.
Ст. 317: Либо халуина господская,
Либо волочага голь кабацкая.
Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленыихъ».
Ст. 430. «задушилися», вмѣсто «заткнулися».
Ст. 481. Аль будто мужики залисскіи.
Ст. 487. «пороздорили», вмѣсто «пороссорились».
Ст. 664. Со города со Галичи.
Ст. 822. «Не далъ бы», вмѣсто «далъ ли».
Ст. 823. «надсматривалъ», вмѣсто «засматривалъ».

---

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. ко Опскову.
Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.
Ст. 19. «черненые», вмѣсто «черные».
Ст. 46. Будиміровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).
Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.
Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто скачнаго).
Ст. 91. Кіев-отъ (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто Кіевъ, когда этимъ кончается стихъ).
Ст. 102. «присталь», а не «пристань».
Ст. 109. сундуки окованые.
Послѣ ст. 139: Любезной племянницы солнышка князя Владиміра.

Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.

Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вмѣсто «скидывали», «одѣвали».

Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольныи».

Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А й какъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:
«Ай же ты любезная племянница
«Молода Любава Путятична!
«А й желаешь ли итти ужъ какъ за́муж-отъ
«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,
«А й за млада Соловья сына какъ Буди́міровича?»
А й какъ вѣдь ёна говоритъ ему таковы слова:
— А й родитель мой дядюшка,
— Возрощёный мой какъ батюшко!
— А й какъ воля топерь твоя надъ красною надъ дѣвушкой,
— А хошь отдавай, хоша ты нѣтъ меня. —
А какъ ёнъ говоритъ: «я желаю вѣдь отдать тебя».
А й она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его во замужество».

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

А й какъ тутъ честнымъ пирко́мъ да за свадебку.
А й какъ тутъ младъ Соловей сынъ Буди́міровичъ
А й какъ началъ дарить-то ёнъ
А й князей бояръ да господъ-то всѣхъ
А й красныимъ золотомъ, а й какъ чистыимъ да се́ребромъ,
А й какъ мелкимъ скатніимъ жемчугомъ;
А й какъ далъ солнышку князю много несчётной золотой казны,
А для того онъ далъ топеречку,
А й чтобы ёнъ да его да для молодца

Для пріѣзду счастливаго
И для его да для свадебки,
По всему какъ по городу да по Кіеву
А й розотворилъ всѣ кабаки конторы пивоварни-ты,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зеленó вино,
А й какъ кто не пье да зеленá вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяные,
А й какъ кто не пье пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ да мёды сладкіе,
Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
А й какъ младъ Соловей сынъ Буди́міровичъ
А й зъ-за славнаго синя́ моря
А й свататься на молодой Любавы Путятичной.
Шолъ-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
А й топерь какъ послѣ троихъ суточекъ
А й какъ говорилъ да солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты младъ Соловей сынъ Буди́міровъ,
«А й любезныи нынь племянникъ мой!
«А й какъ здѣ ли будешь вѣнчаться съ нёй,
«А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А я буду такъ домой да отправлятися. —
А й какъ топерь да послѣ этого
А й какъ началъ ёнъ отправлятися,
А й какъ началъ ёнъ на черныи на кáрабли сбиратися,
А й какъ приказалъ дружинушки все сбирать на черныи на кáрабли.
А й какъ тутъ оставлялъ солнышку князю Владиміру
А й три терема да златоверхіихъ
Въ томъ саду да во Путятичномъ,
А й на той на горки да на Конныи.
А й потомъ послѣ этого
А й дарилъ какъ солнышко Владиміръ князь
А й свою любезную племянницу

А й какъ красныимъ золотомъ,
А й да чистыимъ да се́ребромъ,
Мелкіимъ скатніимъ жемчугомъ,
А вещамы всё разныма,
А какъ началъ отпущать ю за славное синё море;
А й пошли провожать какъ ю,
А й какъ вѣдь молоду Любаву да Путятичну
А й какъ многи князя бояра вѣдь,
Сенато́ры да думные
И вельможи, купци всѣ богатые,
А й какъ многи поляници да удалые,
Многи русейскіе сильни бога́тыри,
Провожалъ свой какъ дядюшка
А й какъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А й на черные на ка́рабли.
А й потомъ какъ отправился
А й какъ младъ Соловей сынъ Буди́міровъ,
Приказалъ отвалить да свои ка́рабли
А й во славное синѐ морё,
А й какъ онъ поѣхалъ за славное синѐ морё
Въ сво́ю землю вѣдь да Веденецкую,
Пріѣзжалъ какъ въ сво́ю землю Веденецкую,
Для своихъ мужиковъ веденецкіихъ
Для своихъ всѣхъ господъ да веденецкіихъ,
Для купцей богатыхъ веденецкіихъ,
А й завёлъ столованье да почестенъ пиръ,
Повѣнчался тутъ съ молодой Любавой да Путятичной.
А топерь у нихъ да послѣ этого
А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да Веденецкоей
Съ молодой Любавой да Путятичной,
А тому да всему славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай, да болѣ ввѣкъ не знай.